АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ РУССКОГО ЯЗЫКА

ЭТИМОЛОГИЯ

1965

МАТЕРИАЛЫ И ИССЛЕДОВАНИЯ
ПО ИНДОЕВРОПЕЙСКИМ
И ДРУГИМ ЯЗЫКАМ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
МОСКВА 1967

Настоящий том издания «Этимология» содержит новые разработки отдельных традиционных проблем, сохраняющих свою актуальность (славяно-иранские языковые отношения), этимологические исследования диалектной и литературной лексики русского языка, работы в области субстратной и ареальной лингвистики, а также изучения лексических заимствований.

Круг затронутых вопросов и обследуемых языков весьма обширен; книга дает богатый материал по лексике, словообразованию и формообразованию. Помимо ряда новых этимологий слов, здесь можно получить детальную информацию по общетеоретической проблематике лексикологии (проблема эвфемизма и др.).

Критико-библиографический отдел содержит оценку новинок этимологической литературы по состоянию на 1965 год.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Ж. Ж. Варбот, *Л. А. Гиндин* (отв. секретарь),
Г. А. Климов, *В. А. Меркулова*, *В. Н. Топоров*,
О. Н. Трубачев (отв. редактор)

7—1—1
409—66

СТАТЬИ

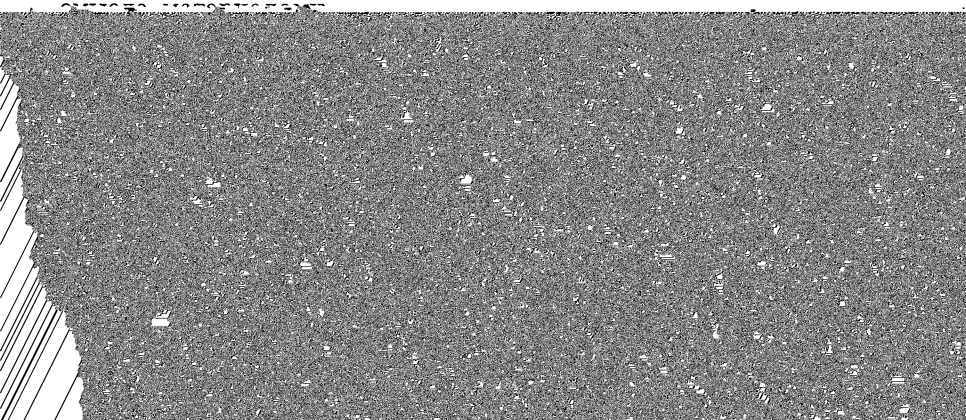
О. Н. Трубачев

ИЗ СЛАВЯНО-ИРАНСКИХ ЛЕКСИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ

Эта работа не ставит перед собой цели рассмотрения славяно-иранских лексических (и тем более — языковых) отношений во всей полноте, что дает нам известную свободу, необходимую для того, чтобы сосредоточиться на возможно подробном изложении

мундж. *pil-* 'выпускать газы', пушту *woɣai* (<**wāhɣt-*) 'лето', парачи *sahōk* 'заяц', ормури *hōnd* 'слепой', в центральных диалектах — *wač-* 'говорить' и многие другие»[13]. Отметим, что уже в этом кратком иллюстративном перечне некоторые слова — архаизмы это или инновации — имеют точные соответствия в славянском, балтийском, германском.

Возвращаясь к началу наших вводных рассуждений, мы можем на основании сказанного сформулировать традиционную постановку проблемы славяно-иранских лексических отношений как своего рода парное противостояние: монолитный славянский — монолитный иранский Северного Причерноморья. Как нам кажется, эта постановка славяно-иранской проблемы нуждается сейчас в пересмотре. В методологическом отношении должны быть разработаны новые аспекты славяно-иранских отношений и лексических связей, необходимы поиски с целью уточнения и конкретизации различных аспектов связей отдельных групп праславянских диалектов с иранскими диалектами. Рассмотрение славяно-иранских языковых отношений должно быть перенесено из традиционного общеславянского плана в план праславянской диалектологии и лингвистической географии. О том, что это не только благие пожелания, лишенные пока основы и возможности реализации, говорит, как мы постараемся показать в нескольких нижеследующих разделах работы, кроме ярко региональных новых примеров, также очевидное уже на первых порах разнообразие географического распространения так называемых «общеславянских» иранизмов, которые на деле часто оказываются элементами регионального, диалектного распространения. Актуальной задачей изучения славяно-иранских лексических (и вообще языковых) отношений является расширение привлекаемого материала — праславянской диалектной лексики, ономастики (в частности, антропонимии). Это последнее требование в неменьшей степени относится к иранскому материалу славяно-иранских лексических сближений, который желательно пополнять из всех доступных новых источников, проверяя и дополняя данные Авесты и в целом — древнеиранского по возможности восточноиранскими в собственном



стоятельных проблем, как лингвистические и лексические связи

как 'Widerstandsbrecher, ломающий сопротивление', тогда как

слово сближалось также уже с названным литовским, но этому сближению придавался совсем иной смысл. Что касается литовского слова, то оно явилось объектом довольно многочисленных этимологий, в которых оно рассматривалось как исконное образование по большей части[129]. Между тем все эти этимологии оставляют довольно явное впечатление искусственности и неправдоподобия, так как оперируют всякий раз незасвидетельствованным в балтийском корнем или значением в качестве основного аргумента. Ни польское, ни литовское слова не удается вероятно объяснить местными языковыми средствами. Мы считаем, что и польск. *poczwara*, и лит. *áitvaras* были заимствованы из ир. **pati-vāra-* или его местных разновидностей. Главное, что объединяет польское слово с литовским, — это общая исходная иранская форма. Далее следует ряд различий, свидетельствующих о независимости, разновременности и, возможно, разной диалектной иранской основе форм, давших то и другое слово. Польск. *poczwara* может объясняться не из формы древнеиранского типа **pati-vāra-*, выведенной нами выше, а из формы «древнеосетинского» типа, проделавшей изменение, ассибиляцию $ti > c(i)$[130], иными словами, польск. *poczwara* отражает восточноиранское диалектное (скифо-сарматское) **pacvara* / **facvara*. Праслав. диал. (прапольск.) **počvara* мы объясняем как заимствование из ир. **pacvara*, причем *-cv-* было передано в славянском как *-čv-*, очевидно, ввиду невозможности в праславянской фонетике твердого *-cv-* или вообще *-cv-* вне строго определенной позиции. Литовское слово известно в вариантах *áitvaras*, *áitivaras*, *áičvaras*, каждый из которых представляет для нас интерес. Прежде всего последний вариант в какой-то мере близок к праслав. диал. **počvara*, польск. *poczwara* и, видимо, отражает ассибилированное ир. $ti > c$, которое, кстати, вполне закономерно было воспринято литовскими диалектами как *č*, аналогии чему мы видим в многочисленных примерах передачи слав. *-c-* как *-č-* в литовском, ср. лит. *bažnýčia* 'церковь, костел' < вост.-слав. *божница* или польск. *bożnica* и др. Общий не вполне ясный момент, распространяющийся на все литовские варианты нашего слова, это — отсутствие *p-* в начале слова (видоизменение слова ввиду его «опасности» по мотивам табу?). Из прочих вариантов нам представляется самым авторитетным наиболее «полный» вариант *áitivaras*, который, с упомянутыми оговорками, можно считать заимствованием из достаточно древнего иранского прототипа **paiti-vara-*. Сведения, которые нам поставляет литовское слово, довольно поучительны и ценны для суждения об иранском слове. Это, во-первых, — хорошая

[129] См.: Fraenkel I, стр. 4.
[130] См. примеры: Абаев. ОЯФ I, стр. 214.

сохранность древнеиранской формы префикса, который был, по-видимому, ударным, судя по месту ударения литовского слова; во-вторых, это — отражение эпентезы в иранском первоисточнике: *pati-* > *paiti-*, прослеживаемое во всех литовских вариантах. О реальности реконструкции на описанных основаниях вост.-ир. диал. **páiti-vara-* говорит поведение сложений с *pati-* в дошедших до нас восточноиранских языковых памятниках. Так, в хотансакском ир. *pati* эволюционирует очень различно в зависимости от ударения. Будучи проклитикой, оно подвергается стяжению в *pa*, *pi*, а под ударением иногда сохраняется полностью, ср. *patitsā-*[131]. Разнообразные видоизменения испытало ир. *pati* в осетинском, где чаще всего оно давало *fæ-* < *fæi-*, а также *fī-* и *fet-* (с последующей ассимиляцией *t* соседнему согласному) < **pait-* < **pati-*[132]. Последняя деталь заслуживает упоминания, тем более что наблюдения над историей форм осетинского хорошо согласуются с реконструкцией иранского прототипа лит. *áitivaras* и одновременно убедительно свидетельствуют о неправильности мнения об отсутствии эпентезы в языке древних иранцев Северного Причерноморья. Так, Фасмер на основании изучения остатков языка этого населения в греческой эпиграфике считал, что в скифском нет эпентезы *-i-*, проведенной, например, в Авесте[133]. Харматта со свойственным ему стремлением к несколько категоричным формулировкам утверждает следующее: «Среди древнеиранских языков можно указать на существование эпентезы *-i-* и *-u-* только в Авесте, и даже там она, вероятно, вызвана только небрежностью персидских и парфянских переписчиков»[134]. В различных иранских языках достоверно известны примеры эпентетического перемещения названных звуков, поэтому процитированная формулировка опирается по меньшей мере на неполный материал, и вопрос нуждается в пересмотре, в частности применительно к восточноиранским и у́же — скифо-сарматским диалектам.

Возвращаясь к восстановленному таким путем ир. **pati-vāra-*, обратим внимание на возможности его семантической реконструкции. Резервы этой последней заключаются в засвидетельствованных значениях польск. *poczwara* 'чудовище, злой дух, привидение, кошмар' и особенно лит. *áitivaras* — 'кошмар, летучий дух, змей, привидение, домовой'. Это позволяет нам восстановить ир. *pati-vāra- со значением 'дракон, летучий злой дух' как лексический

---

[131] S. Konow. Khotansakische Grammatik, стр. 65.

[132] H. W. Bailey. Asica, стр. 12—13; В. И. Абаев. Ист.-этимол. словарь I, стр. 431, 471, 475.

[133] M. Vasmer. Untersuchungen über die ältesten Wohnsitze der Slaven, I. Die Iranier in Südrußland, стр. 20—21.

[134] J. Harmatta. Указ. соч., стр. 292.

вариант к ир. **vāra-*, **vr̥θra-*, термин, обозначавший, по-видимому, с древних времен в примитивных иранских верованиях злого духа, мифического врага, чаще — в виде летучего дракона. Таким образом, славяно-иранские (и балто-иранские) изучения помогают обнаружить и восполнить лакуну в научных концепциях древней иранской религии. Поправка эта заключается в том, что в древней иранской религии существовал образ злого духа, врага в виде дракона под названиями **vr̥θra-*, **vāra-*, **pati-vāra* и что термин **vāragna-*, *Vr̥θragna-* имел также древнее значение 'бог-драконоборец'. Таким образом, пара терминов ир. **vr̥θra-/*(pati)vāra-*: *Vr̥θragna-/vāragna-* соответствовала паре конкретных воплощений примитивного злого и доброго начала в мифологии. Констатируя древнее парное отношение терминов в иранском, мы не можем не указать на то, что, например, польский сохранил оба члена этой парной корреляции иранских мифологических персонажей и соответствующих названий: *poczwara* 'чудовище, злой дух, кошмар'—*raróg* 'хищная птица, сокол, сарыч'. С течением времени четкость противопоставления и первоначальные значения не могли не сгладиться, напротив, нельзя не выразить удивления по поводу того, как хорошо сохранились существеннейшие элементы древних значений, делающие реальной реконструкцию как славянских, так и иранских отношений. При этом зап.-слав. *rarogъ* всегда выступает с основным значением 'хищная, охотничья птица, стремительный сокол' (последнее лучше сохранено чешским), тогда как значение 'летучий дух, привидение, кошмар', вообще 'аморфное страшилище' по-прежнему сохраняется за его антиподом, хотя перед нами, повторяем, не живая корреляция, а остатки древнего отношения парных терминов. Вполне естественны при этом вторичные смещения терминов в иные семантические плоскости, ср. появление у самого *rarogъ* вторичных исторических значений 'домовой, дух' (особенно — у его варианта *rarach* в чешском). Интересно отметить, что наибольшая полнота элементов представлена в польском языке, который является единственным (в отличие даже от чешского и словацкого) обладателем обоих членов пары терминов иранского происхождения *poczwara—raróg*. За пределами польского мы уже не встречаем в славянском иранское название злого духа, врага. Ир. **pativāra—*vāragna-* полностью отразилось в польск. *poczwara—raróg*, причем ясные следы мифологического употребления польских слов и соответствие их значений значениям иранских прототипов говорит о том, что дело не ограничивалось одним заимствованием слов, но целый сюжет древних иранских мифологических верований был во всем существенном позаимствован частью древних западных славян в эпоху интенсивных контактов с соседними древнеиранскими племенами. Значение

этого реликта древней духовной культуры и древнего словаря западных славян, поляков, трудно переоценить, тем более что оно выходит за рамки славистической проблематики и может быть использовано для реконструкции иранских отношений. Вероятность предложенной интерпретации славянских языковых фактов контролируется и подтверждается независимо с двух сторон — со стороны иранского материала (словообразование, терминология, мифологические представления) и со стороны балтийского материала. Из предыдущего изложения следует, что балтийский в результате самостоятельных общений с иранским тоже усвоил пару терминов ир. **pativāra-* — **vāragna-*, отразив ее в виде лит. *áitivaras* 'летучий дух, змей'—*vānagas* 'ястреб'. Нет ничего удивительного в том, что славяне и балты заимствовали у иранцев одни и те же термины. Из одинаковости этих актов отнюдь не вытекает, между прочим, аргумент в пользу совместности данных актов у славян с балтами. Иначе говоря, у нас не больше оснований думать об этой совместности в данном случае, чем из факта одинакового иранского происхождения зап.-слав. *rarogъ* и арм. *Vahagn* делать вывод о совместности этого последнего заимствования для славян и армян. На эти факты целесообразно посмотреть изнутри, через призму их мифологической, поэтической, культурной значимости. Безусловно, решающую роль играло то, что яркий сюжет, или, вернее, целый цикл верований, преданий о драконоборце *vāragna-*, неизменно поражающем врага — летучее чудовище, производил сильное впечатление, и все, кто общался с древними иранцами, охотно усваивали и сохраняли эти верования и эти названия.

Среди материала западнославянско-иранских лексических общений есть и термины социальной организации, точнее — политические термины, которыми мы и закончим рассмотрение всей этой группы слов.

Польск. *pan* 'господин, хозяин, владелец', чеш. *pán* то же, др.-чеш. *hpán* (несколько примеров), слвц. *pán* 'господин, хозяин, барин' бытуют, как видим, в том же кругу языков, которыми мы привыкли оперировать в известных выше примерах. Их распространение было первоначально, безусловно, ограничено польским и чешско-словацкой группой. Укр., блр. *пан* (не говоря уже о русском литературном и просторечном *пан*) 'господин, (польский) барин' заимствовано из польского, оттуда же и лит. *põnas* 'господин, пан'. В.-луж. *pan*, фигурирующее, например, в песенных текстах XVIII в., совершенно явно ведет себя как неисконный элемент, заимствованный относительно недавно, вероятно, из чешского. Любая попытка реконструкции древней формы польского и чешско-словацкого названия господина должна считаться с древнечешской формой *hpán* (XIII в.), в соответствии с которой целесообразно рекон-

струировать локальное праславянское *gъrapъ. Поэтому этимологизация слов *pan*, *pani* (чеш. *paní*) в связи с греч. πότνια, др.-инд. *pátnī*[135], как и вообще в связи с общеславянским по распространению словом *gospodь*, предоставляется затруднительной как в формальном отношении, так и ввиду выразительной локальности польск. *pan*, чеш., слвц. *pán*. Другая этимология или, по меньшей мере, две различные этимологии связывают польск. *pan* (и родственные) с таким административным термином, как ст.-слав. (Супр.) **жоупанъ**, болг. *жупáн*, др.-серб. *жупань*, сербохорв. *жȕпāн*, словен. *župàn* 'наместник, начальник округа', чеш., слвц. *župan* то же. При этом одна этимология исходит из понимания этого последнего слова как заимствованного аварско-тюркского термина и соответственно слова *pan* — как сокращения от того же титула[136]. Другая этимология также связывает зап.-слав. *gъrapъ с южнославянским *жупан*, но видит в последнем исконный элемент, связанный чередованием гласных (*gй-: *geu-) с *gъrapъ[137]. Заранее сделаем оговорку, что мы здесь не рассматриваем этимологию слова *жупан*, считая его совершенно особым по происхождению и не связанным с нашим материалом. Тем не менее мы вынуждены касаться этого слова в связи с отдельными вопросами. Нам кажется прежде всего, что отсутствует связь между словом *župan* и польск. *pan*, чеш., слвц. *pán*. Изучая историческое и современное употребление того и другого названия, мы констатируем, что польск. *pan* никогда не употребляется как обозначение функционера, должностного лица, это же можно сказать и о чеш., слвц. *pán*. В то же время *župan* — это исключительное название государственного чиновника, наместника, административного начальника. Если, далее, говорить об ареалах обоих слов, то упомянутого административного титула, по-видимому, никогда не знал польский язык, являющийся вместе с тем классическим ареалом слова *pan* 'господин'. Можно думать, что и в чешском и словацком термин *župan* явился занесенным извне элементом, ср. опять-таки четкое отличие употребления слов *župan* 'начальник, наместник' и *pán* 'господин, хозяин', а также количественное отличие *župan* (с краткостью) и *pán* (с долготой), неясное с точки зрения этимологии *župan* > *pán*. Все говорит о том, что оба слова не связаны друг с другом, поскольку они обнаруживают ряд принципиальных особенностей, очевидно древних и не сводимых к начальному единству. Версия о родстве зап.-слав. *gъrapъ и *župan*, согласно которой между ними предполагается отношение аблаута (см. выше — Фасмер), подкрепляется срав-

[135] Machek, стр. 351—352.
[136] Brückner, стр. 393.
[137] Vasmer I, стр. 432; II, стр. 308.

нением с др.-инд. *gopá* 'пастух, хранитель' и производными глаголами. Поскольку последнее имя означает, в сущности, 'коровий пастух', логично было бы видеть в славянских вариантах *gъ* : *žu-* отражения и.-е. *g^{u}ōu-*. В отношении варианта *gъ*- мы еще скажем об этом специально ниже. Что касается *žu*(*pan*), то упомянутое индоевропейское название крупного рогатого скота, богато засвидетельствованное во всех индоевропейских языках, нигде не обнаруживает как раз ступени **g^{u}eu̯-*, о которой единственно можно было бы говорить в данном случае. Все сказанное сильно дискредитирует мысль об исконном родстве **gъrapъ* и *župan*. Несколько особый вариант исконно индоевропейской этимологии слова *župan* (не отличаемый, правда, Фасмером по недосмотру от предшествующего ее варианта) видит в *župan* производное от исконно славянского *župa* 'копь', 'могила, надгробие', но в древность такого производного на славянской почве верится с трудом. Не входя в детали, мы полагаем, что слово *župan* попало в некоторые славянские языки извне, причем пока целесообразно сохранить также уже известную версию об аварском происхождении данного административного титула. Его ареал со временем расширился, но первоначально он, наверное, более или менее совпадал с Паннонией, подвластной аварскому каганату, — местом обитания части древнеславянских племен. Таким образом, чем ближе мы подходим в реконструкции к собственно праславянскому периоду, тем дальше расходятся западнославянское название господина и южнославянское (паннонское?) название наместника *župan*, почему мы считаем себя вправе, говоря о более древней судьбе западнославянского слова, оставить название *župan* в стороне.

Праслав. диал. **gъrapъ* (польск., чеш., слвц.) мы объясняем как заимствование из ир. **gu-pāna-* / **gau-pāna-*, ср. афг. (пушту) *γōbə* 'коровий пастух', буквально — 'хранитель скота'[138]. Иранское слово представляет собой совершенно прозрачное сложение со вторым компонентом *-pāna-* 'защита, защитник, хранитель'. Сложения с этой основой исключительно популярны с древности во всех иранских языках. Ср. авест. *pəšu-pāna-* 'хранитель моста', *šōiθrō-pāna-* 'страж жилища', др.-перс. *xšaça-pāvā* 'сатрап, наместник, правитель', согд. *'rspan* **arspān* 'хозяин', *'γωšp'n*, христианско-согд. *xωšp'n* **xšupān* 'пастух' < ир. **fšu-pāna-*, согд. (с горы Муг) *prθyzp'n* **pardezpān* 'начальник парка, заповедника', афг. (пушту) *špə*, *špūn* 'пастух' < **fšu-pāna-*, ср. н.-перс. *šubān* то же, йидга-мундж. *xal'fān*, *xalifōn* 'кожаный мешок для муки' < **hwarθa-pāna-*; *xəš(u)wān*, *xušuwan* 'пастух', сангличи-ишкашим. *čə'pān* 'пастух', вахан. *špūn*

[138] См. о последнем: G. Morgenstierne. An etymological vocabulary of Pashto, стр. 14.

'пастух', язг. *čəpīn*, шугн. *x̌ẹbōniǰ*, рушан. *x̌abānuǰ*, бартанг., орошор. *x̌ẹbānuǰ* 'пастух', ягн. *aṅgušpāna* 'наперсток', буквально — 'хранитель пальца', парачи *xuwân* 'пастух', ормури *ṣ̌wān*, *ču'pân* то же. Эти иллюстрации, выбранные нами из словарей и списков слов ряда иранских языков и диалектов, показывают употребительность таких названий в восточноиранских языках. Названия, правда, несколько однообразны, или, скорее, одноплановы, но это вполне определяется семантикой организующей их основы *-pāna-* 'охрана, хранитель', хорошо известной и в свободном употреблении, ср. авест. *pāna-* 'покровительство, защита' и современное слово в восточноиранском языке ормури *pọ̄n* 'крыша'. Одноплановость перечисленных иранских примеров выражается в том, что они почти все — имена деятеля, причем как правило — названия пастуха, восходящие к ир. **fšu-pāna-* 'хранитель скота' (ир. **gau-pāna-* 'хранитель крупного рогатого скота' также засвидетельствовано в восточноиранском, но встречается реже, — см. выше). К этим именам деятеля примыкают приведенные выше названия хранилищ, предметов, наконец, свободное употребление слова *pāna-* 'защита' (Авеста), восходящее еще к индоиранскому. С другой стороны, названиям деятеля ир. **gau-pāna-*, **fšu-pāna-* соответствуют в древнеиндийском однородные сложения с более архаичной простой основой *-pā-*: *gopā́-*, *paśupā́-*, ср. столь же архаичное арм. *hoviw* < **ovi-pā-* 'овечий пастух'. Имена деятеля **gau-pāna-*, **fšu-pāna-* представляются, таким образом, характерными иранскими формами. Письменные следы языка скифов и сарматов на редкость скупы в отношении интересующих нас форм. Можно упомянуть проблематичные имена Πάβας (< **pāvan-*?), Σώπανος, Ὕπανος [139], из которых Σώπανος объясняется как генетив от греческого имени Σώ-παν, наряду с Πάν-σωος [140]. Ир. **gau-pāna-*, упомянутое нами выше, не сохранилось в известных остатках языка скифов и сарматов, но возможность его употребления в этих иранских диалектах весьма реальна. Известно, что скифы знали ир. *gau-* 'корова, бык, крупный рогатый скот', ср. имена Γάος,' Αγαυοί [141]. Совершенно вероятно, что в их языке употреблялись и имена деятеля типа сложений с вторым компонентом *-pāna-*, ср. предложенную выше, в разделе III, этимологию болг. *стопа́нин* из ир. **asta-pāna-* из позднескифо-сарматского языка иранцев, пришедших с булгарами-тюрками. Наконец, скифы и сарматы должны были знать и иранскую основу **pā-* 'хранить, защищать', о чем говорят различные указания, одно из них дает этимология польск.

---

[139] M. Vasmer. Untersuchungen über die ältesten Wohnsitze der Slaven, I. Die Iranier in Südrußland, стр. 47, 53, 54.
[140] L. Zgusta. Указ. соч., стр. 412.
[141] Абаев. ОЯФ I, стр. 166.

patrzyć, сообщавшаяся выше. Как и в вопросе о происхождении слова *patrzyć*, в настоящей этимологии большое значение придается сравнению предпочтительных сочетаний древней основы **pā-* с формантами в славянском и иранском. Тогда как в славянском, на что уже обращалось внимание выше, можно говорить об отражении лишь и.-е. **pā-s-* (наряду с юж.-слав. *paz-*, которое еще ждет объяснения), в иранском как раз слабо отражены эти сочетания, в то время как господствующим является употребление чистой архаической основы **pā-* без детерминативов, совершенно неизвестное славянскому. Основа **pā-* выступает в иранском в древних именных производных с формантом *-tr-* (о чем — выше), с формантом *-na-*. Ни одного из этих образований славянский не знает. Все это заставляет нас считать заимствование праслав. диал. **gърапъ* из ир. **gupāna-* / **gaupāna-* единственно возможной этимологией польского и чешско-словацкого названия господина. Может показаться на первый взгляд непреодолимой диспропорция значений сближаемых слов: слав. 'господин' — ир. 'пастух, хранитель скота', однако знакомство с воззрениями древних иранцев, их системой понятий развеивает эти сомнения. Скот, особенно крупный рогатый скот, был основой материального благосостояния древних иранцев — как оседлых земледельцев, так и в еще большей степени кочевников. Охрана скота мыслилась, естественно, в связи с этим как первый долг любой власти. Не случайно легендарный царь Согдианы и Хорезма носил имя *Gōpat* 'хранитель скота'[142]. Специальное божество, восходящее еще к дозаратустровской древнеиранской религии — создатель скота (авест. *gəuš tašan*) — заботится о быках и коровах и заступается за них. То, что вменялось в обязанность богу, было самым священным и почетным делом для каждого земного владетеля, господина и государя. Зап.-слав. **gърапъ* 'господин', кроме иранской формы и структуры, сохранило также след типично иранского взгляда на власть, обеспеченную материальными ценностями. Мы хотим сказать, что значение 'господин' определилось у прототипа слав. **gърапъ* еще на иранской языковой почве. Совершенно закономерно, что эту семантико-терминологическую эволюцию проделало именно слово **gupāna-* 'пастух, хранитель быков', а не **fšupāna-* 'пастух мелкого скота, овец'. Последнее, напротив, оказалось чрезвычайно удобным для того, чтобы дать наиболее популярное и, так сказать, классическое название пастуха, чабана в среднеиранских и новоиранских языках, приобретшее, не без участия тюркских народов, известность далеко за пределами иранского мира.

---

[142] В. И. Абаев. Скифский быт и реформа Зороастра. — АО XXIV, 1956, стр. 48—49.

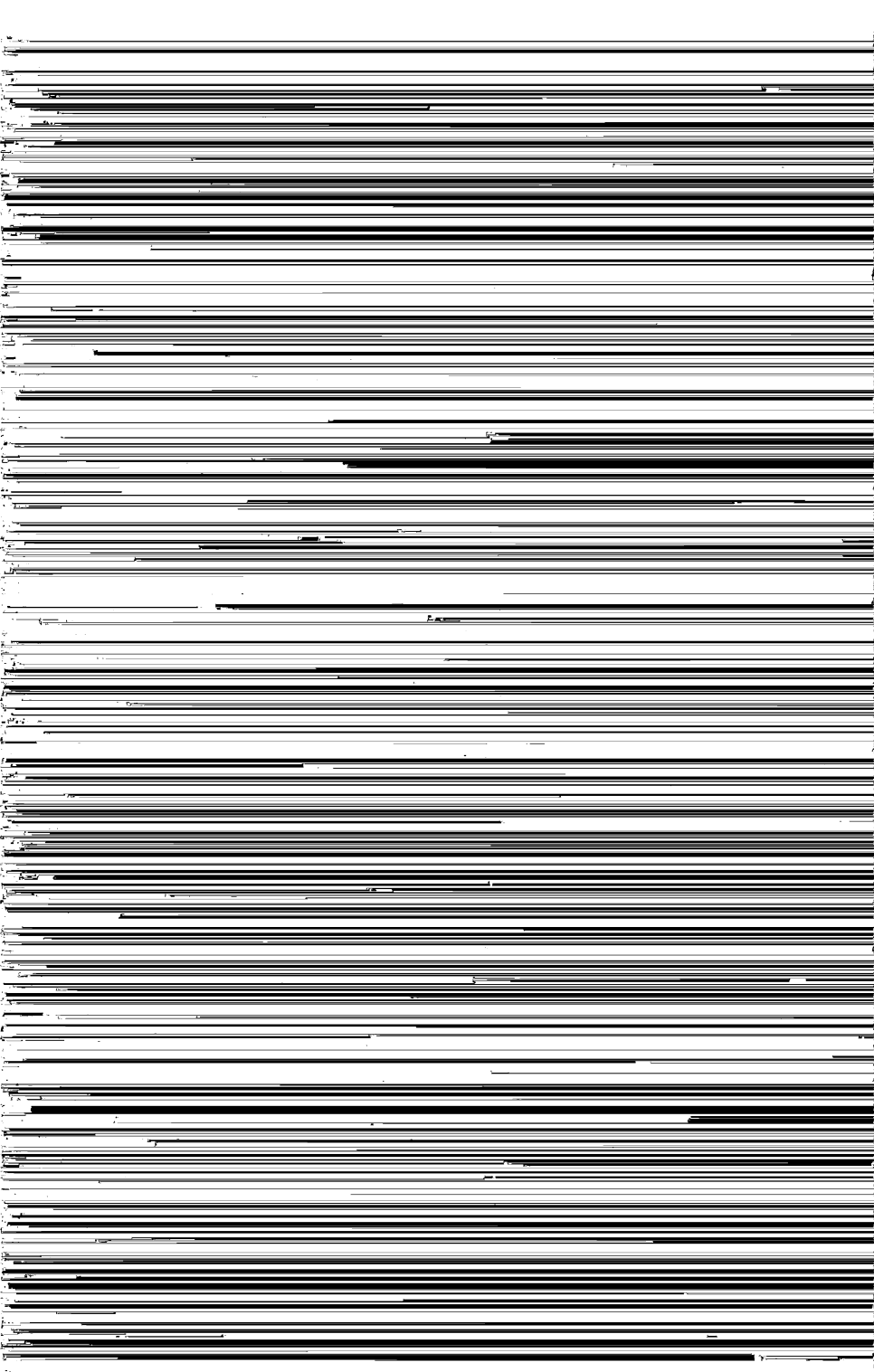
После того как мы разобрали термин, обозначающий господина, носителя власти, уместно сказать о названии исполнителя суда этой власти, которое в некоторых западнославянских языках также было заимствовано, вероятно, из иранского.

Польск. *kat* 'палач, исполнитель судебных приговоров', известное с XV в., имело также значения 'лихо, горе, черт', представленные до сих пор в диалектах; чеш. *kat* (с XIV в.) то же, слвц. *kat* 'палач'. Укр., блр. *кат* заимствовано из польского. Польское и чешско-словацкое название палача, экзекутора является, по всей видимости, старым словом, поэтому считать его жаргонным заимствованием позднего типа едва ли можно. Обычно считают его словом с неясной этимологией. Сближение с русск. *катать*, польск. *kaczać*, *kocić*, др.-чеш. *kácěti* [143] допустимо, если исходить из концепции, что слово *kat* возникло с самого начала как обозначение пыточного мастера, и при том особой специализации — колесователя. Однако наличие значения 'колесовать' у славянского глагола *katati* по меньшей мере не доказано, производное от него имя деятеля *kat* тоже не очень вероятно, кроме того, в чисто внеязыковом плане изощренная пытка на колесе, типичная для западноевропейского средневековья, попросту была, скорее всего, чужда праславянам. А засвидетельствованное практически с самого начала письменной истории польск., чеш., слвц. *kat* есть основание считать термином праславянской эпохи. Мы видим в праслав. диал. **katъ*, известном только западнославянским языкам, заимствование из иранского, ср. авест. *kāϑa-* 'возмездие (на страшном суде)'. Такое сближение уже выдвигал Коржинек, но он придавал ему совершенно другой смысл, видя в слав. *katъ* древнее имя деятеля с суффиксом *-t-* от и.-е. **kʷei-* / **kʷō(i)-* 'мстить, наказывать, каяться, нести наказание', откуда слав. *cěna*, *kajati sę* [144]. Внешне правдоподобное, это объяснение представляет собой, однако, весьма проблематичную гипотезу. Мы можем считаться лишь с реальным фактом наличия в славянском детерминированных вариантов упомянутой древней основы — **koi̯-* / **kai̯-*. Предположение о том, что славянский сохранил еще и более древнее **ka-* без детерминатива, менее вероятно. С другой стороны, иранский, бесспорно, знает оба варианта основы, ср. авест. *kaya-* 'каяться, мстить', но *kāϑa-* 'возмездие'. Иранское отношение *kā-*:*kay-* в принципе напоминает известное опять-таки в иранском отношение *pā-*:*pay-*. В обоих случаях здесь сохраняются древнейшие недетерминированные варианты основ *kā-*, *pā-*, в чем проявляется бóльшая архаичность индоиранского сравнительно со славянским. Точно так же парность

---

[143] См.: S ł a w s k i II, стр. 98—99 (с литературой); M a c h e k, стр. 195 (*kat*=*chvat*).

[144] J. M. K o ř í n e k. — LF LVII, стр. 347.



сильные южнославянские связи чешского, ср. отношения праслав. диал. **trajati—*trъvati*, рассмотренные нами выше.

Этимология преимущественно польских слов (из них большинство этимологизируется нами заново) и интерпретация их группового свидетельства явилась одной из главных целей настоящей работы по славяно-иранским лексическим отношениям. Выявление иранских элементов или соответствий иранским формам в польском словаре было возможно, естественно, на основании доступных автору сведений о лексике иранских языков. Обобщение лингвистических показаний иранских связей привлеченных

-nьstvo (к корню и к основам на *-ě-*, *-a-*, ср. *знаньство*, *неимѣньство*, *окаꙗньство*),
-(a)tajь (к корню и к основам на *-ě-*, *-a-*, ср. *ратаи*, *зватаи*, *въздьржатаи*, *попрошатаи*).
-(i)telь (к корню, к основам инфинитива на *-ě-*, *-i-*, *-a-* и к основе настоящего времени на *-i-*, ср. *волостель*, *видѣтель*, *проситель*, *ругатель*, *зьритель*; к основам на *-ě-* и к основам настоящего времени — редко),
-tьje (к корню и к основам на *-ě-*, *-nǫ-*, *-i-*, ср. *убитие*, *съвѣдѣтие*, *дьрзноутие*, *творитие*),
-tьcь (к корню и к основам на *-i-*, *-a-*, ср. *нятьць*, *стружитьць*, *стружатьць*),
-tva (к корню и к основам на *-ě-*, *-i-*, *-a-*, ср. *жатва*, *желѣтва*, *ловитва*, *оратва*),
-tvo (к корню и к основам на *-i-*, ср. *опаство*, *творитво*),
-va (к корню и к основам на *-ě-*, *-a-*, ср. *дѣва*, *дьржава*, *стонава*),
-znь (к корню и к основам на *-ě-*, *-a-*, ср. *кузнь*, *болѣзнь*, *боꙗзнь*, *чаꙗзнь*);

3) суффиксы, присоединяющиеся только к основам:

-lica (к основам на *-i-*, *-a-*, ср. *доилица* ‘кормилица’, *небывалица*),
-lьka (к основе на *-a-*, 1 случай — *металька* ‘ворожея’),
-lьn'a < **-dlьn'a* (к основе на *-a-*, 1 случай — *ковальня*, *наковальня*),
-lьščikъ (к основе на *-a-*, 1 случай — *зажигальщикъ*),
-nьnikъ (к основам на *-a-*: *изъбъраньникъ*, *сиꙗньникъ*),
-nьnica (к основе на *-a-*, 1 случай: *моꙗньница* ‘ручное кадило’),
-zna (к основам на *-i-*: *удобизна*, *оукоризна*, ср. и ст.-слав. **потрѣбизна**).

При оценке распределения суффиксов по этим трем группам следует учитывать количество соответствующих образований. Единичные образования могут быть лишь очень условным основанием для включения суффикса в ту или иную группу. Однако единичность может быть следствием различных ограничений, собственно языковых и неязыковых. Представляется, что причиной единичности многих суффиксальных образований, относящихся к 1-й группе, является архаизм соответствующей модели (ср. суффиксы *-da*, *-do*, *-gъ*, *-enь*, *-vь*, *-ma*, *-mo*, *-inъ*, *-smę*, *-sno*, *-trъ*, *-tro*), поэтому принадлежность их к 1-й группе существенна для характеристики позднепраславянского словообразования. Иначе можно истолковать единичность образований с составными суффиксами, входящими в 3-ю группу: ограниченность их имеет, вероятно,

неязыковую причину — ограниченность зафиксированного древнерусского словаря. Внешняя, неязыковая обусловленность единичности этих образований определяет случайность круга зафиксированных имен. Позднейшие однотипные образования (ср. соврем. *мяльщик*, *мыльщик*, *даньник*) свидетельствуют о возможности использования в качестве производящих основ для соответствующих суффиксальных образований не только производных глагольных основ, но и корней. О допустимости откорневых образований с этими суффиксами свидетельствует также распределение причастных суффиксов *-l-* и *-(e)n-* именного *-lo* < **-dlo*, которые могут равно соединяться как с суффиксальными основами, так и с корнями и входят в качестве первого компонента в рассматриваемые составные суффиксы. Следовательно, принадлежность этих составных суффиксов к 3-й группе очень спорна. А помимо них в 3-ю группу входит лишь суффикс *-zna*.

Из числа продуктивных составных суффиксов, первым компонентом которых являются причастные суффиксы, лишь *-tъkъ* входит в 1-ю группу, а все прочие — *-lьcь*, *-lica*, *-lьje*, *-lьnikъ*, *-lьnica*, *-lьstvo*, *-(e)nikъ*, *-(e)nica*, *-(e)nьje*, *-nьstvo*, *-tьje*, *-tьcь* — относятся ко 2-й группе. В этом распределении составных суффиксов принадлежность *-tьje* и *-tьcь* ко 2-й группе (т. е. возможность следования за суффиксальными основами) противоречит употреблению причастного *-t-* только после корней. В образовании причастий суффикс *-t-* находится в отношениях дополнительного распределения с суффиксом *-(e)n-*. Появившиеся на основе отпричастных образований последовательности суффиксов *-(e)nьje* и *-tьje* приобрели способность употребляться как единые составные суффиксы, распределение которых не соответствует уже распределению причастных суффиксов: суффикс *-tьje*, расширяя первоначальные возможности следования за некоторыми конечными гласными корня (чаще *-i-* и *-ě-*), появляется уже после любого гласного, оканчивающего как корень, так и основу (ср. *датиє*, *потягнутиє*, *съвъдѣтиє*, *творитиє*); суффикс *-enьje*, расширяя первоначальные возможности следования за согласными, распространяется на образования от корней, заканчивающихся сонантами (ср. *жьнениє*, *кленение*, *заколение*, *потрение*). Возникшая таким образом вариантность оформления имен с тождественным значением (ср. *данье—датие*, *съвъдѣние—съвъдѣтие*, *творение—творитие*, *клятье—кленение*, *истертие—потрение*) была впоследствии устранена, однако для позднепраславянского периода она существенна как показатель тенденции к употреблению составных суффиксов с начальным *-t-* после конечного гласного корня или основы (ср. также образования с суффиксом *-tьcь*: *стружитець*, *стружатець*). Представляется, что эта тенденция может быть причиной появления образований типа *подъдатьнь*, *знатьба*, *сътьба*. Аналогичные ст.-слав. *gostitьba*, *ženitьba* и близкие к ним образования в других славянских языках Мейе и Миклошич считают результа-

том контаминации суффиксов *-tva* и *-ьba* [15]. Возможно, однако, что именно частота появления *-t-* в качестве промежуточного звена между гласными корня (или основы) и суффикса обусловила возникновение *-tьnь*, *-tьba* как вариантов для *-ьnь*, *-ьba* после конечного гласного корня или основы.

Из простых (т. е. не поддающихся разложению на славянском материале) суффиксов лишь один — *-zna* — входит в 3-ю группу; суффиксы *-čь* < **-kje*, *-(j)ajь*, *-la*, *-lo* < **-dlo*, *-lь* м. р., *-(ě)lь* ж. р., *-na*, *-nь* ж. р., *-tva*, *-tvo*, *(a)tajь*, *-(i)telь*, *-znь*, *-va* входят во 2-ю группу; все прочие (из них многие — представленные единичными образованиями) принадлежат к 1-й группе. Существенно, что почти все (кроме — *telь*) суффиксы основ на согласный входят в 1-ю группу. Простые суффиксы всех трех групп связаны между собой отношениями парадигматического параллелизма: суффиксу *-zna*, соединяющемуся только с основами, соответствует суффикс *-znь*, соединяющийся и с корнями, и с основами; отношения суффиксов 1-й и 2-й групп таковы:

Первая группа	Вторая группа
-lo, *-lъ*, *-l'a* (1 случай)	*-la*, *-lь* м. р., *-(ě)lь* ж. р.
-no, *-nъ*	*-na*, *-nь* ж. р.
-vo (1 случай), *-vъ*, *-vь* (1 случай)	*-va*
-tvь (1 случай)	*-tva*, *-tvo*

Образования от основ глаголов с суффиксами 2-й группы не только несомненно более поздние, чем образования с суффиксами 1-й группы, но и более многочисленные, особенно с суффиксами *-(ě)lь*, *-nь*, *-tva*. Наиболее продуктивные суффиксы 2-й группы — *-(j)ajь*, *-(a)tajь*, *-(i)telь*, **-dlo* — не имеют парадигматических связей с суффиксами 1-й группы. Возможно, однако, что в праславянском языке сложилась определенная зависимость в употреблении между суффиксом 2-й группы **-dlo* и суффиксами 1-й группы *-lo* и *-slo*, показателем чего является их своеобразное дополнительное распределение: суффикс **-dlo* следует за суффиксальными глагольными основами и за корнями с конечным гласным (исключение — лишь *гърло* < **gъrdlo* и *жерело* < **žerdlo*), суффикс *-lo* соединяется только с корнями, оканчивающимися на губные, задненебные и редко — на гласные (только *дѣло*; от корней на зубные — *сѣло*, *сало*), суффикс *-slo* присоединяется только к корням с конечными *s*, *z*, *t*, *d*. Это распределение свойственно лишь славянским языкам. Правда, для индоевропейских **-tlo* и **-lo*, **-slo* реконструируются различные значения: для **-lo*,

---

[15] См.: F. Miklosich. Vergleichende Grammatik der slavischen Sprachen, Bd. II. Stammbildungslehre. Wien, 1875, стр. 217—218; A. Meillet. Études sur l'étymologie et le vocabulaire du vieux slave, II. Paris, 1905, стр. 275.

*-*slo* — более широкое значение предметности, для *-*tlo* — инструментальное значение [16]; однако в праславянском это различие уже мало ощутимо: ср. *пругло* 'тенето, сеть', *гребло* 'весло', *весло*, *повивало* 'повязка'. Возможно, следовательно, что необходимость присоединения одного суффикса к корням и основам различной фонологической структуры была уравнена функциональным тождеством различных суффиксов с различным распределением.

Суффиксы 2-й группы различаются кругом производящих глагольных основ. Глагольные основы на *-*nǫ* сохраняют свой суффикс лишь перед суффиксами *-tьje* и *-(e)nьje*, в последнем случае вместо *-*nǫ* в имени выступает более древнее *-nov-*; единственное исключение — *щьноуние* 'ущерб луны' к *щьноутися*. Поскольку распространение суффикса *-tьje* на суффиксальные глагольные основы является очень поздним новообразованием, сохранение глагольного *-*nǫ-* в именах характеризуется также как новообразование. С основами многократных глаголов на *-ova-*, *-yva-* соединяется лишь суффикс *-nьje*. Прочие суффиксальные глагольные основы могут служить производящими основами для различных суффиксальных образований.

Если суффикс соединяется не только с глагольными корнями, но и с основами, то обычно допускаются основы различных типов. Можно, однако, сделать вывод, что прочим предпочитается основа на *-a-*, поскольку этот тип основ чаще других является единственным возможным суффиксальным типом производящей основы (ср. распределение суффиксов *-la*, *-lь* м. р., *-nь*) и может соединяться почти с любым суффиксом 2-й группы (из продуктивных — со всеми, кроме *-tvo* и *(ě)lь* ж. р.).

Основа настоящего времени выступает иногда в качестве производящей основы лишь в образованиях с суффиксом *-telь*: ср. *повелитель* (к *велить*, *вельти*), *видитель* (к *видить*, *видѣти*), *оудьржитель* (к *дьржить*, *дьржати*), *зьритель* (к *зьрить*, *зьрѣти*), *продадитель* (к *дадимъ*, *дати*). Из пяти случаев в четырех образования от основы настоящего времени соответствуют инфинитивам на *-ě-*. В некоторых случаях существуют параллельные образования от основы инфинитива: *видѣтель*, *дьржатель*. Но общее число засвидетельствованных образований с суффиксом *-telь* от основ инфинитива на *-ě-* очень ограниченно. Вероятно, суффикс *-telь* принадлежал к числу тех суффиксов, которые редко соединялись с инфинитивными основами на *-ě-* (ср. ту же особенность в употреблении суффиксов *-(l)išče*, *-lьnikъ*, *-lьnica*). Мейе объяснял образования типа *повелитель* аналогическим присоединением к корню глаголов на *-ěti* варианта суффикса *-telь* — *-itelь* (выделенного из имен, образованных от инфинитивных основ на *-i-*) «от-

[16] См.: H. Osthoff. Forschungen im Gebiete der indogermanischen nominalen Stammbildung. Jena, 1875, стр. 188; W. J. Doroszewski. Monografie słowotwórcze II, стр. 49, 62.

части под влиянием основы настоящего времени» [17]. Однако *продадитель* бесспорно свидетельствует о возможности соединения суффикса *-telь* с основами настоящего времени. Поэтому в объяснении Мейе, может быть, следует передвинуть акцент: во избежание соединения суффикса *-telь* с инфинитивными основами на *-ě-* были использованы соответствующие основы настоящего времени на *-i-* — отчасти под влиянием продуктивных образований от основ на *-i-*. Другие суффиксы не соединяются с основами настоящего времени.

Некоторые суффиксы, соединяющиеся с различными типами глагольных основ, образуют параллельные однокоренные имена, соотносительные с разными инфинитивными основами. Такие параллельные образования представлены для суффиксов *-lo* < **-dlo*, *-telь*, *-čь*, *-tva*, *-(e)nьje*, *-tьje*, *tьcь*, *-nьcь*, *-lьnikъ*, *lьnica*, *-nikъ*. В подавляющем большинстве случаев присоединение одного и того же суффикса к нескольким однокоренным основам является следствием продуктивности этого суффикса. Одновременно по этим параллельным образованиям можно судить о наиболее широко используемых производящих основах. Ср. *стояло* 'подножие, основание' — *ставило* 'якорь, весы', *податель—датель*, *позоратель* 'очевидец'—*назиратель*, *събьранию—събиранию* и т. д. Рассмотрение типов основ, участвующих в параллельных образованиях, свидетельствует о преобладании параллелизма производящих основ на *-i-* и на *-a-*, а также корневых и с суффиксом *-a-*.

Иное значение имеет параллелизм однокоренных образований в тех случаях, когда тождественные по значению имена содержат: одно — исчезающую глагольную основу, другое — основу, соответствующую актуальным, продуктивным моделям. Ср. следующие образования от глаголов с корнями **or-* 'пахать' и **sě-* 'сеять': *рало—орало*, *сѣтель—сѣватель*, *ратва—оратва*, *сѣтва—сѣватва*. Утрата старых корневых инфинитивов **рати* и *сѣти* и их замена основами с суффиксом *-a-* обусловили обновление сохранявших этимологическую прозрачность имен, образованных от корней, путем замены корневой основы основой суффиксальной, на *-a-*. Следовательно, это хронологически различные образования. Возможно, так же следует толковать отношения имен *невѣнича* 'невеянный хлеб' и *невѣваница* то же: представленное в словаре Срезневского лишь одним примером из новгородской купчей *невѣнича*, возможно, отражает свойственную новгородским говорам мену *ц* и *ч*, так что *невѣнича* может восходить к **невѣница*, образованному от утраченного корневого инфинитива **věti*. Некоторые опасения внушает лишь поздняя фиксация слова (XIV в.), которая делает правдоподобным и его происхождение из стяжения: *невѣнича* < *невѣваница*.

[17] См.: A. Meillet. Указ. соч., стр. 314.

Во всех рассмотренных случаях существенно устранение откорневых образований, соотносительных с утраченными корневыми инфинитивами, и использование как актуальной модели именно соединения суффикса с глагольной основой на *-a-*. При сохранении в языке корневых инфинитивов откорневые суффиксальные имена являются живой словообразовательной категорией. В большинстве случаев производящие основы откорневых суффиксальных имен тождественны по огласовке корня именно основам корневых инфинитивов. Для откорневых образований с суффиксами *-lь* м. р., *-lьja*, *-lьje*, *-lьnikъ*, *-(i)telь*, *-tva*, *-tvo* основы корневых инфинитивов являются единственно возможными производящими основами. Однако, судя по другим суффиксальным именам, вполне допустимо и использование в качестве производящей основы корней, выделенных из суффиксальных инфинитивных основ: ср. даже с поздним удлинением в корне *блискунъ* 'мак' (к *блискати*), *имьство* 'свойство' (к *имьти*), *ростравьць* 'расстраиватель' (ср. *оустравати* 'устраивать', но м. б. и к *травити*). Все приведенные имена содержат суффиксы, способные соединяться лишь с корнями (суффиксы 1-й группы). Но и суффиксы 2-й группы, соединяющиеся как с корнями, так и с основами, могут использовать в качестве производящей основы корни не только корневых инфинитивов, но и представленные в других, суффиксальных глагольных основах. Эти случаи можно разделить на два типа:

1. Корню суффиксального имени соответствует по вокализму корень суффиксальной инфинитивной основы такого типа, с которым данный именной суффикс как правило не соединяется. Например, имени *тъчаи* соответствует по вокализму инфинитив с суффиксом **nǫ-* — *тъкнути*; суффикс **-ějь*, однако, никогда не соединяется с основами на **-nǫ-*; те же отношения — в случаях: *тягль* — ср. *тягнути* (суфф. *-lь* не соединяется с основами на **-nǫ-*), *пружаль* — ср. *пружитися* и *свирѣль* — ср. *свирити* (суффикс *-(ě)lь* не соединяется с основами на *-i-*). Можно предположить, что необычность соединения данных суффиксов с соответствующими суффиксальными основами обусловила использование в качестве производящего элемента корней, выделенных из этих основ.

2. Корню суффиксального имени соответствует по вокализму корень суффиксальной инфинитивной основы того типа, с которым этот именной суффикс обычно соединяется. Так, имени *жьрло* по вокализму соответствует корень инфинитива *жьрати*. Образование в данном случае откорневое, хотя суффикс *-lo* < **-dlo* часто соединяется с основами на *-a-* (ср. *клепало*, *покрывало*, *сьдало*, *стояло*, *тъкало* и др.); того же типа отношения: *тесла*, *тесло* — ср. *тесати* (хотя *купати* — *Купалы*), *кузнь* — ср. *ковати* (хотя *ботати ся*—*ботазнь*, *катати*—*катазнь*), *дѣва* — ср. *доити* (хотя *кропити*—*кропива*). Имена этого типа следует рассматривать как наиболее древние образования с данными суффиксами,

не связанные словообразовательными отношениями с суффиксальными глагольными основами.

Характерная для наиболее продуктивных суффиксов возможность соединения с несколькими типами глагольных основ и одновременно предпочтение для каждого суффикса одного из этих типов явились базой для образования, в результате переразложения в структуре суффиксальных отглагольных имен, вариантов суффиксов, зафиксированных в ранний период древнерусского языка и принадлежавших, вероятно, еще праславянскому языку. Таково происхождение суффиксов *-itelь* (как варианта суффикса *-telь*), *-atajь* (как варианта *-tajь*), *-ělь* (как варианта *-lь*), *-jajь* и *-jь* (как вариантов *-ějь*), *-išče* (как варианта *-išče*).

Из числа зафиксированных в словаре Срезневского имен с суффиксом *-telь* 45 являются образованиями от основ на *-i-*, 40 — от основ на *-a-*, 17 — от корневых основ, 6 — от основ настоящего времени (из них 4 — основы на *-i-*), 5 — от основ на *-ě-*. Преобладание образований от основ на *-i-* и *-a-* делает правомерным выделение, на основе переразложения в соответствующих именах, вариантов *-itelь* и *-atelь*. Вариант *-itelь* засвидетельствован образованиями *погребитель*, *покровитель*, *спаситель* (ср. также *чоуителныи* 'чувствуемый'); возможно, что существовал и вариант *-atelь*: ср. *позоратель* (глагольная основа на *-a-* отсутствует). Существенно, что вариант *-itelь* стал замещать суффикс *-telь* в соединениях с корнями.

Суффикс *-lь* (< **-lĭ*) может присоединяться к корням и к основам на *-ě-*. Сопоставление двух больших групп имен, образованных от корней, типа *обиль*, *текль*, и от основ на *-ě-*, типа *гыбѣль*, и явилось основой для появления варианта *-ělь*, который стал присоединяться к корням глаголов, не имеющих основ на *-ě-*. Сопоставление всех имен, содержащих суффиксы *-lь* и *-ělь*, дает следующее распределение:

Фонетический конец корня	Структура имени		
	I корень глагола + суфф. *lь*	II основа глагола на *-ě-* + суфф. *lь*	III корень глагола + суфф. *ělь*
на гласный	*избыль* *обиль* *гниль* *досталь*		
на согласный или сонант	*текль* *тягль* *расѣль*	*удьржаль* *мльчаль* *пищаль* *гыбѣль* *сопѣль*	*коупѣль* *пружаль* *обрѣтель* *свирѣль* *печаль*

Отношения структур типов II и III, с одной стороны, и I и III, с другой стороны, отчетливо определяют источник варианта *-ěl̓ь* (переразложение в именах, образованных по II типу, в сопоставлении с именами I типа) и его словообразовательную роль как заменителя суффикса *-l̓ь* в соединении с корнями, оканчивающимися на согласный и сонант. Образование варианта *-ěl̓ь*, таким образом, давало возможность избежать столкновения согласных на границе корня и суффикса.

При рассмотрении истории древнерусского суффикса *-ajь* следует считаться с предположением о его родстве с синонимичным балтийским суффиксом **-ēj-* (лтш. *-ējs*, лит. *-ėjas*)[18]. Реконструируемая на этой основе первичная форма суффикса — праслав. **-ějь* — дает возможность установить его первичную сочетаемость с корнями, оканчивающимися на задненебные, и с основами на *-i-* (типа *обычаи* и *слоучаи*, *рожаи*). Примечательно, что эта сочетаемость оказывается, в свою очередь, близкой к сочетаемости литовского *-ėjas*, соединяющегося преимущественно с корневыми и итеративными основами (на *-au*, *-iau*, *-yti*)[19]. Вытекающее из описанной сочетаемости постоянное следование суффикса *-ajь* за мягкими согласными обусловило появление варианта суффикса — *-jajь* (ср. *поклажаи*). С другой стороны, ассоциация имен типа *приключаи*, *рожаи*, *попрошаи* с глаголами на *-a-* (типа др.-русск. *прошати*) привела к выделению другого варианта суффикса *-ajь* — *-jь*, присоединяющегося к основам на *-a-*: ср. *въспоминаи*. Таким образом, образование вариантов для суффикса **-ějь* способствовало унификации фонетического облика суффиксальных имен и вовлечению в сферу действия суффикса (точнее — его варианта *-jь*) нового типа глагольных основ.

Вариантом очень продуктивного в восточно- и южнославянских языках суффикса **-išče* стал составной суффикс **-lišče*, источником которого послужило переразложение в именах, образованных присоединением **-išče* к именным основам на *-lo*[20]. Образование этого варианта дало возможность распространить употребление суффикса **-išče* на глагольные основы, оканчивающиеся гласными.

Образование варианта суффикса *-tajь* — *-atajь* менее ясно. В древнерусском языке собственно суффикс *-tajь* представлен лишь в *ратаи*, *въздьржатаи* и засвидетельствованных позднее XIV в. *попрошатаи* 'сборщик подаяния' и *зватаи*. В прочих образованиях следует выделять суффикс *-atajь* (ср. *возатаи*, *ходатаи*, *просатаи* и т. д.), так как соответствующие глагольные

[18] См.: A. Leskien. Die Bildung der Nomina im Litauischen (=Abhandlungen der philologisch-historischen Klasse der Königl. Sächsischen Gesellschaft der Wissenschaften, XII). Leipzig, 1891, стр. 333.

[19] Там же, стр. 329.

[20] См.: A. Meillet. Указ. соч., стр. 350.

основы на *-a-* не зафиксированы. В большинстве других славянских языков имеется лишь одно имя с суффиксом *-tajь* — *rataj* [21]. Вариант *-atajь* должен быть результатом переразложения в именах типа *въздьржатаи* и *зватаи*. Существенно, что он был использован для соединения с корнями, выделяемыми из суффиксальных глагольных основ (на *-i-*, ср. *возити—возатаи*).

Следовательно, функциональная нагрузка образования вариантности суффиксов заключается в предотвращении столкновения согласных на границе корня и суффикса (для вариантов *-itelь*, *-ělь*, *-atajь*), расширении возможной сочетаемости суффикса с глагольными основами (для вариантов *-jь* и *-lišče*) и унификации фонетической структуры суффиксальных имен (для варианта *-jajь*). Направление развития вариантности суффиксов особенно существенно как показатель основного направления развития именного отглагольного словообразования в поздний период праславянского языка. Вместе с рассмотренными выше явлениями (распределение суффиксов по трем группам с количественным преобладанием суффиксов 2-й группы и сосредоточением в ней наиболее продуктивных суффиксов; сочетаемость суффиксов 2-й группы с различными типами инфинитивных глагольных основ; параллельные односуффиксальные образования от различных типов инфинитивных основ; замена откорневых образований образованиями от основ при утрате корневых инфинитивов; наличие откорневых образований в соответствии с суффиксальными глагольными основами; возникновение суффиксов *-tьnь*, *-tьba*; отношения суффиксов **-dlo*, *-slo* и *-lo*) развитие вариантов типа *-itelь*, *-ělь*, *-atajь* свидетельствует о тенденции к соединению одних и тех же суффиксов с расширенным кругом производящих основ, причем в качестве таковых используются и суффиксальные инфинитивные глагольные основы (особенно *-a-*основы) и корни (в соответствии как с живыми корневыми инфинитивами, так и с суффиксальными инфинитивами).

Рассмотрение суффиксальных имен прилагательных, соотносительных с глаголами, подтверждает типичность отмеченных явлений для именного отглагольного словообразования в целом. Ниже приводятся поэтому лишь краткие итоги анализа суффиксальных имен прилагательных.

В соответствии с типом производящей основы суффиксы имен прилагательных распределяются следующим образом:

1) суффиксы, присоединяющиеся только к корням:

-ьčivъ (типа *обыадьчивъ* 'прожорливый'),
-dъ (1 случай — *твьрдъ*),
-kъ (1 случай — *порокыи* 'жестокий'),

[21] См.: A. Meillet. Указ. соч., стр. 391; F. Miklosich. Указ. соч., стр. 171.

-ъkъ (типа *узъкыи*),
-ькъ (типа *тяжькыи*),
-elъ (1 случай — *тяжелый*),
-lьnivъ (1 случай — *унылънивъ*),
-ьlъ (типа *мьдлъ* 'медленный'),
-nъ (типа *тѣсныи*),
-anъ (1 случай — *пьянъ*),
-nivъ (1 случай — *въстанивъ* 'мужественный, усердный'),
-nьlivъ (1 случай — *встанливъ* 'усердный'),
-rъ (типа *тупыи*),
-rъ (типа *бъдръ*),
-ьskъ (типа *убиискыи* 'назначенный убийце'),
-tъ (типа *вѣстыи* 'известный'),
-itъ (типа *завѣситыи*),
-tivъ (типа *приятивъ* 'восприимчивый'),
-tьlivъ (типа *неподатьливъ*),
-tьnъ (типа *удатныи* 'удачливый'),
-vъ (1 случай — *рѣзвыи*),
-ovatъ (1 случай — *слоуковатъ* 'кривой, лукавый');
-ovitъ (1 случай — *неимовитъ* 'бедный');

2) суффиксы, присоединяющиеся к корням и основам:

-lъ (к корню и к основам на *-ě-*, ср. *бѣглыи*, *кысѣлыи*; к основам на *-ě-* — 1 случай);

-(ъ/ьl)ivъ (к корню и к основам на *-ě-*, *-a-*, ср. *пиривыи* 'спорящий', *тьрпѣливъ*, *скокливыи*, *оучьливыи*; к основам на *-a-* редко — ср. *прѣнемагаливыи* со ст.-слав. вариантом префикса),

-lьnъ (к корню и к основам на *-ě-*, *-i-*, *-a-*, *-ova-*, ср. *смагльныи*, *тьрпѣльныи*, *поильныи*, *погрѣбальныи*, *жаловальныи*, к корню и к *-ova-*основам — редко),

-(e)nьnъ (к корню и к основам на *-ě-*, *-i-*, *-a-*, *-nǫ-*, ср. *неизреченьнъ*, *тьлѣньныи*, *явленныи*, *недрѣманьныи*, *увыкновеньныи*; к основам на *-nǫ-* редко),

-(j)ьnъ (к корню — ср. *забовьныи* 'забвенный' — и, возможно, к основам на *-ě-* — ср. *говѣинъ* 'благочестивый' — и на *-ova-*, ср. *хоуловьныи*, к *хоуловати*, впрочем, это единственные случаи),

-avъ (к корню и к основам на *-i-*, ср. *бодавыи*, *жеравъ* и *жарѧвъ*).

Наличие суффиксов прилагательных, способных соединяться только с основами, сомнительно. Сюда мог бы быть отнесен лишь суффикс *-(i)telьnъ*. Образований с этим суффиксом всего четыре: *томительно* 'жестоко' (ср. *томитель* 'мучитель'), *потщательно* 'старательно', *чоутельныи* 'чувствуемый', *разрѣшительныи* 'очистительный' (со старославянским

вариантом префикса). Может быть, отсутствие среди них соединений суффикса *-telьnъ* непосредственно с корнем объясняется ограниченностью круга зафиксированных образований. Показательно, что корневому инфинитиву *чоути* (**cujiti* не засвидетельствовано) соответствует прилагательное *чоутельныи*, где вместо соединения корня с *-telьnъ* использовано соединение с вариантом *-itelьnъ*, что, возможно, свидетельствует о необычности соединения *-telьnъ* непосредственно с корнем.

Таким образом, подавляющее большинство суффиксов, образующих прилагательные, соединяется только с корнями, однако многие из этих суффиксов представлены в единичных образованиях, меньшая часть способна соединяться и с корнями, и с основами.

Распределение по 1-й и 2-й группам составных суффиксов, первым компонентом которых являются причастные суффиксы *-t-* и *-(e)n-*, соответствует употреблению этих причастных суффиксов. Однако об обособлении составных суффиксов *-tьnъ* и *-(e)nьnъ* от причастных суффиксов свидетельствует возможность употребления *-tьnъ* после любого конечного гласного, а *-enьnъ* — после любого согласного в широком смысле слова, в том числе и после сонантов. Влиянием многочисленных образований с *-t-*, стоящим между конечным гласным корня и гласным суффикса, возможно, объясняется появление *-t-* перед суффиксом *-(ьl)ivъ* в прилагательных *пристативъ* и *битьливъ*, активное значение которых противоречит пассивному значению причастий на *-t-* (ср. выше о существительных типа *знатьба*).

Среди суффиксов 1-й группы преобладают простые; наиболее продуктивные составные суффиксы входят во 2-ю группу.

Суффиксы 2-й группы различаются по способности соединяться с различными глагольными основами. Существенно предпочтение основ на *-ě-* в соединениях с суффиксами *-lъ*, *-(ъ/ьl)ivъ*, *-(e)nьnъ*. Глагольные основы на **-nǫ-* могут употребляться в качестве производящей основы только в образованиях с суффиксом *-enьnъ*, причем вместо *-nǫ* в имени выступает более древнее *-nov* (ср. образование пассивных причастий прошедшего времени от тех же основ). От глагольных основ с суффиксом *-ova-* образованы, возможно, лишь *жаловальныи* и *хоуловьныи*. От основ настоящего времени суффиксальные прилагательные почти никогда не образуются. При наличии однокоренных прилагательных с тождественным суффиксом, образованных от разных типов основ, преобладают случаи параллелизма образований от корня и от основ на *-ě-*. В параллельных образованиях используются главным образом суффиксы *-(ъ/ьl)ivъ* и *-(j)ьnъ*.

Непосредственные структурные основания появления вариантов для суффиксов прилагательных не всегда достаточно ясны. Функциональная же нагрузка их тождественна отмеченной выше

характеристике употребления вариантов для суффиксов имен существительных: так, вариант *-livъ* (для суффикса *-ivъ*) сделал возможными образования от глагольных основ на гласные (ср. *тъщивыи—бъдѣливыи*), а создание вариантов *-ъlivъ* и *-ьlivъ* (путем появления вставных гласных ъ, ь), соединяющихся с корнями на согласные, как и *-ivъ*, и вытесняющих *-ivъ*, способствовало унификации фонетического облика различных вариантов суффикса и соответствующих имен.

Таким образом, рассмотрение суффиксальных прилагательных, соотносительных с глаголами, свидетельствует о единообразии основных черт отглагольного словообразования имен существительных и имен прилагательных.

3

Отмеченная выше тенденция к использованию в качестве производящих основ суффиксальных имен различных типов глагольных основ (как корневых, так и суффиксальных) должна была ослабить зависимость корневого вокализма имени от его суффикса, характерную для индоевропейского словообразования. Для образований от суффиксальных глагольных основ возможность такой зависимости вообще исключается: поскольку глагольная основа характеризуется определенным типом корневого вокализма, постольку корневой вокализм суффиксального имени зависит не от соотношения его с суффиксом, а от типа глагольных основ, с которыми этот суффикс соединяется. Некоторая возможность непосредственной зависимости корневого вокализма суффиксального имени от суффикса могла сохраниться лишь в откорневых образованиях. Целесообразно, следовательно, рассматривать с этой точки зрения все образования с суффиксами 1-й группы и откорневые образования с суффиксами 2-й группы.

Некоторые групы имен с тождественным суффиксом характеризуются преобладанием одной определенной ступени вокализма, что свидетельствует о предпочтении присоединения соответствующих суффиксов к корням с определенной огласовкой. Огласовка **o* может считаться характерной для имен существительных со следующими суффиксами [22]:

-no-: огласовка **o*[23] представлена в *лукно* (*у* < **ǫ*, к *лучити*, ср. с.-хорв. стар. *лукно*, словен. *lǫ́kno*, чеш. *lukno*), *сукно* (*у* < **ou*, к *съкати, соучити,* ср. ст.-слав. **сꙋкно**, болг. *сукно*, с.-хорв. *сȕкно*, словен. *sukno*, чеш., слвц., польск., н.-луж., в.-луж. *sukno*, полаб. *sáuknə̑*), *руно* (*у* < **ou*, к *рѣвати*, ср. с.-ц.-слав. **рꙋно**, болг. *руно*, с.-хорв. *рȕно*,

[22] Рассматривается вокализм только тех имен, корни которых допускают чередование гласных.

[23] Ср.: M e i l l e t. Указ. соч., стр. 442.

словен. *rúno*, чеш. *rouno*, слвц. *rúno*, польск. *runo*), *волокно* (*оло* < **ol*, к *волочи*, ср. ст.-слав. **влакъно**, болг. *влакно*, с.-хорв. *вла́кно*, словен. *vlákno*, чеш., слвц. *vlakno*, польск. *włókno*, в.-луж. *włokno*, н.-луж. *łokno*). В единственном остающемся вне этой группы соотносительном с глаголом имени с суффиксом *-no* — *вѣно* — вокализм **ē* (к *вести*, *веду*, ср. чеш. *věno*, польск. *wiano*; греч. ἔδνον, др.-в.-нем. *widomo*, *widemo*);

-na: вокализм **o*[24] представлен в *цѣна* (*ѣ* < **oi*, к *каꙗти*, ср. ст.-слав. **цѣна**, болг. *цена*, с.-хорв. *цијѐна*, словен. *cẹ́na*, чеш., слвц. *cena*, польск. *cena*; лит. *káina*, авест. *kaēnā*, греч. ποινή), *сторона* (*оро* < **or*, к *-стерети*, ср. ст.-слав. **страна**, болг. *страна*, с.-хорв. *стра́на*, словен. *strána*, чеш., слвц. *strana*, польск. *strona*, в.-луж., н.-луж. *strona*, полаб. *stárna*). В образованиях с этим суффиксом возможна также ступень редукции (см. ниже);

-mъ: этот суффикс представлен только в двух именах (соотносительных с глаголами) и в обоих случаях корневой вокализм — **o*: *поромъ* (*оро* < **or*, к *перети*, ср. болг. *прам*, с.-хорв. *пра̏м*. чеш. *prám*, слвц. *prám*, польск. *prom*; др.-в.-нем. *farm*, др.-исл. *farmr*), *космъ* (к *чесати*, ср. ц.-слав. **космъ**, болг. *косъм*, чеш. *kosm*, польск. *kosm*, в.-луж. *kosm*);

-lo: вокализм **o* в *сало* (*а* < **ō*, к *сѣсти*, *садити*, для долгого ряда вокализма *ē* : *ō* ступень *ō* функционально равна *o* в кратком ряду; ср. болг. *сало̀*, с.-хорв. *са̏ло*, словен. *sálǫ*, чеш. *sádlo*, слвц. *sadlo*, польск., в.-луж., н.-луж, *sadło*), *пругло* (*у* < **ǫ*, к *пружити*, ср. с.-хорв. *пру́гло*, словен. *prógla*, чеш. *pruhlo*, в.-луж. *prudło*, н.-луж. *pšudło*). В образованиях с этим суффиксом возможна также ступень **e* (см. ниже);

-kъ: вокализм **o* — в *възорокъ* (*оро* < **or*, к *зьрѣти*, ср. ст.-слав. **зракъ**, болг. *зрак*, с.-хорв. *зра̂к*, словен. *zrâk*, чеш., слвц. *zrak*, польск. *wzrok*), *порокъ* 'стенобитное орудие' (*оро* < **or*, к *перети*, ср. чеш., слвц. *prak*, др.-польск. *prok*, в.-луж., н.-луж. *prok*), *тукъ* (*у* < **ou*, к *тыти*, ср. ц.-слав. **тукъ**, болг. *тук*, чакав. *ту̏к*, *ту̂к*, словен. *túča*, чеш., слвц. *tuk*, польск., в.-луж., н.-луж. *tuk*; англос. *đeoh*, лит. *táukas*. лтш. *tàuks*, др.-прусск. *taukis*). Кроме этих слов, суффикс *-kъ* представлен только в **рыкъ* (засвидетельствовано *рыкати*), с вокализмом **ū*;

-to: вокализм **o*[25] бесспорен для *тѣсто* (*ѣ* < **oi*, к *тискати*, *тѣщити*, ср. ц.-слав. **тѣсто**, болг. *тесто*, с.-хорв. *тѝјесто*, словен. *testǫ̂*, чеш. *těsto*, слвц. *cesto*, польск. *ciasto*, в.-луж.

---

[24] Там же.
[25] Там же, стр. 296.

ćěsto, н.-луж. *šěsto*; др.-ирл. *tóis-renn*, *táis*, греч. σταίς, σταιτός), *nyto* (*y* < **ǫ*, к *пяти*, *пьну*; ср. ст.-слав. **пѫто**, с.-хорв. *nȳto*, словен. *pǫ́tǫ*, чеш. *pouto*, слвц. *púto*, польск. *pęto*, в.-луж., н.-луж. *puto*; др.-прусск. *panto*, лит. *pántis*, алб. *pendë*, *pëndë*) и может предполагаться для *долото* (*оло* может восходить и к **ol*, и к **el*, ср. русск.-ц.-слав. **длато**, чеш. *dláto*, польск. *dłóto*, но болг. *длето*, с.-хорв. *длијѐто*, словен. *dléto*; др.-прусск. *dalptan*; к *дълбсти*). За пределами этой группы остается лишь *быто*;

-tъ: вокализм **o*[26] — в *молотъ* (*оло* < **ol*, к *молоти*, *мелю*, ср. ст.-слав. **млатъ**, болг. *млат*, с.-хорв. *мла̑т*, словен. *mlât*, чеш., слвц. *mlat*, польск. *młot*; лат. *malleus*, *marcus*), *потъ* (к *печи*, ср. ст.-слав. **потъ**, болг. *пот*, с.-хорв. *по̑т*, *по̑та*, словен. *pôt*, чеш., польск., слвц. *pot*, в.-луж. *pót*; кимр. *poeth* 'горячий'), *ворота* дв. ч. (*оро* < **or*, к *-верети*, ср. ст.-слав. **врата**, болг. *врата*, с.-хорв. *вра́та*, словен. *vráta*, чеш. *vrata*, польск. *wrota*, в.-луж. *wrota*, н.-луж. *rota*; лит. *vartaĩ*, др.-прусск. *warto*, лтш. *varti*, англос. *weorð*, *worð*, алб. *vathë*, тох. В *wärto*, *warto*). В образованиях с этим суффиксом равно представлена ступень редукции (см. ниже);

-otъ: оба содержащие этот суффикс имени, соотносительные с глаголами, имеют вокализм **o* — ср. *топотъ* (к *тети*, *теny*, ср. с.-хорв. *то̑по̑т*, словен. *topọ̑t*) и *троскотъ* (к *треснути*, ср. чеш. *troskotati*, польск. *troskotać*).

Из числа суффиксов, образующих имена прилагательные, предпочтением вокализма в ступени **o* характеризуются следующие:

-nъ: из трех соотносительных с глаголами прилагательных, содержащих этот суффикс, два имеют корневой вокализм **o* — *просторонъ* (к *простереми*, ср. ст.-слав. **пространъ**; против предполагаемого Мейе образования из *pro-* и **storna*[27] говорит необычность такого соединения); относительно возможности в прилагательных с суфф. *-nъ* вокализма **o* ср. следующее: *тѣсньıи* (*ѣ* < **oi*, к *тѣщити* 'сжимать', ср. ст.-слав. **тѣснъ**, болг. *те́сен*, с.-хорв. *тијѐсан*, словен. *tę́sən*, чеш. *těsný*, слвц. *tesný*, польск. *ciasny*, в.-луж. *ćěsny*, н.-луж. *šěsny*);

-ъkъ: возможно, в отглагольных образованиях с этим суффиксом предпочитались два вида вокализма — **o* и ступень редукции[28]. Вокализм **o* представлен в *коротъкъıи* (к *чьрту*, *черести*; ср. ц.-слав. **кратъкъ**, болг. *кратък*, с.-хорв. *кра́так*, словен. *krátək*, чеш. *krátký*, слвц. *krátky*,

[26] Ср.: M e i l l e t. Указ. соч., стр. 296.
[27] Там же, стр. 435.
[28] Там же, стр. 327.

польск. *krótki*, в.-луж. *krótki*, н.-луж. *krotki*, лит. *kartùs* 'горький'), *узъкыи* (*у* < **ǫ*, к *вязати*, ср. ст.-слав. **жзъкъ**, с.-хорв. *ȕзак*, словен. *ózək*, чеш. *úzký*, слвц. *úzky*, польск. *wązki*, в.-луж. *wuzki*, н.-луж. *huzki*; др.-инд. *aṁhús*, арм. *anjuk*, гот. *aggwus*, лат. *angustus*) и **прудъкъ* (представлено *прутко* 'стремительно', *у* < **ǫ*, к *прядати*, *пружати*, ср. словен. *prǫ́dək*, чеш. *proudký*, слвц. *prudký*, польск. *prędki*).

Вокализм в ступени редукции характерен для имен существительных со следующими суффиксами:

-na: огласовка в ступени редукции представлена в *вълна* (к *вълати*, ср. ст.-слав. **влъна**, болг. *вълна*, чеш. *vlna*, польск. *wełna*; лит. *vilnìs*, *vilnià*, лтш. *vilna*, др.-в.-нем. *wella*, др.-инд. *ūrmís*) и *стогна* (< **stъgna* < **stьgna*, к *стигнути*, ср. ст.-слав. **стьгна**, болг. *стъгда*, словен. *stəgnè* мн., диал. *stəgnà*, др.-польск. *ściegna*, словин. *stẽĭgna*). В образованиях с суффиксом *-na* возможен также вокализм **o* (см. выше);

-nъ: *гърнъ* (к *горѣти*, *грѣти*, ср. ц.-слав. **грънъ**, болг. *гърне*, с.-хорв. *гр̏не*, словен. *gŕnəc*, чеш., слвц. *hrnec*, польск. *garnek*, в.-луж. *hornc*, н.-луж. *gjarńc*; лат. *fornus*, др.-инд. *ghṛṇás*, др.-прусск. *goro*), *дьрнъ* (к *дьрати*, ср. болг. *дрън*, словен. *dȓn*, чеш. *drn*, польск. *darn*, *darń*, в.-луж. *dorn*, н.-луж. *dern*; др.-инд. *dīrṇás*), *сънъ* (к *съпати*, ср. ст.-слав. **сънъ**, болг. *сън*, с.-хорв. *сâн*, словен. *sə̀n*, чеш., слвц. *sen*, польск. *sen*, в.-луж. *són*, н.-луж. *soń* ж.; греч. ὕπνος, лит. *sãpnas*, лтш. *sapnis*, др.-инд. *svápnas*, и т. д.). Судя по *клюнъ* (ц.-слав. **клюнъ**, болг. *клюн*, с.-хорв. *кљȗн*, словен. *kljûn*), возможен также и полный вокализм;

-tъ: наряду с вокализмом **o* (см. выше) представлен и вокализм в ступени редукции: *рътъ* (к *рыти*, с.-ц.-слав. **ръттъ**, болг. *рът*, с.-хорв. *р̑т*, словен. *ȓt*, чеш. *ret*, слвц. *ret*, в.-луж. *rót*; м. б. лтш. *rutulis*), *плотъ* (*о* < **ъ*, к *плыти*, ср. др.-чеш. *plet'* ж., слвц. *plť*, польск. *płet*; др.-инд. *plutás*, греч. πλυτός, πλύσις, н.-в.-нем. *Floss*), *пъртъ* (к *пороти*, ср. ст.-слав. **прътиште**, болг. *пъртушúна*, с.-хорв. *пр̑тен* 'льняной', словен. *pȓt*, чеш. *prt*, польск. *part*);

-tь[29]*:* *роздьрть*, *дьрть* (к *деру*, *дьрати*, ср. чеш. *drť*; др.-инд. *dṛ́tiṣ*, греч. δάρσις), *смьрть* (к *мерети*, *мьру*, ср. ст.-слав. **съмрьть**, болг. *смърт*, с.-хорв. *см̑рт*, словен. *smȓt*, чеш. *smrt*, слвц. *smrť*, польск. *śmierć*, в.-луж. *smjerć*, н.-луж. *smjerś*; лит. *mirtìs*, лтш. *miřte*, др.-инд. *mṛtiṣ*, лат. *mors*, *mortis*, гот. *maúrþr*), *пьрть* 'тропа' (к *перети* 'идти', болг. *пъртúна*, с.-хорв. *пр̑т*, чеш. *prt*, польск. *pierć*), *пьрть* 'баня', *папьрть* (к *перети* 'подпирать', ср. лит.

[29] Там же, стр. 276.

pirtìs, лтш. *pìrts*), *чьсть* (к *чисти*, *чьту*, ср. ст.-слав. **чьсть**, болг. *чест*, с.-хорв. *чâст*, словен. *čâst*, чеш. *čest*, слвц. *čest'*, польск. *cześć*, в.-луж. *česć*, н.-луж. *cesć*; др.-инд. *cíttiṣ*, авест. *čisti-*), *пошесть* 'нашествие, напасть' (к *шьдъ*). Имена с иными ступенями огласовки (типа *быть*, *жить*, *вѣсть*, *волость*, *оужасть*, *мочь*, *печь*) образованы от корней, не имеющих в славянских языках вокализма в ступени редукции;

-tьje: образования от корней, допускающих вокализм в ступени редукции, почти все имеют именно этот вокализм, ср. *отъвьрстье*, *оумьртие*, *понертие* 'погружение', *истертие* 'расточение, уничтожение', *шьстиѥ*. С иным вокализмом: *плоутье* 'плавание' (о возможности ступени редукции свидетельствует *плотъ*, см. выше) и ст.-слав. **прострѣтиѥ**;

-eža: *вьртежь* 'винт' (к *вьртѣти*, ср. болг. *вьртеж*, с.-хорв. *вр̀теж*), *гъбежь* 'сгиб, сустав' (к *гънути*), *чьртежь* 'отметки, грань' (к *чьрту*, *черести*, ср. чеш. мест. н. *Třietež*, *Střietež*, слвц. *Č(i)ert'až*, местн. н., *čiert'až*). Возможны и иные ступени вокализма: ср. *грабежь* (вокализм **ō*, к *грабити*), *мятежь* (м. б. вокализм в ступени **e*: *'a* < **ę*, к *мясти*).

К этой группе примыкают два образования с суффиксом *-inъ*, имеющие нулевой вокализм в корне: *клинъ* (к *колоти*, ср. ст.-слав. **клинъ**, болг. *клин*, с.-хорв. *клѝн*, словен. *klìn*, чеш. *klín*, слвц. *klin*, польск., в.-луж., н.-луж. *klin*) и *млинъ* (к *мелю*, *молоти*, ср. с.-ц.-слав. **млинъ**, болг. *млин*, словен. *mlinəc*, с.-хорв. *мли̏нац*, в.-луж. *mlinc*, *blinc*, н.-луж. *mlyńc*). Оба образования собственно славянские, не имеющие соответствий за пределами славянских языков.

Из имен прилагательных вокализмом в ступени редукции характеризуются образования со следующими суффиксами:

-rъ[30]*:* *бъдръ* (к *бъдѣти*, *будити*, ср. ст.-слав. **бъдръ**, с.-хорв. *бдѝдар*; лит. *budrùs*, авест. *zaēni-buδra* 'ревностно бдящий'), *пьстръ* (к *пьсати*, *пишу*, ср. ст.-слав. **пьстръ**, болг. *пъстър*, словен. *pə̀stər*, чеш., слвц. *pestrý*, польск. *pstry*; греч. ποικίλος, πικρός), *споръ* (к *спѣти*, *o* < **ə*, ср. ст.-слав. **споръ**, болг. *спор*, с.-хорв. *сп̏р*, словен. *spȍr*, чеш. *sporý*, слвц. *sporý*, польск. *spory*, в.-луж. *spory*, н.-луж. *spóry*; др.-инд. *sphirás*, лат. *prosperos* < **prosparos*, др.-исл. *sparr*). Остающееся за пределами этой группы соотносительное с глаголом прилагательное *мокръ* образовано от корня, не допускающего чередования гласных;

-ъkъ: наряду с вокализмом **o* (см. выше), в образованиях с этим суффиксом представлена ступень редукции —

[30] Ср.: Meillet. Указ. соч., стр. 402.

мьрзъкъ (к *мьрзнути*, *мьрзѣти*, ср. ст.-слав. *мръзъкъ*, с.-хорв. *мр̀зак*, словен. *mŕzək*, чеш., слвц. *mrzký*), **мъдъкъ* (представлено *мотчати* 'медлить'; к *мудити* 'медлить'), *пълзъкъ* 'скользкий' (к *пълзти*, ср. ст.-слав. **плъзъкъ**, чеш. *plzký*).

Вокализм **e* характерен для имен существительных со следующими суффиксами:

-eno: из трех имен, содержащих этот суффикс и соотносительных с глаголами, два имеют вокализм **e* — *веретено* (к *вьртѣти*, ср. ст.-слав. **врѣтено**, болг. *вретено*, с.-хорв. *вретѐно*, словен. *vreténo*, чеш. *vřeteno*, слвц. *vreteno*, польск. *wrzeciono*, в.-луж. *wrjećeno*, н.-луж. *rjeśeno*; др.-инд. *vártanam*), *прядено* 'пряжа' (ср. *prádana* в словаре Ричарда Джемса [31], к *прясти*; ср. чеш. *přadeno*), одно имя — с вокализмом в ступени редукции: *пшено* (к *пьхнути*, ср. ст.-слав. **пьшено**, с.-хорв. *пшéна*, словен. *pšéno*, чеш. *pšano*, *pšeno*, слвц. *pšeno*, польск. *pszono*);

-enь (< **enĭ*): *печень* (к *пеку*, *печи*, ср. ст.-слав. **печень**, чеш. *pečenka*, польск. *pieczeń*, лит. *kẽpenos*), *сажень* (< *sę̑ženь*, к *сягати*, ср. с.-ц.-слав. **сажень**, с.-хорв. *сѐжањ*, словен. *sę́ženj*, др.-чеш. *sažeň*, польск. *sążeń*, в.-луж. *sažeń*, н.-луж. *sežań*, *sćěžań*);

-mę (< **-men*): вокализм в ступени **e* [32] — в *беремя* (к *бьрати*, *беру*; ср. ст.-слав. **брѣмѧ**, болг. *бреме*, с.-хорв. *брѐме*, словен. *bréme*, чеш. *břímě*, польск. *brzemię*, в.-луж. *brěmjo*, н.-луж. *brěḿe*; др.-инд. *bhariman*, греч. φέρμα), *тѣмя* (< **tenmen*, к *тяти*, *тьну*, ср. с.-ц.-слав. **тѣмѧ**, болг. *теме*, с.-хорв. *тѐме*, словен. *téme*, чеш. *témě*, слвц. *temä*, польск. *ciemię*, н.-луж. *tyḿe*), *веремя* (к *вьртѣти*, ср. ст.-слав. **врѣмѧ**, болг. *време*, с.-хорв. *врѐме*, *врѐмена*, словен. *vréme*, др.-инд. *vártman-*), *писмена* мн. (*и* < **ei*, к *пьсати*, *пишу*, ср. ст.-слав. **писмѧ**, чеш. *písmeno*). Иной вокализм представлен в *поломя* (к *полѣти*, ср. ст.-слав. **пламы**, **пламене**, болг. *пламен*, с.-хорв. *плàмен*, словен. *plámen*, чеш. *plamen*, слвц. *plameň*, польск. *płomień*, в.-луж. *płomjo*, н.-луж. *płoḿe*);

-lo [33]: *гребло* (к *грести*, ср. ст.-слав. **гребло**, с.-хорв. *грѐбло*, чеш. *hřeblo*, польск. *grzebło*, в.-луж. *hrjëbło*, н.-луж. *grjobło*), *порекло* (к *речи*, ср. ст.-слав. **порекло**, с.-хорв. *порѐкло*, болг. *порекло*), *село* (< **sedlo*, к *сѣсти*, ср. ст.-слав. **село**, болг. *село*, с.-хорв. *сѐло*, словен. *sélọ*, чеш. *sídlo*, в.-луж. *sydło*, н.-луж. *sedło*; гот. *sitls*, лат. *sella*, греч.

---

[31] Б. А. Ларин. Русско-английский словарь-дневник Ричарда Джемса. Л., 1959, стр. 78.

[32] Ср.: Meillet. Указ. соч., стр. 422.

[33] Там же, стр. 414.

'Ελλα, название храма Зевса в Додоне[34]), может быть и *тягло* ('*a* < *ę, к *тянути*, ср. болг. *тегло*, чеш. *táhlo*, *těhlo*, польск. *ciągło*, в.-луж. *ćahlo*). В образованиях с этим суффиксом возможен также вокализм *o (см. выше);

-slo: вокализм *e представлен во всех образованиях, корни которых допускают чередование гласных[35]: *съвясло* 'вязка, пучок', *увясло* 'перевязь' ('*a* < *ę, но *ę* может восходить и к *en, и к *n̥, к *вязати*, ср. ст.-слав. **съвѧсло**, чеш. *obáslo*, польск. *ob(w)iąsło*), *прясло* 'звено изгороди', 'степень, достоинство' ('*a* < *ę, но *ę* может восходить и к *en*, и к *n̥*; к *прясти* 'ткать', *прядати*, *прянути*, *прудити*; ср. с.-ц.-слав. **прѧсло**, с.-хорв. *прѐслица*, словен. *prẹ́slo*, чеш. *přáslo*, польск. *przęsło*; лтш. *spriêslis*), *число* (*u* < *ei, к чисти, чьту; ср. ст.-слав. **число**, с.-хорв. *чи́сло*, словен. *číslo*, чеш. *číslo*, слвц. *číslo*, др.-польск. *czysło*, в.-луж. *čisło*, н.-луж. *cysło*), *чересло* (к *черести*, *чьрту*; ср. ст.-слав. **чрѣсла** мн., болг. *чресла* мн., словен. *črẹ́slo*, чеш. *tříslo*, *stříslo*, слвц. *črieslo*, польск. *trzosło*), *весло* (к *везти*, ср. ст.-слав. **весло**, болг. *весло*, с.-хорв. *вѐсло*, словен. *véslo*, чеш., слвц. *veslo*, польск. *wiosło*, в.-луж. *wjesło*, н.-луж. *wjaslo*).

Следовательно, с точки зрения характерности для суффиксальных имен, соотносительных с глаголами, для славянской морфонологии существенны только три ступени вокализма: *o, ступень редукции (и нуль), *e (последняя — только для имен существительных). Ни ступень удлинения полных гласных, ни ступень удлинения редукции (развившаяся в праславянском языке) не характеризуют ни один тип суффиксальных имен. Вокализм в ступени *o характерен для имен существительных с суффиксами *-no*, *-na* (наряду с вокализмом в ступени редукции), *-mъ*, *-lo* (наряду с *e), *-kъ*, *-to*, *-tъ* (наряду со ступенью редукции), *-otъ* и для имен прилагательных с суффиксами *-nъ* и *-ъkъ* (наряду со ступенью редукции). Вокализм в ступени редукции характерен для имен существительных с суффиксами *-na* (наряду с вокализмом *o), *-nъ*, *-tъ* (наряду с вокализмом *o), *-tь*, *-tьje*, *-ežь* и для прилагательных с суффиксами *-rъ* и *-ъkъ* (наряду с вокализмом *o). Нулевой вокализм представлен в единичных образованиях с суффиксом *-inъ*. Вокализм в ступени *e характерен для имен существительных с суффиксами *-eno*, *-enь* ж. р., *-mę*, *-lo* (наряду с вокализмом *o), *-slo*. Распределение односуффиксальных образований между двумя видами вокализма касается продуктивных моделей. Существенно, что соотнесенными оказываются в одном случае (суфф. *-lo*) ступени вокализма *e и *o, в трех случаях (суффиксы

---

[34] См.: О. Н. Трубачев. Этимологический словарь славянских языков. Проспект. Пробные статьи. М., 1963, стр. 77.

[35] Ср.: Meillet. Указ. соч., стр. 414.

существительных *-na*, *-tъ* и суффикс прилагательных *-ъkъ*) — вокализм **o* и ступень редукции. Почти все суффиксы, относительно которых можно предполагать предпочтение определенных ступеней корневого вокализма, присоединяются только к корням; к основам могут присоединяться лишь *-tьje* и *-na*. Составным из рассмотренных суффиксов является только *-tьje*.

Ни одна из перечисленных суффиксальных моделей не является собственно русской, все они известны и другим славянским языкам и восходят к праславянскому языку, почти все рассмотренные имена (кроме **mъdъkъ*) зафиксированы в нескольких славянских языках и восходят к праславянским образованиям. Далее, почти все (кроме *-ežь*) суффиксы, характеризующиеся предпочтением определенной ступени корневого вокализма, восходят к индоевропейским суффиксам, многим из которых присущи те же морфонологические характеристики: индоевропейский суффикс **-tĭ* предпочитает корневой вокализм в ступени редукции [36], в именах существительных с индоевропейским суффиксом **-to* возможны и ступень редукции, и полный вокализм, в прилагательных же с этим суффиксом преобладает вокализм в ступени редукции [37] (к этим прилагательным, через развившиеся из них славянские причастия с суффиксом *-t-*, восходят и имена существительные на *-tьje*), в индоевропейских прилагательных с основой на **-ŭ-* (расширением которой является славянское *-ъkъ*) также преобладает вокализм в ступени редукции [38]. Индоевропейский источник имеет (судя по наличию соответствий за пределами славянских языков) и распределение образований с суффиксами *-na*, *-tъ*, *-ъkъ* (последнее — в прилагательных) между двумя видами корневого вокализма — **o* и ступенью редукции: оно может отражать первоначальную изменяемость корневого вокализма индоевропейской основы (полный вокализм // нулевой вокализм) в соответствии с различными ступенями суффикса [39]. Наконец, к индоевропейскому периоду восходят, вероятно, оба славянских имени с суффиксом *-inъ* — *клинъ* и *млинъ* (хотя они не имеют соответствий за пределами славянских языков): нулевая ступень и корня, и суффикса (*клинъ* < **klīnъ*, ср. с.-хорв. *клӣн*) характеризует древние индоевропейские именные образования [40].

Следовательно, многие славянские имена просто сохраняют древние, индоевропейские словообразовательные модели с присущими им морфонологическими характеристиками (см. наличие

---

[36] См.: K. Brugmann. Grundriss der vergleichenden Grammatik der indogermanischen Sprachen, Bd II, Tl. 1. Strassburg, 1906, стр. 429—432.

[37] См. там же, стр. 408—411.

[38] См. там же, стр. 176.

[39] См.: Э. Бенвенист. Индоевропейское именное словообразование. М., 1955 (русск. пер.), стр. 181—184.

[40] См. там же, стр. 196.

соответствий для многих имен в других индоевропейских языках): таковы все перечисленные имена с суффиксами *-to* (с вокализмом **o*), *-tъ* (с вокализмом **o*), *-nъ* (с вокализмом в ступени редукции), *-rъ* (прилагательные, с вокализмом в ступени редукции), а также отдельные образования с суффиксами *-na*, *-mъ*, *-kъ*, *-eno*, *-enь*, *-mę*, *-lo*, *-slo*, *-tъ*, *-tь*, *-ъkъ* (прилагательные). Однако наряду с ними представлены — и с теми же морфонологическими характеристиками — имена, не имеющие соответствий за пределами славянских языков: таковы *сторона*, *космъ*, *възорокъ*, *порокъ* 'стенобитное орудие', *пъртъ*, *пьрть*, *пошесть*, *стогна*, *прудъкъ*, *пълзъкъ*, **мъдъкъ*, *мьрзъкъ*, *прядено*, *сажень*, *темя*, *писмена*, *гребло*, *тягло*, *съвясло*, *число*, *чересло*. Наличие этих собственно славянских образований свидетельствует о сохранении в праславянском языке тенденции к сочетанию некоторых суффиксов с корнями на определенной ступени вокализма: суффиксов *-kъ*, *-mъ* — с корневым вокализмом **o*, суффиксов *-tъ*, *-tь*, *-tьje* — с корневым вокализмом в ступени редукции, суффиксов *-na*, *-ъkъ* (в прилагательных) — с вокализмом **o* и в ступени редукции, суффиксов *-eno*, *-enь*, *-mę*, *-slo*, *-lo* — с вокализмом **e*. Особенно существенно наличие целых групп имен, тождественных по корневому вокализму и суффиксу и не имеющих соответствий за пределами славянских языков: таковы имена существительные с суффиксом *-no* при вокализме **o*, прилагательные с суффиксом *-nъ* при вокализме **o*, существительные с суффиксом *-lo* при вокализме **o*, существительные с суффиксом *-ežь* при вокализме в ступени редукции. Возможно, эти образования свидетельствуют о морфологической активности ступени **o* и ступени редукции в праславянский период (ср. особенно появление вокализма **o* в именах с суфф. *-lo* при более древнем **e*).

Преобладание во всех рассмотренных группах общеславянских образований, почти полное отсутствие в них составных суффиксов, преобладание суффиксов, способных соединяться лишь с корнями, ограничение морфонологического использования изменений вокализма ступенями, унаследованными от индоевропейского праязыка (собственно славянская ступень удлинения редукции не используется), определяет хронологические рамки морфологической роли чередования корневых гласных в праславянском языке и позволяет приписывать ее лишь раннепраславянскому периоду.

Рассмотрение корневого вокализма в откорневых образованиях с прочими суффиксами свидетельствует об отсутствии какой-либо непосредственной зависимости между суффиксом и ступенью корневого вокализма. Сопоставление по вокализму суффиксальных имен и однокоренных глагольных основ (в случае наличия чередования в корне) позволяет лишь определить круг глагольных основ, корни которых послужили производящими элементами для имен (см. разд. 2). Наблюдающееся в некоторых случаях единообразие корневого вокализма является следствием предпочте-

ния корней одного типа глагольных основ, характеризующегося определенным вокализмом. Так, преобладание вокализма *o в образованиях с суффиксом -(a)tajь может быть понято как следствие использования в качестве производящего элемента преимущественно корней, выделенных из глагольных основ на -i-, для которых типичен вокализм *o. Единообразие глагольных основ, с которыми соотносятся по корневому вокализму суффиксальные имена, как раз и отличает эти случаи от рассмотренных выше случаев предпочтения в образованиях с некоторыми суффиксами определенных ступеней корневого вокализма.

Для уяснения степени существенности изменения корневых гласных для славянского и древнерусского словообразования представляют интерес соотносительные с глаголами суффиксальные имена, вокализм которых представлен в ступени, не засвидетельствованной в однокоренных славянских глаголах. Чаще всего имя противопоставлено глаголу по вокализму в ступени *o. Такое противопоставление характеризует следующие имена существительные с суффиксами:

-*xъ*: *смѣхъ* (*ѣ* < **oi*, к *смиꙗтися*, *смѣюся*, где *ѣ* < **ē*[41], ср. ст.-слав. **смѣхъ**, болг. *смях*, с.-хорв. *смȅх*, *смȅха*, словен. *smȇh*, чеш. *smích*, слвц. *smiech*, польск. *śmiech*, в.-луж., н.-луж. *směch*, и.-е. **smoisos*);

-*ka*: *рѣка* (*ѣ* < **oi*, к *ринути*, *рѣяти*, *рѣю*, где *ѣ* < **ē*, ср. *смѣюся;* ср. ст.-слав. **рѣка**, болг. *река*, с.-хорв. *рéка*, словен. *rẹ́ka*, чеш. *řeka*, слвц. *rieka*, польск. *rzeka*, в.- луж., н.-луж. *rěka*, полаб. *r'éka*);

-*kъ*: *възорокъ*, *порокъ*, *тукъ* (соответствия в др. языках см. выше);

-*čь* < **kje*: *узорочь* 'драгоценности' (к *зърѣти*, *зърю*);

-*ька*: *почька* (к *печи*);

-*ьсь* < **ьkъ*: *борьць* (к *бърати*, *беру*; ср. *боръ*), *небоець* (к *бити*, *бью*, ср. с.-хорв. *бȍјац*, польск. *zbójca*; ср. *бои*), *коньць* (к *-чати*, *чьну*, ср. ст.-слав. **коньць**), болг. *конец*, с.-хорв. *кȏнац*, словен. *kónəc*, чеш. *konec*, слвц. *koniec*, польск. *koniec*, в.-луж. *kónc*, н.-луж. *kóńc*; ср. *конъ*);

-*tъ*: *поромъ* (к *перети*, *пьру*, соответствия см. выше);

-*na*: *сторона* (к *-стерети*, *-стьру*, соответствия см. выше);

-*nь* ж. р.: *сторонь;*

-*no*: *руно* (к *ръвати*, соответствия см. выше);

-*ьn'a*: *пѣшьня* (к *пьхати*, ср. польск. *piesznia*, *pieśnia*);

-*ьno*: *покровьно* (к *крыти*, ср. *покровъ*);

---

[41] См.: W. R. Schmalstieg. A Note on Slavic Verbs of the Type *zějǫ*: *zьjati*. — «Word», 16, № 2, 1960, стр. 204—206; *ē* в *směję* здесь объясняется аналогией с *zějǫ* < **ĝheHu̯-* при *zьjati* < **ĝhHu̯-*.

-nikъ: *вѣникъ* (*ě* < **oi*, к *вити*, *вью*, ср. ст.-слав. **вѣникъ**, словен. *vênik*, чеш. *věník*, др.-польск. *wienik*);
-ьnikъ, *-ьnica*: *съборьникъ* (к *бьрати*, *беру*, ср. болг. *сборник*, с.-хорв. *збôрнӣк* и др., ср. *съборъ*), *убоиникъ* (к *бити*, *бью*, ср. *убои*), *гробьница* (к *грести*, ср. болг. *гробница*, с.-хорв. *грȍбница* и др.; ср. *гробъ*);
-išče: *съборище* (ср. *съборъ*), *убоище* (ср. *убои*), *гробище* (ср. *гробъ*), *позорище* (ср. *позоръ*), *кровище* (ср. *кровъ*), *оурочище* (ср. *оурокъ*), *ровище* (ср. *ровъ*);
-ьščikъ: *наборьщикъ* (ср. *наборъ*);
-to: *долото* (к *дълбсти*), *путо* (к *пяти*), соответствия см. выше;
-tъ: *потъ* (к *печи*, соответствия см. выше);
-otъ: *троскотъ* (к *треснути*, соответствия см. выше);
-(a)tajь: *позоратаи* 'очевидец, зритель', *съзоратаи* 'соглядатай' (диал. *зо́рить* 'видеть, зреть, смотреть, подстерегать'[42] судя по ударению, может быть отыменным; ср. ст.-слав. **позоратаи**).

Из суффиксальных имен прилагательных изолированный вокализм в ступени **o* характеризует образования со следующими суффиксами:
-kъ: *порокыи* 'жестокий' (если к *перети*);
-ъkъ: *коротъкыи* (к *черести*, *чьрту*, соответствия см. выше);
-nъ: *просторонъ* (к *простерети*, соответствия см. выше);
-ьnъ: *блѣщьныи* (к *бльстѣти*, ср. *блѣскъ*), *съвузьныи* (к *вязати*, ср. *съвуза*), *гробьныи* (к *грести*, ср. *гробъ*), *съкровьныи* (к *крыти*, ср. *кровъ*), *мовьныи* (к *мыти*, ср. *мовь*), *спорьныи* (к *перети*, ср. *споръ*), *рочьныи* (к *речи*, ср. *рокъ*), *ровьныи* (к *рыти*, ср. *ровъ*), *досужьныи* (к *досячи*, ср. *досугъ*), *просторьныи* (к *простерети*, ср. *просторъ*), *скоудьныи* (к *щадѣти*, ср. *скоудыи*);
-ьskъ: *прозорьскыи* (к *зьрѣти*, ср. *прозоръ*);
-itъ: *завоитъ* 'извилистыи' (к *вити*, ср. *завои*);
-(ъ/ьl)ivъ: *изборивыи* (к *бьрати*, ср. *-боръ*), *завоивыи* (к *вити*, ср. *завои*), *прозоривъ* (к *зьрѣти*, ср. *прозоръ* 'прозорливец'), *прозорьливъ* (ср. *прозоривъ*, *прозоръ*), *порочивъ* (к *речи*, ср. *порокъ*).

При оценке перечисленных случаев изолированного вокализма **o* в суффиксальных именах следует исключить из рассмотрения имена с суффиксами *-ьсь*, *-ьno*, *-ьnikъ*, *-ьnica*, *-išče*, *-ьščikъ*; *-ьnъ*, *-ьskъ*, *-itъ* и *(-ъ/ьl)ivъ* (прилагательные), так как они являются, вероятно, производными от бессуффиксальных («корневых») имен. Из остающихся имен лишь древнерусские *сторонь*, *узорочь*, *почька* и *порокыи* не имеют точных соответствий в других славянских языках. При этом *сторонь* лишь парадигматическим

[42] Даль I, стб. 1729.

классом отличается от общеславянского *сторона*, а *узорочь* — от общеславянского *зорокъ*; прилагательное *порокыи* тождественно по вокализму общеславянскому существительному *порокъ* 'стенобитное орудие', а суффиксальное *почька* — «корневому» общеславянскому *опока*. Следовательно, древнерусский язык не создал ни одного нового (неизвестного праславянскому языку) случая противопоставления суффиксального имени глаголу по корневому вокализму **о*. Собственно древнерусским является, быть может, лишь использование праславянских корней с вокализмом **о* в суффиксальных образованиях, отсутствующих в других славянских языках (ср. *почька*), или образование к праславянским суффиксальным именам парадигматических вариантов, неизвестных другим славянским языкам (ср. *сторонь*, *узорочь*, *порокыи*). Последнее может относиться к позднепраславянскому периоду и характеризовать древнерусский как диалект праславянского.

С другой стороны, лишь немногие из перечисленных выше имен с вокализмом **о*, будучи известны нескольким славянским языкам, имеют цельнословные соответствия в других индоевропейских языках (ср. *смѣхъ*, *путо*, *тукъ*). Следовательно, можно предполагать, что значительная часть перечисленных случаев противопоставления суффиксальных имен глаголам по вокализму **о* является собственно славянским образованием. Наличие их подтверждает актуальность для праславянского языка древнейшего периода тенденции к предпочтению в ряде суффиксальных образований вокализма в ступени **о* (см. выше перечень суффиксов).

Вокализм в ступени редукции (при отсутствии соответствия в глагольных основах) представлен в именах со следующими суффиксами:

существительные:

-lo < **-dlo*: *гърло* (к *жерети*, *жьру*, ср. ст.-слав. **гръло**, с.-хорв. *гр̏ло*, чеш. *hrdlo*, польск. *gardło*; лит. *gurklỹs*, др.-прусск. *gurcle*);

-xa: *снъха* (к *сновати*, ср. ст.-слав., с.-ц. слав. **снъха**, болг. *снъха*, с.-хорв. *снàха*, словен. *snáha*, польск. *sneszka*, др.-инд. *snuṣā́*, греч. νυός, лат. *nurus* и т. д.);

-na: *стогна* (к *стичи*, соответствия см. выше);

-nъ: *гърнъ* (к *горѣти*, соответствия см. выше);

-tъ: *рътъ* (к *рыти*), *пъртъ* (к *пороти*), *плотъ* (к *плыти*, соответствия см. выше),

-znь: *кознь* (<*kъznь*, к *ковати*, *кую*, ср. ст.-слав. **къзнь**);

прилагательные:

-dъ: *твьрдыи* (к *творити*, ср. ст.-слав. **тврьдъ**, болг. *твърд*, с.-хорв. *твр̂д*, словен. *tȓd*, чеш., слвц. *tvrdý*, польск.

twardy, в.-луж. *twjerdy*, н.-луж. *twardy*; лит. *tvìrtas*, лтш. *tvîrts*);

-ъkъ: **mъdъkъ* (к *мудити*);

-ьlъ: *мьдлъ* (<**mъdьlъ*, к *мудити*, ср. ст.-слав. **мъдьлъ**, словен. *medȁl*, *-dlà*, чеш. *mdlý*, польск. *mdły*, н.-луж. *módły*, *mdły*, *medły*);

-ьnъ: *рьвьныи* 'исполненный ревности' (к *рюти*, ср. ст.-слав. **рьвьнъ**);

-rъ: *спорыи* (к *спѣти*, соответствия см. выше).

Из перечисленных образований лишь древнерусское **мъдъкъ* (*мотчати*) не имеет соответствий в других славянских языках. Так как чередование *ъ // у* (**мъдъкъ* : *мудити*) вряд ли могло возникнуть в древнерусском языке, **мъдъкъ* может рассматриваться как праславянское образование, точнее — как праславянский диалектизм русского языка. Следует учесть, однако, что тождественный вокализм представлен в общеславянском **mъdьlъ*.

Индоевропейские соответствия представлены лишь для части перечисленных имен. *Стогна*, *ръть*, *пъртъ*, *къзнь*, *рьвнъ* таких соответствий не имеют и могут быть, следовательно, праславянскими образованиями. Особенно существенны *стогна*, *ръть*, *пъртъ*, так как отсутствие в глаголах соответствующего вокализма подтверждает актуальность для раннепраславянского периода тенденции к предпочтению вокализма в ступени редукции в именах с суффиксами *-na* и *-tъ* (ср. и *къзнь* — с элементом *-n-*!).

Нулевой вокализм праславянских *клинъ* и *млинъ* также не имеет соответствий в однокоренных глаголах. Несмотря на отсутствие соответствий за пределами славянских языков, это, вероятно, индоевропейские образования (см. выше).

Огласовка в ступени **e* (при отсутствии тождественного вокализма в глаголе) представлена в именах со следующими суффиксами:

существительные:

-lo: *село* (к *сѣсти*, соответствия см. выше);

-ьlo: *седьло* (к *сѣсти*, ср. ст.-слав. **осѣдълати**, болг. *седло*, с.-хорв. *седло*, словен. *sédlọ*, чеш., слвц. *sedlo*, польск. *siodło*, в.-луж. *sedło*, н.-луж. *sodło*, полаб. *sedlü*);

-men-: *веремя* (к *вьртѣти*);

-šь: *лемешь* (к *ломити*, ср. ст.-слав. **лемѣшь**, болг. *лемеж*, с.-хорв. *лѐмеш*, словен. *lémež*, чеш., слвц. *lemeš*, польск. *lemiesz*, *lemięż*; лтш. *lemesis*, лит. *lemežis*);

-eno: *веретено* (к *вьртѣти*, соответствия см. выше);

-yra: *секыра* (к *сѣчи*, ср. ст.-слав. **секыра**, болг. *секира*, словен. *sekíra*, чеш. *sekyra*, слвц. *sekera*, польск. *siekiera*, в.-луж., н.-луж. *sekera*; лат. *secūris*);

-ivo: *молозиво* (к *мълзти*, ср. словен. *mlézivo*, чеш. *mlezivo*, слвц. *mledzivo*, польск. *młodziwo*);

прилагательные

-lъ: *теплыи* (к *топити*, ср. ст.-слав. **теплость**, чеш., слвц. *teplý*, польск. *ciepły*, в.-луж. *ćopły*, н.-луж. *śopły*; лат. *tepeo*);

-avъ: *жеравыи* (к *горѣти*, ср. ст.-слав. **жеравъ**, с.-хорв. *жȅрав* f. 'горящие угли', словен. *žerâvica* 'изжога', чеш. *žeřavý*).

Во всех перечисленных случаях древнерусский вокализм является, следовательно, продолжением праславянского. Цельнословные индоевропейские соответствия имеются в большинстве случаев. Все приведенные имена интересны как примеры сохранения в имени ступени вокализма **e*, утраченной в глаголах.

По вокализму в ступени удлинения однокоренным глаголам противопоставлены следующие имена:

существительные:

-no: *вѣно* (*ѣ* < **ē*, к *вести*, *веду*, ср. польск. *wiano*, чеш. *věno*, слвц. *veno*; греч. ἕδνον, др.-англосакс. *weotuma*, др.-в.-нем. *widimen*);

-nь: *вазнь* 'удача, счастье' (к *везти*);

прилагательные:

-tъ *чистыи* (к *цѣдити*, ср. ст.-слав. **чистъ**, болг. *чист*, с.-хорв. *чȉст*, *чȉста*, словен. *čìst*, *čísta*, чеш., слвц. *čistý*, польск. *czysty*, в.-луж. *čisty*, н.-луж. *cysty*, полаб. *cáiste*; лит. *skýstas*, лтш. *šķīsts*, *šķīsts*);

-ъkъ: *мѣлъкыи* (к *мелю*, *молоти*, ср. ст.-слав. **мѣлъкъ**, с.-хорв. стар. *миоки*, словен. *mîłka* 'мелкий речной песок', чеш. *mělký*, слвц. *melký*, польск. *miałki*, в.-луж. *miłki*, н.-луж. *mjałki*, *měłki*).

Таким образом, *вѣно* является продолжением индоевропейского образования, но с собственно праславянским удлинением корневого гласного; *чистый* по типу вокализма относится, вероятно, к числу случаев балто-славянского удлинения (**ī*); праславянским образованием является *мѣлъкыи*. Древнерусское *вазнь* не имеет соответствий ни в других славянских языках, ни за их пределами и связь его с *везти* подтверждается свойственным только русскому языку употреблением этого глагола в безличном сочетании *везет (везло) кому-нибудь* 'удается' (ср. чеш. *povesti*, *-du* 'удаться'). С другой стороны, отсутствие в глаголе тождественной ступени вокализма и присоединение суффикса непосредственно к корню (ср. общеслав. *казнь*) характеризуют *вазнь* как праславянское образование. Следовательно, *вазнь* может рас-

сматриваться как праславянский диалектизм русского языка [43].

Рассмотрение суффиксальных имен с изолированным вокализмом подтверждает, следовательно, наличие тенденции к предпочтению в некоторых суффиксальных образованиях определенных ступеней корневого вокализма (**о* и ступени редукции). Вместе с тем подтверждается и актуальность этой тенденции лишь для раннепраславянского периода. Древнерусские образования, не имеющие соответствий в других славянских языках, являются или праславянскими диалектизмами (*вазнь*), или специфическими суффиксальными образованиями от общеславянских корней (*почька*, **мъдъкъ*), или парадигматическими вариантами праславянских имен, неизвестными другим славянским языкам (*сторонь*, *узорочь*, *порокыи*). Для морфонологической характеристики древнерусского языка существенно отсутствие собственных, неизвестных другим славянским языкам архаизмов (имен с изолированным вокализмом **е*) и наличие одного собственного праславянского новообразования (*вазнь* с корневым удлинением). Для морфонологии праславянского языка существенна малочисленность суффиксальных образований с изолированным корневым удлинением, в отличие от частоты его появления в бессуффиксальных именах. Долгий вокализм оказывается, следовательно, несущественным для морфонологии суффиксальных имен.

---

[43] См.: О. Н. Трубачев. О составе праславянского словаря. — Сб. «Славянское языкознание. Доклады советской делегации на V Международном съезде славистов». М., 1963, стр. 171.

Ж. Ж. Варбот

МОРФОНОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ДРЕВНЕРУССКИХ КОРНЕВЫХ ИМЕН СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ, СООТНОСИТЕЛЬНЫХ С ГЛАГОЛАМИ

В качестве корневых в данной работе условно рассматриваются бессуффиксальные имена различных типов основ и имена с суффиксом *-j-*, поскольку в праславянском и древнерусском языках они образуют мягкий вариант тех же типов основ и по рассматриваемым морфонологическим характеристикам в большинстве случаев объединяются с соответствующими твердыми вариантами. Из вопросов, входящих в морфонологический анализ этих имен, разбираются два: 1) степень характерности для отдельных типов именных основ различных ступеней корневого вокализма; 2) соотношение по корневому вокализму между именами и однокоренными глагольными основами.

Выделение в качестве объекта анализа имен, соотносительных с глаголами, объясняется утратой чередований корневых гласных в большинство корней, не представленных глаголами. Так как a priori очевидно, что большая часть словаря древнерусского языка унаследована от праславянского языка, описание ступеней корневого вокализма дается на уровне праславянского языка раннего периода, до монофтонгизации дифтонгов, а полученная морфонологическая характеристика может быть приписана праславянскому языку или, точнее, тому его диалекту, продолжением и развитием которого является древнерусский язык. С другой стороны, рассмотрение древнерусского материала с точки зрения праславянского позволяет определить степень сохранения и активности в древнерусском языке (как диалекте праславянского языка и позднее) морфонологических характеристик корневых имен, сложившихся в праславянский период [1].

Корневые имена древнерусского языка, соотносительные с глаголами, распределены преимущественно по трем парадигматическим классам: основы на **-o-/*-je-*, основы на **-a-/*-ja-* и основы на **-ĭ-*. Основы на **-ŭ-* и на **-ū-* представлены еди-

[1] В качестве источника использованы главным образом «Материалы для словаря древнерусского языка» И. И. Срезневского. Сопоставление имен с однокоренными глаголами в большинстве случаев основано на этимологиях, принятых М. Фасмером. Из словаря Фасмера заимствованы и иноязычные соответствия для русских имен.

ничными образованиями: к основам на *-*й*- первоначально относились, возможно, *садъ*[2] (к *сѣсти, садити*) и *вожь*[3] (к *вести, водити*), к основам на *-*ū* восходят, вероятно, *въстоугъвь, оустоугъвь* 'ремень', *моутъвь, скалъва* 'утес, скала', *потакъвь* 'потачка', *полова* (ср. др.-лит. *pẽlūs*)[4]. Продуктивность имен с основами на *-*o*-/*-*je*-, *-*a*-/*-*ja*- и на *-*ĭ*- различна; более половины представленных корневых имен составляют основы на *-*o*-/*-*je*-, около одной трети — основы на *-*a*-/*-*ja*- и лишь 16% — основы на *-*ĭ*-.

Большая часть корней, представленных в соотносительных с глаголами корневых именах, характеризуется чередованием гласных; меньшая часть (около $^1/_5$) не допускает чередования гласных. При учете этого разделения корней на две группы, распределение корневых имен между различными типами основ для каждой группы корней может быть выражено следующим образом (см. табл. 1).

Таблица 1

Типы корней	Типы основ (в %)		
	*-*o*-/*-*je*-	*-*a*-/*-*ja*-	*-*ĭ*-
С чередованием гласных	≈55	≈30	≈15
Без чередования гласных	≈44	≈31	≈25

Судя по этим данным, основы на *-*a*-/*-*ja*- безразличны к наличию или отсутствию чередования корневого гласного, основы на *-*o*-/*-*je*- предпочитаются в образованиях от корней с чередованием гласных, основы на *-*ĭ*- более продуктивны в образованиях от моновокалических корней.

Имена с основами на *-*o*- и *-*je*- распределяются между корнями следующим образом: около 84% корней, от которых образуются имена *-*o*-/*-*je*-основ, представлено только в именах с основой на *-*o*-; около 9% — только в именах с основой на *-*je*-; около 7% корней представлено в именах и *-*o*- и *-*je*-основ. Следует, однако, учесть, что большая часть корней, представленных корневыми именами только мягкой разновидности склонения на *-*o*-, имеет *j* в своем составе, поэтому с точки зрения праславянского языка соответствующие имена являются основами на *-*o*-

[2] См.: Р. Э к к е р т. К вопросу о составе группы имен существительных с основой на -*ŭ* в праславянском языке. — ВСЯ 4, 1959, стр. 122—124.
[3] См.: V a s m e r I, стр. 213.
[4] Впрочем, в последнем случае -*в*- может восходить к старому детерминативу (ср. наст. вр. *половем* при инф. *полоти*).

(а не *-*je*-!), ср. *бои* (к *бити*), *повои* (к *вити*) и др.[5] Случаи, когда корни, структура которых допускает образование корневых имен и твердой, и мягкой разновидностей *-*о*-основ, представлены только в именах на *-*je*-, очень немногочисленны: ср. *ключь* (к *ключити*), *плачь* (к *плакати*), *цьжь* 'раствор муки для киселя' (к *цьдити*), *сторожь* (к *стеречи*). При образовании от одного и того же корня имен с основами на *-*о*- и на *-*je*- огласовка корня в этих именах в большинстве случаев тождественна: ср. *творъ*—*нетворь* 'призрак', *оунозъ* 'рана'—*ножь*, *заслькъ* 'закром'—*сьчь* 'истребление, убиение, война, меч' и др. Единственное возможное различие однокоренных имен на *-*о*- и на *-*je*- по огласовке — это наличие в основах на *-*о*- большего числа вариантов огласовки, чем в основах на *-*je*- (обратное не встречается): ср. *наузъ* и *нашзъ* 'чародейственная навязь' (к *вязати*)—*ужь* 'веревка'; *просыпъ* 'рассеянье' и *съпъ* 'насыпь, вал' (к *сути*, *съпу*)—*сыпль* 'ржа, болезнь растений'; **текъ* (ср. *текомъ* 'бегом') и *токъ* 'убитое для молотьбы место' (к *течи*, *точити*)—**течь* (ср. *без утеча* 'сполна').

Распределение имен с основами на *-*а*- и *-*ja*- между корнями таково: 60% корней, от которых образуются имена этого парадигматического класса, представлены только основами на *-*а*-, 26% — только основами на *-*ja*-, 14% корней представлено именами как с основой на *-*а*-, так и с основой на *-*ja*-. Следовательно, круг корней, от которых образуются только имена с основой на *-*ja*-, довольно широк. При этом почти все имена мягкой разновидности парадигматического класса на *-*а*- имеют *j* суффиксального происхождения, лишь в *соꙗ* 'сойка' (к *ситати*), *вѣꙗ* 'ветвь' (к *вити*) и *пристроꙗ* *j* принадлежит к корню. Поэтому приходится считаться с возможностью образования имен с основами на *-*ja*- от имен с другими основами.

При образовании от одного корня имен с основами на *-*а*- и *-*ja*- огласовка их примерно в половине случаев тождественна: ср. *перевара* 'чан'—*варꙗ* 'место, где варили напитки', *погона*—*погонꙗ*, *прапруда* 'ливень'—*пружа* 'бороздка для воды в садах', *подъсѣка* 'место, где вырублен лес'—*сѣча*, *истома*—*томлꙗ*. Возможные различия однокоренных имен с основами на *-*а*- и *-*ja*- по огласовке сводятся к следующим случаям: 1) в именах на *-*а*- представлено большее число вариантов огласовки, чем в именах на *-*ja*-: ср. *пека* 'жар, зной', *опока*—*печа* 'попечение'; *досада*, *сусѣда*—*сажа*; *тяга* 'дверная скоба', *туга* 'печаль, горе, бедствие'—*тяжа* 'тяжба, спор, ссора'; 2) имена с основами на *-*а*- и на *-*ja*- противопоставлены по корневому вокализму: ср. *обида*—*вѣжа* 'веко' (к *видѣти*), *пора* 'спор, распря, подпора'—*пьрꙗ* 'спор, ссора, нарекание', *патока*—*теча* 'скороход'.

---

[5] Ср.: W. Vondrák. Vergleichende slavische Grammatik, I. Lautlehre und Stammbildungslehre. Göttingen, 1906, стр. 401.

Случаи тождества по вокализму однокоренных *-*a*- и *-*ja*-основ трудно истолковать как следствие образования *-*ja*-основ от *-*a*-основ: этому препятствует различие в приставках и в значениях имен (ср. *истома—томлѧ*, *тяга* 'дверная скоба'—*тяжа* 'тяжба, спор' и т. д.). Более реальным представляется образование этих *-*ja*-основ непосредственно от глаголов.

Ступени корневого вокализма, представленные в *-*ja*-основах и отсутствующие в однокоренных *-*a*-основах, иногда имеют соответствия в именах с основами на *-*o*-: ср. *пьрꙗ* 'спор, ссора'—*супьрь* 'соперник, противник', *теча* 'скороход'—**текъ* (*текомъ* 'бегом'). Последняя пара свидетельствует о возможности образования *-*ja*-основ от *-*o*-основ. Образование от основ на *-*o*- вероятно и для некоторых имен с *-*ja*-основами, не имеющих однокоренных соответствий среди *-*a*-основ, при наличии близких по значению и тождественных по корневому вокализму *-*o*-основ: ср., например, *душа—духъ*, *кровлꙗ—кровъ*, *ловлꙗ—ловъ*, *свѣча—светъ*[6]. Случаев этого типа, однако, немного. Для прочих *-*ja*-основ наиболее вероятно непосредственное образование от глаголов: ср. *вѣжа* 'шатер, кибитка, башня' (к *везти*), *жажа* (к *жадати*), *нужа* 'необходимость, насилие', *пърча* и др.

Процентное распределение различных ступеней корневого вокализма в именах с основами на *-*o*-/*-*je*-, *-*a*-/*-*ja*- и *-*ĭ*- представлено в табл. 2.

Из сопоставления приведенных в табл. 2 данных следует, что приблизительно одинаково представлена во всех типах основ — на *-*o*-/*-*je*-, *-*a*-/*-*ja*- и *-*ĭ*- — огласовка в ступени редукции. Имена с основами на *-*o*-/*-*je*- и на *-*a*-/*-*ja*- близки друг к другу почти по всем видам вокализма, только ступень удлинения (**ē* и **ō*) значительно продуктивнее в основах на *-*a*-, чем в *-*o*-основах. Основы на *-*ĭ*- противопоставлены именам с основами на *-*o*-/*-*je*- и на *-*a*-/*-*ja*-: в именах на *-*ĭ*- значительно ниже (почти вдвое) продуктивность огласовки **o*, но в такой же степени выше продуктивность огласовки **e*[7]; более продуктивен в основах на *-*ĭ*- и вокализм в ступени удлинения редукции (см. выше). Эти выводы подтверждаются данными сравнения по корневому вокализму имен, образованных от тождественных корней, но принадлежащих к различным типам основ.

Приблизительно одна треть корней, образующих корневые имена, представлена именами нескольких парадигматических типов. Примерно в половине случаев сосуществуют основы на *-*o*-/*-*je*- и на *-*a*-/*-*ja*-, около четверти случаев составляет парал-

[6] См.: A. Meillet. Études sur l'étymologie et le vocabulaire du vieux slave, II. Paris, 1905, стр. 396, 399.

[7] Ср. также: П. С. Кузнецов. Чередования в общеславянском «языке-основе». — ВСЯ 1, 1954, стр. 40, 48.

Таблица 2

Типы основ	Ступени вокализма (в %)				
	*o	*ē, ō	ступень продления редукции	*ь, ъ	*e
-o-/-je-	60	9	Единичные случаи	13	11
-a-/-ja-	48	25	Единичные случаи	11	11
*-ĭ-	27	16	11	11	32

Примечания к таблице: 1) рассматривается вокализм лишь тех имен, корни которых допускают чередование гласных; 2) описание чередований дается на уровне праславянского языка до монофтонгизации дифтонгов, поэтому как ступень *e рассматриваются древнерусские и (<*ei), 'у (<*eu), 'а (<*ę<*en), ере (<*er), оло (<*el), как ступень *o — др.-русск. ѣ (<*oi), у (<*ǫ<*on) и т. д.; 3) в группе *-o-/*-je-основ рассматриваются только имена мужского рода; об именах среднего рода см. ниже; 4) количественное распределение имен с вокализмом в ступени удлинения редукции по различным типам таково: основы на *-o-/*-je- — 5, на *-a-/*-ja — 2, на *-ĭ- — 5 случаев. Представляется, однако, что суждение о продуктивности того или иного вида огласовки в именах определенного типа основ можно основывать только на его процентном отношении к общему числу имен данного типа. Число основ на *-ĭ-, соотносительных с глаголами, значительно меньше (всего 44 имени) числа имен с основами на *-o-/*-je- (164) и на *-a-/*-ja- (89). Поэтому бóльший процент имен с вокализмом *ō, *ē в основах на *-ĭ-, чем в основах на *-o-/*-je- и *-a-/*-ja-, правомерно рассматривать как показатель большей продуктивности этой ступени вокализма для основ на *-ĭ-.

лелизм основ всех трех рассматриваемых парадигматических классов, значительно реже от одного корня образуются имена на *-o-/*-je- и на *-ĭ-. В каждом из этих типов параллелизма имен с различными основами возможны различные отношения их по корневому вокализму (если соответствующие корни допускают чередования гласных).

1. При образовании от одного корня основ на *-o-/*-je- и *-a-/*-ja- возможны следующие случаи:

а) огласовка корня в именах обоих типов основ тождественна (преобладающий тип отношений): ср. *заворъ—завора*, *вѣсъ—завѣса*, *пожегъ—зажога*, *паръ—пара*, *запонъ—опона*, *студъ—остуда*, *потягъ—тяга* и др.;

b) в основах на *-o-/*-je- представлена бóльшая вариантность корневого вокализма, чем в *-a-/*-ja-основах: ср.

произволъ—волѣ	*волокъ—паволока*	*палъ—опала*
довълъ —	*вълкъ —*	*пепелъ —*
варъ—варя	*посягъ—присяга*	*стригъ—рострига*
изворь —	*досугъ —*	*стрѣгъ —*
виръ —		и др.;

c) бóльшая вариантность вокализма представлена в основах на **-a-/*-ja-*: ср.

гонъ—погона *позоръ—зоря* *пекъ—пека*
— *пожьня* — *заря* — *опока*

сусѣдъ—сусѣда *трѣскъ—трѣска*
— *досада* — *троска*

d) имена на **-o-/*-je-* и на **-a-/*-ja-* противопоставлены по вакализму: ср. *возъ—вьжа* 'шатер, кибитка, башня', *мячь—мука*, *отрепи* мн.*—тропа*, *перегъбъ—губа*, *покоръ—кара*, *колъ—скала*, *постигъ—стьзя*, *прильпъ—липа* (к *льпьти*, *льнути*) и др.;

e) наличие одной общей ступени вокализма сочетается с противопоставлением в других ступенях вокализма:

раздоръ—раздора
ударъ —
паздеръ —
— *дира*

2. Если от одного корня образованы имена с основами на **-o-/*-je-* и на **-ĭ-*, то возможны следующие отношения их по вокализму:

a) вокализм имен обоих типов основ тождествен: ср. *перекопъ—перекопь*, *вымолъ—моль*, *мѣлъ—мѣль;*

b) в основах на **-o-/*-je-* представлена бóльшая вариантность вокализма: ср.

плетъ 'плетень'*—плеть* *рѣзъ—порѣзь*
плотъ — *разъ* —

отписъ—отпись *ушидъ—ушидь*
пьсъ — *уходъ* —

c) основы на **-o-/*-je-* и на **-ĭ-* противопоставлены по вокализму: ср. *блудъ—блядь; застогъ—остежь; унозъ—обнизь; урекъ, рокъ—рѣчь; жаръ—гарь.*

3. Параллелизм однокоренных имен **-a-/*-ja-* и **-ĭ-*основ представлен только одной парой с тождественным вокализмом в ступени **e*: *стелꙗ—постель.*

4. Для однокоренных имен трех парадигматических классов — **-o-/*-je-*, **-a-/*-ja-* и **-ĭ-*основ — возможны следующие соотношения по вокализму:

a) огласовка имен всех трех типов основ тождественна: ср. *заметъ—омета—ометь*, *тьхъ—потьха—тьшь*, *проторъ—протора—проторь*;

b) один (или два) из типов основ имеет бóльшую вариантность вокализма: ср.

видъ—обида — *токъ—патока—поточь* *облогъ—лъжа—лъжь*
вѣжь—вѣжа—вѣдь **текъ—теча* — — *лыжа* —

c) наличие большей вариантности вокализма в одном типе основ сочетается с противопоставлением различных основ по вокализму: ср.

наѵзъ — обязь съпъ —осъпа — погребъ — изъгребь
наузъ —уза — просыпъ — осыпь гробъ — —
— грабля —

d) корневые имена разных типов основ противопоставлены по вокализму: ср. *доводъ—подъвода—обедь* 'крюк, кольцо'; *лукъ—лука—полячь* 'сеть, путо'; *супругъ—супруга—пряжь*; *творъ—потвора—тварь*; *утъкъ—притъча—натычь*; *ровъ—пропов—переръва* .

Рассмотрение однокоренных имен различных типов основ свидетельствует, во-первых, о наибольшей близости друг к другу имен **-о-/*-je-* и **-а-/*-ja-*основ: эти имена чаще сопутствуют друг другу в образовании от одного и того же корня; огласовка корня в именах с этими основами бывает тождественна чаще, чем при другом сочетании основ; при образовании от одного корня имен всех трех рассматриваемых типов тождество вокализма имен с основами на **-о-/*-je-* и **-а-/*-ja-* и их общее противопоставление по вокализму именам **ĭ*-основ является одним из наиболее широко представленных типов отношений; наконец, представленные в однокоренных именах с основами на **-о-/-*je-* и **-а-/*-ja-* различия в вокализме неоднотипны по характеру соотношения ступеней вокализма, что подтверждает отсутствие значительных различий в степени продуктивности отдельных ступеней вокализма для этих двух типов основ.

Во-вторых, соотношение вокализма однокоренных образований подтверждает противопоставление основ на **-о-/*-je-*, **-а-/*-ja-*, с одной стороны, и основ на **-ĭ-*, с другой стороны, по степени продуктивности отдельных ступеней вокализма, а именно — предпочтение вокализма **о* в основах на **-о-/*-je-* и **-а-/*-ja-* при преобладании вокализма **е* и ступени продления редукции в основах на **-ĭ-*: при образовании от одного корня имен на **-о-/*-je-* и на **-ĭ-* имена на **-ĭ-* в ряде случаев имеют огласовку **е* или огласовку в ступени продления редукции при огласовке **о* в именах на **-о-/*-je-*; при образовании от одного корня имен **-о-/*-je-*, **-а-/*-ja-* и **-ĭ*-основ огласовка **е* или ступень продления редукции в **-ĭ*-основах противопоставлена огласовке **о* или ступени редукции **-о-/*-je* и **-а-/*-ja*-основ; при частичном противопоставлении основ на **-о-/*-je* и **-ĭ* или **-о-/*-je-*, **-а-/*-ja-* и **-ĭ-* по вокализму (см. пункты 2*b*, 4*b*, *c*) основы на **-о-/*-je-* и **-а-/*-ja-* чаще отличаются от **-ĭ*-основ наличием вокализма в ступени **о* или ступени редукции и, наоборот, общей ступенью вокализма для основ на **-ĭ-*, с одной

стороны, и основ на *-o-/*-je-, *-a/*-ja-, с другой стороны, является ступень *e или ступень продления редукции.

Сопоставление данных морфонологических характеристик основ на *-o-/*-je-, *-a-/*-ja- и *-ĭ- (особенно бóльшая продуктивность вокализма в ступени *o для *-o-/*-je-, *-a-/*-ja-основ и ступени *e для *-ĭ-основ) с отмеченным выше предпочтением основ на *-o-/*-je- в образованиях от корней с чередованием гласных, а основ на *-ĭ- — в образованиях от моновокалических корней свидетельствует о том, что тенденция к тождеству вокализма глагола и соответствующего корневого имени (в указанном выше понимании этого термина) в большей степени воздействовала на образование славянских *-ĭ-основ, тогда как для основ на *-o-/*-je- и *-a-/*-ja- сохранила актуальность индоевропейская морфонологическая характеристика тематических имен.

Среди имен с основой на *-o-/*-je-, соотносительных с глаголами, обособленное положение занимает небольшая группа имен среднего рода. В именах среднего рода отсутствует морфологическая вариантность, т. е. нет ни одного корня, которому соответствовали бы имена среднего рода с основой на *-o- и с основой на *-je-. В отличие от имен мужского рода с основой на *-o-/*-je-, а также от основ на *-a-/*-ja- и на *-ĭ-, в именах среднего рода не встречается вариантности корневого вокализма, каждый корень представлен в именах среднего рода только с одной ступенью вокализма. В морфологическом плане имена среднего рода распределены между основами на *-o-: *перо* (к *перети*, *пьру*) и основами на *-je-: *вѣче* (к *вѣтити*), *уже* ‘веревка’ (к *вязати*), *горе* (к *горѣти*), *ложе* (к *лечи*). В именах, образованных от корней, допускающих чередование гласных, преобладает вокализм в ступени *o. Только *перо*, имеющее соответствия в других славянских языках (ср. ст.-слав. **перо**, болг. *перо*, с.-хорв. *пèро*, словен. *péro*, чеш. *pero*, *péro*, слвц. *pero*, польск. *pióro*, в.-луж. *pjero*, н.-луж. *pero*), характеризуется огласовкой *e, представленной также в корневом инфинитиве *перети*. Все имена с вокализмом *o — *уже*, *горе*, *ложе* — также восходят к праславянским образованиям (ср. наличие точных соответствий в других славянских языках), но лишь *ложе* имеет точное соответствие в других индоевропейских языках (греч. λόχος, др.-исл. *lag* ср., швед. *läge*). Преобладание среди имен среднего рода собственно славянских образований хорошо согласуется с преобладанием корневого вокализма *o, поскольку для индоевропейских имен этого типа более характерен вокализм *e[8]. Морфонологическая характеристика славянских имен среднего рода, следовательно, отлична от морфонологической характеристики однотипных индоевропейских образований.

[8] См.: A. Meillet. Les noms du type Φέργον. — MSL 22, fasc. 4, 1921, стр. 203.

Поскольку бесспорна возможность влияния вокализма глаголов на вокализм соотносительных с ними имен, постольку целесообразно сопоставление имен и глагольных инфинитивных основ по вокализму. Данные о совпадении по ступени вокализма корневых имен и различных инфинитивных основ, естественно, находятся в зависимости от распределения в этих именах различных ступеней вокализма (см. табл. 3).

Таблица 3

Типы именных основ	Инфинитивные основы (в %)				
	корневые	на *-nǫ-*	на *-i-*	на *-ě-*	на *-a-* при наст. вр. на *-o-/-e-* и *-je-*
-o-/-je-*	11	Единичные случаи	41	Единичные случаи	8
-a-/-ja-*	9	Единичные случаи	45	Единичные случаи	Единичные случаи
-ĭ-	25	Единичные случаи	16	Единичные случаи	11

В табл. 3 учтены только те случаи, когда по ступени вокализма корневому имени соответствует лишь одна инфинитивная основа.

Наличие отношений производности между именем и глаголом с тождественной ступенью вокализма не является бесспорным для всех случаев такого тождества. Например, *коса* 'заплетенные волосы' (ст.-слав. **коса**, болг. *коса*, с.-хорв. *кòса*, вин. *кôсу*, др.-чеш. *kosa*, слвц., польск. *kosa*; лит. *kasà*), судя по значению, связано отношениями производности не с *коснутися*, а с *чесати* — следовательно, предполагает противопоставление вокализма имени (**o*) вокализму глагола (**e*). Тем не менее констатация наличия или отсутствия в глаголе ступени вокализма, соответствующей вокализму имени, имеет определенное значение. Так, в индоевропейском праязыке тождество вокализма (**o*) связывало итеративно-каузативные глаголы на *-i-* и тематические отглагольные имена [9]. В праславянском языке, при сохранении имен и глаголов, связанных тождеством вокализма **o*, появляется, начиная с периода общих балто-славянских инноваций, тенденция к распространению на корневые имена и итеративно-каузативные глаголы вокализма в ступени удлинения **ō* [10]. Независимо от того, были ли первоначально корневые отглагольные имена связаны процессами словообразования с каузативными глаголами (так что последние были собственно отыменными образованиями) [11] или нет, вполне возможно, что позднее определенная зависимость между

[9] См.: J. Kuryłowicz. L'apophonie en indo-européen. Wrocław, 1956, стр. 40, 86.

[10] См.: J. Kuryłowicz. Le degré long en balto-slave.—RSl XVI, 1, 1948, стр. 9.

[11] См.: J. Kuryłowicz. L'apophonie. . ., стр. 86.

этими двумя категориями установилась. Во всяком случае древнерусским именам с вокализмом **ō* обычно соответствуют каузативы с тем же вокализмом (ср. *кара—карити, вада—вадити, скала—скалити*), при наличии же глагольной инфинитивной основы на *-i-* с вокализмом **o* имеется как правило однокоренное имя (**-o-* или **-a-*основ) с тождественным вокализмом [12]. Для основ на **-ĭ-* наиболее характерным оказывается тождество по вокализму с корневыми инфинитивами. Предположение Бругмана о более тесной зависимости именных **-ĭ-*основ от глагольных основ на *-i-* не подтверждается [13].

При учете возможного влияния вокализма глаголов на вокализм однокоренных имен в направлении тождества их корневого вокализма, особое значение для уяснения актуальных морфонологических характеристик корневых имен в праславянском и в древнерусском языке приобретает рассмотрение корневого вокализма тех имен, которые не имеют тождественных по вокализму соответствий в однокоренных глагольных основах. Изолированный (в смысле отсутствия его в однокоренных глаголах) вокализм **o* представлен в следующих именах:

основы на **-o-/*-je-*:

боръ (к *бьрати*, ср. ст.-слав. **сѣборъ**, болг. *сбор*, с.-хорв. *збо̑р, збо̑ра*, др.-чеш. *sbor*, польск. *zbiór, pobor*; лит. *bãras*, лтш. *uzbars*, др.-инд. *bhárаs*, греч. φόρος, алб. *barë*);

оборогъ (к *беречи*, ср. др.-чеш. *brah*, польск. *bróg*, род. *brogu*);

бои (к *бити*, ср. ст.-слав. **оубои**, болг. *бой*, с.-хорв. *bô̑j*, словен. *bȍj*, чеш. *boj*, польск. *bój*);

блѣскъ (к *бльстѣти*, ср. с.-хорв. *блѝjесак*, словен. *blêsk*, др.-чеш. *blesk*, польск. *blask*; лит. *blaikštaĩs, blaikštýtis*, лтш. *blaiskums*);

изворь 'источник, ключ' (к *вьрѣти* 'кипеть'; морфологический тип этого имени неясен — возможна и **-je-*, и **-ĭ-*основа, но ср. ст.-слав. **изворъ**, словен. *izvor*, с.-хорв. *ȉзвор* м., др.-с.-хорв. *izvorъ*, мн. *izvori*);

повои (к *вити*, ср. болг. *повой*, с.-хорв. *пȍвȏj*, польск. *powój*, чеш. *rozvoj*);

воропъ 'нападение' (к *вьрпсти*, ср. ц.-слав. **напрапъ**, польск. *nawropić na kogo*, м. б. греч. ῥόπαλον);

изворогъ (к *вьргнути*, ср. ц.-слав. **извратъ**);

голодъ (к *жьлдѣти*, ср. ст.-слав. **гладъ**, болг. *гладът*, с.-хорв. *глâд*, словен. *glâd*, чеш., слвц. *hlad*, польск. *głód*, в.-луж. *hlód*, н.-луж. *głod*; др.-инд. *gárdhas*);

[12] См. также: И. С. Кузнецов. Указ. соч., стр. 39.

[13] Ср.: K. Brugmann. Grundriss der vergleichenden Grammatik der indogermanischen Sprachen, Bd II, Tl 1, Strassburg, 1906, стр. 167.

гробъ (к *грести*, ср. ст.-слав. **гробъ**, болг. *гроб*, с.-хорв. *грȍб*, *грȍба*, словен. *gròb*, *gróba*, чеш., слвц. *hrob*, польск. *grób*; др.-в.-нем. *grab*, гот. *graba*);

надолобъ (к *дълбсти*, ср. чеш. *dlab*; лит. *dálba*);

доръ, *раздоръ* (к *дърати*, ср. ст.-слав. **раздоръ**, с.-хорв. *ра́здор*, словен. *razdòr*; лтш. *nuõdaras* мн., др.-инд. *daras*, греч. δορός);

позоръ (к *зьрѣти*, ср. болг. *позо́р*, с.-хорв. *пȍзор*, словен. *pozòr*, *-óra*, чеш., слвц. *pozor*, польск. *pozór*);

конъ 'предел, начало, конец' (к *-чати*, *-чьну*; ср. чеш. *kon*; др.-русск. *законъ*, ст.-слав. **законъ**, словен. *zákon*, болг. *зако́н*, с.-хорв. *за́кон*, чеш., слвц. *zákon*, польск. *zakon*);

кровъ (к *крыти*, ср. ст.-слав. **кровъ**, с.-хорв. *крȏв*, *крȍва*, словен. *kròv*, *króva*, чеш. *krov*, в.-луж. *krow*; лтш. *krava*, лит. *kráunu*, *kráuju*, *kráuti*);

лои (к *лити*, ср. ц.-слав. **лои**, болг. *лой*, с.-хорв. *лȏj*, *лȍja*, словен. *lôj*; *lòj*, *lója*, чеш. *lůj*, слвц. *loj*, в.-луж. *łòj*, н.-луж. *łoj*; лит. *ãtlajis* м., *įlajaĩ* мн.);

вымолъ 'коса, мель, обмелевшее место' (к *молоти* < **melti*, *мелю*, ср. болг. *podmol*, словен. *podmòł*, чеш. *podmol*, *výmol*);

поропоръ (к *перети*, ср. с.-ц.-слав. **прапоръ**, болг. *прапорец*, с.-хорв. *прȁпорац*, словен. *prápor*, *práporəc*, чеш. *prapor*, диал. чеш., слвц. *prápor*, польск. *proporzec*);

съпоръ (к *перети*, ср. словен. *spòr*, *spóra*, чеш., слвц. *spor*, польск. *spór*; лит. *spãras*);

запонъ (к *пяти*, *пьну*, ср. словен. *zapòn*, *-óna*, греч. πόνος);

плотъ 'ограда, забор' (к *плести*, ср. с.-хорв. *плȏт*, *плȍта*, словен. *plȏt*, *plȏta*, чеш., слвц. *plot*, польск. *płot*, в.-луж. *płót*, *płotu*, н.-луж. *płot*; гот. *flahta*);

рокъ (к *речи*, ср. ст.-слав. **рокъ**, с.-хорв. *рȏк*, *рȍка*, словен. *ròk*, *rǫ́ka*, чеш., слвц. *rok*, польск. *rok*, н.-луж. *rok*; др.-инд. *racanam*, гот. *ragin*);

рои (к *ринути*, ср. болг. *рой*, ц.-слав. **рои**, с.-хорв. *рȏj*, *рȍja*, словен, *ròj*, *rója*, чеш., слвц. *roj*, *zdroj*, польск. *rój*, *roju*, *zdrój*, в.-луж. *rój*, н.-луж. *roj*; др.-инд. *ráyas*);

ровъ (к *рыти*, ср. ст.-слав. **ровъ**, болг. *ров*, с.-хорв. *рȏв*, *рȍва*, словен. *ròv*, *róva*, чеш. *rov*, слвц. *rov*. польск. *rów*, в.-луж., н.-луж. *row*; м. б. греч. οὐρός);

досугъ (к *сягнути*, ср. польск. *sąg*, *posąg*);

своробъ (к *свьрбѣти*, ср. ст.-слав. **сврабъ**, с.-хорв. *свра̂б*, словен. *svrâb*, чеш., слвц. *svrab*, кашуб. *svôrb*, *svárbu*; лтш. *svãrpsts*, др.-исл. *svarf*);

свѣтъ (к *свьтѣти*, ср. ст.-слав. **свѣтъ**, болг. *свет*, с.-хорв. *свêт*, *свȉјет*, словен. *svêt*, чеш. *svět*, слвц. *svet*, польск. *świat*; в.-луж.. н.-луж, *swět*, полаб. *sjot*; др.-инд. *çvētás*, авест. *spaēta-*);

смородъ (к *смьрдѣти*, ср. ст.-слав. **смрадъ**, болг. *смрад*, с.-хорв. *смрâд*, *смрáду*, словен. *smrâd*, *smradû*, *smrâda*, чеш., слвц. *smrad*, польск. *smród*, в.-луж. *smród*, н.-луж. *smrod*; лит. *smardas*, лтш. *smar̃ds*, гот. *smarna*);

застогъ ‘застежка, пряжка’ (или *застога*? представлен вин. мн. *застогы*, к *-стегнути*, ср. гот. *stakins* вин. мн., др.-в.-нем. *stahhula*);

просторъ (к *простерети*; ср. р.-ц.-слав. *просторъ*, болг. *простор*, с.-хорв. *простòрија* ж., словен. *próstor*, чеш. *prostor*; др.-инд. *staras*, лтш. *stara*, *stars*, др.-инд. *prastarás*);

цвѣтъ (к **kvьtǫ*, **kvisti*, *цвьтѣти*, *-цвитати*; ср. ст.-слав. **цвѣтъ**, болг. *цвят*, с.-хорв. *цвȉјет*, словен. *svȇt*, чеш. *květ*, слвц. *kvet*, польск. *kwiat*, в.-луж. *kwět*, н.-луж. *kwět*, полаб. *kjot*);

основы на **-a-*/**-ja-*:

раздора (ср. выше *доръ*, *раздоръ*);

дорога (к *дьргати*, ср. с.-ц.-слав. **драга**, с.-хорв. *дрàга*, словен. *drága*, др.-чеш. *dráha*, польск. *droga*, в.-луж. *dróha*, н.-луж. *droga*);

зорꙗ (к *зьрѣти*, ср. ст.-слав. **зорꙗ**, болг. *зора*, с.-хорв. *зòра*, вин. *зòру*, словен. *zórja*, чеш. *zoře*, слвц. *zora*, польск. *zorza*, н.-луж. *zoŕa*; лит. *žarijà*, *žarà*, *žãras*, др.-прусск. *sari* f.; ср. выше *позоръ*);

кровля (ср. выше *кровъ*);

опока (к *печи*, ср. ст.-слав. **опока**, словен. *opôka*, др.-чеш. *opoka*, польск. *opoka*);

пора ‘спор, распря, подпора’, *подпора* (к *перети*, ср. словен. *podpôra*, польск. *podpora*; ср. выше *съпор*);

опона (к *пяти*, *пьну*, ср. ст.-слав. **опона**, с.-хорв. *дпона*, словен. *opôna*, чеш., польск. *opona*; ср. выше *запонъ*);

свѣча (к *свьтѣти*, ср. болг. *свещ*, с.-хорв. *свијȅћа*, *свéћа*, словен. *svéča*, др.-чеш. *sviecě*, чеш. *svíce*, слвц. *svieca*, польск. *świeca*, в.-луж., н.-луж, *swěca*; др.-инд. *çvētyás*, *çvētyā́*; ср. выше *свѣтъ*);

соꙗ ‘сойка’ (к *cutamu*, ср. болг. *сойка*, с.-хорв. *сòјка*, словен. *sôjka*, чеш., слвц. *sojka*, польск. *soja*, *sójka*, в.-луж. *soja*);

основы на **-ĭ-*:

мовь (к *мыти*);

моль (к *молоти* < **melti*, *мелю*, ср. ст.-слав. **моль**, болг. *молец*, с.-хорв. *мòљац*, *мòљца*, словен. *mòlj*, чеш. *mol*, слвц. *mol'*, польск. *mól*, в.-луж., н.-луж. *mól*; гот. *malô*, др.-исл. *mǫlr*; ср. выше *вымолъ*);

проровь (к *рыти*, ср. выше *ровъ*).

Из перечисленных 43 случаев изолированного вокализма *о* в именах лишь два — *мовь* и *застогъ* (*застога?*) не имеют соответствий в других славянских языках. Поскольку, однако, образование *мовь* от *мыти* в собственно древнерусском языке невозможно, а *застогъ* имеет точные соответствия по вокализму в германских языках, постольку оба слова должны восходить к праславянскому языку и могут, следовательно, рассматриваться как праславянские диалектизмы русского языка. Для всех остальных имен имеются соответствия в других славянских языках, хотя в некоторых случаях в древнерусском представлены, помимо общеславянских морфологических типов, однокоренные образования с другими основами: ср. *раздоръ—раздора*, *кровъ—кровля*, *ровъ—проровь*. С другой стороны, 23 из перечисленных имен имеют тождественные по вокализму соответствия в других индоевропейских языках, 13 имен таких соответствий не имеют (это *боц*, *оборогъ*, *изворь*, *повои*, *изворогъ*, *конъ*, *поропоръ*, *досугъ*, *цвьтъ*, *дорога*, *опока*, *сота*, *мовь*), а оставшиеся 7 (*позоръ*, *вымолъ*, *раздора*, *кровля*, *пора*, *опона*, *проровь*) лишь морфологическим типом отличаются от однокоренных имен (*зорта*, *молъ*, *доръ*, *кровъ*, *съпоръ*, *запонъ*, *ровъ*), имеющих индоевропейские соответствия. Следовательно, примерно в трети случаев изолированного вокализма *о* в именах (13 из 43) можно предполагать собственно славянские образования, причем из 13 случаев 9 являются *-*о*-основами, 3 — *-*а*-основами и 1 — *-*ĭ*-основой, что свидетельствует об актуальности корневого вокализма *о*, противопоставленного вокализму однокоренных глаголов, для корневых имен с основой на *-*о*- в ранний период развития (до монофтонгизации дифтонгов) праславянского языка [14]. Древнерусский язык не создал ни одного собственного случая противопоставления корневого имени глаголу по вокализму *о*, что является немаловажным аргументом против предположения о сохранении актуальности этой морфонологической характеристики тематических имен на почве древнерусского языка.

Долгий вокализм корневых имен (т. е. *ē*, *ō* и ступень продления редукции) и его соотношение с вокализмом однокоренных глаголов требуют особого внимания. Бесспорно не имеет соответствий в глаголах вокализм следующих имен:

мѣлъ (к *мелю*, *молоти*, ср. ст.-слав. **мѣлъ**, др.-серб. *мѣль*, словен. *mêl* ж., диал. *mîl* м., ж., польск. *miał*, н.-луж. *měl*);

изгага (к *жечи*, ср. словен. *izgâga*, польск. *zgaga*);

вѣжа 'повозка, кибитка, башня' (к *везти*, ср. словен. *véža* 'сени', др.-чеш. *věž*, *věžě*, слвц. *veža*, польск. *wieża*, в.-луж. *wieża*, н.-луж. *wjaža*; авест. *vāza-*);

вѣта 'ветвь' (к *вити*, ср. ст.-слав. **вѣта**, словен. *vêja*; др.-инд. *vayā́*, ирл. *fé* < **vejā*);

[14] Ср. также: П. С. Кузнецов. Указ. соч., стр. 29—30.

мѣль (к *мелю, молоти*, ср. польск. *miel* ж., чеш. *měl* м., ж.);
ушидъ, ушидь (к *ходити, шьд-*, ср. ст.-слав. **оу҃шидь**);
кыи (к *ковати*, ср. р.-ц.-слав. *кыи*, болг. *киják*, с.-хорв. *kȕjâk*, словен. *kîj*, чеш., слвц. *kyj*; польск. *kij*, в.-луж., н.-луж. *kij*; лит. *kū́jis*, *kū́ja*, лтш. *kūja*).

В следующих случаях вокализм имени может быть сопоставлен с удлинением в итеративных глаголах на *-ati*, *-aje-*:

основы на **-o-*:

краи (к *кроити*, ср. ст.-слав. **краи**, болг. *край*, с.-хорв. *krâj*, *krâja*, словен. *krȁj*, *krája*, чеш., слвц., польск., в.-луж. *kraj*, н.-луж. *kšaj*; м. б. лит. гидроним *Krúoja*) — ср. *кратати*;
часъ (к *чесати*, ср. ст.-слав. **часъ**, болг. *час*, с.-хорв. *čȃs*, словен. *čàs*, *čása*, слвц. *čas*, польск. *czas*, в.-луж. *čas*, н.-луж. *cas*; др.-прусск. *kīsman* < **kēsman*, алб. *kohε* < **kēsā*[15]) — ср. *часати*;
ищазъ (к *казити, чезнути*) — ср. *ищазати*;
виръ (к *вьрѣти*, ср. с.-хорв. *вȋр*, *ви́ра*, словен. *vîr*, чеш. *vír*, слвц. *vir*, польск. *wir*; лит. *atvyrs*) — ср. *възвирати*;
блискъ (к *бльстѣти*, ср. словен. *blîsk*; лит. *blykštù*, *blỹkšti*, *blizgù*, *blizgėti*) — ср. *блискати*;

основы на **-a-*/**-ja-*:

крапла (к *кропити*) — ср. *-краплатати*;
дира (к *дьрати*, ср. ст.-слав. **дира**, с.-хорв. *дȉра*, *дȋра*, *дȕра*, чеш. *díra*) — ср. *-дирати*;
лыжа ‘ложь’ (к *лъгати*) — ср. *-лыгати*;

основы на **-ĭ-*:

рѣчь (к *речи*, ср. ст.-слав. **рѣчь**, болг. *реч*, с.-хорв. *рȉječ*, словен. *rêč*, *-î*, чеш. *řeč*, слвц. *reč*, польск. *rzecz*, в.-луж. *rěč*, н.-луж. *rěc*; тох. A *rake*, тох. B *reki*) — ср. *-рѣкати*;
гарь (к *горѣти*, ср. болг. *гар*, с.-хорв. *ȕгāр*, *гâр*, чеш. *oharek*, польск. *ogarek*) — ср. *-гарати*;
тварь (к *творити*, ср. ст.-слав. **тварь**, болг. *твар*, с.-хорв. *твâр*, словен. *tvâr*, чеш. *tvář*, слвц. *tvár*, польск. *twarz*, в.-луж., н.-луж. *twar*; лит. *tvorà*) — ср. *-тварати*;
тинь (к *тяти*, *тьну*, ср. ст.-слав. **тинь**) — ср. *-тинати*.

При сопоставлении вокализма перечисленных имен с вокализмом однокоренных итеративных глаголов необходимо, однако, учитывать интонацию. Как известно, удлинение корневого гласного в производных глаголах несовершенного вида давало долгие гласные с циркумфлексной интонацией. Об интонации же приведенных имен можно судить по интонации соответствующих имен

[15] См.: Г. Якобсон. Развитие понятия времени в свете славянского *časъ*. — «Scando-Slavica» IV, 1958, стр. 306.

в сербско-хорватском и словенском языках. Такие соответствия есть, правда, не для всех имен; кроме того, в основах на *-*o*- и *-*ĭ*- первоначальные интонационные характеристики затемнены результатами метатоний. Однако некоторые случаи бесспорно свидетельствуют о первичности акутовой интонации в корневом слоге имени: ср.

краи — с.-хорв. *крâj*, *-ăja*, словен. *krȁj*, *krája*;
часъ — с.-хорв. *чȃс*, словен. *čàs*, *čása*;

акутовая интонация вероятна также для

виръ — с.-хорв. *вȋр*, *вúра*, но *вȉрови*[16], чеш. *vír*;
дира — с.-хорв. *дȋра*, *дȉра*, но и *дȉра*, чеш. *díra*;
рѣчь — с.-хорв. *рȉјеч* (хотя словен. *rẹ̑č*);
тварь — чеш. *tvář*.

Долгота корневого гласного рассмотренных имен, следовательно, качественно отлична от долготы в глаголах, а поэтому образование от итеративных глаголов исключается. В таком случае корневая долгота этих имен, как и перечисленных выше имен с изолированным долгим вокализмом, имеет значение морфонологической характеристики корневого имени. Из числа всех 13 имен с долгим вокализмом, не имеющим соответствий в глаголах, лишь для 6 имен представлены точные соответствия по вокализму в других индоевропейских языках, причем в четырех случаях речь идет о соответствиях в балтийских языках (*кыи*, *краи*, *виръ*, *тварь*) и только в двух случаях — о связях с другими языками (*вѣжа*, *часъ*). Остальные семь имен не имеют точных соответствий за пределами славянских языков: это *мѣлъ*, *изгага*, *вѣта*, *мѣль*, *ушидъ* (и *ушидь*), *дира*, *рѣчь* (однокоренные с *вѣта* и *рѣчь* образования в других индоевропейских языках имеют исконный краткий вокализм!). В этих именах, следовательно, представлено собственно славянское удлинение корневых гласных. С другой стороны, все 13 древнерусских имен с изолированным долгим вокализмом имеют тождественные соответствия в других славянских языках, т. е. нет ни одного собственно русского образования с изолированным долгим вокализмом. На основании приведенных наблюдений можно сделать вывод, что в ранний период развития праславянского языка (вероятно, начиная с периода балто-славянской сообщности, но во всяком случае до формирования отдельных диалектов праславянского языка, в частности — древнерусского) для образования корневых имен, соотносительных с глаголами, было характерно удлинение корневого гласного (равно *$\bar{e}$, *$\bar{o}$ и ступень продления редукции), отличное от хронологически более позднего удлинения в итеративных глаголах.

Для ряда имен с корневым удлинением не удается доказать первичность акутовой интонации, отличающей долготу в имени

[16] См.: Z. Gołąb i K. Polański. Z badań nad słownictwem prasłowiańskim. — «Slavia» XXIX, 4, 1960, стр. 538.

от долготы в итеративных глаголах: это *ищазъ*, *блискъ*, *крапла*, *лыжа*, *гарь*, *тинь*. В этих случаях возможно образование имен от итеративных глаголов. Существенно, что среди них есть собственно древнерусские имена, не имеющие соответствий в других славянских языках: *ищазъ*, *крапла*, *лыжа*. Следовательно, этот тип образования корневых имен, соотносительных с глаголами, принадлежит позднему периоду развития праславянского языка и унаследован отдельными славянскими языками.

Изолированное положение других ступеней корневого вокализма в именах встречается редко. Изолированный вокализм в ступени редукции представлен лишь в имени *стьза* (к *стигнути*, ср. ст.-слав. **стьза**, с.-хорв. *стàза*, словен. *stezà*, чеш. *steze*, слвц. *stezka*, др.-польск. *ścdza*, польск. *ścieżka*, в.-луж. *ścežka*, н.-луж. *ścažka*, полаб. *stadza*; лтш. *stiga*, др.-в.-нем. *stëg*, греч. στίχος).

Изолированный вокализм в ступени **e* представлен в следующих именах:

пепелъ (к *полѣти*, *палити*, ср. ст.-слав. **пепелъ**, **попелъ**, болг. *пепел*, с.-хорв. *пѐпео*, *пѐпела*, словен. *pepêl*, *popêl*, чеш. *popel*, слвц. *popol*, польск. *popiół*, в.-луж. *popjeł*, н.-луж. *poṕeł*, полаб. *pŭpêł*; др.-прусск. *pelanne*, лит. *pelenaĩ*, лтш. *pẽlni*),

липа (к *льпѣти*, ср. болг. *липа*, с.-хорв. *лѝпа*, словен. *lípa*, чеш. *lípa*, слвц., польск., в.-луж., н.-луж. *lipa*, полаб. *leipó*; лит. *liẽpa*, *liẽpė*, лтш. *liẽpa*, *liepe*),

щель (к *колоти*, ср. польск. *szczelina*, словен. *ščálja*; лтш. *skẽlis* название порога).

Малочисленность случаев изолированного вокализма в ступени редукции и **e* в именах свидетельствует о преобладании зависимости этих ступеней вокализма в корневых именах от тождественного вокализма однокоренных глаголов. Существенно также, что все перечисленные древнерусские имена имеют точные соответствия в других славянских и индоевропейских (почти исключительно балтийских) языках. Вероятно, эти образования должны рассматриваться как наиболее архаичный пласт праславянских корневых имен, соотносительных с глаголами, а именно — как собственно откорневые (а не отглагольные) образования, сохранившие ступени корневого вокализма, утраченные однокоренными глаголами или вообще отсутствовавшие в глаголах.

Итак, в ранний период праславянского языка актуальной морфонологической характеристикой корневых имен, соотносительных с глаголами (особенно имен **-o-* и **-a*-основ), остается, как и в праиндоевропейском, корневой вокализм **o*. Возможно, что в праславянском морфонологическая актуальность вокализма **o* была распространена также на имена среднего рода. Параллельно с вокализмом **o*, начиная с периода балто-славянской сообщности, в качестве морфонологической характеристики корневых имен

(особенно *-*a*-основ) используется удлинение корневого гласного. С другой стороны, еще в раннепраславянский период для одной группы корневых имен, соотносительных с глаголами, — а именно для имен с основами на *-*ĭ*- — наиболее характерным становится тождество по вокализму с однокоренными глаголами (отсюда преобладание вокализма **e*, минимальное количество случаев изолированного вокализма, предпочтение именно *-*ĭ*- основ в образованиях от моновокалических корней). Возможно, тогда же тенденция к тождеству вокализма имени вокализму глагола стала распространяться на имена *-*je*- и *-*ja*-основ (ср. отсутствие собственно славянских образований *-*je*- и *-*ja*-основ с изолированным вокализмом **o* или изолированным долгим вокализмом). Для древнерусского языка наиболее вероятным представляется предположение об актуальности тождества вокализма отглагольных корневых имен вокализму глаголов.

Л. В. Куркина

О ТИПАХ ОТНОШЕНИЙ ОСНОВ НА *-i* И *-nǫ* В СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКАХ

Вся система глаголов на *-i* по типу функциональных связей в языке разбивается на ряд частных подсистем, характеризующихся определенной структурой. Объектом данной работы является одна из таких подсистем, выделяемая по признаку соотнесенности с основами II класса. Этот признак, будучи релевантным, объединяет основы на *-i* с неодинаковой парадигматической нагрузкой в языке. Свою задачу мы видим в том, чтобы выявить основные типы структурных связей тех основ на *-i*, к которым подключаются образования с показателем *-nǫ*.

Исследование проводится на материале четырех славянских языков — древнерусского, польского, чешского и сербохорватского. Основные извлечения сделаны из «Материалов для древнерусского словаря» Срезневского, частично используются данные диалектных словарей при условии, если они отражают архаичные явления, не сохранившиеся в памятниках русской письменности. Для польского языка такой основой послужил «Słownik języka polskiego» Линде (т. I—VI. Lwów, 1854—1860), для чешского — «Příruční slovník jazyka českého» (т. I—IV, A — Ř. Praha, 1935—1948) и «Slovník jazyka českého» II. Ваши и Фр. Травничка (S—Z. Praha, 1946). Материалы по сербохорватскому языку получены из «Rječnik'a hrvatskoga ili srpskoga jezika» (т. I—XVIII, A—T. Zagreb, 1880—1963), изданного Сербской Академией наук, и «Rječnik'a hrvatskoga jezika» Ф. Ивековича и Й. Броза (т. II. Zagreb, 1901).

Избранные системы лежат в разных временных плоскостях. Наиболее архаичной из них является система древнерусского глагола. Польский и чешский берутся в современном состоянии. Несколько шире и глубже делается срез для сербохорватского языка. Полученная для него система охватывает факты, заключенные в промежутке между XV и XX вв. Три последние системы описываются относительно древнерусской, характеризующейся наиболее простой структурой представленных в ней связей и отношений. Сопоставительный анализ имеет своей целью определить степень близости языков в организации отношений глаголов на *-iti—-nǫti*.

При изучении оппозиций глаголов IV—II классов следует иметь в виду, что общим формантом *-nǫ* объединяются две разно-

родные группы основ — основы несовершенного вида со значением постепенного перехода из одного состояния в другое (инхоативы) и основы совершенного вида со значением мгновенного, единичного действия [1]. Это различие в виде и характере протекания действия получает устойчивое выражение в морфологии этих глаголов при образовании форм прошедшего времени: основы несовершенного вида, в отличие от основ совершенного вида, в формах прошедшего времени не имеют показателя II класса.

Эта особенность глаголов II класса предопределяет разбиение всей системы оппозиций глаголов IV—II классов на две подсистемы, различающиеся степенью продуктивности и функциональной значимостью в языке. Первичной считается подсистема с противопоставлением глаголов на *-i* инхоативным основам II класса. Эта наиболее архаичная часть глагольных отношений фрагментарно представлена в славянских языках [2]. Интенсивное развитие второй подсистемы с отношением глаголов IV и II класса совершенного вида связывают с формированием категории вида. Наиболее полное развитие оппозиции этого типа получили в современном русском языке и его диалектах.

Для системы оппозиций глаголов IV—II классов характерно отсутствие ярко выраженной доминирующей модели. В зависимости от характера внутренних связей выделяется несколько структурно однородных типов отношений.

1. Наиболее древнюю и архаичную часть рассматриваемой системы составляют оппозиции глаголов IV—II классов несовершенного вида с исходной основой прилагательного. В плане содержания противопоставляемым основам соответствуют значения каузативное (для основ на *-i*) и инхоативное (для основ на *-nǫ*). Коррелятивные единицы различаются и синтагматически: только каузативы образуют сочетания с прямым объектом. Конституирующим элементом структуры многих оппозиций являются вокалические различия, отражающие древнее отношение ступени редукции, характерной для основ на *-i*, и ступени удлинения в основах на *-nǫ*.

др.-русск. *одушити* ‘одушевить’ (Срезневский II, стб. 623) ~ *дъхнути* flare (Срезневский I, стб. 762); польск. *dusić* ‘душить, давить’ (Linde I, стр. 559) ~ *tchnąć* (Linde V, стр. 659); чеш. *dušiti se* ‘клясться, божиться’ (PSJČ, I, стр. 598) ~ *dchnouti* = *dechnouti* ‘дохнуть’ (там же, стр. 371); с.-хорв. *dúšiti*, *dûšīm*

---

[1] Т. М. Возний. Історія діеслівних утворень з суфіксом *-ну-* (<-НЖ-) в староруській і українській мовах. — «Питання українського мовознавства», кн. 3. Львів, 1958, стр. 142—163.

[2] Анализ внутриглагольных отношений показывает, что эта часть древнерусского глагола неоднородна. Так, в соответствии с некоторыми глаголами на *-nǫ* существуют однозначные им образования с показателем *-je*: *zęble-/zębne-*, *gyble-/gybne-*, *mrъže-/mrъzne-*. Тедеско выдвинул предположение, что основы на *-nǫ* частично сформировались на базе глаголов с показателем *-je* (P. Tedesco. Slavic *ne-* Presents from older *je-* Presents.— «Language», v. 24, № 4, 1948, стр. 349—357).

'душить' (RJA II, стр. 905) ~ *dahnuti* 'дохнуть' (там же, стр. 222). В современных славянских языках данная основа приобрела значение совершенного вида.

др.-русск. *оглушити* ~ *оглъхнути* (Срезневский II, стб. 601); польск. *głuszyć* 'глушить' (Linde II, стр. 69) ~ *głuchnąć* 'глохнуть' (там же, стр. 66); чеш. *hlušiti* ~ *hluchnouti* (PSJČ I, стр. 884); с.-хорв. *glušiti*, *glûšīm* (RJA III, стр. 212) ~ *glȕhnuti*, *glȕhnēm* то же (там же, стр. 208).

др.-русск. *морозити* (Срезневский II, стб. 174) ~ *мьрзнути* (там же, стб. 231); польск. *do-mrozić* (Linde III, стр. 173) ~ *marznąć* (там же, стр. 51); чеш. *mraziti* (PSJČ II, стр. 971) ~ *mrznouti* (там же, стр. 983); с.-хорв. *mrȁziti*, *mrȁzīm* (RJA VII, стр. 46) ~ *mr̂znuti*, *mr̂znēm* (RJA VI, стр. 102).

др.-русск. *сушити* (Срезневский III, стб. 634) ~ *съхнути* (там же, стб. 860); польск. *suszyć* (Linde V, стр. 507) ~ *schnąć* (там же, стр. 224); чеш. *sušiti* (Trávn., стр. 145) ~ *schnouti* (там же, стр. 1375); с.-хорв. *sȕšiti*, *sûšīm* (RJA XVIII, стр. 74) ~ *sȁhnuti*, *sȁhnēm* (RJA XIV, стр. 493).

др.-русск. *слѣпити* 'лишить зрения' (Срезневский III, стб. 441—442) ~ *ослънути* (Срезневский II, стр. 724); польск. *ślepić* ~ *ślepnąć* (Linde V, стр. 313—314) и *olśnąć* (Linde III, стр. 548)

В основном приведенными примерами исчерпывается действие описанной модели. Возникновение и действие этой модели следует отнести к доисторической эпохе, когда апофония была живым и продуктивным средством дифференциации основ. В рассматриваемых системах данный тип отношений оказывается мертвым, непродуктивным, в сферу его действия не попадают новые образования.

2. Для выражения того же плана содержания используется более продуктивная модель, устраняющая морфонологические варианты основ путем генерализации одного из них. Единообразие корневых морфем противопоставляемых основ составляет отличительный признак этой группы оппозиций.

Следует заметить, что данные оппозиции, за исключением двух-трех примеров, не имеют общеславянского распространения. Они характеризуются разным составом единиц в славянских языках и образуют ряды отношений, частично пересекающиеся с функционально тождественными им отношениями глаголов на *-iti/-ěti*. Какова степень продуктивности оппозиций глаголов на *-iti/-nǫti* и в каком отношении они находятся с оппозициями глаголов на *-iti/-ěti*? Возможности оформления прилагательных по образцу той или иной модели определяются в первую очередь конечными элементами корневых морфем. В польском языке ограничения накладываются на прилагательные, корень которых оканчивается на *-rz*, *-r*, *-l*, *-n* [3]. От этих прилагательных образуются

[3] I. Němec. Polskie czasowniki na *-nąc*. — «Poradnik językowy» 1957, 6, стр. 255—263.

глаголы на *-ieć*. Эти правила, видимо, действительны и для чешского языка. Как показывает анализ материала, в польском и чешском преобразованию по модели глаголов II—IV классов поддаются только прилагательные с корнем на губные, зубные и заднеязычные. Прилагательные иной структуры получают оформление по III классу глаголов на *-ěti*. Таким образом, двум моделям с общей исходной базой соответствует единый план содержания. Несколько иначе распределяются основы между этими классами глаголов в древнерусском [4] и сербохорватском. Для этих систем характерно то, что обе модели независимы и самостоятельны, они не пересекаются.

При сопоставлении рассматриваемых систем глагола выявляется степень продуктивности модели, по которой организуются отношения глаголов II—IV классов, и сфера ее деятельности в разных частях славянской языковой области. Объем и значимость этой модели оценивается относительно другой модели глаголов на *-iti/-ěti*. Наложение друг на друга изучаемых систем позволит, видимо, представить оппозиции глаголов II—IV классов в динамике.

польск. *gładzić* 'гладить' ~ *gładnąć* (Linde II, стр. 48—49); чеш. *hladiti* то же ~ *hládnouti* (PSJČ I, стр. 683—684). || Ср. др.-русск. *гладити* ~ *гладѣти* (Срезневский I, стб. 516—518); *gładzić* ~ *gładzieć* (Linde II, стр. 48—49).

польск. *gęścić* 'делать густым' ~ *gęstnąć*, *gęsnąć* 'густеть' (Linde II, стр. 40—41); чеш. *hustiti* ~ *hustnouti* то же (PSJČ I, стр. 1009) и *houstnouti* (там же, стр. 947); с.-хорв. *gústiti*, *gûstîm* (RJA III, стр. 512—513) ~ *gusnuti* (там же, стр. 509). || Ср. польск. *gęścić* ~ *gęścieć* (Linde II, стр. 40—41); с.-хорв. *gústiti* ~ *gústjeti*, *gústîm* (RJA III, стр. 512—513).

чеш. *hloupiti* 'делать глупым' ~ *hloupnouti* 'глупеть' (PSJČ I, стр. 880). || Ср. польск. *głupić* ~ *głupieć* (Linde II, стр. 68).

чеш. *hloubiti* 'углублять, рыть' ~ *hloubnouti* 'становиться глубоким' (PSJČ I, стр. 879). || Ср. польск. *głębić* (Linde II, стр. 51) ~ *głąbieć* то же (Linde II, стр. 47).

польск. *chłodzić* 'холодить' ~ *chłodnąć* 'холодеть' (Linde I, стр. 244); чеш. *chladiti* ~ *chladnouti* то же (PSJČ I, стр. 1042). || Ср. польск. *chłodzić* ~ *chłodzieć* (Linde I, стр. 244—246).

польск. *chudzić* 'делать худым' ~ *chudnąć* 'худеть' (Linde I, стр. 272—273); чеш. *chuditi* ~ *chudnouti* то же (PSJČ I, стр. 1082). || Ср. др.-русск. *охудити* (Срезневский II, стб. 839) ~ *худѣти* (Срезневский III, стб. 1420).

польск. *krocić* 'делать кротким' (Linde II, стр. 496) ~ *krotnąć* (Linde II, стр. 505); чеш. *krotiti* 'укрощать' ~ *krotnouti* 'становиться кротким' (PSJČ II, стр. 381). || Ср. др.-русск. *кротити*

[4] П. Сигалов. Две группы русских инхоативных глаголов. — «Филол. науки», 1962, № 4, стр. 55.

'успокаивать' (Срезневский I, стб. 1330) ~ *у-кротѣти* (Срезневский I, стб. 1189).

польск. *krzepić* 'крепить' ~ *krzepnąć* 'крепнуть' (Linde II, стр. 518); др.-русск. знает это отношение только для приставочных глаголов: *крѣпити* 'укрепляться, ободрять' (Срезневский I, стб. 1315) ~ *искрѣпнути* (Срезневский I, стб. 1120). || Ср. чеш. *křepiti* 'делать крепким' ~ *křepěti* 'крепнуть' (PSJČ II, стр. 40).

чеш. *mladiti* ~ *mládnouti* (PSJČ II, стр. 875). || Ср. др.-русск. *младитисѧ* (Срезневский II, стб. 157) ~ *по-младѣтисѧ* 'помолодеть' (там же, стб. 1161).

чеш. *mhlíti* 'моросить, накрапывать' (PSJČ II, стр. 814) ~ *mlhnouti* 'быть туманным' (там же, стр. 884). || Ср. польск. *mglić się* 'туманиться' ~ *mgleć* 'становиться туманным' (Linde III, стр. 75).

польск. *płaszczyć* 'плющиться' ~ *plasnąć* 'шлепнуть, ударить' (Linde IV, стр. 142—144). || Ср. чеш. *ploštiti* 'делать плоским' ~ *ploštěti, -ějí* 'становиться плоским' (PSJČ IV, стр. 341).

польск. *słabić* 'ослабить' ~ *słabnąć* 'слабеть' (Linde V, стр. 308); чеш. *slabiti* ~ *slábnouti* то же (Trávn., стр. 1387). || Ср. польск. *słabić* ~ *słabieć* то же (Linde V, стр. 308); др.-русск. *слабити* ~ *слабѣти* (Срезневский III, стб. 403); с.-хорв. *slȁbiti, slȁbīm* ~ *slabjeti, -bim* (RJA XV, стр. 396).

польск. *słodzić* 'делать сладким' ~ *słodnąć* (Linde V, стр. 319—320); чеш. *sladiti* 'сластить' ~ *sládnouti* 'становиться сладким' (Trávn., стр. 1388); с.-хорв. *slȁditi* ~ *slȁdnuti* то же (RJA XV, стр. 409). || Ср. др.-русск. *сладитисѧ* 'наслаждаться' (Срезневский II, стб. 331) ~ *у-сладѣти* (Срезневский III, стб. 1266).

чеш. *tupiti* 'делать тупым' ~ *tupnouti* 'тупеть' (Trávn., стр. 1556). || Ср. польск. *tępić* ~ *tępieć* то же (Linde V, стр. 666); чеш. *tupiti* ~ *tupěti, -ějí* то же (Trávn., стр. 1556).

польск. *twierdzić* 'утверждать' ~ *twardnąć* 'твердеть' (Linde V, стр. 744—848); чеш. *tvrditi* 'делать твердым' ~ *tvrdnouti* 'твердеть' (Trávn., стр. 1561); с.-хорв. *tvŕdīm tvŕditi* 'утверждать, твердить' ~ *tvŕdnuti, tvŕdnēm* 'стать твердым' (Iveković i Broz II, стр. 610).

польск. *ciszyć* 'делать тихим' (Linde I, стр. 314) ~ *cichnąć* 'утихать' (там же, стр. 292); чеш. *tišiti* ~ *tichnouti* то же (Trávn., стр. 1517—1520). || Ср.: польск. *ciszyć* ~ *ciszeć* то же (Linde I, стр. 314); др.-русск. только в приставочной форме *отишити* 'успокоить' (Срезневский II, стб. 758) ~ *потишѣти* 'утихнуть' (там же, стб. 1291).

чеш. *vlažiti* 'делать влажным' ~ *vlahnouti* 'становиться влажным' (Trávn., стр. 1627) и *vlhnouti* то же (там же, стр. 1631). || Ср. др.-русск. *влажити* 'увлажнять' (Срезневский I, стб. 270) ~

раз-влажѣти (Срезневский III, стб. 24); польск. *wilżyć* ~ *wilżeć* (Linde VI, стр. 328).

чеш. *zlatiti* 'золотить' ~ *zlátnouti* 'становиться золотым' (Trávn., стр. 1720—1721). || Ср. польск. *złocić* ~ *złocieć* (Linde VI, стр. 1079).

Табл. 1 показывает типы отношений, действующие на данном участке глагольной системы, и их числовое выражение.

Таблица 1

Тип отношений	Др.-русск.	Польск.	Чеш.	С.-хорв.
-iti/-nǫti	1 пр.[5]	6	17	5
-iti/-ěti	8 пр. + 1	4	2	1
-iti/-nǫti, /-ěti	—	9	4	2

Древнерусский язык в этой части системы отражает наиболее архаичные отношения. Коррелятивные пары глаголов на *-iti/-nǫti.* единичны и, как правило, имеют соответствия в других славянских языках. Более продуктивны оппозиции глаголов на *-iti/-ěti.* Данные типы отношений очень слабо представлены в сербо-хорватском языке.

В системе польского глагола эти два типа отношений находятся в постоянном взаимодействии. Точки пересечения их приходятся на те основы, которые могут преобразовываться в направлении глаголов II и III классов. В этой части системы складываются трехмерные противопоставления основ на *-i.*

В чешском взаимодействие двух моделей глаголов на *-iti/-nǫti* и *-ěti/-iti* привело к усилению и расширению первой модели за счет вытеснения второй. Перераспределение глагольных основ явилось результатом динамических преобразований, в основе которых лежит фонетический процесс (перегласовка *ie* > *í*) [6]. Бóльшая продуктивность основ на *-nǫ* связана с общей тенденцией к устранению основ на *-ěti*, совпавших по своей структуре с глаголами IV класса вследствие перегласовки. С перемещением образований на *-ěti* в класс глаголов на *-nǫ* усиливается поляризация основ. Сужение сферы деятельности оппозиций глаголов на *-iti—-ěti* легко прослеживается при сопоставлении этих частей глагольных систем в славянских языках.

Если состояние, фиксируемое древнерусским и сербохорватским языками для этого круга основ на *-i*, признать первоначаль-

[5] Помета «пр.» вводится для обозначения приставочных образований.

[6] K. Rocher. O vývoji české konjugace. Sborník filologický. Akademie věd a umění, sv. VIII, část 1. Praha, 1926, стр. 9—10.

ным, то польские и чешские отношения можно представить как результат преобразования, развития этого состояния. Польский и чешский имеют тенденцию к расширению сферы действия оппозиций глаголов на *-iti/-nǫti* для основ, соотносимых с прилагательными.

3. Часть глаголов на *-iti*, образующая деривативные оппозиции с глаголами I класса, соотносится и с основами II класса несовершенного вида. Так складываются двухмерные противопоставления для основ на *-i*. Появление рядом с глаголами I класса образований на *-iti*, *-nǫti* — это путь к устранению непродуктивных архаичных основ на *-e/-o*. С выпадением из системы исходной для этих оппозиций основы I класса соотнесенность с глаголами II класса становится единственной парадигматической характеристикой основ на *-i*. Структурно это противопоставление выражается с помощью чередования, причем глаголы на *-nǫ* имеют корневую морфему, тождественную исходной основе. Данные отношения характерны для небольшого числа глаголов, они являются непродуктивными.

Способность глаголов на *-iti* выступать одновременно в окружении основ I и II классов несовершенного вида наиболее полно проявляется в древнерусском и сербохорватском, обнаруживающих наибольшую консервативность в сохранении основ I класса. Иную картину представляют польский и чешский глагол, где процесс вытеснения основ I класса продвинулся несколько дальше. Для этих систем единичны случаи одновременного противопоставления основ на *-i* глаголам I и II классов.

Следует заметить, что ни одно из этих развернутых противопоставлений основ на *-i* не имеет общеславянского распространения, все они локализуются в отдельных диалектах.

др.-русск. *на-грѧзти* (Срезневский II, стб. 275) ~ *грузити* (Срезневский I, стб. 600) ~ *грѧзнути* (Срезневский I, стб. 605); польск. х[7] ~ *grzęzić, grązić* 'погружать' ~ *grąznąć, gręznąć* (Linde II, стр. 119).

др.-русск. < ст.-слав. **прѧщи, прѧгѫ** 'напрячь, перетянуть' (Срезневский II, стб. 1721) ~ *пружитисѧ* 'натянуться' (там же, стб. 1614) ~ *въс-прѧнути* только в соединении с приставкой (Срезневский I, стб. 418); с.-хорв. *spreći* ~ *spregnuti* (Ivekovic i Broz II, стр. 451) ~ *prȕžiti, prȕžīm* 'протянуть' (RJA XII, стр. 535); польск. х ~ *prężyć* (Linde IV, стр. 471) ~ *pragnąć* 'жаждать чего-л.' (там же, стр. 454).

др.-русск. < ст.-слав. **плѣзти** 'ползать' ~ *плѣзити* ~ *плѣзнути* 'вылезать (о волосах)' (Срезневский II, стб. 975—976); с.-хорв. *plesti* (RJA X, стр. 101) ~ *púziti, púzīm* 'ползать' ~ *puznuti* (RJA XII, стр. 816—817); польск. х ~ *płozić* ~ *pełznąć* (Linde IV, стр. 76).

---

[7] Знак х обозначает отсутствие основы.

чеш. *plouti* 'плыть' (PSJČ IV, стр. 343) ~ *plaviti* 'сплавлять лес; купать (лошадей); промывать руду' (PSJČ IV, стр. 304—305) ~ *plynouti* 'течь, плыть' (PSJČ IV, стр. 343); с.-хорв. *plȕti*, *plȍvêm* 'плыть' (RJA X, стр. 90) — *plȁviti*, *plȁvīm* 'наводнять, заливать' (там же, стр. 28) ~ *plínuti*, *plīnêm* 'затоплять, разливаться' (там же, стр. 64); польск. х ~ *pławić* ~ *płynąć* 'плыть' (Linde IV, стр. 148).

чеш. *slouti* 'называться' (Trávn., стр. 1394) ~ *sláviti* 'отмечать, торжествовать' (там же, стр. 1390) ~ *slynouti* (там же, стр. 1398); польск. х ~ *sławić* 'славить' (Linde V, стр. 311—312) ~ *słynąć* 'слыть' (там же, стр. 399).

др.-русск. < ст.-слав. на -тѧщи 'привлечь' (Срезневский II, стб. 343) ~ *тужити* 'печалиться' (Срезневский III, стб. 1034) ~ *тѧгнути* 'тянуть к чему, принадлежать, быть в состоянии', *тѧнути* (Срезневский III, стб. 1106); польск. х ~ *tążyć* 'тужить' (Linde V, стр. 658) ~ *ob-ciągnąć* 'обтянуть' (Linde III, стр. 375); чеш. х ~ *toužiti* 'страстно желать; жаловаться' (Trávn., 1530) ~ *tíhnouti* 'тяготеть, стремиться' (там же, стр. 1517), *táhnouti* 'тащить, тянуть' (там же, стр. 1499); с.-хорв. х ~ *téžiti*, *téžīm* 'тяготеть, стремиться' и *túžiti*, *tûžīm* 'жаловаться' (Ivekovic i Broz II, стр. 568) ~ *tĕgnuti*, *tĕgnêm* 'дотронуться, коснуться' (там же, стр. 561).

др.-русск. *вязти* ~ *вязити* ~ *вязнути* 'вязнуть, погрязать' (Срезневский I, стб. 504); польск. х ~ *więzić* 'увязнуть в болоте' ~ *więznąć* (Linde VI, стр. 319—320); чеш. х ~ *vížiti* 'вязать, связывать' (Trávn., стр. 1626) ~ *váznouti* 'вязнуть' (там же, стр. 1599).

русск. диал. *зябсти* (Даль I, стр. 608) ~ др.-русск. *зябити* 'произрастать, порождать' ~ *зябнути* (Срезневский I, стр. 1015); польск. х ~ *ziębić* 'охлаждать' ~ *ziębnąć*, *ziąbnąć* 'зябнуть' (Linde VI, стр. 1053).

Остальные соотношения имеют еще более узкое распространение:

чеш. *bříst* 'брести' (PSJČ I, стр. 206) ~ *broditi* (там же, стр. 194) ~ *břednouti* (там же, стр. 203).

др.-русск. *гонъсти* 'избавиться' ~ *гонъзнути* 'убежать' (Срезневский I, стб. 551) ~ *гонозити* (там же, стб. 548).

др.-русск. *скърбсти* 'печалиться' — *скърбнути* (Срезневский III, стб. 400) ~ *оскърбити* 'опечалить' (там же, стр. 722).

В ряде случаев развитие оппозиций этого типа в сербохорватском пошло в несколько ином направлении: глаголы на *-nǫ* часто выступают в значении мгновенного, моментального, однократного действия и противопоставляются соответствующим образованиям на *-iti*. Частично они включаются в категорию деминутивов[8]. Ср. *klȁsti*, *klȁdêm* 'ставить' ~ *klȁditi* 'спорить,

[8] И. Грицкат. Деминутивни глаголи у српскохрватском језику. — ЈФ XXI, књ. 1—4. Београд, 1955—1956, стр. 45—96.

биться об заклад' ~ *klàdnuti* (RJA V, стр. 25—26); *peći* 'колоть, жалить' (RJA IX, стр. 731) ~ *pěčiti*, *pěčĭm* 'кольнуть, ужалить' ~ *pěcnuti*, *pěcnȕm* pf. (там же, стр. 743).

Многие из приведенных основ на *-i*, выступающие в окружении глаголов I и II классов, образуют соотносительные пары и с основами на *-ati*.

Соотношение глаголов на *-iti* с основами I и II классов имеет числовое выражение, представленное в табл. 2.

Таблица 2

Тип отношений	Др.-русск.	Польск.	Чеш.	С.-хорв.
-iti — I (всего)	40 + 7 пр.	19	18	46
-iti — I—II (из них)	8	1	4	15

4. Соотнесенность с глаголами II класса частично характеризует основы на *-i*, производные от глаголов IV класса на *-ěti*. Эта группа отношений очень слабо представлена в славянских диалектах. В структурном отношении она разделяет особенности предшествующей, третьей, группы оппозиций. В плане содержания каузативы на *-iti* противопоставлены основам IV класса на *-ěti* со значением процесса, состояния и глаголам II класса, обозначающим постепенное становление какого-либо признака.

др.-русск. *бъдѣти* (Срезневский I, стб. 197) ~ *будити* (там же, стб. 189) ~ *въз-бнути* 'проснуться' (там же, стб. 337).

др.-русск. *льпѣти* 'прилипать' (Срезневский II, стб. 67) ~ *лѣпити* (там же, стб. 73) ~ *при-льнути* 'пристать' (там же, стб. 1427) и *при-лѣпнути* (там же, стб. 1429); польск. диал. *lpieć* (Berneker, стр. 754), *lpić* ~ *lepić* 'лепить' ~ *lgnąć*, *lnąć* (Linde II, стр. 620); чеш. *lpěti* 'прилипать' (PSJČ, II, стр. 642) ~ *lepiti* ~ *lnouti* и *lepnouti* (там же, стр. 550—551).

др.-русск. *смьрдѣти* (Срезневский III, стб. 449) ~ ст.-слав. **про-смрадити** 'испортить, погубить' (Срезневский II, стб. 1573) ~ *смрьднути* 'погибнуть' (Срезневский III, стб. 1573); польск. *śmierdzieć* 'смердеть, вонять' ~ *śmierdnąć* (Linde V, стр. 348) ~ *smrodzić* (там же, стр. 353); чеш. *smrděti* 'вонять' ~ *smraditi* то же ~ *smrádnouti* 'становиться вонючим' (Trávn., стр. 1402).

польск. *cierpieć* 'болеть, страдать' ~ *cierpnąć* 'деревенеть, цепенеть' (Linde I, стр. 304—306) ~ *trapić* 'мучить, терзать' (Linde V, стр. 697); чеш. *trpěti* 'терпеть, страдать' ~ *trpnouti*

(Trávn., стр. 1544) ~ *trápiti* 'мучить, истязать' (Trávn., стр. 1533—1534).

др.-русск. *вьртѣти* (Срезневский I, стр. 465) ~ *воротити* (там же, стр. 304) ~ *въз-врьнутисѧ* (там же, стр. 343—344); чеш. *vrtěti* ~ *vrátiti* ~ *vrtnouti* (Trávn., стр. 1641—1645); с.-хорв. *vȑtjeti*, *vȑtīm* (Iveković i Broz II, стр. 746) ~ *vrátiti*, *vrâtīm* (там же, стр. 744) ~ *vȑnuti*, *vȑnêm* (там же, стр. 751).

Минимальное число глаголов на *-iti* имеет одновременную соотнесенность с основами II и IV классов. В этих отношениях древнерусские основы выступают, как правило, в приставочной форме.

Числовое соотношение для этой части глагольной системы представлено в табл. 3.

Таблица 3

Типы отношений	Др.-русск.	Польск.	Чеш.	Ср.-хорв.
-iti — IV (*-ěti*) (всего)	11 + 2 пр.	8	14	7
-iti — II — IV (*-ěti*) (из них)	5	5	6	6

5. Довольно значительное число оппозиций глаголов на *-iti/-nǫti* (со значением совершенного вида) локализуется в той части глагольной системы, которая характеризуется наличием образований на *-ati*. В структурном отношении корневые морфемы соотносимых основ тождественны. Это наиболее продуктивный тип отношений. Некоторые из глаголов на *-iti* этой части системы имеют в своем окружении образования на *-vati*, *-ěti*. Последние недифференцированно характеризуют эти глаголы на *-i*, а потому во внимание не принимаются.

чеш. *dýmiti* 'дымить' ~ *dýmnouti* ~ *dýmati* (PSJČ I, стр. 624); с.-хорв. *dȉmiti* ~ *dȉmnuti*, *dȉmnêm* ~ *dímati*, *dȋmâm* (RJA II, стр. 399—401).

польск. *drapić* 'цапать' ~ *drapnąć* 'убежать' ~ *drapać* 'скрести, чесать' (Linde I, стр. 528); с.-хорв. со ступенью редукции в корне *dȓpiti*, *dȓpīm* 'вырвать, выдернуть' ~ *dȓpnuti*, *dȓpnêm* 'рвануть' ~ *dȓpati*, *dȓpâm* (RJA II, стр. 793).

чеш. *chytiti* 'поймать, захватить' (PSJČ I, стр. 1099) ~ *chytnouti* (там же, стр. 1101) ~ *chytati* (там же, стр. 1098); с.-хорв. *hȉtiti*, *hȉtim* 'бросить, метнуть' ~ *hȉtnuti*, *hȉtnêm* (RJA III, стр. 614—616) ~ *hȉtati*, *hȉtâm* 'бросать' (там же, стр. 612—614). || Ср. др.-русск. *хитити-хытити* (Срезневский III, стб. 1368) ~ *хытати* (там же, стб. 1427).

чеш. *chvátiti* 'хватить, захватить' ~ *chvátnuti* ~ *chvatati* 'спешить' (PSJČ I, стр. 1091—1092).

польск. *chylić* 'наклонять, сгибать' ~ *chynąć* ~ *chylać* (Linde I, стр. 281).

польск. *głosić* 'возвещать, провозглашать' ~ *głasnąć* ~ *głasać*, *głaszać* (Linde II, стр. 58); с.-хорв. *glásiti*, *glâsīm* 'говорить громко, объявлять' ~ *glȁsnuti*, *glȁsnēm* (RJA III, стр. 159—161) ~ *glašati* (там же, стр. 164).

др.-русск. *глътити* ~ *глътати* (Срезневский I, стб. 523) ~ *по-глънути* (Срезневский III, стб. 1014); чеш. *hltiti* 'поглощать' ~ *hltnouti* ~ *hltati* (PSJČ I, стр. 880—881).

др.-русск. *губити* (Срезневский I, стб. 607) ~ *гынути* ~ *гыбати* (там же, стб. 618); польск. *gubić* (Linde II, стр. 150) ~ *ginąć* 'гибнуть' несов. (там же, стр. 46) и *giąć* 'гнуть' сов. ~ *gibać* (там же, стр. 42); чеш. *hubiti* (PSJČ, I, стр. 991) ~ *hynouti* несов. (там же, стр. 1021) и *hnouti* сов. (там же, стр. 897) ~ *hybati* (там же, стр. 1015). || Ср. с.-хорв. *gùbīm*, *gùbiti* (RJA, III, стр. 489) ~ *gànuti*, *gȁnēm* (там же, стр. 100) ~ *gibjeti*, *-bim* (там же, стр. 132).

польск. *kropić* 'накрапывать' ~ *kropnąć* ~ *krapiać* (Linde II, стр. 502—503); чеш. *kropiti* (PSJČ II, стр. 380) ~ *krapnouti* ~ *krápati* (там же, стр. 348). || Ср. др.-русск. *кропити* (Срезневский I, стб. 1330) ~ *краплати* (там же, стб. 1315); с.-хорв. *krȍpiti*, *krȍpīm* (RJA V, стр. 661) ~ *krapati* (там же, стр. 465).

др.-русск. *капити* 'лить по каплям' ~ *канути* ~ *капати* (Срезневский I, стб. 1191—1192); с.-хорв. *kȁpiti*, *kȁpīm* ~ *kȁnuti* ~ *kȁpati* (RJA IV, стр. 841—844).

др.-русск. *лишити* (Срезневский II, стб. 35—36) ~ *лихнути* 'превзойти, согрешить' (там же, стб. 27) ~ *лишати* (там же, стб. 34); с.-хорв. *líšiti*, *lȉšīm* 'лишить' (RJA VI, стр. 119) ~ *lihnuti* (там же, стр. 56) ~ *lišati* (там же, стр. 119).

чеш. *loupiti* 'грабить; лущить' ~ *loupnouti* ~ *loupati* (PSJČ II, стр. 635—636); с.-хорв. *lûpiti*, *lûpīm* 'лущить' ~ *lûpnuti*, *lûpnēm* (RJA VI, стр. 226) ~ *lúpati*, *lûpâm* 'стучать, ударять' (там же, стр. 219—220). || Ср. польск. *łupić* ~ *łupać* (Linde II, стр. 679).

с.-хорв. *mȁšiti*, *mȁšīm* 'махнуть, пройти' ~ *mahnuti* ~ *mȁšati se*, *mȁšâm se* (RJA VI, стр. 511) и *máhati*, *mâšēm* (там же, стр. 345). || Ср. др.-русск. без основы на *-i*: *махати* ~ *махнути* Срезневский II, стб. 119).

чеш. *praštiti* 'ударить, стукнуть' (PSJČ IV, стр. 1012) ~ *prásknouti* 'щелкнуть' ~ *praskati* (там же, стр. 1005—1006); с.-хорв. *práštiti*, *práštīm* 'трещать' ~ *prasnuti* ~ *prȁskati*, *prȁskâm* (RJA XI, стр. 372). || Ср. польск. *praskać* ~ *prasnąć* (Linde IV, стр. 106).

чеш. *rušiti* (PSJČ IV, ч. 2, стр. 1080) ~ *ruchnouti* ~ *ruchati* (там же, стр. 1061). || Ср. др.-русск. *рушити* ~ *рушати* (Срезневский III, стб. 201).

польск. *straszyć* ~ *strachnąć* ~ *strachać* (Linde V, стр. 465—467). || Ср. чеш. *strašiti* ~ *strašívati* (Trávn., стр. 1440); с.-хорв. *strȁšiti* (RJA XVI, стр. 674) ~ *strahovati* (там же, стр. 646).

Таблица 4

Тип отношений	Др.-русск.	Польск.	Чеш.	С.-хорв.
-iti/-ati (всего)	78 + 10 пр.	60 + 3 пр.	77	162
-iti — II-*ati* (из них)	5 + 3 пр.	11 + 3 пр.	22	32

Как видно из приведенного в табл. 4 материала, наибольшая близость в этой части глагольной системы наблюдается между польским, чешским и сербохорватским. Древнерусский язык очень слабо представляет отношения глаголов на *-iti* — II-*ati*. Различия в степени развития этих отношений, видимо, связаны с тем, что языковые системы лежат на разных хронологических уровнях.

6. Наконец, незначительное число глаголов на *-iti* образует соотношение только с основами на *-nǫti* совершенного вида. Частично эти отношения организуются с помощью чередований; морфологические варианты этих основ различны по своей структуре и не поддаются строгой систематизации.

др.-русск. *очутитисѧ* (Срезневский II, стб. 848) ~ *прочьнутисѧ* 'очнуться' (Срезневский III, стб. 1608); польск. *ciścić* 'прийти в себя' (Linde I, стр. 325) ~ *ocknąć* (Linde III, стр. 439).

др.-русск. < ст.-слав. **устрабити** 'исцелить, укрепить' ~ *устьрбнути* 'возмужать' (Срезневский III, стб. 1293).

др.-русск. *учити* (Срезневский III, стб. 1339) ~ *выкнути* (Срезневский I, стб. 444).

чеш. *uditi* 'коптить' (Trávn., стр. 1567) ~ *vadnouti* '*вянуть*' (там же, стр. 1592); польск. без чередования *więdzić* (Linde VI, стр. 248) ~ *więdnąć* и *wiądnąć* 'вянуть' (там же, стр. 287).

польск. *studzić* 'охлаждать' ~ *stydnąć*, *stygnąć* 'стынуть' (Linde V, стр. 489—490); чеш. *studiti* ~ *stydnouti* (Trávn., стр. 1449—1450).

Существуют и оппозиции с единой корневой морфемой в противопоставляемых основах:

др.-русск. *грѣшити* ~ *грѣхнути* 'быть в опасности, лишиться' (Срезневский I, стб. 603—604).

чеш. *pražiti* 'жариться, жечь' (PSJČ IV, стр. 1033) ~ *prahnouti* 'высыхать' (там же, стр. 982).

др.-русск. *при-смѧдитисѧ* 'пригореть' ~ *присмѧнути* (Срезневский II, стб. 1455), *осмѧнути* 'почернеть' (там же, стб. 730);

чеш. *smažiti* 'жарить' ~ *smahnouti* (Trávn., стр. 1399); с.-хорв. *smažiti* ~ *smagnuti* 'почернеть' (RJA XV, стр. 674).

Соотнесенность с основами на *-nǫti* является единственной парадигматической характеристикой некоторых глаголов на *-iti*, производных от прилагательных. Обзор их дан выше.

Таблица 5

Тип отношений	Др.-русск.	Польск.	Чеш.	С.-хорв.
-iti — II (всего)	28 + 8 пр.	56 + 6 пр.	66	61+1 пр.
-iti — II (только)	11 + 4 пр.	29 + 3 пр.	18	16+1 пр.

Таковы основные типы отношений основ на *-i*, включенных в оппозиции с основами на *-nǫ*.

Сопоставительный анализ показывает тождественность моделей, в соответствии с которыми отношения глаголов на *-iti/-nǫti* организуются в парадигматические ряды. При сходстве структурного выражения эти модели накладываются на разные части класса основ на *-i*. Внутриглагольные процессы определяют объем этих отношений и степень их активности в языке. Основное различие между этими фрагментами систем приходится на отношения глаголов: 1) на *-iti* — I—II и 2) на *-iti* — II-*ěti*. Первое отношение наиболее устойчиво в древнерусском и сербохорватском, а в польском и чешском оно свертывается в бинарное противопоставление основ. Второе отношение обнаруживает наибольшую продуктивность в польском, в чешском оно заменяется оппозицией глаголов на *-iti* — II. В древнерусском и сербохорватском второму типу отношений соответствуют отношения глаголов на *-iti/-ěti*.

В. А. Меркулов

НЕСКОЛЬКО ДИАЛЕКТНЫХ НАЗВАНИЙ РАСТЕНИЙ

Слова с затемненной этимологической структурой, после которых в этимологических словарях стоит помета «неясно», представляют особый интерес для исследователя. Чаще всего эти слова принадлежат к диалектной лексике, и нередко причина неясности слова заключается в недостаточности сведений о нем, о его родственных связях в говорах. Необычная, на первый взгляд, форма слова может отражать какие-то фонетические или морфологические процессы в говорах, еще не описанные или не вошедшие в научный обиход.

Несколько сложнее обстоит дело с заимствованиями, воспринятыми при непосредственном контакте двух языков. Если при этом оба языка принадлежат к разным группам, то слово в воспринявшем языке существует в виде ряда адаптированных форм, из которых устойчивой оказывается не всегда самая близкая к первоисточнику. При этом возможно появление иллюзорных связей со словами заимствующего языка, иногда скрывающих даже сам факт заимствования.

Наиболее трудный случай представляют слова, утратившие по каким-либо причинам родственные связи и подвергшиеся разного рода искажениям и контаминации. Реконструкция первоначального облика таких слов не всегда возможна, но тем не менее сама работа с такого рода словами увлекательна.

Большие сложности представляют слова, подвергшиеся сознательному искажению в разного рода тайных языках с целью затруднения понимания его окружающими.

Иногда представляют интерес и такие слова, после которых нет пометы «неясно» и словообразовательная структура которых проста и понятна. Неясность возникает лишь при более внимательном взгляде на семантические отношения производного и производящего, и простая этимология оказывается нуждающейся в дополнительной аргументации.

Не претендуя на то, чтобы отметить все возможные трудности, хочу лишь остановиться на некоторых моментах, подтвердив их примерами.

гарлупá

— южнорусский диалектизм, обозначающий несколько сорных растений семейства крестоцветных, внешне сходных между собою (Bunias orientalis, Raphanus raphanistrum и нек. др.). Наличие многочисленных фонетических и словообразовательных вариантов слова, наблюдаемое в этом случае, — один из наиболее верных признаков разрушения первоначальной формы: *гарлýпá*, *гарлýпник*[1], *гарлю́па*[2], *горля́па*[3], *курлепá*[4], *грýпá*[5], *групена*[6], *крупá*[7]. Задача заключается в снятии всех вторичных сближений и рифмованных форм. Не принимая в расчет слова, осложненные вторичной суффиксацией (*гарлýп-ник*, *груп-ена*), мы вынуждены в первую очередь отбросить вариант *крупá* как результат замены непонятного слова понятным. Затем вызывают подозрение во вторичном оформлении такие формы, где видно влияние других живых слов языка: *курлепá (кур, лепить)*, *гарля́па (ляпать)*, *гарлýпа (лупить)*. Отчетливо видно желание связать вторую часть слова с какими-то значащими элементами (ср. ее варианты *луп-/люп-/ляп-/леп-*). Откровенное влияние слов *горло* и *лупить* привело даже к появлению народной этимологии, по которой *гарлупа* от того, что «лупит (дерет) горло». Отказавшись от поздних контаминационных форм, мы вынуждены обратить внимание, на «ни на что не похожее» *грýпá*. Можно высказать предположение, что именно оно наиболее близко к исходной форме, но дальше этого русский материал не позволяет продвинуться.

На Украине, в говорах Волынской области, те же и некоторые другие близкородственные растения семейства крестоцветных (Bunias orientalis, Brassica napus, Sinapis arvensis) называются *горупá*[8], *горупка*[9]. Характерное отсутствие каких-либо вариантов этого названия говорит в пользу его первоначальности. Можно предположить, что именно такая форма с неясной структурой, редким словообразовательным оформлением привела к возникно-

---

[1] Опыт, стр. 36 (с пометой *орл.*); Н. И. Анненков. Ботанический словарь. Изд. 2. СПб., 1878, стр. 72 (с пометой *тамб.*); Е. Будде. К диалектологии великорусских наречий. Исследование особенностей рязанского говора. — РФВ, т. XXVIII, 1892, стр. 52.

[2] Е. М. Иссерлин. Говоры Пензенской области. Канд. дисс., рукопись. Л., 1945, стр. 151.

[3] Н. И. Анненков. Указ. соч. (с пометой *ворон.*).

[4] Там же (с пометой *нижегор.*); Даль[2] I, стр. 334.

[5] Опыт, стр. 421 (с пометой *тул.*); Даль[2] I, стр. 401.

[6] Ф. Поликарпов. Материалы для изучения южновеликорусских говоров. Нижнедевицкий словарь. — «Филологические записки», вып. I—III. Воронеж, 1912, стр. 467.

[7] Запись автора в Воскресенском р-не Московской обл.

[8] Гринченко I, стр. 316.

[9] St. Makowiecki. Słownik botaniczny łacińsko-małoruski. Kraków, 1936, стр. 61.

вению большого числа вторичных форм в говорах русского языка: развитие вставного *л* (*гарлупá* < *горупá*) под влиянием глагола *лупить*, выпадение начального гласного *групá* < *горупá* (кстати, находящегося в слабой позиции).

На почве украинского языка слово *горупá* также изолировано.

Характерно, что большая часть названий крестоцветных растений так или иначе отражает признак со значением 'горький': ср. *горчица*, *горькушка*, *горькушник*, *жеруха*, укр. *перечниця*, *хріниця*, *гірчак*, *гірчек*, *горунка* и т. д.[10] (стоит обратить внимание на то, что на Украине слово *горупá* служит названием и для дикой горчицы — Sinapis arvensis).

В то же время в древнесербских памятниках зафиксированы слова *gorup*, *gorupan* 'горький', *gorupiti* 'горчить' [11], словен. *gor(j)up* 'горький' [12].

Связь между украинским названием горького растения и сербским словом со значением 'горький' в формальном отношении абсолютна, а в семасиологическом отношении вполне понятна. По-видимому, это древние украинско-сербские формы, сохраняющие редкий словообразовательный вариант прилагательного 'горький' в праславянском языке **gorupъ*, *-a*, *-o*. Будучи изолированным в словообразовательном отношении, он был вытеснен в сербском более продуктивными формами, а в украинском сохранился лишь как диалектное название горьких растений. Многообразие вариантов в южнорусских говорах говорит скорее всего о том, что это украинский элемент, не имеющий этимологических связей на русской почве.

шишобáр

В вологодско-вятских говорах и пограничных с вологодскими архангельских, а также в части говоров Сибири существует слово *шишобáр* 'репейник' [13]. Н. И. Анненков считает слово неясным [14], А. К. Матвеев на том основании, что в коми языке есть слово *шышыбар* 'репей', причисляет его к русским заимствованиям из восточнофинских языков, но этимологии на финно-угорском мате-

---

[10] См.: В. А. Меркулова. О некоторых принципах этимологии названий растений. — «Этимология. 1964». М., 1965, стр. 75.

[11] RJA, zv. 10, стр. 296.

[12] V. Machek. Ceská a slovenská jména rostlin. Praha, 1954, стр. 182.

[13] Даль IV, стб. 1444 (с пометой *волог.*); Н. И. Анненков. Указ. соч., стр. 185 (с пометой *волог.*, *вят.*); Опыт, стр. 266 (с пометой *волог.*, *верховаж.*); Н. Л. Скалозубов. Ботанический словарь. Народные названия растений Тобольской губернии, дикорастущих и некоторых культурных. Тобольск, 1913, стр. 22; Запись автора в с. Шóломя Красноборского р-на Архангельской области.

[14] Н. И. Анненков. Указ. соч.

риале не дает [15]; в то же время Вихман считает это слово русизмом [16].

Последнее более вероятно. *Шишобáр* имеет структуру сложного слова с соединительной гласной *-о-*: *шиш-о-бáр*. Можно пытаться соотнести обе части сложения с определенными значащими элементами в русском языке. Некоторую услугу при этом могут оказать другие названия репейника с аналогичной структурой. Ср. общерусское *чертополох* с первой частью *черт-* 'черт' и второй *-полох* от *полошить* 'пугать' (ср. *переполох*, *сполох* и др.), *чертогóн* то же [17] с первой частью *черт-* 'черт', второй *-гон* от *гнать*. Возникновение этих названий объясняется тем, что растение считалось магическим, отгоняющим нечистую силу, им окуривали хлевы, чтобы предохранить скотину от нечистой силы и болезней [18].

Языку свойственно постоянное воспроизведение одних и тех же семантических моделей на новом материале. Это напоминает надписи, сделанные на разных языках, но имеющие одно и то же содержание. Предположив, что слово *шишобáр* есть нечто подобное переводу слова *чертополóх*, мы можем соотнести первую часть сложения с диалектным названием черта — *шиш*. Последнее имеет приблизительно тот же ареал распространения, что и слово *шишобáр* — севернорусские говоры: *шиш*, *шишúга*, *шишигáн*, 'нечистый, сатана, бес', *шишúмора* (вост.) 'кикимора, привидение', *шишка*, *шишкó* 'бес, черт' (новг. твер. псков.) [19]. В основе своей это название, по-видимому, табуистического происхождения [20].

Во второй части сложения слова *шишобáр* можно предположить элемент *бор-* от глагола *борóть*. Все слово должно было бы выглядеть как **шишобóр* 'побарывающий, побеждающий чертей'. Наличие же в слове элемента *-бар*, а не *-бор* может быть объяснено активно действующим в последние полтораста лет процессом замены в определенных морфологических позициях ударного *о* на ударное *а*. Ср. уже утвердившееся в литературном языке *оспáривать*, *зарабáтывать* и т. д. В говорах, где все тенденции развития проявляются активнее и последовательнее, аналогичное

---

[15] А. К. Матвеев. Финно-угорские заимствования в русских говорах Северного Урала. Свердловск, 1959, стр. 40.

[16] Y. Wichmann. Syrjänischer Wortschatz. Bearb. von T. E. Uotila. Helsinki, 1942, стр. 87.

[17] Г. Н. Потанин. Слова, записанные по дороге из Никольска в г. Тотьму. — Ж. Ст., СПб., 1899, вып. II, стр. 191.

[18] См.: А. Шустиков. Тавреньга Вельского уезда — Ж. Ст., СПб., 1895, вып. II, стр. 198; Vasmer III, стр. 329.

[19] Даль IV, стб. 1445; К. Лавров. Простонародные слова, употребляемые в уездах Новгородской губернии: Новгородском, Крестецком, Старорусском, Кирилловском и Боровичском. — Ж. Ст., СПб., 1895, вып. III—IV, стр. 381.

[20] См.: Д. К. Зеленин. Табу слов у народов Восточной Европы и Северной Азии, ч. 2. — «Сборник музея антропологии и этнографии», т. 9. Л., 1930, стр. 102.

чередование зафиксировано и после мягких согласных: *прот'ока́т'—прот'а́кивать'*.

Думается, что в слове *шишоба́р* мы наблюдаем некое подобие этому явлению, мену ударного корневого гласного, но в составе сложного слова. Ср. *чистога́н* (вм. *гон* от *гнать*), *горлопа́н* (вм. *пон*, ср. *опона*, *попона*, *запон* и др., синонимичное слову *горлопа́н—горлопя́л* и выражение «пялить горло») [21]. То, что все три слова не объяснялись или объяснялись иначе, связано с тем, что они рассматривались изолированно, вне предположения о возможности определенного морфологического явления.

княжи́ца

принадлежит к словам прозрачной этимологической структуры и поэтому не рассматривается в этимологических словарях. Этим словом называют в значительной части севернорусских говоров красную смородину, реже поленику. *Княжи́ца*, *княжи́ка*, *кня́жка*, *княжени́ца*, *княжени́ка*, *княжа́нка*, *княжни́ца*, *княжни́ка* [22] — разнообразные варианты этого названия, показывающие различные примеры выравнивания по словообразовательному ряду. Первоначальная словообразовательная модель проста: «основа имени прилагательного + суффикс *-ица*.» *Княжи́ца* значит 'княжья ягода', но неясно, почему красная смородина называется *княжьей*. Можно предположить, что в основе имени прилагательного лежит не основное значение слова *князь*, а одно из его производных значений.

Известно, что *князько́м* принято называть животное необычной для данного вида масти: белую куницу, белого соболя, мышь и т. д., а также колос необычных размеров. «Промышленники утверждают, что бывают соболи, хотя и чрезвычайно редко, совершенно белые; их, как вообще выродков, здесь промышленники называют соболиными князьками; они ими очень дорожат и, по суеверному обычаю, держат их в домах» [23]. Возможно, что именно таким выродком воспринималась смородина, белая и красная, в отличие от

---

[21] Существующая этимология слова *горлопа́н* от *горло*+*пан* (А. А. Соболевский. Еще мелочи. — РФВ, т. LXXI, 1912, стр. 443) не представляется убедительной.

[22] Г. Г. Мельниченко. Краткий ярославский областной словарь. Ярославль, 1961, стр. 88; Даль II, стб. 316; А. И. Подвысотский. Словарь областного Архангельского наречия в его бытовом и этнографическом применении. СПб., 1885, стр. 67; Г. Куликовский. Словарь областного олонецкого наречия. СПб., 1898, стр. 37; В. Волоцкий. Сборник материалов для изучения ростовского (Яросл. губ.) говора. — Сб. ОРЯС, т. 72, № 3. СПб., 1903, стр. 40; Дополнение к Опыту областного великорусского словаря. СПб., 1858, стр. 82.

[23] А. А. Черкасов. Записки охотника-натуралиста. М., 1962 (переизд. кн.: А. А. Черкасов. Записки охотника Восточной Сибири. [Б. м.], 1867), стр. 87.

черной, и поленика, похожая на другие известные ягоды и в то же время отличная от них.

Почему такие предметы носили название *князька́* или *княжье́го*, — трудно сказать: в результате своей незаурядности, необычности или потому, что шкуры животных редкой масти в первую очередь сдавались в качестве дани, как думает Соболевский [24]. Но это уже этимология другого слова.

батла́чек

В научной ботанической литературе так называют два растения семейства злаковых. Известно, что при составлении национальной научной ботанической терминологии широко используются и диалектизмы, и заимствования, и кальки. В словаре Даля это название передано в несколько иной форме: *батлачи́к* [25], причем оно значит не только злаковое растение (Alopecurus), но и водное растение стрелолист (Sagittaria sagittifolia).

Если же мы обратимся к говорам, то обнаружим, что территория распространения этого названия достаточно определенна: это русские говоры нижнего Поволжья, Дона и близлежащие украинские говоры. В говорах это слово выступает как название целого ряда водных растений: водяных орехов (Trapa natans), сусака (Butomus umbellatus) и стрелолиста (Sagittaria sagittifolia). Вариантность слова достаточно велика: *батманчу́к*, *батманцу́к*, *бодманцык*, *батла́н*, *батланцу́к*, *батлачи́к*, *мадлачи́к* и *банцушник* [26], укр. *батлан* [27]. Наличие суффиксов *-чик*, *-чук*, характерная мена *б/м* показывают, что в основе всех этих вариантов лежит тюркский элемент. И действительно, в татарском языке водяные орехи (Trapa natans) называются *batmanсьq* [28].

При усвоении этого заимствования происходило несколько процессов, из которых наиболее откровенно видны: выпадение *н* перед *ч/ц* и мена *н* > *л* во втором слоге. Об этимологии этого слова на тюркской почве можно высказать лишь осторожное предположение. Слово *batmanсьq* в татарском языке — форма уменьшительности от слова *batman*, обозначающего различные меры веса и достаточно широко представленного и в русском языке. Так как в качестве меры нередко используется определенная посуда, то слово *батман* иногда выступает в значении 'горшок, кувшин'. Ср., например, *патман* (Uig. Tar):

---

[24] А. А. Соболевский. Указ. соч., стр. 214—215.

[25] Даль[3] I, стб. 136.

[26] Н. И. Анненков. Указ. соч., стр. 73, 321, 356; В. М. Миртов. Донской словарь. Материалы к изучению лексики донских казаков. Ростов н/Д., 1929, стр. 337.

[27] St. Makowiecki. Указ. соч., стр. 322.

[28] Tatarca-ursca syzlek. Казань, 1931, стр. 42.

1) батман (мера), 2) (Tar) 'полный горшок' [29]; *батман* 'глиняная посуда вроде кувшина', *патман* 'полный горшок' [30].

В таком случае *batmanсьq* значит 'кувшинчик, горшочек', и это тюркское название водяных орехов сходно с их славянским названием *котелки* [31].

От тюркского названия водяных орехов до русского литературного названия злаковых растений слово проделало сложный путь, претерпев изменения и формы и значения.

истóд

— научное название небольшого травянистого растения Polygala vulgaris L. В научную литературу это слово проникло, по-видимому, из существовавших словарей. Оно отмечено в словарях Маковецкого, Залесовой, Даля, Анненкова [32]. Первоисточником служил, вероятно, словарь Анненкова, где приводятся формы *истод*, *истодот*, *истод-дерево* со ссылкой на И. О. Калиниченко, давшего сведения о названиях растений на Украине и на юге России.

Для выяснения происхождения слова необходимо обратиться к другим названиям этого растения и его свойствам. Различные виды Polygala во многих местах используются как лекарственные и магические. На юге Архангельской области Polygala vulgaris существует под именем *урочной травы*, т. е. травы, помогающей от болезней, возникших в результате наговора, «урока». Растение собирают и окуривают им скот и детей. Н. И. Анненков сообщает, что Polygala amara L. и Polygala comosa L. «употребляется от рака, водяной и чахотки» [33]. О лечебном использовании растения говорят и его другие названия: *родимцевая* (т. е. используемая от *родимца* 'родового паралича'), *сорокоприточная* (т. е. употребляемая от сорока приток, или болезней), *измодик*, *измод* (ср. глагол *модéть* 'болеть, слабеть, чахнуть'), *коница* (ср. глагол *конить* 'ныть, болеть') [34].

Вполне возможно, что такое использование было связано не с реальными лечебными свойствами растения, а лишь с внешней словесной и предметной магией. По-чешски это растение называется *křížový květ*, *křížek* (что, несомненно, свя-

---

[29] В. В. Радлов. Опыт словаря тюркских наречий, т. IV. СПб., 1911, стр. 1181.

[30] Г. Г. Мельниченко. Указ. соч., стр. 29.

[31] Даль[2] I, стр. 407.

[32] St. Makowiecki. Указ. соч., стр. 282; Полный русский иллюстрированный словарь-травник и цветник, составленный по новейшим ботаническим и медицинским сочинениям врач. Е. Н. Залесовой и О. В. Петровской, т. I. СПб., 1898—1899, стр. 123; Даль II, стб. 142; Н. И. Анненков. Указ. соч., стр. 262.

[33] Н. И. Анненков. Там же.

[34] Даль II, стб. 142.

зано с немецким *Kreuzwurz*)[35], по-украински *xrestovnyk*, *krestoveć*, *krestovnyk*[36]. Отсюда благодаря внешним ассоциациям возникло название Polygala *божье дерево*.

В речи колдунов и знахарей возможно употребление намеренно непонятных и затемненных терминов. По-видимому, к таким словам относится и слово *истóд*, *истод-дерево*. Оно является переводом на офенский язык[37] названия *божье дерево*. На офенском языке слова *стод*, *стода* употреблялись в значении 'бог, Христос, церковь, икона'[38].

Начальное *и* в слове *истóд* может быть объяснено как протеза перед *с*, ср. *úсерьги* 'серьги', *исрубы* 'срубы' и др.[39], явление достаточно известное в говорах русского языка.

Слово, случайно записанное у бродячего офени, попало в словари, а затем и в научную речь.

---

[35] V. Machek. Указ. соч., стр. 138.

[36] St. Makowiecki. Указ. соч., стр. 282.

[37] Офенский язык — тайный язык бродячих торговцев иконами и церковными сувенирами. Нередко офени выступали в роли знахарей.

[38] См.: М. В. Арапов. К этимологии слова *офеня*. — «Этимология. 1964», стр. 125; Даль IV, стб. 539.

[39] Н. М. Васнецов. Материалы для объяснительного областного словаря вятского говора. Вятка, 1908, стр. 98—99.

В. В. Виноградов

ИСТОРИКО-ЭТИМОЛОГИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ. III

1. Закал, закалить (закаленый)

Русский литературный язык 30—50-х годов прошлого столетия все теснее сближается с профессиональными диалектами и специальными языками. В этом процессе отражалась стилистическая реорганизация литературного языка, отрыв его от старой дворянской эстетики художественного слова. Терминология и фразеология разных профессий и специальностей вливаются в стили публицистики и повествовательной прозы, расширяя и обобщая свои значения или подвергаясь метафорическому переосмыслению. Тут не обходилось без влияния западноевропейских языков, из которых исходили толчки к тому или иному словоупотреблению и в которых находили опору чисто русские, национальные тенденции языкового развития (в силу однородности законов исторической семантики). Так, в 30—40-е годы XIX в. обозначается новый путь развития значений у слов *закал*, *закалка*, *закалить*; намечаются новые линии их стилистического употребления.

Ср. у Державина: «В стуже и в зное меч *закаляя*» [1].

По-видимому, прежде всего расширяется, отчасти под влиянием французского *retrempé* (ср. *être trempé*), переносное значение у причастной формы *закаленный*, которая входит в стиль художественной прозы и в стихотворный язык. Ее употребление в переносном смысле было особенно часто в литературном языке 30-х годов. Ср. у Лермонтова в «Колыбельной песне»:

Но отец твой, старый воин,
Закален в бою.

Но вместе с тем не подлежит сомнению, что новые значения и оттенки сразу же распространялись и на другие формы глаголов *закалить* и *закалиться*.

Любопытно, что в «Словаре церковно-славянского и русского языка» 1847 г. эти новые веяния, охватившие широкий круг слов, производных от *калить* (*закал*, *закалка*, *закалить*, *закалиться*, *раскалиться*, *раскаленный* и т. п.), еще не находят никакого отражения. Так, в глаголе *закаливать—закалить* здесь выделяются лишь такие значения: «1) Раскалив железо, опускать в воду, чтобы

[1] Г. Р. Державин. Сочинения, т. IX. Словарь. СПб., 1883, стр. 378.

посредством внезапной остуды сделать его тверже. *Закаливать железо*; 2) Допускать *закал* в хлебе и в хлебных яствах» [2].

Конечно, соответствующие значения указываются и в словах *зака́лка* и *зака́л*. Например, *зака́л* определяется так: «1) То же, что *зака́лка* (т. е. а) действие по глаголу *закаливать* — *Закал чугуна, стали*; б) степень твердости, производимая закаливанием — *Слабый, крепкий закал*). 2) То же, что *зака́лина* (т. е. 'недостаток рыхлости; плотность в хлебенном или в хлебе под коркою. *Хлеб с закалиною*'» (стр. 22).

Однако в русском литературном языке 30-х годов XIX в. переносные значения глаголов *закалить, закалиться, закаленный* уже выражены чрезвычайно рельефно. По-видимому, они сначала воспринимаются как метафоры, тесно связанные с военными образами, с образами оружия.

Ср. у Лермонтова в «Хаджи-Абреке»:

Его свободные сыны
В огнях войны *закалены*.

У Гоголя в «Тарасе Бульбе»: «По смуглым лицам видно было, что все они были *закалены* в битвах, испробовали всяких невзгод» [3].

У Лермонтова в «Вадиме»: «Его сердце, *закаленное* противу всех земных несчастий, в эту минуту сильно забилось».

Ср. у И. В. Киреевского в «Обозрении русской словесности»: «Следуя преимущественно направлению французскому, кн. Вяземский умеет острые стрелы насмешки *закалять* в оригинальных мыслях».

У Кс. Полевого: «Стих Языкова *закален* громом и огнем русского языка» («Московский телеграф», 1833 г.) [4].

Таким образом, ярче всего и прежде всего переносное значение и употребление выступают в причастии *закаленный*, которое приобретает оттенок: 'получивший твердость, стойкость, выдержку, способность крепко переносить лишения, жизненные невзгоды, мужественный'.

Ср. у Л. Толстого в «Рубке леса»: «Он был человек *закаленной*, спокойной храбрости».

В глаголе *закалиться* в русском литературном языке 30—40-х годов XIX в. также развивается переносное значение: 'стать закаленным, развить в себе твердость, настойчивость, выдержку, приучиться стойко и мужественно переносить лишения, невзгоды'.

---

[2] «Словарь церковно-славянского и русского языка», т. 2. Изд. 2, М., 1867, стр. 45—46.

[3] Ср. тут же употребление глагола *закалиться*: «Когда человек вел еще кровавую жизнь одних воинских подвигов и *закалился* в ней душею, не чуя человечества». . . («Тарас Бульба»).

[4] «Словарь русского языка», сост. Вторым отд. имп. Академии Наук, т. II, вып. 4. СПб., 1900, стр. 1127—1128.

Ср. у Н. И. Греча в «Воспоминаниях старика»: «Ода Державина показывает, до какой степени может *закалиться* поэзия в душе человека» [5].

У Никитина в стих. «Внезапное горе»:

Привыкайте, родимые, к доле худой!
Закаляйтесь в кручинушке смолоду!

Ср. у Салтыкова-Щедрина в «Господах Ташкентцах»: «Но, к общему удивлению, Ольга Сергеевна *закалилась* как адамант».

У Тургенева в переводе легенды о Юлиане Милостивом: «Кожа его заскорузла от ветра, члены отвердели от соприкосновения ратных доспехов, он весь *закалился*».

Понятно, что эти значения переливаются и в активное употребление глагола *закалить*.

У Гоголя в «Переписке с друзьями»:

«Уже с самого начала вы должны были помышлять о том, чтобы действовать так прочно и *закалить* сделанное так крепко, чтобы после вас никто уже не мог своротить того, что раз направлено».

Ср. у Салтыкова-Щедрина в «Губернских очерках»: «Княжна усиливается забыть его, усиливается *закалить* свои чувства».

У Н. И. Греча в «Воспоминаниях старика»: «Александр предвидел бурю: и все враждебные происшествия и обстоятельства *закалили* его по природе мягкое сердце, внушили ему твердость и настойчивость» [6].

Новый оттенок значения в глаголе *закалять—закалить*: 'правильным физическим воспитанием приучать к холоду, делать крепким, выносливым', а в форме *закаленный* — 'хорошо воспитанный физически и потому стойкий, не подвергающийся простуде, болезням' — оформляется лишь во второй половине XIX в.

Ср. Лейкина (в «Петербургской газ.», 1899): «Померзнуть немножко не мешает — это *закаляет* здоровье».

У Потапенко в «Истории одной коммуны»: «Ты должен всячески *закалять* себя, чтобы сделаться крепким и выносливым».

Необходимо подчеркнуть, что и в традиции старого высокого и среднего стиля XVII—XVIII вв., опиравшегося на церковнославянизмы, была фразеологическая опора для метафорического развития глагола *закалять*. Из старославянского языка вошло в древнерусский язык слово *горнило* как синоним слова *горн* [7].

---

[5] Н. И. Греч. Записки о моей жизни. «Academia», 1930, стр. 328.
[6] Там же, стр. 348.
[7] См.: А. Х. Востоков. Церковно-славянский словарь. Материалы для словаря и грамматики. Прибавления к т. VI «Известий имп. Акад. Наук по Отделению русского языка и словесности». СПб., 1857, стр. 187.

Это слово дожило до XVIII в. и укрепилось в высоком слоге. Например, у Ломоносова в «Оде, выбранной из Иова»:

Сверкают очи раздраженны,
Как угль, в *горниле раскаленный.*

Слово *горнило* вошло в связанную цепь фразеологических оборотов для образного выражения испытаний, переживаний, впечатлений опыта, закаляющих характер человека. Круг этих фраз расширялся и употребление их оживилось в русском литературном языке 30-х годов. Например, у И. И. Лажечникова в «Ледяном доме»: «Душа моя испытана в неугасимом *горниле*, тяжкий молот судьбы бил ее со всех сторон». У Лермонтова в «Герое нашего времени»: «Я увлекся приманками страстей пустых и неблагодарных; из *горнила* их я вышел тверд и холоден, как железо».

Тот же ход изменений значений наблюдается и в слове *закалка* и *закал*. Так, переносное значение слова *закалка* в языке Гоголя еще получает мотивировку в виде сравнения: «Растопившись подобно разогретому металлу, богатый запас великих ощущений не принял последней *закалки*» («Мертвые души»).

Ср. у Лажечникова в «Басурмане»: «Они воспользовались отсутствием великого князя и главных противников своих, чтобы сыскать новые, вернейшие орудия с адской *закалкой*».

Ср. употребление слова *закал* у Герцена в «Былом и думах»: «Сибирь кладет свой отпечаток, вовсе не похожий на наш провинциальный; он далеко не так пошл и мелок. Он обличает больше здоровья и лучший *закал*».

У Тургенева в рассказе «Часы»: «Мне нужно было в целости сохранить весь пыл мести, весь *закал* безвозвратного решения».

У Писемского «В водовороте»: «Только немецкий *закал* характера и надежда на свою ловкость дали барону силы не пасть духом».

В 40—50 годах XIX в. и слово *закал* сближается с французским *la trempe*. Еще акад. Я. К. Грот в «Филологических разысканиях» [8] указал, что в 50—60-х годах широко распространилось выражение *человек такого закала* под влиянием французского *un homme de cette trempe*.

В письме Е. Я. Колбасина И. С. Тургеневу (от 7 февр. 1875 г.): «Вы человек такого *закала*, которому суждено жить долго и делаться год от году лучшим» [9].

Ср. у Ап. Григорьева в «Моих литературных и нравственных скитальчествах»: «Вот людей такого-то чисто русского *закала*, людей с серьезной жаждой мысли и жизни, способных прожигать жизнь или ставить ее на всякую карту, кроме еще небольшого кружка людей дельных, способных специально чем-нибудь

[8] Изд. 4. СПб., 1899, стр. 13.
[9] «И. С. Тургенев и круг „Современника“». М., 1930, стр. 323.

заняться, — мало удовлетворяло направление „Телеграфа“ и общий уровень тогдашней литературы» [10].

«Довелось мне быть наставником одного крайне ленивого и крайне же даровитого отрока — купно с весьма положительным гувернером-англичанином, честнейшим и ограниченнейшим господином мещанского *закала*» [11].

У Тургенева в романе «Отцы и дети»: «Это был человек старого *закала*, не разделявший новейших воззрений».

У Писемского в романе «Взбаламученное море»: «Его встретил губернского *закала* мрачный и грязный лакей». У Салтыкова в «Благонамеренных речах»: «Я догадался, что имею дело с бюрократом самого новейшего *закала*».

У Мельникова-Печерского в «На горах»: «Одного *закала* были, хоть по разным дорогам шли».

У Григоровича в «Литературных воспоминаниях»: «У меня был готовый план для большого романа; мне хотелось в нем вывести два поколения: отживающих помещиков *старого закала* и новых». . .

У Б. М. Маркевича в романе «Бездна»: «Кто же его по Москве-то не знает! . . *Старого закала*, хороший барин, благородный. . .» [12]

2. Набожный, набожность

Слово *набожный* (как и производное от него *набожность*) по своему морфологическому строю выделяется из ряда русских слов, имеющих в своем составе основу *бог-* / *бож-* (ср. *безбожный*, *убогий*). Обращает на себя внимание и его акцентовка (на приставке; ср. чеш. *nabožnost*, ср. народное *на́ бога*) [13]. Слово *набожный* находит себе яркие параллели в западнославянских языках — в чешском и польском, например, очень богато соответствующее гнездо слов в польском языке: *nabożenstwo* ‘богослужение’, ‘набожность’; *nabożnica* ‘лицемерка’; *nabożnieć* ‘делаться пустосвятом’; *nabożnik* ‘ханжа’, ‘пустосвят’; *nabożnictwo* ‘ханжество’, ‘пустосвятство’; *nabożny* ‘набожный’, ‘благочестивый’, ‘благоговейный’; *nabożność* ‘набожность’, ‘благоговение’.

Чешские *nabožný*, *nabožnost* как будто ближе к русским. Любопытно, что и хорватское *nabožan*, *nabožnost* явилось, повидимому, под влиянием чешского языка [14].

---

[10] Ап. Григорьев. Воспоминания. «Academia», 1930, стр. 117.

[11] Там же, стр. 133.

[12] М. И. Михельсон. Русская мысль и речь, ч. I. СПб., 1912, стр. 320.

[13] Об ударении см.: R. Nachtigall. Akzentbewegung in der russischen Formen- und Wortbildung. Heidelberg, 1922, стр. 12, 97, 125, 136, 156 (Wörterverzeichnis).

[14] См.: Prof. T. Maretić. Ruske i češke riječi u književnom hrvatskom jeziku. Zagreb, 1892, стр. 33.

Однако перенос ударения — при предположении русского заимствования этих слов из польского языка — мог произойти на русской почве (под влиянием *на́ бога*).

Акад. А. С. Орлов, отметив употребление слова *набожность* в «Тилемахиде» В. К. Тредиаковского, поставил его в связь с польским влиянием (польск. *nabożność*) [15].

Слова *набожность*, *набожный*, несмотря на их смысловую связь с религиозным культом, его мифологией и идеологией, не отмечены в языке средневековой письменности [16]. Они появились в русском литературном языке не ранее конца XVII в.

В «Истории о Петре I» кн. Б. И. Куракина (начало XVIII в.): «Кн. П. И. Прозоровский. . . был человек *набожной* и справедливой»; «Прозоровский . . . ведал Денежной двор и управлял со всякою верностию и без мздоимства, понеже был человек *набожной*, который до своей смерти был содержан честно и так скончал свою жизнь» [17]. Ср. в той же работе: «Д. Т. Долгорукой . . . мужик старой и *набожной* и препростой. . .» [18]

Значение слов *набожный*, *набожность* не подверглось существенным изменениям на протяжении двух с половиной веков. *Набожный* у верующих: 'богомольный, тщательно исполняющий все предписания религии'; *набожность*: 'благочестие, тщательное выполнение требований веры, культа'.

Ср. у Крылова в «Кот и повар»:

Он *набожных* был правил,
А в этот день по куме тризну правил.

3. Перелистывать — перелистать

Во многих случаях бывает очень затруднительно решить, в какой мере параллелизм синонимического употребления русского и чужеязычного слова свидетельствует о генетической связи между этими словами или о семантической зависимости их одного от другого. Установить факт хронологического первенства какого-нибудь из этих слов далеко не всегда можно с полной уверенностью. Период совместного существования двух слов в качестве синонимов нередко завершается вытеснением одного из них, обычно того, которое продолжает восприниматься как заимствование и которое не вполне ассимилируется с лексической системой русского языка.

Глагол *перелистывать* в значении 'бегло перевертывать страницы какой-нибудь книги' не вошел в «Словарь Академии Рос-

[15] А. С. Орлов. «Тилемахида» В. К. Тредиаковского, сб. «XVIII век», т. I. М.—Л., 1935, стр. 53.

[16] См.: Срезневский, т. II, стр. 266. Здесь указано лишь неясное по значению *набоженка* из «Вопрошаний Кирика».

[17] «Русская Старина», 1890, октябрь, стр. 244 и 248.

[18] Там же, стр. 255.

сийской». Он впервые зарегистрирован в «Словаре церковнославянского и русского языка» 1847 г. (хотя глагола *листать* здесь еще нет). В этом словаре глагол *перелистывать* имеет формы: *перелистова́ть* — соверш. вида и *перели́стывать* — несоверш. вида ('перебирать листы в книге, читая бегло или без внимания)' [19].

Не подлежит сомнению, что слово *перелистова́ть* (*перелистать*) укрепилось в русском литературном языке гораздо ранее XVIII в. И. В. Ягич отметил в венском немецко-русском словаре XVII в. *отлистать* — abblattern [20]. *Перелистовать* соответствовало франц. *feuilleter*, русск. *фельетировать*. Например, в пародическом письме щеголихи к живописцу: «По чести скажу, что твои листы вечно меня прельщают. Клянусь, что я всегда *фельетирую* их без всякой дистракции. Да и нельзя не так, ты не грустен, шутишь славно, и твое перо по бумаге бегает бесподобно. Ужесть, ужесть, как прекрасны твои листы» [21].

Ср. еще в 1859 г. у А. Н. Серова (в письме к К. И. Званцеву): «Он — вместо того, чтоб читать, *профельетировал* книгу, наткнулся на мелочи» [22].

В пародическом письме галломана, приложенном к «Рассуждению о старом и новом слоге российского языка» А. С. Шишкова, рядом с *фельиотировать* появляется и русский его синоним *перелистывать*: «Вы напрасно говорите, что нынешние писатели, в числе которых и я имею честь вам кланяться, не читают никогда русских книг: я сам *перелистывал*, то есть фельіотировал Ломоносова и перебегал или паркулировал Сумарока, чтоб иметь от них идею. Оба они весьма посредственные писатели» [23]. Ср. тут же: «Я был в хорошем нраве, и захотелося мне посмеяться над писателями того периода. И так я начал эту книгу *перелистывать*» (стр. 428; ср. также стр. 430).

У Н. Ф. Павлова в повести «Ятаган» («Три повести» Н. Ф. Павлова. 1834): «Он *перелистывал* мысленно историю своей храбрости».

У А. И. Тургенева в письме П. А. Вяземскому (от 24/12 сентября 1833 г.): «С хозяином *перелистывал* его древние рукописи, его ученые редкости, им написанные брошюры» [24].

---

[19] «Словарь церковно-славянского и русского языка», т. III. Изд. 2. СПб., 1867, стр. 394.

[20] Акад. И. В. Я г и ч. Заметка об одном рукописном словаре немецко-русском XVII столетия. «Изд. Отд. русск. языка и словесности имп. Акад. Наук», т. II, кн. 2, Петербург, 1897, стр. 296.

[21] «Живописец» [1772, л. 9] — «Русские сатирические журналы XVIII века». М., Учпедгиз, 1940, стр. 174—175.

[22] «Русская старина», 1888, август, стр. 357.

[23] А. С. Ш и ш к о в. Рассуждение о старом и новом слоге Российского языка. СПб., 1813, стр. 424—425.

[24] «Переписка А. И. Тургенева с кн. П. А. Вяземским», т. I. «Наука», 1921, стр. 345.

Во второй половине XIX в. к *перели́стывать* в разговорной речи стала употребляться форма совершенного вида *перелистáть* [25], вытеснившая господствовавшую ранее форму *перелистовáть*.

Глагол же *фельетировать* уже в 40—50-е годы воспринимается как галлицизм стародворянских стилей.

Таким образом, есть все основания утверждать, что слово *перелистовáть* (народное *перелистать*) образовалось в русском языке самостоятельно. Но в конце XVIII в. в некоторых стилях русского литературного языка укрепился сложившийся под влиянием французского языка глагол *фельётировать*. Возник синонимический параллелизм двух слов — *фельётировать* (ср. *профельётировать*) и *перелистывать*, при этом очень возможно, что в параллель к *фельётировать* слово *перелистывать* — *перелистовáть (перелистáть)* расширило круг своего употребления в ущерб активности описательного выражения *перевертывать листы* (ср. исключительное его употребление в языке Пушкина). Стилистическое соперничество закончилось победой глагола *перелистывать*.

4. Сосредоточенный, сосредоточенность

Слово современного русского языка *сосредоточить* и производные *сосредоточенный*, *сосредоточенность* не имеют позади себя длинной истории. Сами они очень юны, хотя их составные элементы древни. Слово *средоточие*, от которого все эти слова произошли, образовано в книжно-славянском языке по образцу таких древних славянизмов, как *средовечие*, *средостение* и т. д.[26] Оно не зарегистрировано в «Материалах для словаря древнерусского языка» акад. И. И. Срезневского. Его нет в лексиконе «Памвы Берынды» и в «Треязычном лексиконе» Ф. Поликарпова (1704 г.). Оно появилось, по-видимому, в высоком славянизированном научном слоге около середины XVIII в. для передачи греч. κέντρον, лат. *centrum*. Во всяком случае, в словарях Академии Российской оно рассматривается как общеупотребительное литературное слово. Между тем в «Немецко-латинском и русском лексиконе» 1731 г. слова *средоточие* еще нет. Здесь для перевода нем. *Mittelpunkt*, лат. *centrum* предлагается выражение «средняя точка» (стр. 420). Естественно рождается предположение, что слово *сре-*

---

[25] В «Толковом словаре» В. И. Даля еще нет формы *перелистать*. Здесь находим: «*Перелистовывать* или *перелистывать*, *перелистовать* книгу, перебирать по листам, перевертывать листы; || читать бегло, поверхностно. *Читать некогда было, а перелистовал.* || Переномерить листы, страницы. Перелистовать шнуровую книгу» (Даль III, стр. 62—63).

[26] См.: Срезневский III, стр. 482—483. Ср. здесь также: срѣдодвьрие, срѣдоложение 'промежуток', срѣдопостие, срѣдорѣчие и т. п. Ср. также в «Дополнениях к материалам», стр. 248.

доточие образовано под влиянием нем. *Mittelpunkt* для книжнославянского выражения того же научного понятия, которое в научном языке XVII в. обозначалось сначала греческим κέντρον, затем — латинским *centrum*. Значение этого книжного слова — *средоточие* — было очень устойчиво. До начала XIX в. оно сохраняло свое первоначальное этимологическое значение: 'точка, воображаемая в середине круга или шара'; 'центр — средоточие земли'. Это был геометрический термин. Так это слово и определяется в «Словаре церковно-славянского и русского языка» 1847 г.[27] Ср. в словарях Академии Российской: «Средняя точка или точка, равно от краев отстоящая. Средоточие земли. Средоточие круга». Лишь в русском литературном языке XIX в. *средоточие*, продолжая частично выступать в роли синонима слова *центр* (в значении 'место, где сосредоточена какая-нибудь деятельность', 'важный пункт чего-нибудь'), теснее связывается по своим семантическим оттенкам с глаголом *сосредоточить*.

Глагол же *сосредоточить*, некогда произведенный от слова *средоточие*, сам повлиял на дальнейшую семантическую судьбу этого слова и обеспечил ему долгое существование в русском литературном языке.

Ср. в письме П. А. Вяземского к А. И. Тургеневу (от 13 декабря 1825 г.): «[Париж], что ни говори, а *сосредоточие* европейского просвещения» [28].

Показательно, что в «новом слоге Российского языка» (т. е. в стилях Карамзинской школы) в связи с применением неологизма *сосредоточить* расширяется круг употребления и слова *средоточие*. А. С. Шишков в «Рассуждении о старом и новом слоге» так комментирует фразу Карамзина «Руссо, по своему характеру, ставит себя *средоточием* мыслей своих. . .»: «Руссовы мысли уподоблены здесь кругу, а сам он, по характеру его, сделан центром сего круга. Признаться должно, что геометрическое выражение сие весьма далеко отстоит от ясности геометрических определений» (стр. 186).

Ср. у Н. И. Греча в «Воспоминаниях» (Новоселье, 1833): «В каждом человеке можно найти пищу для созерцательного духа; каждый человек есть малый мир, движущийся вокруг духовного *средоточия*» [29].

Укреплению слова *средоточие* рядом со словом *центр* содействовали национальные славянофильские тенденции, развивавшиеся в среде ученых ломоносовской школы [30].

[27] «Словарь церковно-славянского и русского языка», т. 4, Изд. 2. М., 1867, стр. 444.

[28] «Архив братьев Тургенева», вып. VI. Переписка А. И. Тургенева с кн. П. А. Вяземским. Пг., 1921, т. I, стр. 21.

[29] Н. И. Греч. Записки о моей жизни. «Academia», 1930, стр. 273.

[30] Необходимо заметить, что русские ученые-патриоты второй половины XVIII в. предлагали и в языке математики заменять иностранные термины русскими. Акад. Никитин и Суворов употребляли вместо *линия* —

В современном русском языке слово *средоточие* принадлежит книжному стилю. Оно обозначает: 'то, что сосредоточивает в себе что-нибудь', 'то, где сосредоточено что-нибудь'; 'основной центр чего-нибудь'.

Глагол *сосредоточить* произведен от слова *средоточие* в русском литературном языке конца XVIII—начала XIX в. под влиянием французского *concentrer*. Это — своеобразная калька французского слова. А. С. Шишков так и писал в «Рассуждении о старом и новом слоге» (1813 г.): «Знаменование . . . глагола сего ищи во французском лексиконе под словом concentrer; ибо тщетно будешь ты искать его в Российских книгах и словарях» (стр. 177—178). Здесь же Шишков в таком виде характеризует мечты и думы карамзиниста: «Как перевесть глагол développer? Как прославившегося подвигами своими мужа, последуя французским писателям, уподобить *актеру*, вышедшему *на сцену*, играющему *тонкую* или *занимательную роль* и всех взоры в себе *сосредоточивающему?*» (стр. 292). Ср.:

> Когда бы ты в Лондоне, в Париже или в Вене,
> С твоими грасами явилася на сцене,
> *Сосредоточила* б ты мысли всех умов! (стр. 434).

Сосредоточить первоначально обозначало 'стать средоточием или стянуть, собрать в один центр, в одно место, объединить в одном месте'.

В письме Ф. В. Булгарина М. П. Погодину (от 1826 г.): «Что Полевой?. . Я для него служу фокусом, в котором *сосредоточиваются* все лучи его гнева и злобы противу целого мира» [31].

В журнале «Московский Вестник» говорилось: «Настоящее назначение журнала состоит в том, чтобы . . . *сосредоточивать* во едино все разногласные мнения публики» [32].

Канонизованное Карамзиным, слово *сосредоточить* вошло в 20—30-х годах XIX в. в норму литературного языка.

В нем развились новые значения и оттенки: 1) *что*. 'Напрягши объединить, собрать (для какой-нибудь цели)'. *Сосредоточить усилия, силы. Сосредоточить мысли*; 2) *что на ком-чем*. 'Собравши, целиком направить на кого-что'. *Сосредоточить внимание на чем. Сосредоточить любовь на ребенке.*

Ср. у И. С. Тургенева в «Литературных и житейских воспоминаниях»: «Враг этот был крепостное право. Под этим именем я собрал и *сосредоточил* все, против чего я решился бороться до

черта, вместо *фигура — образ*, вместо *центр — острие*, вместо *теорема — мыслие*, вместе *теория — мысльствие* и т. п. (М. И. Сухомлинов. История Российской Академии, вып. V. СПб., 1880, стр. 21).

[31] Н. П. Барсуков. Жизнь и труды М. П. Погодина, т. II. СПб., 1889, стр. 10.

[32] 1828, ч. VIII, стр. 63—64.

конца — с чем я поклялся никогда не примиряться» («Вместо вступления», 1868, стр. IX).

В первой же половине XIX в. причастие *сосредоточенный* приобретает яркие качественные значения и от него производится отвлеченное имя существительное *сосредоточенность*.

В «Толковом словаре» В. И. Даля уже нашли себе место и *сосредоточенный* и *сосредоточенность* как отдельные слова, но без точного и прямого объяснения. Здесь читаем: «*Сосредоточенность* ж., действие по глаголу *сосредоточить*, *сосредотачивать* что; скопить, скучить, свесть в одно место, устремить в одну точку. *Сосредоточить войска*, стянуть гуще, теснее. *Сосредоточить выстрелы*, направить в одно место. *Сосредоточенный огонь*. . . *Сосредоточиться*, быть сосредоточену. *Сосредоточить внимание, мысли свои на чем* или *сосредоточиться мыслями на чем*, обратить мысли на один предмет, усильно размышлять» [33].

В рецензии И. С. Тургенева на сборник «Поэтические эскизы» (1850 г.): «. . .Несмотря на все наше *сосредоточенное* мужество, уже не один взгляд украдкой скитался по углам комнаты» [34].

У Ап. Григорьева в статье «Безвыходное положение» (1863 г.): «Для того, чтобы быть художником, нужна *сосредоточенность*, нужно спокойствие».

В письме И. И. Панаева В. П. Боткину (от 28 сентября 1856 г.): «Да пошлет же тебе бог для нее [статьи] *сосредоточенности* и терпения» [35].

У Д. В. Григоровича в «Воспоминаниях»: «При всей теплоте, даже горячности сердца, он [Достоевский] еще в училище, в нашем тесном, почти детском кружке отличался не свойственною возрасту *сосредоточенностью* и скрытностью» [36].

Сосредоточенный, кроме причастного пассивного значения, выражает качественное значение: 'напряженный, всецело поглощенный чем-нибудь, устремленный на что-нибудь одно'. *Сосредоточенный вид. Сосредоточенный взгляд. Сосредоточенное внимание.* «*Выражение его лица было сосредоточено и угрюмо*» (Тургенев, Новь); «*Сосредоточен*, я живу в себе самом» (А. К. Толстой).

«*Сосредоточенность*, и, *мн.* нет, *ж.* Отвлеч. сущ. к прилаг. сосредоточенный || сосредоточенное внимание, углубленность во что-нб.» [37]

---

[33] Даль. IV, стр. 411.
[34] «И. С. Тургенев и круг „Современника“», стр. 461.
[35] Там же, стр. 389.
[36] Д. В. Григорович. Литературные воспоминания. Л., 1928, стр. 130.
[37] «Толковый словарь русского языка» под ред. проф. Д. Н. Ушакова, т. IV. М., 1940, стр. 399.

5. *Стрюцкий*

Слово *стрюцкий* устарело. Правда, оно еще встречается, хотя и не так часто, и в современном просторечном употреблении. Оно внесено в «Толковый словарь русского языка» под редакцией Д. Н. Ушакова и определено так: «пустой, неосновательный, ничтожный человек» (т. IV, стр. 568).

Еще раньше оно было зарегистрировано Далем в «Толковом словаре живого великорусского языка» (2-е изд., т. IV, стр. 354): «С т р ю ц к и й и с т р ю ц к о й ч л в к, подлый, дрянной, презренный». А. И. Соболевский, знавший это слово в живом московском употреблении, указал на этимологическую связь его с *бастрюк*, особенно с прилагательным *бастрюцкий* [38] (сын). (Ср. *шлык* из *башлык*.) *Бастрюк* же у Даля обозначает 'выродок' — пригульный, небрачнорожденный (с пометой: *воровское*) [39].

А. Преображенский признал это объяснение вероятным. Поэтому, хотя сам и слышал это слово лишь в форме прилагательного *стрюцкий*, он восстанавливает как первичное слово: *стрюк*, р. *стрюка́* (?); «*стрю́цкий* — бранное и ироническое без определенного значения, вроде презренный, дрянной» [40].

Бастрык, *бастрюк* — слова, известные областным, преимущественно южным, говорам и воровскому жаргону. Они находят соответствие в укр. *байстрюк*, *байструк* и в польск. *bastrak*. Возможно, что и в русских говорах *бастрык*, *бастрюк* являются заимствованием из украинского языка. В украинский же и польский языки это слово вошло из нем. *bastard* [41].

Есть основания предполагать, что в литературный язык слово *стрюцкий* попало из речи деклассированных люмпен-пролетариев, из «блатной музыки», из низовых жаргонов города, где оно в свою очередь в деформированном виде укрепилось не без влияния южно-западнорусской народной речи. Но какова бы ни была этимология слова *стрюцкий*, оно приблизилось к русскому литературному языку из жаргонов и диалектов устной речи не ранее второй половины XIX в. Оно употребляется и комментируется в комедии А. Н. Островского: «В чужом пиру похмелье». Им пользуется купец Андрей Титыч:

«. . .эти *стрюцкие* такие дела-с с нами делают, что смеху подобно.

Л и з а в е т а И в а н о в н а. Что у вас за слова такие! Какие-то *стрюцкие*!

---

[38] РФВ, XVI, стр. 345.

[39] В. И. Д а л ь. Толковый словарь . ., т. I. М., 1880 и 1935, стр. 53.

[40] П р е о б р а ж е н с к и й II, стр. 405.

[41] См.: П р е о б р а ж е н с к и й I, стр. 18; ср.: B e r n e k e r, I, стр. 45: baster, bastrak. Но ср. у Фасмера (III, стр. 33) под словом *стрюк* — без всяких диалектологических дополнительных указаний, со ссылками на А. И. Соболевского и А. Преображенского, а также на «Дневник писателя» Ф. М. Достоевского (ср. I, стр. 60).

Андрей Титыч. Уж это слово им не даром дано-с. Другой весь-то грош стоит, а такого из себя барина доказывает, и не подступайся — засудит; а дал ему целковый, или там больше, глядя по делу, да подпоил, так он хоть спирю плясать пойдет» [42].

Аполлон Григорьев в воспоминаниях «Мои литературные и нравственные скитальчества» упоминает и о комедии Островского «В чужом пиру похмелье» и о слове *стрюцкий* в связи с описанием Зацепы в Замоскворечье: «Идя по Пятницкой, влево, вы добредете даже до Зацепы, этого удивительного уголка мира, где совершается невозможнейшая с общечеловеческой точки зрения и вместе одна из наидействительнейших драм Островского „В чужом пиру похмелье“, где хозяйка честного учителя берет расписку с Андрюши Брускова в женитьбе на дочери своего постояльца, и „Кит Китыч“ платится по этой странной расписке, ибо не знает, что могут сделать „*стрюцкие*“, и внутренне боится их, хотя и ломается над пропившимся „*стрюцким*“ Сахаром Сахарычем. . . Тут, между Зацепой и комиссариатом, две жизни; жизнь земщины и жизнь „*стрюцких*“ живут рядом одна с другою, растительно сплетаются, хотя не смешиваются и тем менее амальгамируются» [43].

У Ап. Григорьева слово *стрюцкий* обозначает подьячего, мелкого чиновника — мещанина, окружая его экспрессией пренебрежительной иронии. Так, у него читаем: «Жизнь, которая окружала меня в детстве, была наполовину жизнь дворянская, наполовину жизнь „*стрюцких*“, ибо отец мой служил, и служил в одном из таких присутственных мест, в которые не проникал уровень чиновничества, в котором бражничало, делало дела и властвовало подьячество. . . Эта жизнь „*стрюцких*“ соприкасалась множеством сторон с жизнью земщины, и в особенности в уголке мира, лежащем между комиссариатом, Зацепой и Пятницкой» [44].

Ср. у В. А. Слепцова в «Уличных сценах» при описании Петербурга: «Пока фокусник готовил в шляпе яичницу, разносчик успел уже придраться к денщику, называя его *стрюцким*» [45].

В конце своих «Дополнений и заметок к словарю Даля» акад. Я. К. Грот указал на недавно записанное им и «также пропущенное Далем в первом издании Толкового словаря слово» *стрюцкий*: «В разных концах России простолюдье употребляет слово *стрюцкий* (иногда *стрюцкой*) в презрительном значении подьячего, мелкого чиновника и вообще дрянного человека. Объяснить происхождение этого слова не легко» [46].

В своем диалектологическом исследовании П. Н. Миханов отмечает: «*Стрюцкий* — босяк, рвань в немецком платье, чело-

[42] А. Н. Островский. Полн. собр. соч., т. II. СПб., 1898, стр. 160.
[43] Аполлон Григорьев. Воспоминания. М.—Л. 1930, стр. 37.
[44] Аполлон Григорьев. Указ. соч., стр. 38.
[45] В. А. Слепцов. Указ. соч., т. II. М.—Л., 1931, стр. 483.
[46] «Записки имп. Академии Наук», т. XX, кн. I. Петербург, 1871, стр. 112.

век без определенных занятий, задира, вдобавок пьянчужка, хотя таковым может и не быть; выражение, равносильное петербургскому „посадский“ или общеизвестному „стрикулист“, и т. п.»[47]

Позднее это слово применяется Ф. М. Достоевским в «Дневнике писателя». В «Дневнике писателя» за январь 1877 г. у Достоевского даже один из разделов озаглавлен таким афоризмом: «Мы в Европе лишь *стрюцкие*». А ноябрьский выпуск «Дневника писателя» за тот же 1877 г. открывается статьей: «Что значит слово „*стрюцкие*“?». Эта статья дает очень любопытный материал для определения значения и употребления слова *стрюцкий*. Прежде всего выясняется, что слово *стрюцкий* есть слово простонародное, употребляющееся единственно в простонародье, и что большинству литературно образованных людей оно было малоизвестно. Достоевский с этого и начинает: «В два года издания моего „Дневника“ я, раза два-три, употребил малоизвестное слово „*стрюцкие*“ и получил несколько запросов, из Москвы и из губерний: Что значит слово „*стрюцкие*?“» Однако Достоевский признает, что это слово «войдет, может быть, и в литературу: кажется, и другие писатели, кроме меня, его употребляли». Далее, любопытно заявление, что толкование этого слова Достоевским основано на «неоднократных расспросах у народа». И, наконец, показательно, что объяснение Достоевского по смыслу совпадает с тем пониманием слова *стрюцкий*, которое дается купцом из комедии Островского, хотя окружает соответствующий этому слову образ несколько иной, более густой экспрессивной атмосферой. «*Стрюцкий*, — пишет Достоевский, — есть человек пустой, дрянной и ничтожный. В большинстве случаев, а может быть и всегда — пьяница, пропойца, потерянный человек. Кажется, впрочем, *стрюцкий* мог бы быть назван, в иных случаях, и не пьяница. Но главное свойство этого пустого и дрянного пьянчужки, заслужившее ему особое наименование, выдумку целого нового слова, — это, во-первых, пустоголовость, особого рода вздорность, безмозглость, неосновательность. Это — крикливая ничтожность. . . Слово „*стрюцкие*“ произносится при этом с пренебрежением, с презрением. . . *Стрюцкий*. . . самый „нестоющий человек“, какой есть. Прибавлю, что *стрюцкие* большею частью в худом платье, одеты не по сезону, в прорванных сапогах. Прибавлю тоже, что, кажется, *стрюцким* обзывается только тот, кто в немецком платье. . .»

Второй существенный признак стрюцкого «. . . есть недостаточно определенное положение его в обществе. Мне думается, что человек, имеющий деньги, дом или какое-нибудь имение, мало того, имеющий чуть-чуть твердое и определенное место, хотя бы и рабочим на фабрике, не мог бы быть назван „*стрюцким*“. Но если у него есть и заведение, лавка, лавочка, или что-нибудь, но

[47] П. Н. Михайлов. Брянский говор. СПб., 1904, стр. 83.

ведет он все это неосновательно, как-нибудь, без расчета, то он может попасть в *стрюцкие*. . . Итак, „стрюцкий“ — это ничего не стоящий, не могущий нигде ужиться и установиться, неосновательный и себя не понимающий человек, в пьяном виде часто рисующийся фанфарон, крикун, часто обиженный и всего чаще потому, что сам любит быть обиженным, призыватель городового, караула, властей — и все вместе пустяк, мыльный пузырь, возбуждающий презрительный смех: „Э, пустое, *стрюцкий*!“»

Сам Достоевский стремился этому слову придать более широкое и общее значение. Привлекала к нему яркость экспрессивной окраски. «В этом слове для литературы привлекательна сила того оттенка презрения, с которым народ обзывает этим словом именно только вздорных, пустоголовых, кричащих, неосновательных, рисующихся в дрянном гневе своем дрянных людишек. Таких людишек много ведь и в интеллигентных кругах, и в высших кругах — не правда ли? Только не всегда пьяниц и не в прорванных сапогах, но в этом часто все и различие. Как удержаться и не обозвать иногда и этих высших „*стрюцкими*“, благо слово готово и соблазнительно тем оттенком презрения, с которым выговаривает его народ?»

Интересны указания Достоевского на то, что слово *стрюцкий* было очень распространено «в Петербурге в простонародье». Отсюда Достоевский склонен был даже делать вывод, что «слово это есть слово чисто петербургское и изобретено собственно петербургским простонародьем». Впрочем, великий писатель осторожно заявляет, что «сколько ни расспрашивал людей „компетентных“, не мог ни от кого добиться — откуда оно взялось, почему так сложились звуки его, употребляется ли оно хоть где-нибудь в России, кроме Петербурга».

«В Петербурге очень много наплывного народа из губерний, а потому довольно вероятно, что словцо может перейти и в другие губернии, если еще не перешло» [48].

Но широкое распространение этого слова в низовых говорах и жаргонах Москвы и других городов еще в начале XX в. говорит против гипотезы Достоевского о местном, петербургском колорите этого слова.

В дореволюционном русском языке слово *стрюцкий* обозначало также штатского — в противоположность военному — с оттенком презрения и иронии. С тем же оттенком употреблял это слово К. С. Станиславский (во время репетиций «Евгения Онегина»). См. также в фантастическом рассказе Достоевского «Сон смешного человека»: «Я живу от хозяев, и у нас номера. . . Рядом, в другой комнате, за перегородкой, продолжался содом. Он шел у них еще с третьего дня. Там жил отставной капитан, а у него были гости — человек шесть *стрюцких*, пили водку и

[48] Ф. М. Достоевский. Полн. собр. соч., т. 21, СПб., 1894, стр. 339—341.

играли в штосс старыми картами. В прошлую ночь была драка, и я знаю, что двое из них долго таскали друг друга за волосы» [49]. Такое же значение вкладывалось в это слово и многими современными интеллигентами.

Ср. у А. В. Амфитеатрова в романе «Восьмидесятники»:

«— Что — это каким чудаком ты сегодня?

— Разве?

— Котелок какой-то удивительный, пальто куцое, коричневое. . . я и не видал у тебя такого! . . Откуда раздобылся подобной прелестью?

— Купил, — пробормотал Борис как-то особенно нехотя.

— На толкучке, вероятно? Чорт знает, что! Ты на *стрюцкого* похож!

Борис слегка покраснел и нетерпеливо дернул плечом.

— Что же в такую толпу барином ходить? — Сказал он, глядя мимо лица Володи, — я не люблю чувствовать себя чужим среди живой массы, я с народом потолкаться люблю. . . Если я выряжусь в этакую бекешу, как на тебе, со мною никто из этих тысяч шумящих не скажет ни одного искреннего слова. Барина, брат, они боятся, барину не верят, перед барином либо холопствуют, либо без толку грубят, либо просто — без слов, молчанием, говорят ему: проходи мимо!

Володя усмехнулся. — Если ты рядишься для народа,— возразил он, — так носи поддевку, сапоги бутылками, картуз. — Это опера! Сабинин из „Жизни за царя“! „Не роза в саду-огороде, цветет Антонида в народе!“

— А так, — извини меня, — что ты хочешь, но ты не народ, а *стрюцкий*. Широкое лицо Федоса Бурста выразило хмурое, почти сердитое нетерпение. Борис отвечал с своею постоянною мягкостью:

— Да ведь мы в столице, Володя! Городской народ — сам, брат, норовит угодить больше под *стрюцкого*, чем под Сабинина. Красно-рубашные пейзане с синими ластовицами уцелели в Москве только на сцене» [50].

«Толпа расступилась, давая пройти шествию полиции с арестованным „карманником“: очень тщедушным молодым человеком, именно из типа „*стрюцких*“, в продавленной шляпе, скверно одетым, но с острым и не робким взглядом из под круто выпуклого рахитического лба» [51].

«Он горько пожалел, что на нем не шведская куртка или *стрюцкий* пиджак, а через чур уже щегольская визитка» [52].

---

[49] Ф. М. Достоевский. Полн. собр. соч., т. XI, ч. I, СПб., 1895, стр. 125.

[50] А. В. Амфитеатров. Полн. собр. соч., т. XI. СПб., 1896, стр. 237—239.

[51] Там же, стр. 256.

[52] Там же, стр. 264.

В. В. Веселитский

ИСТОРИЯ РАННЕГО ЛИТЕРАТУРНОГО УПОТРЕБЛЕНИЯ СЛОВА *факт*

Среди слов, служивших приметой развивающейся отвлеченной и литературно-книжной лексики в первой половине XIX в., было существительное *факт*. Оно входит в употребление в конце 20-х годов и еще в 30—40-е годы ощущается его новизна. В 1852 г. в «Опыте общесравнительной грамматики русского языка» акад. И. И. Давыдова оно дано среди других слов, представлявшихся не вполне освоенными заимствованиями: *факт*, *прогресс*, *индивидуальный*, *гуманный* [1].

В 40-е годы, когда остро стоял вопрос об утверждении в литературном языке лексики, обозначающей новые отвлеченные и специальные понятия, слово *факт* было предметом оживленной полемики. Неприязненно относился к распространению этого слова С. Шевырев [2].

С требованием заменить слово *факт* и другие слова отвлеченного философского и общественно-политического характера выступил в «Северной пчеле» в 1847 г. Ф. Булгарин, видевший в новой терминологии выражение передовых, прогрессивных идей и потому боявшийся ее [3].

В. Г. Белинский, борясь против попыток бессмысленной замены вошедших в обиход иноязычных слов и терминов, указывал, что слово *факт* стало вполне понятно, искусственные же замены его являются неоправданными и лишь порождают неясность и путаницу. «Если некоторые пуристы, — писал он, — слова: *индивидуум* и *факт* заменяют словами *неделимый* и *быть*, так это только смешно, а ничуть не доказательно» [4]; «Что касается до людей образованных, то „инстинкт“ для них. . . яснее и понятнее „побудки“, „эгоизм“ — „ячества“, „факты“ — „бытей“» [5].

---

[1] В. В. Виноградов. Очерки по истории русского литературного языка XVII—XIX вв. М., 1938, стр. 336—337.

[2] С. П. Шевырев. [Рец.] Чтения о русском языке Николая Греча. — «Москвитянин», 1841, № 3, стр. 190.

[3] «Северная пчела», 1847, № 93, стр. 369—371.

[4] В. Г. Белинский. Голос в защиту от «Голоса в защиту русского языка». — Полн. собр. соч. IX. М., Изд-во АН СССР, 1955, стр. 473 (далее ссылки на это издание).

[5] В. Г. Белинский. Взгляд на русскую литературу 1847 г. — Полн. собр. соч. X, 1956, стр. 281—282.

На широкую употребительность слова *факт* в деловом, канцелярском и общелитературном языке неоднократно указывалось в 60—70-х годах XIX в. Как «ходячее» слово в разговоре и на письме с 40-х годов определял его Я. К. Грот [6]. О распространенности этого «общеизвестного» слова в деловой речи говорилось в журнале «Киевлянин» в 1879 г.[7] В свое время М. Погодин выступал против слова *факт* именно в связи с тем, что оно засоряет канцелярский и деловой слог [8]. При этом любопытно, что М. Погодин, говоря о чрезмерном распространении слова *факт*, приводил в качестве образца язык Карамзина, у которого это слово ни разу не встретилось. Между тем иноязычные соответствия этого слова были известны Карамзину и употреблялись им.

Я. К. Грот писал в связи с этим: «Многих иностранных слов, впоследствии вторгнувшихся в язык, Карамзин вовсе не допускал. Так вместо полюбившегося в наше время *факта* он иногда употреблял *случай*; например, в статье „О тайной канцелярии“: „. . . мог ли г. Шлецер не усомниться в истине такого *случая* (fait)?“». Отрывок взят, как сообщает Грот, из журнала «Вестник Европы», 1803, № 6, стр. 123; там же у Карамзина встречается фраза: «они сохранили нить *случаев*» [9].

В 20—30-е годы существительное *факт* выступает в литературно-книжном и публицистическом кругу со значением 'данное, действительность чего-л'. В это же время оно получает первую лексикографическую фиксацию (в дальнейшем отмечается во всех основных словарях) в «Карманной книжке» И. Ренофанца: «*Факт*. Дело, описание, объяснение дела» [10].

Наиболее ранние случаи литературного употребления слова, стоящие особняком в общей истории его развития, отмечены у А. Н. Радищева в философском трактате «О человеке, о его смертности и бессмертии», например: Удалим от нас все предрассудки, все предубеждения и, водимые светильником опытности, постараемся, во стезе, к истине ведущей, собрать несколько *фактов*, кои нам могут руководствовать в познании естественности («О человеке, о его смертности и бессмертии», книга первая, стр. 290) [11]; Случается, и очень часто, что, нашед на пути

[6] Я. К. Грот. Отчет о четвертом присуждении Ломоносовских премий. «Санкт-Петербургские ведомости», 1870, № 4, стр. 3; Он же. Толковый словарь живого великорусского языка В. И. Даля. — В кн.: Я. К. Грот. Филологические разыскания I. Материалы для словаря, грамматики и истории языка. СПб., 1876, стр. 17.

[7] «Киевлянин», 1879, № 8, стр. 1—2.

[8] М. П[огодин]. Впечатления и замечания присяжных заседателей. «Русский», 1867, л. 3—4, стр. 39—46.

[9] Я. К. Грот. Карамзин в истории русского литературного языка. — В кн.: Я. К. Грот. Указ. соч., стр. 110.

[10] И. Ре-ф-ц. Карманная книжка для любителей чтения русских книг, газет и журналов. СПб., 1837, стр. 264.

[11] А. Н. Радищев. Избранные философские и общественно-политические произведения. М., Госполитиздат, 1952.

опытов своих или наблюдений один *факт* новый, или новообразный, стараются привязать к нему все испытанные прежде и составляют систему (Там же, книга вторая, стр. 343).

Однако распространение слово получает не ранее 20—30-х годов, когда оно появляется в публицистике, в научной и специальной литературе. Оно употребляется Пушкиным, Белинским. См. примеры его бытования в это время: Важнейшие *факты* по части литературы («Московский телеграф», 1826, № 1, стр. 5); Физика более ли геометрии способна почитать источником всякой достоверности чувственные *факты* (Там же, 1828, № 17, стр. 85); Служат для нее только свидетельствами, *фактами* (позволю себе употребить здесь это чужое слово) (Н. Полевой, О новом направлении в русской словесности. «Московский телеграф», 1834, № 5, стр. 133—134) [12]; . . . нельзя ли будет с пособием одних этих документов восстановить главнейшие *факты* нашей истории (Пушкин, История Пугачева) [13]; . . . ораторская шумиха и неуместное желание быть наставительным, поучать там, где *факты* говорят за себя (Белинский, Литературные мечтания, VII) [14]; . . . основал [науку] не на одних предположениях кабинетного ученого, а на *фактах*, которые собрал («Энциклопедический лексикон» Плюшара, IX, стр. 480) [15]; Душевные действия, *факты* внутреннего нашего чувства (Там же, XI, стр. 107).

В это же время появляется и прилагательное *фактический*, например: Наука не должна смешивать возможности и различных степеней вероятия с *фактическою* (factischer) достоверностию связи («Московский телеграф», 1826, № 2, стр. 163).

В первые десятилетия XIX в. слово стоит еще за пределами активного литературного употребления. Тем не менее соответствующее понятие различается в литературно-книжном обиходе, хотя и не имеет пока единого, устоявшегося средства языкового выражения. В том же значении, что и в дальнейшем слово *факт*, в XVIII—первой трети XIX в. выступают различные слова, передающие, нередко описательно, разные стороны понятия. Этот период, характерный и для многих других слов, входящих в обиход в первой половине XIX в., можно считать «предысторией» их литературного развития [16].

[12] Введение слова *факт* в общелитературный обиход приписывалось современниками Н. Полевому: «Г. Греч нападает на слова *вдохновить*, *вдохновительный*, называя их варварскими, беспаспортными, и на той же странице разрешает право г-ну Полевому выдавать паспорты русским словам, указывая на иностранное слово *факт*, будто бы им пущенное в ход» (С. П. Шевырев. Указ. соч., стр. 190).

[13] А. С. Пушкин. Полн. собр. соч. X. М., Изд-во АН СССР, 1940, стр. 392.

[14] В. Г. Белинский. Полн. собр. соч. I, 1953, стр. 60.

[15] Энциклопедический лексикон I—XVII. СПб., изд. А. Плюшара, 1835—1841.

[16] Подробнее см.: В. В. Веселитский. Развитие отвлеченной лексики в русском литературном языке первой трети XIX века. М., 1964, стр. 64—68.

Например, на протяжении XVIII в. в том же значении, что и позже слово *факт*, выступают разные слова и сочетания. В словаре Вейсмана 1731 г. лат. *factum* соотносится со словами *дело*, *действие*, *деяние*, например: . . . animi promtitudinem pro *facto* boni consulere — охоту, склонность, желание за самое *дело*, *действие* приняти [17].

Близким к рассматриваемому является в это же время значение слова *случай*, например: . . . те, которым истинные вещей и *случаев* вины не неизвестны («Комментарии Академии наук» 1728 г.) [18]; Астрономы от таких удобных *случаев* неба учиться принуждены, которых они часто многие годы ожидают («Исторические, генеалогические и географические примечания в ведомостях», 1729, № 78, стр. 313); см. в письме петербургского академика Л. Эйлера Г. Теплову от 9 апр. 1748 г., написанном по-русски: . . . г. Бернулли на меня гораздо сердиться стал, и мне всю причину сих ему противных *случаев* приписал [19].

Любопытные примеры выражения данного понятия находим у Тредьяковского: в его сочинениях встречаются слова и выражения *дело*, *деяние*, *бытие*, *бытие дела* (мн. ч. *бытия*, *бытия дел*; во французском соотв. *fait*, *faits*), например в «Сокращении философии канцлера Франциска Бакона»: Человек может помогать естеству, . . . поколику его познает наблюдениями в *делах* (гл. 4, стр. 25; в ориг. *les faits*); . . . когда автор собирает некоторое число *деяний*, любопытства достойных и нужных (гл. 9, стр. 61; un certain nombre *de faits*); [Учение], затрудненное *бытиями* и *делами* не весьма последовательными (гл. 3, стр. 20); Та история наполнена есть *бытиями дел* сопротивными друг другу (гл. 4, стр. 25); Испытание по потребности шествует от *бытия дел* к другим подобным *бытиям* (гл. 5, стр. 29; в ориг.: *des faits* à d'autres *faits*) [20]. В «Житии Франциска Бакона»: Чтож бы употребить в дело такое наведение, то должно иметь довольное число примеров и *бывших дел*, собранных исправно [21].

Сюда же можно отнести слова *явление*, *приключение* и др., см., например: Каким образом из наблюдений сего *приключения*

---

[17] [Э. В е й с м а н]. Немецко-латинский и русский лексикон. СПб., изд. Акад. наук, 1731, стр. 756.

[18] Краткое описание Комментариев Академии наук. СПб., изд. Акад. наук, 1728, стр. 11.

[19] Приведено в кн.: П. П. П е к а р с к и й. История имп. Академии наук в Петербурге I. СПб., 1870, стр. 116.

[20] [А. Д е л е й р]. Сокращение философии канцлера Франциска Бакона. Пер. с франц. В. К. Тредиаковского (A. D e l e y r e. Analyse de la philosophie du chancelier François Bacon, 1755). — Припл. к кн.: [Д. М а л л е т]. Житие канцлера Франциска Бакона. Пер. с франц. В. К. Тредиаковского. М., Унив. тип., 1760. — Некоторые аналогичные примеры приводятся в статье: И. В. Ш а л я. К вопросу о языковых средствах переводчиков XVIII столетия (Тредиаковский как переводчик). «Труды Кубанского пед. ин-та», 2—3. Краснодар, 1929.

[21] [Д. М а л л е т]. Указ. соч., стр. 74.

можно определить расстояние между солнцем и землею («Сочинения и переводы, к пользе и увеселению служащие», 1760, окт., стр. 362); Я, конечно, не оставлю вас уведомлять о всяком новом *приключении* (Фонвизин, Письма из Петербурга и Москвы, 23 янв. 1766 г.) [22].

В первые десятилетия XIX в. наблюдаются попытки приспособить для выражения рассматриваемого понятия некоторые из слов этого рода, в частности существительные *быль* (Словарь Академии Российской: «*Быль*. Что было действительно, истинное происшествие или повесть») [23] и *быть* (в «Материалах для словаря древнерусского языка» Срезневского определяется как «бытие», т. е. реальное существование чего-либо) [24].

Некоторые из этих слов использовались «пуристами» в их попытках приостановить развитие новой терминологии (см. выше высказывания В. Г. Белинского по этому поводу).

Вот примеры разных способов передачи понятия «факт» в научном и литературно-публицистическом обиходе первых десятилетий XIX в.: Впрочем он [закон] есть *быль* (*factum*) чистого деятельного ума (А. Галич, История философских систем) [25]; Система противодействий, по его мнению, есть средоточие новой европейской истории, около коего должно уставлять все *быти* (*fait*, *factum*) («Московский вестник», 1829, № 3, стр. 11).

В той же роли могут использоваться и другие слова — см. выше слово *случай* у Карамзина, встречающееся в том же значении слово *происшествие* и другие слова: Сочинитель естественной истории почитает себя обязанным собирать действительные *происшествия* (*facta*), а не предлагать свои догадки (А. Фергюсон, Опыт истории гражданского общества) [26]; *Произведение* (*factum*) связи европейских языков [т. е. вывод о связи европейских языков] составляет у автора результат огромного количества сравненных слов («Московский телеграф», 1826, № 2, стр. 164).

Эти же слова нередко используются в качестве средств синонимического толкования в словарях, например в «Словаре церковнославянского и русского языка» 1847 г.: «*Факт*. Происшествие, событие, быль» [27]; в толковом словаре Даля: «*Факт*. Происшествие, случай, событие; дело, быль, быть; данное, на коем можно основываться» [28].

---

[22] Д. И. Фонвизин. Собрание сочинений II. М.—Л., 1957, стр. 339.

[23] «Словарь Академии Российской, по азбучному порядку расположенный» I. СПб., 1806, стб. 351.

[24] Срезневский I, стб. 211.

[25] А. Галич. История философских систем I—II. СПб. 1818, стр. 200.

[26] А. Фергюсон. Опыт истории гражданского общества, ч. I. Пер. с англ. И. Тимковского. СПб., 1817, стр. 4.

[27] «Словарь церковнославянского и русского языка», составленный II отд. АН, IV. СПб., 1847, стр. 384.

[28] Даль IV, стб. 1129.

С утверждением в употреблении слова *факт* указанные параллельные синонимические средства отпадают.

Слово *факт* при своем появлении соотносилось с лат. *factum* 'сделанное' и франц. *fait* 'данное, случай, событие', значением которых в известной мере определялось употребление вариантных синонимических средств и самого слова *факт*. Однако по форме существительное *факт* не находит соответствия ни в латинском причастии *factum*, ни во французском существительном *fait*. Еще в 40-е годы XIX в. это объяснялось тем, что в русский язык слово *факт* попало из польского через литературную среду, в польский же литературный язык оно вошло из средневековой латыни [29]. В польском слово *fakt* свидетельствуется с XIX в. (наряду, впрочем, с классической формой *factum*, -а) [30]; оно возникло, очевидно, в поздний период в литературном, деловом или канцелярском обиходе на основе слова *factum*. Такая этимология слова *факт* в общем виде указывается И. А. Бодуэном де Куртенэ в его редакции словаря Даля [31], она же принята в некоторых последних по времени справочниках [32].

Лат. *factum* часто употреблялось в качестве соответствия и средства пояснения слов, выступавших в русском языке в данном значении. Поэтому наряду с польск.-лат. *fakt* в качестве непосредственного этимона существительного *факт* можно предположить собственно лат. *factum*, бытовавшее в научной и книжно-деловой латыни XVII—XVIII вв. Возможно, что слово *факт* в данной своей форме возникло в результате «усечения» причастия *factum* — по аналогии с обычным для латинских существительных среднего рода на *-ит* способом морфологической ассимиляции. Ср. в случаях: *individuum—индивидуум* и *индивид*, *elementum—элемент*, *spectrum—спектр*, *absolutum—абсолют*, ср. *synthesis—синтезис* и *синтез*, *analysis—анализис* и *анализ* и т. д.

Едва ли верны данные Н. А. Смирнова, относящего возникновение слова *факт* в русском языке еще к Петровской эпохе. Эти данные без должной проверки воспроизведены в некоторых последних по времени словарях и справочниках по русской лексикологии (М. Фасмер, Г. Хюттль-Ворт), см. единственный пример, приведенный Смирновым: «*Факт*, пол. *fakt*. Факт присвоения Меншиковым человека Кудрина, с поставкою за него рекрута, завершился» [33].

Свидетельство Смирнова основано, по существу, на недоразумении. В источнике, на который ссылается Смирнов, помещена за

---

[29] Ф. Б[у л г а р и н]. Журнальная всякая всячина. — «Северная пчела», 1847, № 93, стр. 369—371.

[30] S ł a w s k i 1, стр. 217.

[31] Даль IV, стб. 1129.

[32] V a s m e r III, стр. 199.

[33] Н. А. С м и р н о в. Западное влияние на русский язык в Петровскую эпоху. СПб., 1910, стр. 302.

№ 401 «Записка из дела о присвоении князем А. Д. Меншиковым принадлежавшего графу Б. П. Шереметеву человека, Афанасия Кудрина» [34]. Записка составлена неким Г. Н. Александровым по крайней мере в 70-х годах XIX в. на основании архивного дела, относящегося к Петровской эпохе. Цитата, приведенная Смирновым, взята из этого пересказа, но не из самих архивных документов [35]. Как говорилось, в первой половине XVIII в. в значении 'факт' употреблялись другие слова и сочетания.

С середины XIX в. слово *факт* входит в широкое употребление. История слова на протяжении второй половины XIX—XX в., выдвигающая на первый план проблему его функционально-стилистического использования, представляет самостоятельный интерес.

---

[34] «Сборник имп. Русского исторического общества» XXV. СПб., 1878, стр. 471—478.

[35] На это обратил внимание Ю. С. Сорокин, см. его рец. на кн.: G. Hüttl-Worth. Die Bereicherung des russischen Wortschatzes im XVIII. Jahrhundert. Wien, 1956. — ВЯ, 1958, № 5, стр. 116. — Эти же замечания и материал по истории слова в XIX в. см. в его книге «Развитие словарного состава русского литературного языка. 30—90-е годы XIX века (М.—Л., 1965, стр. 60—63).

Л. В. Куркина

ВАРАКАТЬ

На довольно обширной территории, обнимающей районы Курско-Орловской, Тамбовской, Воронежской, Рязанской, Волгоградской, Вологодской областей и Олонецкого края, представлена группа глаголов, характеризующаяся общностью значения и некоторым сходством в морфологической структуре: *вараться* [1], *варакать(ся)* [2], *варакосить*, *вараксаться* [3], *варзать(ся)*, *варзакать(ся)* [4], *варазгать(ся)*, *варызгать* [5], *варнякать* [6]. Для всех этих образований можно отметить следующие значения: 1) 'медлить, копошиться, возиться'; 2) 'делать что-либо плохо, дурно, без умения'; 3) 'писать что-либо кое-как'; 4) 'пачкать, марать'; 5) 'шалить, дурить, проказничать'; 6) 'говорить невнятно, болтать вздор'; 7) 'врать, обманывать'.

В лингвистической литературе высказывались разные предположения относительно взаимосвязи этих слов и их происхождения. Горяев сближал *варакать* с греческим ἔργον [7], Шахматов усматривал связь между *варакать*, *вараксать* и *вóрзать* 'быстро есть, чавкать' [8]. Ильинский сравнивал эти же глаголы с *варазгать* [9]. По мнению Эндзелина, латышское *varzât* 'плохо что-либо делать' заимствовано из русского языка [10]. Зубатый предполагает

---

[1] Даль I, стр. 164; С. М. Кардашевский. Курско-орловский словарь. «Уч. зап. МОПИ», т. 88. Труды кафедры русского языка, вып. 4, 1957, стр. 141.

[2] Даль I, стр. 164.

[3] Даль I, стр. 164; Куликовский, стр. 8; С. М. Кардашевский. Указ. соч., стр. 143; Миртов, стр. 36.

[4] С. К. Булич. Материалы к русскому словарю. СПб., 1896, стр. 28; Даль I, стр. 165; М. К. Герасимов. Словарь уездного череповецкого говора. СПб., 1910, стр. 28; С. М. Кардашевский. Указ. соч., стр. 143.

[5] Даль I, стр. 164; Мельниченко, стр. 39.

[6] Даль I, стр. 166; С. М. Кардашевский. Указ. соч., стр. 143; Миртов, стр. 37; Ф. П. Сергеев. Южнорусский говор Сарпинского и Красноармейского р-нов Сталинградской области. М., 1956, стр. 330.

[7] Горяев, стр. 39.

[8] Vasmer I, стр. 169—170.

[9] Там же.

[10] Там же.

для *варазгаться* контаминацию *вазгаться* 'пачкаться' и *мараться*, что Фасмеру представляется очень сомнительным [11].

В своем этимологическом словаре Фасмер ограничивается констатацией существующих точек зрения и отмечает, что принадлежность этих слов остается неясной.

Сопоставление приводимых глагольных основ позволяет представить их как результат расширения единой морфемы *вар-* различными показателями: *-ак/-к*, *-акос/-акс*, *-з/-азг/-ызг*. Подобное представление структуры данных глаголов опирается на факты внутрисистемных отношений, предполагающих существование некоторых классов единиц с тождественными частями. Параллельные образования группируются по классам, дифференцирующимся отмеченными выше показателями. В системе языка противопоставляемые им классы единиц лишены этих показателей и по отношению к маркированной категории могут рассматриваться в плане деривации как исходные.

Такого рода отношения особенно отчетливо проявляются в глаголах с показателем *-ак/-к*. Этот формант характеризует целый ряд глаголов, соотносимых главным образом с основами на *-iti*, *-ati*, ср.: *врать* ~ *вракать* [12], *ждать* ~ *ждакаться* пск. 'перекоряться, ломаться друг перед другом' [13], *зериться* орл. 'зорко всматриваться' ~ *зеркать* вят.[14], *марать* ~ *измаракаться* 'похудеть, перепасть лицом' [15], *шалить* 'дурить, баловать' ~ *шаликать* влгд., влд. 'лениться, плохо работать' [16] и мн. др. В этом ряду форм может найти объяснение и *варакать*, в соответствии с которым существует *вараться*. Те же отношения, видимо, связывают глаголы *варзать* ~ *варзакать*.

Можно думать, что показатель *-ак/-к* [17] выступал в качестве

[11] Там же.
[12] Даль I, стр. 259—260.
[13] Даль I, стр. 529
[14] Даль I, стр. 680.
[15] Даль II, стр. 25.
[16] Даль IV, стр. 620.
[17] Образования на *-kati* неоднородны в хронологическом отношении и с точки зрения происхождения. Для них можно установить несколько типов отношений в системе глагола:

1. Отношения типа *блеять*~*блекотать*, *чаять*~*чекать*, *граять*~*гракать*. Образования на *-kati* являются производными от основ с долгим гласным.

2. В единичных случаях основам на *-kati* соответствуют образования на *-tati/-dati*: *кувыркаться* ~ *кувырдаться*, *коверкать* ~ укр. *kovertaty*.

3. Наиболее многочисленны образования на *-kati* от основ на *-ati*, *-iti*. В системе глагола довольно большое место занимают звукоподражательные образования на *-kati* типа *курлыкать*, *мякать*, *дакать*. См.: J. Zubatý. Studie a články, sv. I, č. I. Praha, 1945, стр. 145.

Показатель *-k* образует довольно продуктивную категорию уменьшительных глаголов в сербском языке. См.: И. Грицкат. Деминутивни глаголи у српскохрватском језику. — ЈФ XXI, књ. 1—4. Београд, 1955—1956, стр. 45—96.

особого элемента, придающего глагольной основе экспрессивное значение, и в этом смысле он, видимо, может быть сопоставлен с другими элементами — *-st*, *-ch*, выполняющими в языке сходную функцию [18].

Что касается основы на *-акос/-акс*, то можно думать, что она по происхождению связана с отглагольным именем на *-оса*: ср. олонец. *варакоса* 'врун, болтун' [19]. Суффикс *-оса*, характерный для некоторых финно-угорских языков, видимо, был усвоен северными диалектами и включен в собственно русские образования [20]. В таком случае показатель глагола *-акос/-акс* можно рассматривать как контаминацию двух морфологических элементов, один из которых, *-ак*, принадлежит глаголу, а другой, *-ос*, — имени. Различные варианты этого показателя распределяются между двумя глагольными классами: *-акс* закрепляется за глаголом на *-ati*, а *-акос* представлен в глаголах на *-iti*. При этом, видимо, образование на *-ati* (*варакаться*) произведено от основы на *-i* (*варакосить*).

Более сложный ряд отношений следует предполагать для *варн(а)якать*. Некоторые особенности структуры (*-н-* в составе основы), а также наличие именной основы *варнак* сиб. в значении 'каторжный, беглый каторжник' [21] могут служить указанием на производный характер этого образования. В языковой системе, видимо, существовала деривативная зависимость глагола от имени, в свою очередь образованного от прилагательного суффиксом *-н*:

Прилагательные на *-н*	Существительные на *-няк*	Глаголы на *-някать*
противный	*противняк* арз. 'противная погода' [22]	—
житный	*житняк* раст. Bromus secalinus [23]	—
	курнáка 'плохой песенник' [24]	*курнакать*
грязный	—	*грязнякать* [25]

Вполне возможно, что *варн(а)якать* стоит в одном ряду с этими образованиями. На это, может быть, указывает и наречная форма от основы прилагательного *варов-*: *варовей*, *поваровей* 'живей, скорей' [26]. Эта форма отмечена для Курской и Орловской областей.

[18] V. Machek. Slovanská intensiva slovesná s příponovým *-stati*. — «Studie a práce linguistické I k šedesátym narozeninám akad. B. Havránka». Praha, 1954, стр. 248—255; Он же. Les verbes slaves en *-chati*. — «Lingua posnaniensis», IV, 1953, стр. 111—137.

[19] Куликовский, стр. 8.

[20] Б. А. Серебренников. Историческая грамматика пермских языков. М., 1963, стр. 146.

[21] Даль I, стр. 166.

[22] Даль III, стр. 520.

[23] Даль I, стр. 544.

[24] Даль II, стр. 222—223.

[25] Даль I, стр. 404.

[26] С. М. Кардашевский. Указ. соч., стр. 143.

Для *варызгать* с предполагаемым элементом *-ызг* подобный ряд отношений ограничен единичными образованиями, ср. *мулить* юж. зап. ряз. 'тереть, жать; медленно и вяло жевать, говорить' и *мулызгать* ниж. 'спать, дрыхнуть' [27]. Наличие в языке глаголов типа *брязгать* твр., *брызгать* нвг.[28], *пазгать* 'расти споро, вдруг' [29] могло послужить основанием для появления того же показателя с иным тематическим гласным *-азг*.

Сложнее объяснить форму *варзать*. Для нее не отмечено соответствующего эквивалента без *-з*. Принимая во внимание соотношение *варызгать* и *варыздать* с заменой *г* на *д* и последующее расщепление единого показателя, можно предположить, что форма *варзать* явилась результатом редукции образования на *-ызг*. Однако более вероятным представляется иной процесс. Уже высказывалась мысль о связи латышского *vaĩzât* и русского *варзать*. Можно думать, что процесс заимствования, вопреки мнению Эндзелина, шел в направлении от балтийских языков к русскому. Это соображение подтверждается, как нам кажется, следующими данными. Разветвленная система балтийских форм типа лит. *várža* 'верша, плетеная корзина для рыбы', лтш. *várza* 'неразбериха; плетеная корзина; запутанное дело', а также глагольные образования лит. *varžýti* 'шнуровать, затягивать, сжимать, стеснять', лтш. *vaĩzât* 'вплетать вдоль и поперек, запутывать, быстро шить, вязать, плохо работать', являющиеся производными от лит. *veřžti* 'шнуровать', лтш. *vêrzt* 'поворачивать', генетически связаны со ст.-слав. *povrěsti* (*-vrьzǫ*) 'связывать', русск. *отверзать*, ст.-слав. *povrazъ* λοβός, др.-русск. *pavoroz* 'привязка', польск. *powróz* [30]. Для всех этих образований реконструируется исходная морфема **vorz-* < **u̯erg'h-*. Русское *ва́рза* [31] и *варзать* по огласовке корня точно соответствуют балтийским правилам преобразования предполагаемой морфемы. Наибольшая семантическая близость наблюдается между латышской и русской формами (ср. значение 'плохо работать'). Будучи заимствованными, *варза* и *варзать* со временем подключились к группе родственных глаголов с основой *вар(а)-*.

Для этой группы глаголов (*варать*, *варакать*, *варазгать*) отсутствуют параллели за пределами восточнославянских языков (укр. *варнякати*, *верзякати*, *варзакати* [32]). Это собственно русские образования. По своей структуре они представляют различное оформление общей для всех них морфемы *вар(а)-*.

При ретроспективном анализе, обращенном на плоскость балто-славянских языковых отношений, вся совокупность рас-

---

[27] Даль II, стр. 360.
[28] Даль I, стр. 134.
[29] Даль I, стр. 8.
[30] Fraenkel, Lief. 16, стр. 1205—1206, 1230—1231.
[31] Даль I, стр. 165.
[32] Гринченко I, стр. 126—127.

сматриваемых глагольных основ гипотетично допускает сведение к единому прототипу *u̯er-, который в отдельных случаях мог выступать в сочетании с расширителем в виде *u̯erg'h-. В простом виде морфема *u̯er- реализуется в лтш. *vert* 'бежать', лит. *varyti* (итератив от основы на *-e/-o*) 'гнать, преследовать; вести, руководить; двигать, толкать; гневить, приводить в действие'. Обычно в это этимологическое гнездо включают др.-русск. *варити* 'предварять'; чеш. диал. *vařiti*, русск. *проворный*, болг. *províram*, а также лит. *vãras* 'насилие, власть', лтш. *vara* 'сила, власть'[33]. Доказательство семантической связи лит. *vãras* и *varýti* Френкель видит в существовании оборота *varu varýti* 'с силой гнать, побуждать' и сохранении в глаголе *priveřsti* старого значения 'отвращать' наряду со значением 'принуждать'[34]. Все приводимые примеры представляют собой различные формы преобразования корня *u̯er-, находящегося в чередовании с *u̯ₑr- и *u̯or-. Сюда же можно, на наш взгляд, отнести и русское *варать*, *варакать*, если признать его как одно из возможных ответвлений корня *u̯er- 'поворачивать, давить, двигать' с последующим семантическим расхождением преобразованных основ. Если это так, то все формы, производные от этого семантически емкого корня в разных ступенях, предстают как образования, лежащие на разных хронологических срезах. По-видимому, фактор времени объясняет удаленность др.-русск. *варити* и диал. *вараться*. В силу различий семантического и, видимо, хронологического порядка затруднительно рассматривать *варать* в качестве многократного глагола к др.-русск. *варити*. Судя по огласовке корня, *варать*, скорее всего, является отыменным образованием, на что, может быть, указывают диал. *варовей* 'быстрей' и *варяга* 'проворный, расторопный'[35].

Если это сближение верно, то все многообразие значений, характерное для *варакать*, может иметь в качестве исходного значение, общее для русско-литовских соответствий, а именно 'приводить в движение, толкать, шевелить'. Вполне возможно, что в качестве промежуточного выступало значение 'делать беспорядочные движения', из которого впоследствии развились связанные с ним значения 'быть проворным' и 'медлить' → 'шалить, проказничать', 'что-то плохо делать, писать' → 'пачкать'. Значение 'врать, болтать' трудно понять как семантический сдвиг предполагаемого исходного значения. Появление этого значения можно объяснить сложным осмыслением связи с глаголом *врать* (ср. *врать—вракать* 'болтать пустяки, говорить вздор'[36]), т. е. процессом семантического сближения и пересечения явлений, различающихся на морфологическом уровне.

---

[33] Fraenkel, Lief. 16, стр. 1205.
[34] Fraenkel, Lief. 15, стр. 1197.
[35] С. М. Кардашевский. Указ. соч., стр. 143.
[36] Даль I, стр. 260.

А. С. Львов

ИЗ ЛЕКСИКОЛОГИЧЕСКИХ НАБЛЮДЕНИЙ

1. К этимологии ст.-слав. коумирь, -ръ εἴδωλον

Нет оснований для пересмотра существующего мнения, что в древнем и современном русском языке слово *кумир* — церковнославянизм.

В самых древних и первичных переводах памятников старославянской письменности греч. εἴδωλον последовательно передавали непереведенным словом **идолъ**, о чем свидетельствуют данные псалтыри (см. Син. пс. XCVI, 7; CXIII, 12; CXXXIV, 15) и более ранних списков апостола [1] (в евангелиях εἴδωλον не встречается). Впервые интересующее нас слово всего один раз фиксируется в Синайском требнике в форме прилагательного (**льсти**) **коумирьсцѣи** (л. 60б, стк. 4—5). В значительном количестве слова **коумирь, -иръ, коумирьскъ, коумирьница, коумирослоужєникъ** зафиксированы в Супрасльской рукописи. В этом памятнике греч. εἴδωλον лишь один раз передано словом **идолъ** (см. стр. 485, стк. 12, изд. С. Северьянова). В более поздних списках апостола слова **идолъ, идолослоужєникъ** и т. д. заменены словами **коумиръ, коумирослоужєникъ** [2] и др. Последние слова употребляются в Пандектах Антиоха, Словах Григория Назианзина, списках Пророков Упыря Лихого и т. д.[3], словом, в тех памятниках, где отчетливо отражена восточноболгарская редакция. В этом смысле, пожалуй, прав С. Младенов, признающий слово *кумир* праболгарским словом, однако доказательства, приведенные автором, неубедительны (о чем см. ниже).

Следует обратить внимание на то, что в Супрасльской рукописи интересующее нас слово в ряде случаев относится к основам на *-i(ь)*. Так, в форме им. п. ед. ч. оно дважды встречается в написании **коумирь** (33, 15; 138, 24—24), в форме им. п. мн. ч. **коумирик** (**сжште** — 536, 9) и в род. п. мн. ч. **коумирь** (6, 28). Как показывают данные, слово рано подпало

[1] См.: V. J a g i ć. Entstehungsgeschichte der kirchenslavischen Sprache. 2. Aufl. Berlin, 1913, стр. 308—309.

[2] Там же.

[3] См.: «Euchologium sinaiticum starocerkvenoslovanski glagolski spomenik». Izdajo priredil R. Nachtigal, d. II. Ljubljana, 1942, комментарии к тексту, стр. 156; С р е з н е в с к и й I, стб. 1362 сл.

сначала под влияние основ на *-jo*, о чем свидетельствуют написания в род. п. ед. ч. **коумирѣ** (22, 6; *ѣ* здесь равно глаголич. Ⰰ, кириллич. **а**), в им. п. мн. ч. **коумири** (7, 11), в дат. п. мн. ч. **коумиремъ** (7, 9; 23, 9; 131, 7) и в вин. п. мн. ч. **коумира** (28, 29; 35, 17; 186, 11; 542, 19), а затем и основ на *-o*, о чем свидетельствуют написания в род. п. ед. ч. **коумиръ** (35, 21—22), в дат. п. ед. ч. **коумироу** (33, 10—12), в род. п. мн. ч. **коумиръ** (45, 2), в дат. п. мн. ч. **коумиромъ** (28, 11; 105, 9; 106, 13; 111, 18—19; 116, 5; 126, 30; 127, 8; 130, 19; 214, 6—7) и в местн. п. мн. ч. **коумирѣхъ** (88, 9).

Нет необходимости доказывать, что **коумирь** как существительное основы на *-i* — хронологически первичное, а как существительное основ на *-jo* и *-o* — вторичное, так как обратные случаи перехода имен от последних основ к основам на *-i* в истории не наблюдались.

Наряду с написаниями **коумирь, -ръ** встречаются еще написания **ѣ** вм. **и**, ср. в Толковой Палее по списку 1046 г.[4]: **кумѣри** (им. п. мн. ч., стб. 313, 327), **коумѣръі** (вин. п. мн. ч., стб. 245, 246), **коумѣрѣ** (род. п. мн. ч., стр. 388). Чем обусловлено такое написание, сказать затруднительно, тем более что в этом же памятнике 8 раз данное слово встречается в написании **коумир-**.

Отметим, что в Супрасльской рукописи и некоторых других памятниках словом **коумирь, -ръ** переводится не только εἴδωλον, но и ἀνδριάς, ἄγαλμα, κίβδηλος, ξόανον, что, видимо, косвенно свидетельствует о том, что слово **коумирь, -ръ** служило для обозначения и живого человека. Как бы то ни было, ясно одно, что первоначально **коумирь, -ръ** обозначало статую или изображение человека. Это подтверждают примеры из Хроники Георгия Амартола[5]:

По Троянѣ цр҃ствова Андрианъ же и **Ю**лии, зѧть его, лѣт ·кд· и. **ѡ**текъ воднымь троудомь. оумре. тъ оуби .ни. темъ жидовъ и постави свои *коумиръ* въ капищи и **к**линъı въселилъ во градъ (стр. 11); По **Ѳ**едосі҃и цр҃ствова Аркаді҃и, сн҃ъ его, лѣт ·гі·, иже столпъ на соусѣ холмѣ постави, на немже свои *коумиръ* постави (стр. 15); не створиши собѣ *коумира* ни всего подобиѧ елико различью соущю промежю идолъ... да не створиши собѣ идола ни подобиѧ, ибо идолъ ни единоѧ оупостаси не имат(ь); подобьк же чьк **к**сть *коумиръ* и зракъ, зане оубо **к**лини съзидают не соущаѧ **ѡ**бразъı сьршенемъ и осамъ и строукоу, а **Ю**гоупт**а**не псьѧ лица и волоуѧ главъı, идолъı наричют

[4] См.: Палея Толковая по списку, сделанному в г. Коломне в 1406 г. М., 1892.

[5] См.: В. М. Истрин. Хроника Георгия Амартола в древнем славяно-русском переводе, т. I. Пг., 1920.

не соущих подражанїи (стр. 64); (Ган) по подобию ѡчю себѣ створи ба и *коумиръı* въ свои ѡбразъ по всѣмъ градомъ и цркважъ послав постави (стр. 224).

Как видно из приведенных примеров, имелась разница в значениях между *идолъ* и *коумиръ*, последним словом обозначали то, что ныне называют памятником. Но позже все больше и больше смешивались значения этих слов. Поэтому в летописи под 980 г. записано: Постави Перуна *кумиръ* надъ рѣкою Волховомъ (Новг. I лет. младш. извода л. 44 об.). Тут *кумиръ* воспринимается в значении 'статуя'.

Если ясен источник слова *идолъ* < греч. εἴδωλον, то этимология **коумирь, -ръ** до сих пор бесспорно не выяснена. Ф. Миклошич[6] и Э. Бернекер[7] не приняли распространенного Ф. Рейфом[8], К. Гротом[9] и некоторыми другими мнения о зависимости интересующего слова от финского *kumartaa* 'поклоняться', 'почитать'. В самом деле, как объяснить проникновение финского слова (сравнительно поздно, видимо, не ранее VI—VII вв. н. э.) на Балканский п-ов, откуда через памятники старославянской письменности восточноболгарской редакции оно распространилось на Руси? Как объяснить образование именно *кумиръ* в значении 'идол', 'истукан' от финского глагола *kumartaa* в значении 'поклопяться'? Правда, А. Преображенский пытается объяснить это так: «то, чему кланяются»[10]. Но и при этом остается неясным, каким образом финское *-ar* в славянском стало звучать как *-ир-* или *-ĕр-*.

С. Младенов, как отметили выше, **коумиръ** объявил праболгарским словом. В доказательство приводятся сир. *kumrā* 'жрец', арм. *k'urm* 'идолослужитель', фин. *kumartaa* 'кланяться'. Все они, по мнению автора, восходят к семит. **kumrā*, откуда и приведенное армянское, а равно и праболгарское слово[11]. При этом бросается в глаза, что так называемое праболгарское слово, в отличие от его источника, обозначает не того, кто, возможно, служит идолам, а самого идола. Помимо этого, с точки зрения словообразования и фонетических изменений праболгарское **kŭmerĭ* никак не может быть выведено из **kumrā*, поскольку по закону тюркского сингармонизма во втором слоге не может появиться звука *i*, даже если в начальном слоге звучало бы не *ŭ*, а *u*, ср., например, чуваш. (потомков булгар)

---

[6] См.: M i k l o s i c h, стр. 147.
[7] См.: B e r n e k e r, стр. 644.
[8] См.: Ф. Р е й ф. Русско-французский словарь I. СПб., 1835, стр. 477.
[9] См.: К. Г р о т. Филологические разыскания, т. II. СПб., 1876, стр. 435.
[10] См.: П р е о б р а ж е н с к и й I, стр. 412.
[11] См.: С. М л а д е н о в. Мнимите фински думи в български език. — «Сборник в чест на Иван Д. Шишманов». София, 1920, стр. 87 и сл.; М л а д е н о в, стр. 262.

кӳмеркке (*-кке* — аффикс) 'объем', 'туловище', 'куча', *кӳмеркелле* 'толстый', 'объемистый' [12]. Если же допустить, что первоначально *kumrā* заимствовано славянами, то и в этом случае слово с точки зрения морфологической остается неясным ввиду отсутствия в славянских языках суффикса *-ir*. Тем более трудно предположить, что из *kumrā* могло получиться славянское существительное, включившееся в группу основ на *-i(ь)*.

Таким образом, и после работ С. Младенова этимология **коумирь, -рѣ** остается неясной.

«Значение делает затруднительным также толкование из осет. *gumîr* 'великан' от библ. *Gomer* (Вс. Миллер, по Гоняеву ЭС. 174)», — пишет Фасмер [13]. Осетинское *gₒymīry* / *gumeri*, *gœmeri* 'великан', 'дубина', 'идол' [14], как видно, имеет и тождественное со ст.-слав. **коумирь** значение 'идол'. По мнению В. И. Абаева, «совпадение значения 'идол' в русском и осетинском объясняется, вероятно, влиянием русского на осетинский через переводы церковных книг» [15]. Но наличие осетинского 'дубина' со значением 'неотесанный, тупой человек' не исключает развитие значения 'идол' в самом осетинском.

В. Абаев допускает, что ст.-слав. **коумирь, -рѣ**, по-видимому, связано с осетинским. Невозможно допустить, чтобы ст.-слав. слово было прямым заимствованием осет. *gumeri* или *gₒymīri*, так как при этом в славянском обязательно сохранилось бы начальное *g*. Но вполне вероятно, что алано-осетинское слово принесли на Балканский п-ов булгары так же, как и **печать—печатьлѣти** [16], **кънигы—кънигъчии** [17]. В ст.-слав. **коумирь, -рѣ** невозможно выделить ни корня, ни суффикса. Слово это воспринимается только как единое неразложимое целое, что является доводом в пользу заимствования его из другого языка. Нахождение этого слова в группе существительных с основой на *-i(ь)* можно объяснить восхождением его к алано-осет. *gumeri*, *gₒymīri*. В булгарском приведенное алано-осет. слово под воздействием закона сингармонизации могло звучать только как ***kӳmeri*** (видимо, с конечным ослабленным *i*). Дело в том, что в чувашском исторически бывшие конечные ослабленные гласные отпали [18]. Это подтверждается чуваш. *кӳмеркке* (если даже оно не из алано-осет. *gumeri*, а род-

---

[12] См.: «Чувашско-русский словарь». М., 1961, стр. 185; Н. И. Ашмарин. Словарь чувашского языка, вып. VII. Чебоксары, 1934, стр. 74.

[13] Vasmer I, стр. 692.

[14] Абаев I, стр. 530.

[15] Там же.

[16] См. об этом: А. С. Львов. Старославянское печать — печатьлѣти. «Этимологические исследования по русскому языку», вып. II. М., 1962, стр. 93 сл.

[17] См.: Berneker I, стр. 664.

[18] См.: Г. Е. Корнилов. О составе фонем и их аллофонах в системе диалектов чувашского языка. — ВЯ, 1964, № 4, стр. 99 сл.

ственно с осм.-тюрк. *gŭmŭr* 'пухнуть'[19], см. выше), но наличие в чуваш. значения 'туловище' вполне согласуется со значением слова **коумирь** 'статуя', 'образ человека' (см. выше).

Булгарское *к* (слабосмягченное, если исходить из данных чувашского языка) в славянском могло произноситься как *к* (твердое), после чего булг. *ŭ* должно было звучать как *u* (*y*). Далее, ввиду отсутствия корреляции *u—e* в славянском последний звук естественно должен был произноситься как *i* (написание **коумѣръ**, по-видимому, явление позднее, появившееся под влиянием слов на **-мѣръ**, типа: **лицемѣръ**, **дѣломѣръ**, **землемѣръ** и т. п.).

Говоря иначе, с точки зрения фонетической нет препятствий для признания, что ст.-слав. **коумирь** восходит к алано-осет. *gumeri*, *gumīri* через булгарскую передачу как *kŭmeri̯*. Фиксация слова только в восточноболгарских редакциях памятников старославянской письменности укрепляет нас в мнении, что **коумирь** могло попасть к славяно-болгарам из языка тюрко-болгар. Поскольку словом **коумирь** переводились многие греческие слова (см. выше), то вероятно допущение, что первоначально **коумирь** в своей семантике было близко к алано-осет. *gumeri* в вышеприведенных его значениях в осетинском, особенно, нам кажется, примечательно чуваш. *кӳмеркке* в значении 'туловище'.

Как известно, из существительных мужского рода к основам на *-i̯(ь)* относились немногие слова[20], притом они были неустойчивы в том смысле, что легко подвергались влияниям основ на *-jo* и даже на *-o*. Помимо этого, заимствованное слово в смысле пребывания в том или ином типе склонения оказывается особенно неустойчивым. Так, **печать**, первоначально относившееся к основам на согласный, подвергалось влиянию основ на *-i̯(ь)* и *-jo*, пока оно не утвердилось в основах на *-i̯* женского рода[21]. То же, как видели, происходило со словом **коумирь**, которое, переходя из основ на *-i̯* к основам на *-jo* и *-o*, впоследствии утвердилось в последней группе существительных.

Итак, приведенные данные склоняют к мысли, что ст.-слав. **коумиръ**, **-ръ** восходит к алано-осет. *gumeri* / g_0*ymīri* через тюрко-болг. передачу в виде **kŭmeri̯*, которое в славянском закономерно дало вначале **коумирь**.

---

[19] См.: В. В. Радлов. Опыт словаря тюркских наречий, т. II, ч. 2. СПб., 1899, стб. 1653.

[20] Список слов, относившихся в ст.-слав. к основам на *-i*(ь) см.: С. М. Кульбакин. Грамматика церковно-славянского языка по древнейшим памятникам. Пг., 1915, стр. 54 сл.

[21] См.: А. С. Львов. Старославянское печать — печатьлѣти.

2. Еще раз об этимологии *очень*

В нашей статье «К истории слова *очень*» [22] утверждается, что форма *очень* получилась из более ранней *очунь* в значениях 'дурно', 'чрезвычайно', 'весьма'. Форма же *очунь* рассматривается как наречие, образовавшееся от глагола *очунѣти* по типу *вспять* от *вспятити* и т. п. В связи с этим определенные затруднения вызвали объяснения формы глагола *очунѣти*, а также прилагательного *очюнной* и наречий *очунно*, *оченно*.

Хотя нет оснований отказываться от выводов, к которым пришли в названной статье в части семантической и фонетической, но справедливость требует признания, что в этой работе автору не удалось разобраться до конца в истории слова *очунь* > *очень* с точки зрения словообразования.

Как выясняется, по происхождению *очунь* — не отглагольное наречие, а имя существительное, образовавшееся присоединением суффикса *-нь* к глагольной основе *очу-(ти)* по тому же типу, что и *дань* от *да-(ти)*, *тъкань* от *тъка-(ти)*, *брань* 'узор' от *бра-(ти)* 'вышивать', *боронь* от *боро-(тися)* и т. д.

Ряд подобных существительных имеет параллельное образование с суффиксом *-ть*, ср. *дать* (в *по-дать*)—*датьё*, *стать*, ср. *стан*, *чуть*—*чутьё* и др. Наряду с *очень* < *очунь* имеется и *очутью* (тв. п. ед. ч. от *очуть*) 'внезапно', 'невесть откуда' [23].

Первичность *очунь* как существительного доказывается еще тем, что от него образовалось прилагательное *очюнной* 'дурной', приведенное в упомянутой статье из послания Ивана Грозного в Кириллово-Белозерский монастырь около 1578 г.[24]

Наличие *очунѣти* показывает, что этот глагол отыменный, образовавшийся от *очунь*, так же как *умѣти* от *умъ*, *цѣлѣти* от *цѣлъ*, *болѣти* от *боль* и т. д.

Существование самостоятельного глагола *очути*, от основы которого образованы как *очуть* (см. выше), так и *очунь*, свидетельствуется наличием глагола *очунути*, представляющего такое же отношение к *очути*, как и *достигнути* к *достичь*, *рванути* к *рвати*; *стану*, *станетъ* (форма инфинитива *станути* не зафиксирована) к *стати* и т. д. Несомненно также, что современное *очутиться* является вторичным отыменным глаголом от *очуть*.

Наконец, именная функция *очунь* > *очень* еще заметна в следующих примерах: Читателю повѣрь мнѣ, что я не *очюнь* пишу, но самъ то очима своима видѣлъ [25]; Впрочем, не осудите, с досады

---

[22] А. С. Львов. Из лексикологических разысканий. — «Доклады и сообщения Ин-та языкознания АН СССР» X. М., 1956, стр. 68 сл.

[23] См.: Даль II, стр. 777.

[24] А. С. Львов. Из лексикологических разысканий, стр. 70.

[25] «Ученіе и хитрость ратнаго строенія пѣхотныхъ людей». М., 1647, стр. 29 об.

иной раз, как о ребятишках вздумаешь, *очень* что-нибудь скажешь. Детей жалко (Лесков, Печерские Антики).

Таким образом, становится ясным, что *очунь* > *очень* как наречие — явление вторичное, при этом, надо полагать, первоначально оно в речевой практике было таким же, как, например, современные *страх*, ср.: Ух, и красивый же был парубок этот Опанас, *страх* красивый (Короленко, Лес шумит); *жаль* : *Жаль* братца, да лететь охота велика (Крылов, Два голубя); *пора*: Прощай, Онегин, мне *пора* (Пушкин, Евгений Онегин) и т. п. Позже, когда *очунь* как существительное вышло из употребления и, кроме того, в среднерусских говорах изменилось в *очень* [очьн'], с того времени оно, полностью перейдя в разряд наречий, потеряло первоначальные генетические связи.

Ст. Стаховский

ТУРЦИЗМЫ В СЛОВАРЕ Я. МИКАЛИ *

В существующих работах об османско-турецких заимствованиях в сербохорватском языке проблеме хронологии почти совершенно не уделялось внимания. На этот недостаток обращал внимание, правда, скорее с тюркологической, чем со славистической точки зрения, тридцать с лишним лет назад Т. Ковальский [1], но с тех пор ничего не изменилось. Так, сейчас мы немного можем сказать о хронологии турцизмов в сербохорватском языке. То же самое можно сказать о хронологии турцизмов в других балканских языках, за исключением румынского благодаря превосходному труду Шаиняну [2]. В настоящее время единственным, к тому же незавершенным, источником по истории турцизмов в сербохорватском языке является большой и в ряде отношений очень ценный «Словарь Югославянской Академии наук и искусств в Загребе» [3]. Этот словарь, доведенный только до буквы *š*, не дает никакой исторической документации для турцизмов на следующие по алфавиту буквы: *t-*, *u-*, *v-*, *z-*. В то же время для турцизмов на буквы от *a* до *š* этот словарь содержит относительно большую историческую документацию. Однако эта документация не всегда является полной, прежде всего в двух отношениях: 1) документация, подаваемая в словаре для ряда турцизмов, не является самой ранней, и ее можно во многих случаях отодвинуть дальше, и притом значительно; 2) этот словарь почти совершенно не подает или подает очень редко историческую документацию для производ-

* Здесь не раскрываются сокращения источников, принятые автором в ранее опубликованной статье (см.: Ст. Стаховский. Заметки о методологии этимологических исследований турецких заимствований в сербскохорватском языке. — «Этимология. 1963». М., 1964). Дополнительно использованы следующие сокращения: Mol. — G. Molina. Dittionario delle lingue italiana e turchesca. Roma, 1641; Paszk. — M. Paszkowski. Dzieje tureckie i utarczki kozackie z Tatary. Kraków, 1615.

[1] T. Kowalski. W sprawie metodologii badań zapożyczeń tureckich w językach słowiańskich. — «Sborník prací I. Sjezdu slovanských filologů v Praze 1929». Praha, 1932, стр. 554—556.

[2] L. Şaineanu. Influenţa orientală asupra limbei şi culturei române. I. Vocabularul. Vorbe populare. Împrumuturi locale; II. Vocabularul. Vorbe istorice. Împrumuturi literare. Bucureşti, 1900.

[3] «Rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika». Na svijet izdaje Jugoslavenska Akademija znanosti i umjetnosti, I—XVII (a—špag). Zagreb, 1880—1961.

ных, образованных от турцизмов. Тут следует еще добавить, что для многих турцизмов словарь не подает вообще никакой исторической документации. Эти недостатки объясняются, по-видимому, в первую очередь малым количеством опубликованных источников, доступных для авторов словаря, особенно первых десяти его томов. Авторы словаря черпали историческую документацию прежде всего из текстов, изданных до XX в., и из старых словарей сербохорватского языка. Целый ряд старых памятников остался авторам неизвестен. Точно так же отсутствие уточненной концепции словаря (исторический или нормативный?) неоднократно приводило к игнорированию исторической документации.

Старые словари сербохорватского языка имеют для нас большое значение как первоклассный источник исследований по истории турцизмов в этом языке. Но при ближайшем ознакомлении с материалами, выписанными авторами Академического словаря из этих словарей, оказывается, что эта эксцерпция не была полной. Авторы Академического словаря использовали прежде всего только те турцизмы, которые даны в словарях как особые статьи; в то же время остались неиспользованными турцизмы, фигурирующие в качестве толкований слов, данных в заглавии статей. «Скрытые» таким образом в контексте турцизмы были труднодоступны в Академическом словаре. Эти пропуски являются большим недостатком, потому что часто бывает так, что какой-либо турцизм не имеет специальной статьи в данном словаре и употребляется только где-нибудь в контексте. Этим создается впечатление, что он не отражен в словаре. Кроме того, бывает, что это единственная, по крайней мере известная нам до сих пор, запись турцизма в старых сербохорватских текстах.

В своей статье я хочу заняться турцизмами, засвидетельствованными в одном из самых ранних сербохорватских словарей, а именно в словаре иезуита Якуба Микали «Blago jezika slovinskoga illi slovnik u komu izgovaraju se rjeci slovinske Latinski, i Diacki — Thesavrus lingvae illyricae sive dictionarium illyricum in quo verba illyrica italicè et latinè redduntur» (Lavreti, 1649 — Ancona, 1651). Материал этого словаря был использован авторами Академического словаря аналогично тому, что было нами сказано выше. В то же время в словаре Микали имеется значительно более богатая документация отдельных турцизмов, чем можно было бы подумать на основании материала, выписанного для Академического словаря.

Турецкий материал, содержащийся в словаре Микали, я представляю в следующем порядке:

1) весь материал, касающийся одного конкретного турцизма, но разбросанный по словарю Микали в разных местах, я собираю в одно целое; чтобы облегчить нахождение конкретной цитаты в словаре Микали, я даю в скобках после цитаты страницу данного словаря;

2) все турцизмы даются сначала в современной орфографии, а затем в оригинальной графике словаря;

3) турцизмы, которые не фигурируют в словаре Микали в форме особой статьи, я даю в квадратных скобках, и только после этого следует документация из словаря Микали;

4) в заключение, после приведения полного материала из словаря Микали, дается этимология слова.

---

aba: *aba* 'svitta, aba panno, hic pannus aba, haec aba, -ae' (1). — Из ср.-тур. *aba* (⩽араб. '*abā*) 'грубое сукно домашней работы'.

alat, halat: *alat* 'irudje, orudje, kojim se posluje, instrumento, hoc instrumentum, -ti' (3); *halât* 'irudje, instrumento, hoc instrumentum, -i' (127); *gvozgja* 'halát, irudje, fertamenti di stromenti di ferro, ferrameta, -orum' (127); *irudje* 'alat, cimse posluje, instrumento, instrumentum, -ti' (140); *orudje* 'irudje, halat, instrumento, hoc instrumentum, -ti' (381). — Из ср.-тур. *al'at* (⩽араб. '*ālāt*, мн. от '*āle*) 'орудие'.

arakčin: *arakcin* 'klobuk podstavgljen kospjom, barettino impellicciato, hic pjleus pelle subductus, haec mitra pelle' (5). — Из ср.-тур. *arakčyn* (⩽араб.-перс. '*arakčīn*).

argatin: *argattin* 'koji nossi na rame bastah, fachino, hic bajulus, -i, gerulus, -i, dossuarius, -rii, hic corbulo, -onis' (6). — Из ср.-тур. *argat* (=н.-тур. *ırgat* ⩽н.-греч. ἐργάτης), засвидетельствованного в транскрибированных турецких текстах 1544—1548 гг.: *argath* 'mercenarius' (Georg. 99); 1615: *argáth* 'naiemnik' (Paszk. 133).

arnaut: *arnaut* vidi *Arbanasin* (6); *arbanasin* 'arnaut, albanese, hic Epirota, -ae, Albanensis, -sis' (6). — Из ср.-тур. *arnavut* (⩽н.-греч. Αρβανίτις) 'албанец'.

[asura]: *rogosgja* 'sturra, asurra, stora, storea, -eae, teges, -is, matta, -ae' (567). — Из ср.-тур. *hasur* (=совр. тур. *hasır* ⩽араб. *ḥaṣīr*), засвидетельствованного с другим вокализмом в конечном слоге в транскрибированных турецких текстах 1544—1548 гг.: *hasser* 'storea' (Georg. 108); 1615: *hátser* 'rogoża' (Paszk. 134).

bakrač: *bakraç* 'kotao, caldaro, hoc ahenu, -i, hic lebes, -tis, hic cacabus, -bi, haec cucuma, -ae'; *bakraç za vaditi vodu* 'secchja da cavar acqua, haec situla, -ae, haec sitella, -ae, haec urna, -ae, haec hydria, -ae' (9). — Из ср.-тур. *bakrač* 'сосуд из меди, котел'.

bardak: *bardak* 'bukliiça, fraschetto, guttulus, -i' (10). — Из ср.-тур. *bardak*, засвидетельствованного в транскрибированных турецких текстах, 1615 г.: *bárdák* 'konewká' (Paszk. 134).

barem: *barem* 'daj, almeno, saltem, at certe, at saltem, cic' (10); *daj* 'barem, almeno, saltem, at, at saltem, at certè' (54). — Из разговорного ср.-тур. *barim* (=совр. тур. литер. *bari* ⩽перс. *bārī*) 'по крайней мере'.

berberin: *berberin* 'barbjero, tonsor, -is, barbitonsor, -ris'; *stvar od berberina* 'pertinent à tosare, tonsorius, -a, -m' (12); *ubrus, koji stavglia berberin* 'tovaglja di barbjere, hoc involucre, -is' (708). — Производное: *berbernica* : *berberniça* 'barberia, tonstrina, -ae' (12). — Из ср.-тур. *berber* (⩽перс. *berber*⩽ит. *barbiere*) 'парикмахер'. В несколько иной фонетической форме это слово засвидетельствовано в транскрибированных турецких текстах, ср. в 1615 г.: *bárbellery* 'cerulikowie' (Paszk. 138).

boja: *boja* 'kolur, mást, colore, hic color, -ris', *tko masti bojom* 'tintore, fullo, -nis, tinctor, -is, infictor, offictor, -ris' (13). — Из ср.-тур. *boja* 'краска, цвет'.

bubrig: *bubrigh* 'rognoni, renes, -nium, ren, -nis' (31). — Производное: *bubrižić* : *bubrisgicch* 'mali bubrigh, rognonetto, renunculus, -i' (31). — Академический словарь цитирует из Микали формы *bubreg, bubrežić*, что представляет собой явную ошибку. — Из разговорного ср.-тур. *bübreg* (= совр. тур. литер. *böbreg*) 'почки'.

budalo: *budalo* 'lotar odniscta, poltrone da niente, nebulo, -is, socors, -dis, iners, -tis' (32). — Производные: *budalòst* 'goffaria, inettitudine, stupiditas, -tis, ineptia, -ae, hebetudo, -nis, insulsitas, -is'; *budalast* 'ludjak, tupaç, trum, balordo, stupido, hebes, -tis, stupidus, -a, -m, socors, -dis, bardus, -a, -m, insulsus, -a, -m, ineptus, -a, -m, absurdus, -a, -m'; *biti budlast* 'esser stupido, stupeo, -es, -pui, stupidus esse'; *budaliti* 'zabudaliti, stupidirsi, stupesco, -scis, stupefio, -is' (32); *obudaliti* 'cinit obudaliti, stordire alcuno, hebetem aliquem reddere' (347); *cinit obudalit koga* 'stordire alcuno, hebetem reddere aliquem' (32); *zabudaliti* 'cinitse budalast, stupidirsi, stupeo, -es, -ui, obstupeo, -es, -ui, stupefio, -is' (804); *zaluditi* 'zabudaliti, divenir balordo, hebesco, -scis, obtundor, -ris, -tutus sum' (820). — Из ср.-тур. *budala* (⩽араб. *buladā'*, мн. от *belīd* 'дурак') 'дурак'.

bula: *bulla* 'Turchigna, donna mahumettana, mulier mahumettana' (33). — Из ср.-тур. *bula*, засвидетельствованного в транскрибированных турецких текстах, ср. в 1533 г.; *bula* 'madonna' (Arg. I, 183^{r}). — Слово, неизвестное сейчас в турецком языке.

bunar: *bunar* 'pùç, studenaç, kladenaç, pozzo, puteus, -ei' (33); *kladenaç* 'studenaç, bunar, pozzo, hic puteus, -ei' (131); *izvar* 'bunar, puç, pozzo, hic puteus, -ei, puteus iugis' (167); *kladenaç* 'bunar, puç, pozzo, hic puteus, -ei' (194); *puç* 'bunar, studenaç, pozzo, puteus, -ei' (527); *studenaç* 'puç, bunar, pozzo, hic puteus, -ei'; *od studença* 'od bunara, di pozzo, putealis, -e, putearius, -a, -m' (664); *vrata illi usta od bunára* 'bocca del pozzo, crepido putei' (33, 527); *vrata illi usta od izvara, il bunara* 'bocca del pozzo, crepido putei' (167); *zaklopaç od bunara* 'coverchjo del pozzo, puteal, -lis' (33, 194); *majstor od bunara* 'maestro di pozzi, pozzajo, putearius, -ii' (33, 167, 194); *okrúg od bunara* 'margine del pozzo, crepido, -nis' (367). — Производное: [*bunarski*]: *od bunara* 'bunarski, -a, -o, di pozzo, putealis, -e, puteanus, -a, -m' (33); *od izvara*

'od bunara, bunarski, -a, -o, di pozzo, putealis, -le, puteanus, -a, -m' (167); *od kladença* 'bunarski, -a, -o, di pozzo, putealis, -e, puteanus, -a, -m' (194); *od puccja* 'od bunara, bunarski, -a, -o, di pozzo, putealis, -e, puteanus, -a, -m' (527). — Из ср.-тур. *bunar* (= совр. тур. литер. *pınar*) 'колодец, родник'. Форма *bunar* засвидетельствована в турецких диалектах на Балканах, ср., например, *bunar* 'Quelle' (Скопле: RO XXIII, 86). — Ср. также др.-тур. *byyar* (±1330: KD 115).

busija]: *uciniti busiu* 'zasjesti tajno, far aggvati, insigior, -ris, facio, tento, paro, instruo insidias' (708). — Из ср.-тур. *busy* (= совр. тур. *pusu*) 'засада'.

buzdohan: *buzdohan* 'scestoperaç, mazza ferrata, clava ferrata vel ferrea'; *tko nossi buzdohan* 'portator di mazza, claviger, -is'; *tko nossi buzdohan prid gospodarom* 'mazziere, clauarius, -ii'; *bien budzohanom* 'mazzocato, clauatus, -a, -m' (34); *orusgjan battom al buzdohanō* 'armato di mazzo, clauatus' (382). — Из разговорного ср.-тур. *buzdohan* (= совр. тур. литер. *buzdoğan* 'дубина; вид груши').

čardak: *cjardak* 'strasgjak, poggjolo logetta, moenianum, -ni, podium, -ii, lygellum, -li, solarium, -ii'; *cjardak od dasak* 'solajo di legno, tabulatum, -ti' (41). — Из ср.-тур. *čardak* (⩽ перс. *čārtāq*) 'открытый балкон, поддерживаемый четырьмя столбами'.

čauš: *cjausc* 'barabanat, sbirro, zaffo, apparitor, -is, satelles, -is, lictor, -ris' (43). — Из ср.-тур. *čauš*, засвидетельствованного в транскрибированных турецких текстах, ср. в 1544—1548 гг.: *tsauslar* 'capitani' (Georg. 103); 1611: *ciaúsc* 'ambasciatore' (Fer. 214).

čerga: *cerga* 'tenda, tentorium, -rii' (35). — Производное: *čergica*: *cerghiça* 'malà cerga, tendiccjola, tenda piccola, tentoriolum, -li' (35). — Из ср.-тур. *čerge* 'легкий шатер, тент на двух столбиках'.

česma: *cesma* 'vrjello, kladenaç, fontana, fons, -tis'; *od cesme* 'di fontana, fontanus, -a, -m' (36); *od studença* 'od vrjella, od cesme, di fontana, fontanus, -a, -m, ut aquae fontanae' (664). — Производное: *česmica*: *cesmiça* 'mala cesma, fontanella, fonticulus, -i' (36). — Из ср.-тур. *češme* (⩽ перс. *čāšme*) 'источник'.

čirak: *cirák* 'kerostaç, candelĵero, candelabrum, -i' (40). — Из ср.-тур. *čyrak* (= совр. тур. *çıra*), засвидетельствованного в транскрибированных турецких текстах, ср. 1615 г.: *czyrági* (с притяжательным суффиксом 3-го лица) 'pochodnia' (Paszk. 134). Ср. также производное с суффиксом *-lyk* от этого слова: 1615 г.: *czyrakłyk* 'jásność' (Paszk. 131), *czyrákłyk* 'láternia' (Там же, 134).

čizma: *cizma* 'stivale, ocrea, -eae, cothurnus, -ni, tibialia, -ium'; *obuven ù cizmah* 'stivalato, ocreatus, -a, -m, cothurnatus, -a, -m' (40); *obutti cizme* 'mettersi li stivoli, inducere ocreas, induere ocreas' (348). — Из ср.-тур. *čizme*, засвидетельствованного в транскрибированных турецких текстах, ср. в 1533 г.: *cismé* (Arg. I 15ʳ);

1544—1548: *tsisme* 'cothurni', *scisme* 'calciamenta' (Georg. 103); 1615: *czyzme* 'obowie' (Paszk. 134).

čobanin: *cjobanin* 'pastir, pastore, hic pastor, -ris' (43); *pastir* 'cjobanin, pastore, pascolatore, pabulator, -is, pastor, -is, curator vel custos pecoris' (404). — Из ср.-тур. *čoban* (⩽ перс. *šubān*), засвидетельствованного в транскрибированных турецких текстах, 1544—1548 гг.; *tsobanlar*, *sobanlar* 'opilio' (Georg. 103); 1615: *sobánláry* 'owczarze' (Paszk. 138).

čoha: *cjohha* 'dolama, gjubba, chirodrotta, -ae'; *cjohha od vlastela* 'toga, toga, -ae'; *cjohha vojvode* 'paludamento, veste del capitano, paludamentum, -ti, insigne imperatorium' (43); *obucen u cjohu* 'vestito alla lunga, amictus toga, togatus, -a, -m' (347). — Производное: *čošica*: *cjoscjça* 'mala cjohhá, toghetta, togula, -ae' (43). — Из разговорного ср.-тур. *čoha* (= совр. тур. литер. *çuha* ⩽ перс. *čūha*), засвидетельствованного в транскрибированных турецких текстах, 1544—1548 гг.: *tsoha* 'pannus' (Georg. 103); 1615: *czohá* 'sukno' (Paszk. 134).

ćelavac: *chjelavaç* 'gubbave glave, tignoso, alopecus, porriginosus, -a, -m' (36). — Производное с сербохорватским суффиксом *-avac* (⩽ *-av-* + *-ac*) от ср.-тур. *kel* 'короста; лысый'.

ćosav: *chjossav* 'bez brade, sbano senza barba, glaber, -a, -m, imberbis, -e'; *bitti chjossav* 'esser senza peli, glabreo, -es, glaber sum' (37). — Производное: *ćosaviti*: *chjossaviti* 'divenir senza peli, glabresco, -is, glaber fio' (37). — Производное с сербохорватским суффиксом *-av* от ср.-тур. *köse* (⩽ перс. *kuse*) 'без бороды'.

danga: *danga* 'bigligh, merchjo, stigma, -tis, nota, -ae' (56). — Производное: *dangati* 'merchjare, inuro, -is, -ussi, -ustum, inurere notam'; *gvozdje kojim se danga* 'stygmaria, -ae'; *dangan*, *-a*, *-o* 'merchjato, notis inustus, stygmaticus, -a, -m' (56). — Из ср.-тур. *damga* 'знак, клеймо'.

[dava]: *pravdanje* 'prà, dava, lite, haec lis, litis, litigium, -ii, controuersia, -ae, causa, -ae'; *pravdatise* 'prittise, davu tirrati, litigare, litigo, -as, judicio contendo, conflicatari judicio'; *zaceti pravdanje* 'poceti davu, mouer lite, intentare vel inferre litem, judicium dictare'; *otrrighnuti pravdu illi davu* 'troncar la lite, dirimere litem, decidere litem' (480); *izgubiti párbu*, *davu* 'perder la causa, cadere causa' (157); *nastojati za jednu davu* 'sollecitare una causa, agere causam' (296). — Из ср.-тур. *dava* (⩽ араб. *d'awā*) 'требование; процесс'.

[davudžija]: *tko se pravda* 'davugia, litigatore, litigante, litigator, -ris' (480). — Словообразовательная модель, созданная на сербохорватской почве с турецким суффиксом имени деятеля *-dži-ja* от сербохорватской формы вин. п. ед. ч. *davu* (см. Skok — «Slavia» XV, 340).

dizdar: *dizdar* 'koji je had kulom, castellano, praefectus arcis' (221). — Из ср.-тур. *dizdar* (⩽ перс. *dezdār*) 'начальник крепости'.

dolama: *dolama* 'tonica, tunica, -ae' (76); *cjohha* 'dolama, gjubba, chirodrotta, -ae' (43). — Производное: *dolamica*: *dolamiça* 'vesticjola, vesticula, -ae' (76). — Из ср.-тур. *dolama* 'кафтан'.

dumen: *dumen* 'timun, timone, temo, -is, gobernaculum, -li' (90). — Из ср.-тур. — *dümen* (⩽ ит. *timone*) 'весло'.

dundar: *dundar* 'stiegh, vesillo, bandiera, vexilium, -li' (90); *zastava* 'stjegh, dundar, bandjera, insegna, vexilium, -li, signum, -gni' (833). — Производное: *dundarnik*: *dundarniek* (sic!) 'stiegonosaç, alfiere, vexillarius, -ii, signifer, -ri' (90). — От. ср.-тур. *dümdar* (⩽ перс. *dumdār*) 'знамя', в настоящее время — 'арьергард'.

[dušek]: *mataraç* 'duscek, matarazzo, haec culcitra, -ae, anaclinterium, -ii' (247). — Из разговорного ср.-тур. *düšek* (= совр. тур. литер. *döşek*), сохранившегося в современных турецких диалектах на Балканах, ср., например, *düšek* 'Matratze, Bett' (Скопле: RO XXIII, 84; Кюстендил, Михайловград: ALH XI, 377).

duvar: *duvar od prútja il trristi* 'parete di vincchi, o canna, paries craticeus' (92). — Из ср.-тур. *duvar* (⩽ перс. *dīvār*) 'стена'.

džep, žep: *gep*, *sgep* 'sacoccja, saccus, -i, sacculus, sacellus perula, -ae' (101). — RJA III, 534 дает в качестве самой старой записи пример из словаря делла Беллы 1728 г. — Из ср.-тур. *džep* (⩽ араб. *ğeyb*), засвидетельствованного в транскрибированных турецких текстах, 1533 г.: *gép* 'busdaniera' (Arg. I, 84^{r}).

[džigerica]: *pluchja bila* 'gigheriça, polmone, hic pulmo, -nis' (423). — Производное с сербохорватским суффиксом *-ica* от ср.-тур. *džiger* (= совр. тур. *ciğer* ⩽ перс. *ğiger*), засвидетельствованного в транскрибированных турецких текстах, 1533 г.: *gigher* (Arg. I 128^{r}) и современных турецких диалектах на Балканах: *džiger* 'Leber' (Кюстендил, ALH XI 377).

endek: *endek* 'prokop oko gráda, fosso, vallum, -li, agger, -is, fossa, -ae' (94). — RJA III, 590 (: *hendek*) дает в качестве самой старшей записи пример из словаря делла Беллы 1728 г. — Из ср.-тур. *hendek* (⩽ араб. *handeq*) 'ров'.

esap: *esap* 'pobrojenje, computatione, computatio, -is' (95); *vidjeti razloghe, esap* 'vadere i conti, reducere ad calculum' (773). — Производное: *esapiti* 'pobroiti, computare, suppoto, -as, puto, -as' (95). — Из ср.-тур. *(h)esap* (⩽ араб. *ḥisāb*) 'счет, расчет', засвидетельствованного в современных турецких диалектах на Балканах, ср., например, *esap* 'Rechnung; представление' (Скопье: RO XXIII, 86; Крепча: LB V, 2 : 82). В ассимилированной форме (*e — a* ⩾ *e — e*) это слово также засвидетельствовано в транскрибированных турецких текстах, 1533 г.: *essép* 'conto' (Arg. I 102^{r}).

filj: *figl* 'elefante, leofante, elephas, -antis, barrus, -ri'; *glás od figlja* 'voce di elefante, barritus, -us'; *ciniti glás od figlja* 'far la voce di elefante, barrio, -ris' (96); *lefagn* 'slon, figl, sgivina, elefante, elephas, -tis, elephantus, -ti, barrus, -ri'; *pokriven kostju*

figlja, *lefagna* 'coperto d'auorio, eburatus, -a, -m, eburneolus, -a, -m' (228); *slòn* 'figl, elefante, hic elephas, -antis, elephantus, -ti, barrus, -i' (624). — Из ср.-тур. *fil* (⩽араб. *fīl*), засвидетельствованного в транскрибированных турецких текстах, 1544—1548 гг.: *phil* 'elephas' (Georg. 106); 1615: *phił* 'słoń' (Paszk. 136).

fitilj: *fitigl* 'stjgn za ranne, stupino per le pjaghe, peniculus, -li, penicillus, -li, lemniscus, -sci, rasile linamentum, -ti' (96). — Из ср.-тур. *fitil* (⩽араб. *fetīl*) 'фитиль'.

[gemija]: *galia* 'ghemia, galea, haec triremis, -is, navis longa' (98). — Из ср.-тур. *gemi* 'судно, лодка'.

hadum: *hadum* 'usckopgljen, eunuco castrato, eunucus, -ci' (127). — Из ср.-тур. *hadum* (=совр. тур. *hadım*⩽араб. *hādim* 'слуга'), засвидетельствованного в транскрибированных турецких текстах, 1533 г.: *chadúm* 'eunuccho' (Arg. I 191[t]).

hambar: *hambar* 'sgitniça, granajo, horreum, -ei, cella frumentaria' (128); *ruppa* 'hambár, sgitniça, granajo, horteum, -ei, cella frumentaria' (572). — Из разговорного ср.-тур. *hambar* (=совр. тур. литер. *ambar*) 'кладовая'.

handžar: *hangjar* 'pugno, pugnale, hic pugio, -is, clunaculum, -li' (128); *pugnó* 'hangjar, pugnale, hic pugio, -onis, clunaculum, -li, clunabulum, -li' (527). — Из разговорного ср.-тур. *handžar* (=совр. тур. литер. *hançer*⩽араб. *hanğer*) 'кинжал'.

harač I: *haràç* 'tratgna, dispendio, spesa, impendium, -i, sumptus, -us' (128); *ossuditi ù spenze*, *ù haràç od pravdanja* 'condennare nella spesa della lite, aestimare litem' (480). — Производное: *harčiti*: *harciti* 'trattiti, splendere, impendo, -is, -di, -sum, facere sumptum, suppeditare sumptum' (128). — Из ср.-тур. *harč* (⩽араб. *harğ*) 'расход'.

harač II: *haráç* 'çarrina, tributo, gravezza, tributum, -i, pensio, -is' (128); *plachjati haráç* 'pagare il tributo, soluere, conferre tributum' (128, 417); *gniua koja plachja haraç* (111), *zemglja*, *koja plachja haraç* (847) 'terra che paga tributo, ager vectigalis'. — Производные: *haračni*, *-a*, *-o*: *haraçni*, *-a*, *-o* 'tributario, pensionario, tributarius, stipendiarius -a, -m, vectigalis, -e' (128); *podharačen*: *podharaçen*, *-a*, *-o* 'tributario, pensionario, tributarius, stipendiarius, vectigalis,-e' (128, 428). — Из ср.-тур. *harač* (⩽араб. *harāğ*), засвидетельствованного в транскрибированных турецких текстах, 1544—1548 гг.: *haracs*, *harats*, *haratsi* 'tributum' (Georg. 108); 1533: *charáccj* 'tributo' (Arg. I 298[r]); 1615: *hárác* 'trybut' (Paszk. 139).

haračija: *haracia* 'koji haraç kuppi, chi riscote il tributo, gabelliere, publicanus, -ni' (128). — Из ср.-тур. *haraççy* 'сборщик налогов, дани', производное с суффиксом имени деятеля *-čy* от *harač* 'налог'.

harambaša: *harambascja morski* 'capitano de corsari, archipyrata, -ae' (128). — Из ср.-тур. *harambaša*, сложение слов *haramy* 'разбойник, бандит' + *baša* 'предводитель'.

haramija: *haramia* 'kesegia, assasino, grassator, -is, latro, -is, praedo, -is, excussor, -is' (128). — Производное: *haraminski*: *mjesto haraminsko* 'pajso pericoloso per gl'assasini, locus infestus latronibus, plenus latronū' (259). — Из ср.-тур. *haramy* 'разбойник, бандит, убийца'.

haramzada: *haramzada* 'zloban, -a, -o, scaltrito, mallitioso, veterator, -is, callidus, -a, -m, vafer, -a, -m, versutus, -a, -m, astutus, malitiosus, fallax, -cis' (128). — Производное: *haramzastvo* 'himba, astutia, malitia, -ae, calliditas, -is, versutia, -ae, astus, -us, astutia, nequicia' (128). — Из ср.-тур. *haramzade*, сложение слов *haram* (⩽ араб. *ḥarām*) 'запретный, грешный, проклятый' + перс. *zāde* 'дитя'.

(h)azna: *azna* 'blago, thesoreria, aerarium, -ii' (8, 129); *stvari od hazne* 'cosa ni thesoreria, aerarius, -a, -m' (8, 129). — Из разговорного ср.-тур. *(h)azne* (= совр. тур. литер. *hazine* ⩽ араб. *hazīne*) 'касса, казна'.

(h)aznadar: *haznadar*, *aznadar* 'thesoriere, quaestor, -is, praefectus aerarii' (129); *aznadar*, *haznadar* 'koji je svrrih hazne, thesoriere, praefectus aerarii' (8). — Из разговорного ср.-тур. *(h)aznadar* (= совр. тур. литер. *hazinedar*) 'казначей'.

jahudija: *jahudia* 'sgidov, hebreo, judeo, judaeus, -a, -m, hebreus, -a, -m' (170); *sgidovin* 'jahudia, sgjudia, gjudeo, hebreo, judeus, -a, -m'; *sgidovski* 'od jahudie, di gjudeo, judaicus, -a, -m' (589). — Производные: *jahudijin*: *jahudiino* 'od jahudie, di gjudeo, judaicus, -a, -m, haebraicus, -a, -m'; jahudinski 'all'hebrea, hebraicè, judaicè' (171). — Из ср.-тур. *jahudi* (⩽ араб. *jahūdijj*), засвидетельствованного с другим гласным в конце в турецких транскрибированных текстах, 1615 г.: *Iáhudu* 'Żyd' (Paszk. 138); из араб. собир. *jahūdu*.

japundže: *japunge* 'plásct za pút, kapenak, feltro ò mantello da viaggjo, penula, -ae, palium, -ii, lacerna, -ae'; *japunge s' strugnama* 'gabano peloso, penula gausapina, gausappe, -is'; *tko nossi japunge* 'amantellato, feltrato, penulatus, -a, -m' (172). — Производное: [*japundžete*]: *tko cini japungete* 'feltrajo chi fa mantelli, penularius, -a, -m' (172). — Из разговорного ср.-тур. *japundža* (= соврем. тур. литер. *yapıncı*). В словаре Радлова (III, 261) засвидетельствована форма *japandža* 'род воротника или плаща грубой работы, eine Art Kragen oder Mantel (grob gearbeitet)'.

[**jasak**]: *uciniti jasak* 'stauiti globu, proibire con pena, metter la pena, edico, -is, -xi, -ctum, sancire edicto, edicere edictū, irrogare multam' (708). — Из ср.-тур. *jasak* 'запрет'.

kadifa: *kadifa* vidi *barscjun* (181); *velut* 'belud, barscjun, kadifa, veluto, holosericum villosum, sericum gausapinum' (769). — Из ср.-тур. *kadife* (⩽ араб. *qaṭīfe*) 'бархат'.

kalauz: *kalauz* 'vodiç, guida, dux, -cis'. — Производное: *kalauziti* 'voditi, gujdare, duco, -cis, -xi, -ctum' (183). — Из разговорного ср.-тур. *kalauz* (= совр. тур. *kılavuz*) 'проводник'.

kaldrma: *kalderma* 'pút napravgljen kamenom, selicata, lastricata, via silicibus munita, uel strata' (183). — Из ср.-тур. *kaldyrym* 'мостовая'.

kalup: *kalup* 'forma, forma, -ae'; *kalup od slóvá* 'modello di stampa, typus, -pi' (183). — Из ср.-тур. *kalup* (= совр. тур. *kalıp* ⩽ араб. *qālib*) 'образец, модель; колодка'. — Ср. также рум. *calup* (1792: Rom. XXXI, 560) 'forme de cordonnier, modèle'.

kantar: *kantar* 'mjeriliça, statera, trutina, -ae, statera, -ae, libra, -ae, libella, -ae' (185); *jaje od kantara* 'marchjo de la statera, sacoma, -tis' (186); *otezallo od kantara* 'pjombino del la statera, sacoma, -tis, libramentum, -ti' (392); *otezati* 'mjerritina kantar, pesare, pondero, -as, appendo, -is, expendo, -is, examino, -as' (393). — Из ср.-тур. *kantar* (⩽ араб. *qintar* ⩽ лат. *centenarius*) 'род весов; мера веса, равная 100 кг'.

karanfil: *karanfigl cvjet* 'garofano fjore, garyophillus, -i, cyannus, -i, garyofillum' (186); *karanfigl specia* 'garofano spetie, garyophillus, -i, garyophillum, -i, caryophillus, -i' (187); *garufal* 'garofao, karanfigl çviet, garofalo fiore, cariophyllus vernaculus, cariophyllum, -li, cyanus, -ni, leucojum, -i' (100). — Из ср.-тур. *karanfil* (⩽ араб. *qaranful* ⩽ греч. καρυόφυλλον) 'гвоздика'.

karvasarija: *karvasaria* 'gostinica, hosteria dove s'alloggja, diversorium, -ii, pandochaeum, taberna diversoria' (188). — Из ср.-тур. *karvasary* (= совр. тур. литер. *kervansaray* ⩽ перс. *kārvānserāj*), засвидетельствованного в турецких транскрибированных текстах, 1544—1548 гг.: *charuatsanrie* (Georg. 111); 1553—1555: *karwasaria* наряду с *karwasarai* (Dern.); 1615: *kárwátserá* 'dom gościnny' (Paszk. 134).

kesedžija: *haramia* 'kesegia, assasino, grassator, -is, latro, -is, praedo, -is, excussor, -is' (128). — Из ср.-тур. *kesedži* 'вор-карманник', производного с суффиксом им. деятеля *-dži* от *kese* (⩽ перс. *kīse*) 'мешочек, сумочка'.

konak: *konak* 'pribivanje, hospitio, hospitium, -ii'; *otiti u koga na konak* 'andar ad allogjare, diuerto, -is, -ti, -sum, diuertor, -oris'; *bitti u koga na konak* 'allogjare, diuerior, -aris' (202); *pocchi komu na stan, na konak* 'andare ad alloggjare ed albergare in casa di qualcono, diuerto, -is, diversor, -aris, diversari apud aliquem' (654); *zvatti u kuchju na konak* 'invitar ad alloggjare, invitare hospitio, lecto, et domo' (861). — Из ср.-тур. *konak* 'государственный дом; большой дом; ночлег', засвидетельствованного в турецких транскрибированных текстах, 1533 г.: *conách* (Arg. I 11^{b}).

kula: *kula* 'kascteo, castello, castrum, haec arx, -cis, castellum, -i'; *dizdar koji je nad kulom* 'castellano, praefectus arcis' (221); *kasctio* 'kula, castello, rokka, arx, -cis' (189). — Из ср.-тур. *kule* (⩽ араб. *qulle*) 'башня, башенка, вершина'.

kutija: *kutia* 'skattula, scaltula, pyxis, -dis' (224) — Из ср.-тур. *kuty* (= совр. тур. *kutu*) 'ларец, коробка', засвидетель-

ствованного в транскрибированных текстах, ср.: 1533: *chuttí* 'scatola' (Arg. I 258r), и в западнорумелийских диалектах, ср.: *kuti* 'коробка, жестянка' (Кюстендил: ALH XI 381).

lala: *lala çvjet* 'tulipano, tulipanus, -ni' (226). — Из ср.-тур. *lale* (⩽перс. *lāle*) 'тюльпан'.

lelek: *lelek* 'boccjan, sctrrik, cicogna, ciconia, -ae' (228). — Из разговорного ср.-тур. *lēlek* (=совр. тур. литер. *leylek*⩽араб. *leqlek*), сохранившегося в современных турецких диалектах на Балканах, ср., например: *lēlek* 'cigogne' (Казанлык: АОН VIII, 174).

[majmun]: *babuin majmun* 'baboino, hic spik, -gis' (8). — Производные: [*majmuča*]: *munna* 'majmuccja, scimia, simia, -ae, simius, -i' (271); [*majmučica*]: *munniçica* 'majmuçica, scimjetto, simiolus, -i' (271). — RJA VI, 391 приводит примеры только из словарей Стулли 1806 г. и Вольтиджи 1803 г. — Из ср.-тур. *majmun*, засвидетельствованного в турецких транскрибированных текстах, 1615 г.: *máimun* 'małpá' (Paszk. 136).

[mavi]: *masti mave* 'turchino, ceruleus, -a, -m' (247); *mast mava, plavatna* 'colore turchino, color talassimus, cymatilis, venetus' (245); *galiçka* 'kamen mavi za ciniti çrrinillo, vitriole, atramentum sutorium' (99). — Из ср.-тур. *mavi* (⩽араб. *mā'ī*) 'голубой'.

mehlem: *mehlem* 'implastar, impjastro, ceroto, cerotum, -ti, emplastrum, -tri, maleghma, -tis'; mehlem dugghi 'impiastro lungo, splenium, -ii' (249). — Из ср.-тур. *mehlem* (⩽араб. *merhem*⩽греч. μάλαγμα), засвидетельствованного (с вставным *-e-*) в турецких транскрибированных текстах, 1533 г.: *mellechém* 'jmpiastro' (Arg. I 166t).

muhta: *muhta* 'procchi bez pokorre, andar senza castigo, impune abire' (271). — Из разговорного ср.-тур. *müht* (=совр. тур. литер. *müft*⩽перс. *muft*) 'бесплатно, даром'.

muzuvir: *muzuvir* 'potvoraç, koji lasge na prava cjovjeka, calunniatore, impostor, -ris, calumniator, -ris' (272). — Производные: *muzuvirstvo* 'potvorenje, calunnia, calumnia, -ae, impostura, -ae'; *muzuviriti* 'potvoriti prava cjovjeka, calunniare, imporre, calumnior, -ris, imposturam facere, impono, -is, -sui, -situm' (272—273); *namuzuviriti* 'potvorati, calunniare, imporre, calumnior, -ris, impono, -is, imposturam facere'; *namuzuvirenje* 'calunnia, calumnia, -ae, impostura, -ae' (286). — Из ср.-тур. *müzüvvir* (=совр. тур. литер. *müzevvir*⩽араб. *muzewwir*) 'хулитель'.

nadžak: *nagjak* 'sikirra, cettolina, securicula, -ae' (278). — Из ср.-тур. *nadžak*, засвидетельствованного в турецких транскрибированных текстах, 1615 г.: *nádziák* 'nasiek' (Paszk. 139).

naranča: *narancja vochje* 'arancio, melarancio, malum aureum, malum medicum'; *narancja stablo* 'albero d'arancio, haec malus medica' (291). — Из ср.-тур. *naranč* (⩽араб. *nāreng*), засвидетельствованного также в турецких транскрибированных текстах, 1615 г.: *naráncze* 'pomorańcze' (Paszk. 136).

oka: *oka* 'mjerra od vina al ulja, fogljetta, emina, -ae', *oka* 'mjerra od cetiri litre, quattro libre, quatuor pondo, quatuor librae, quatuor asses' (364). — Из ср.-тур. *okka* (⩽араб. *ūqiyye*⩽ греч. οὐγχία) 'турецкая мера веса, равная 1 кг 225 г'.

[pamuk]: *bumbak* 'pamuk, bambace cottone, gosipium, -ii' (33). — RJA знает только примеры из словарей Белостенаца (до 1675 г.), делла Беллы (1728 г.) и Вольтиджи (1803 г.). — Из ср.-тур. *pamuk*, засвидетельствованного в турецких транскрибированных текстах 1615 г.: *pámuk* 'báwełná' (Paszk. 134).

panajur: *panajur* 'sajam, trrigh, fjera, mercato, nudinae, -arum, mercatus, -us' (401); *sajam* 'panajur, trrig, fjera, mercato, nundinae, -arum, mercatus, -us' (576); *tergh, trrigh* 'pazar, panajur, mercato, fiera, nundinae, -arum, nundinum, -ni, mercatus, -us' (685). Из ср.-тур. *panajur* (=совр. тур. *panayır*⩽н.-греч. παναγύρι) 'торг, ярмарка'.

panajurlija: *panajurlia* 'trrigovac od panajura, mercante di fjera, nundinator, -is' (401). — Из ср.-тур. *panajurly* 'торговец'.

pandža: *pangja* 'nokat od zvjeri, zampa branca, ungula, -ae' (401). — Из ср.-тур. pandže (=совр. тур. литер. *pençe*⩽перс. *penğe*) 'коготь'.

papuča: *papucja* 'scarpa turchesca, hic calceus turcicus' (402). Производное: *papučar*: *papucjar* 'koji papuce cini, calzolajo, hic sutor, -ris' (402). — Из ср.-тур. *papuč* (⩽перс. *pāpūš*), засвидетельствованного в турецких транскрибированных текстах, 1553—1555 гг. *papuczsch* (Dern. 52). Ср. также формы с звонким *b-* в начале слова, 1533 г.: *babúccj* 'scarpa' (Arg. I 258r); 1544—1548: *babuts* 'calciamenta' (Georg. 100).

parče засвидетельствовано только в глагольном производном *rasparčati: rasparscjati* 'rasuti, vidi *raspriscjati*' (540). — RJA IX, 645 (:*parča*) указывает, что из сербохорватских словарей это слово дает только словарь Вука Караджича (1818 г.); также в статье *rasparčati* RJA не отмечает примера из словаря Микали. — Из ср.-тур. *parče* (=совр. тур. литер. *parça*⩽перс. *parče*) 'кусок, часть, обломок'.

pastrma: *pastrrima* 'meso slano, carne salata, caro salita, conditanea' (404). — Из ср.-тур. *pastyrma*, засвидетельствованного в турецких транскрибированных текстах, правда, в ассимилированной форме (*a—y*⩾*a—a*): 1553: *pastarma* 'caro sicca' (Georg. 115); 1611: *pastarmá* (Fer. 214) и со звонким началом слова: *bástráma* 'mięso wędzone' (Paszk. 135).

paša: *páscja* 'vladavac turski, pascja, preside de Turchi, praeses Turcarum' (403). — Из ср.-тур. *paša*, засвидетельствованного в турецких транскрибированных текстах, 1544—1548 гг.: *passa* (Georg. 101) и со звонким в начале слова: 1544—1548: *bassa, bassalar* 'capita (!)', *basse* (Georg. 101); 1615: *bássáłáry* 'xiążętá' (Paszk. 137).

pašaluk: *pascjaluk* 'prouincia, haec prouíncia, -ae' (403). — Из ср.-тур. *pašaluk* (=совр. тур. *paşalık*) 'страна, область, управляемая пашой', производное с суффиксом *-luk* от *paša.*

pazar: *pazar* 'trrigh, panajur, fjera, mercato, nundinae, -arum, mercatus, -us'; *pazar* 'mjesto gdi se pazari, pazariscte, mercato, forum, -ri'; *pazar od vóchjá* 'mercato di frutti, forum pomatium'; *pazar od volova* 'mercati di buoi, forum boarium'; *pazar od prasaç* 'mercato di porci, forum suariū, mercatus suarius'; *pazar od ribbe* 'mercato di pesci, forum piscarium'; *pazar od tri dni* 'mercato di tre giorni, trinundinum, -ni'; *pazar od zelia* 'mercato d'herbe, forum olitorium'; *pazar isto trrigovanje na pazaru* 'vendita o compra nel mercato, nundinatio, -is'; *stvar od pazara* 'appartenante al mercato, nundinalis, -e' (405); *trrigovaç od pazara* 'mercante di fiera, nundinator, -ris' (701); *tergh, trrigh* 'pazar, panajur, mercato, fiera, nundinae, -arum, nundinum, -ni, mercatus, -us' (685). — Производные: *pazariti* 'prodavati al cupovati na pazaru, vendere ò compare al mercato, nundinor, -ris' (405); [*pazarenje*] 'tergh, trrigh, pazarenje, mercato, il mercantare, mercatio, mercatus, mercatura, -ae' (685); [*pazarište*]: *pazar* 'mjesto gdi se pazari, pazariscte, mercato, forum, -ri' (405); *tergouiscte* 'pazariscte, pazar, mjesto od trrigouine, mercato pjazza, forum nundinerium, forum, -ri' (685). — Из разговорного ср.-тур. *pazar* (⩽перс. *bāzār*) 'рынок, базар'. В турецких транскрибированных текстах засвидетельствованы формы с начальным звонким согласным, 1533 г.: *bazár* 'mercato' (Arg. II 8ᵗ); 1615: *bázár* 'mjásteczko' (Paszk. 134).

perčin: *percin* 'kika, capelli intorcichjati in cim'al capo, cirrus, -i, suggestus comae, turuli, -orum' (408). — Из ср.-тур. *perčem* (⩽перс. *perčem*) 'пучок волос; грива'.

rakija: *rakia* 'acquauita, hoc sublimatum, -ti, vinum adultum, aqua uitae' (534); *pecchi kakoti rakiu al vodu rusgice* 'distillare, stillo, -as' (406). — Из ср.-тур. *raky* (⩽араб. *'araq'* 'pot') 'сорт виноградной водки'.

sačma: *saçma* 'mrjesgja za ribbu, lo sachjo, retesactilum, -li, reticulum, -li, funda, -ae' (573). — Из ср.-тур. *sačma* 'рыбацкая сеть'.

sahat: *sahat* 'urra, hora, haec hora, -ae, vidi *ura'; saháte* 'orologi, horologio, horologium, -ii, horarium, -ii'; *sahate koje bude* 'svegljatoio, horologium excitatorium'; *sahate po sunçu* 'horologio al sole, horologium solarium vel ictaterium'; *sahate od vode* 'horologio d'acqua, haec clepsydra, -ae'; *sahate od praha* 'horologio di poluere, clepsanidium, -ii, clepsydra, -ae' (575); *pò sahata* 'mezz'-hora, semi hora, -ae' (460); *zvono od sahata* 'campana dell'orologio, campana horaria, tintinabulum horarium' (863); *urriçe* 'sahate, horologio, horologium, -ii' (736). — Из ср.-тур. *sahat* (⩽араб. *sā'at*), засвидетельствованного в турецких транскрибированных текстах, 1615 г.: *száhát* 'zegar' (Paszk. 134).

sajtijan, saftijan: *sajtian* 'kordouan, cordovano, pellis cordubensis' (576); [*saftian*]: *kordovan* 'saftian, cordovano, pellis cordubensis' (204). — RJA совсем не отмечает этого слова. — Из ср.-тур. *sahtijan* (⩽перс. *sahtijan*) 'сафьян'.

[surla]: *sviralla* 'surla, sampogna, flauto, fistula, -ae, gingrus, -gri, calamus, -i, monalus, -li' (676). — Из разговорного ср.-тур. *surla* (⩽перс. *sūrnā*) 'зурна, вид музыкального инструмента'.

šator: *scjator od vojske* 'padigljone da guerra, tabernaculum, tentorium, -ii' (585). — Из ср.-тур. *šator* (=совр. тур. čadir⩽перс. *čādir*), засвидетельствованного в турецких транскрибированных текстах, 1544—1548 гг.: *sator* 'tentorium' (Georg. 119).

šinik: *sciník* 'mjerra, tumulo, moggio, hic modius, -ii' (583); *osmák* 'sciník mjerra, tumulo, moggio, hic modius, -ii (386); *stár* 'scinik, mjerra za sgitto, moggio, hic modius, -ii' (652). — Из ср.-тур. *šinik* (⩽н.-греч. диал. [Восточные Спорады] σ(o)ινίκι = литер. χοινίκι(ον)) 'мера зерна'.

šukundid*: *scjukundid* 'terzo avo, tritavus, -vi' (585). — Сложение из *šukun* (⩽**čukun* ⩽ср.-тур. разговорное *kükün* = совр. тур. литер. *kökün* 'семья; место рождения') + с.-хорв. *did* (⩽праслав. **dědъ*) 'дед'.

tabak: *tabak* 'májstor koji kosge stroji, cuojajo, concjator di corami, coriarius, -ii, alutarius, -ii' (679). — Из ср.-тур. *tabak* (⩽араб. *debbāg*) 'кожевник, дубильщик'.

tambur: *tambur* 'liuto, fides, -dis'; *tko udarà ù tambur* 'sonator di liuto, fidicen, -is' (680). Из ср.-тур. *tambur* (⩽араб. *ṭunbūr*) 'шестиструнный музыкальный инструмент'.

[tefter]: *upisati ú kgnigu, ú tefter* 'metter al libro, referre in codicem' (732). — Из ср.-тур. *tefter* (⩽ср.-греч. διφθέρι), засвидетельствованного в турецких транскрибированных текстах, 1533 г.: *tefter* 'libro dei conti' (Arg. I 174[t]); 1611: *teuter* (Fer. 216).

telal: *telal* 'lice trubnik, banditore, praeco, -is, buccinator, -ris' (684). — Из ср.-тур. *tell'al* (⩽араб. *dellāl*), засвидетельствованного в турецких транскрибированных текстах, 1533 г.: *tellál* 'sensale' (Arg. I 247[t]).

terezija: *terezia* 'pjumbino, archipendolo, perpendiculum, -li' (685). — Из ср.-тур. *terezi* (⩽перс. *terāzū*), засвидетельствованного в турецких транскрибированных текстах, 1615 г.: *terezi* 'wagá' (Paszk. 139).

testija: *karcjágh, krricjág* 'testia, brocca, vaso di terra, fiasco, haec lagena, -ae, amphora, -ae' (187). — Из ср.-тур. *testi* ~ *testü* (⩽перс. *destī*), засвидетельствованного в турецких

---

* Более вероятна, однако, этимология сербохорв. *шукундед, чукундед, шукуњед, шикуњед* 'прапрадед' из романского источника, ср. лат. *secundus* 'второй, следующий' и структуру ит. *bisavo* 'прапрадед'. См.: О. Н. Трубачев. История славянских терминов родства. М., 1959, стр. 70. — *Прим. ред.*

транскрибированных текстах, 1544—1548 гг.: *testu* 'anaphora' (Georg. 120); 1615: *testu* 'dzbán' (Paszk. 134).

[testir]: *uzeti komu oblást al testír* 'togljer la licenza, adimere facultatem' (754). — Из ср.-тур. *testir* (⩽перс. *destur*) 'разрешение; свидетельство, диплом подмастерья'.

tezgera: *tezghera* 'nosilla za nositi zēglju, barella, crates, -tis' (688). — Из разговорного ср.-тур. *tezgere* (=совр. тур. литер. *teskere* ⩽перс. *destgāre*) 'носилки'.

[top]: *lumbarda* 'top, artigljaria, bombarda, tormentum aeneum vel bellicum' (238). — Из ср.-тур. *top* 'пушка, орудие'.

torba: *torba* 'bulgja, ualigja, pera, -ae, bulga, -ae, mantica, -ae, atcopera, -ae, hippopera, -ae, corycium, -ii' (695). — Из ср.-тур. *torba* 'сумка, мешок'.

ulaka: *ulaka* 'kgnigonoscja na koynu tekucchi, postigljone, cursor, -is, veredarius, -ii' (724). — Из ср.-тур. *ulak*, засвидетельствованного в турецких транскрибированных текстах, 1544—1548 г.: *vloklar*, *ulachlar* 'nuntius' (Georg. 121).

utija: *utia* 'ferro de suppressare, prelum sartoris, pressorium, -ii, ferrum pressorium' (744). — Из ср.-тур. *üti* ∽ *ütü* 'утюг'.

vilajet: *silaj* 'vilaet, domovina, mjesto ghdi tko stoji, paese, patria, patria, -ae, sedes, -is, regio, alicuius patrii pars' (604). — Из ср.-тур. *vilajet* (⩽араб. *wilājet*), засвидетельствованного в турецких транскрибированных текстах, 1533 г.: *villaétt* 'paese' (Arg. I 208[t]); 1641: *vilaiet* 'paese, patria' (Mol.: *paese*).

zahara: *zahara* 'confettioni, bellaria, -orum, tragemata, hypotrimata mensae secundae' (800). — Из ср.-тур. *zahare* (=совр. тур. *zahire* ⩽араб. *ḏehīre*) 'провиант, съестные припасы'.

zanat: *zanat* vidi *mesctria* (823); *ciniti zanat al iinu stvar* 'essercitare, exerceo, -es, colo, -is, -lui, -tum' (39); *zanat od cjaranja* 'artemagica, magicae, -es, ars magica' (41); *zanat od çrevgljara* 'arte di calzolaro, ars sutoria' (51); *zanat od gonetanja* 'arte dell'indovinare, aruspicina, -ae' (114); *majstor tko umi zanat* 'artegjano, artifex, -cis' (130); *zanat od kuhanja* 'arte della cucina, popinaria, -ae, coquinaria, -ae, culinaria, -ae' (221); *zanát od mastenja* 'arte di tintore, fullonica, -ae' (246); *mesctar od koga zanata* 'sosctar, majstor, maestro, artegjano, hic magister, -i, opifex, -cis' (249); *cinit zanat cd mornara* 'far l'arte di marinaro, facere nauicullariam' (265); *meštrija: mestria* 'zanat, arte, haec ars, -tis' (249); *hitróst* 'zanát, arte, haec ars, -tis, artificium, -ii, opificium, -ii, ratio faciendi' (130). — Из разговорного ср.-тур. *zanat* (⩽араб. *ṣan'at*), засвидетельствованного в несколько иной форме в турецких транскрибированных текстах, 1533 г.: *xanachát* 'exercitio et arte' (Arg. I 123[r]).

zare: *zare* 'kosctiçe, kojim se igra, dadi, tessera, -ae, talus, taxillus, -il' (800). — Из ср.-тур. *zar* (⩽разговорное араб. *zahr*) 'игральная кость'.

Перевод с польского *О. Н. Трубачева*

Л. А. Гиндин

ДОГРЕЧЕСКО-МАЛОАЗИЙСКИЕ ЛЕКСИКО-ОНОМАСТИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ

Проблема догреческо-малоазийских ономастических связей имеет почти вековую историю, если считать, что начало систематическим исследованиям в этой области было положено К. Паули, убедительно показавшим на обширном материале поразительное тождество догреческих и малоазийских ономастических основ и словообразующих элементов [1]. Благодаря энциклопедическим знаниям и удивительной интуиции П. Кречмера проблема в ее фактической части приобрела для всего довоенного периода достаточно строгий и, мы бы сказали, классический вид. Независимо от устаревших в значительной мере гипотез Кречмера общего порядка некоторые его работы и теперь не потеряли своего значения [2]. Во всяком случае, трудно назвать другую книгу, столь же долго сохранявшую свою свежесть и актуальность, как его «Einleitung» [3].

---

[1] C. P a u l i. Eine vorgriechische Inschrift von Lemnos (=«Altitalische Forschungen» II, Abt. 1. Leipzig, 1886). Значительно ранее А. Ф. Потт указал на соответствие догреческих топонимических суффиксов -νϑ- и -σ(σ)- малоазийским суффиксам -*nd*- и -*ss*- в географических названиях (A. F. P o t t. Die Personennamen. Leipzig, 1853, стр. 451); см. также: G. M e y e r. Die Karier. — BB X, 1886, стр. 147.

[2] Назовем самые значительные из работ Кречмера, имеющих непосредственное отношение к нашей проблеме: «Einleitung in die Geschichte der griechischen Sprache». Göttingen, 1896; «Die vorgriechischen Sprach- und Volksschichten» I—II. — «Glotta» XXVIII, 1940, стр. 231 сл.; XXX, 1943, стр. 84 сл. (полная библиография его трудов, включающая около 350 названий, помещена в кн.: «ΜΝΗΜΗΣ ΧΑΡΙΝ. Gedenkschrift P. Kretschmer» II. Wien, 1957, стр. XXIX—XL).

[3] В отличие от Кречмера, сделавшего в «Einleitung» упор на малоазийский материал, но и не без его влияния, А. Фик в двух книгах, особенно в первой, подверг систематическому и исчерпывающему для своего времени обзору догреческую топонимию в ее отношении к малоазийской (A. F i c k. Vorgriechische Ortsnamen als Quelle für die Vorgeschichte Griechenlands. Göttingen, 1905; далее — F i c k. Vorgr. ON); О н ж е. Hattiden und Danubier in Griechenland. Göttingen, 1909); причем коллекция догреческих названий скорее грешит чрезмерной полнотой, нежели пропусками. Опираясь на список Фика, Хейли провел дальнейшую классификацию догреческих географических названий с распределением их на пять групп и нанесением первых трех на карту: 1-я группа включает догреческие названия, целиком совпадающие с малоазийскими; 2-я — названия, идентичные с малоазийскими по основам; и 3-я — по суффиксам (J. B. H a l l e y. The Geo-

Однако в этом примечательном моменте, возможно, кроется и другое, более прозаическое обстоятельство: вплоть до 40-х годов слишком беден был приток новых фактов, могущих кардинально повлиять на постановку проблемы в целом. Поскольку единство определенной части древнейшего слоя ономастики Эгейского бассейна с самого начала было очевидным и никем a limine не подвергалось сомнению, изменение ситуации, сложившейся в догреческом языкознании с его методами внутренней и внешней реконструкции исчезнувших языков, могло наступить лишь в меру прогресса исследований по древнейшим языкам Восточной Эгеиды и сопредельных областей.

И действительно, только в послевоенные годы, когда появился ряд фундаментальных трудов в области индоевропейских и неиндоевропейских языков древней Анатолии [4], открылись новые перспективы и более реальные возможности для фронтального сопоставления догреческого языкового слоя с ономастикой и апелла-

---

graphical Distribution of Pre-Greek Place-Names — в совместной с Блегеном (C. W. Blegen) статье «The Coming of the Greeks». — AJA XXXII, 1928, стр. 141 сл.).

[4] См. наиболее важные из работ, касающиеся ономастики: E. Laroche. Recherches sur les noms des dieux hittites. Paris, 1947; Он же. Recueil d'onomastique hittite. Paris, 1952 (далее — Laroche. Onomastique); Он же. Études sur les hiéroglyphes hittites. — «Syria» XXX, 1954, стр. 99 сл.; XXXIII, 1956, стр. 131 сл.; XXXV, 1958, стр. 253 сл. (далее. — Laroche. Etudes HH); Он же. Notes de Toponymie Anatolienne. — «Gedenkschrift P. Kretschmer II», стр. 1 сл. (далее — Laroche. Notes de Toponymie); Он же. Les hiéroglyphes hittites I. Paris, 1960 (далее — Laroche HH); Он же. Etudes de toponymie anatolienne. — RHA XIX, 69, 1961, 57 сл. (далее — Laroche. Etudes de toponymie); A. Goetze. Same Groups of Ancient Anatolian Proper Names. — «Language» 30, 3, 1954, стр. 349 сл. (далее — Goetze. Anat. Proper Names); Он же. The Theophorous Elements of the Anatolian Proper Names from Cappadocia. — «Language» 29, 3, 1953; Он же. The Linguistic Continuity of Anatolia as Shown by its Proper Names. — JCS VIII, 2, 1959, стр. 74 сл.; Он же. Suffixes in «Kanishite» Proper Names. — RHA XVIII, 66—67, 1960, стр. 45; Он же. Cilicians. — JCS XVI, 2, 1962, стр. 48; J. Garstang, O. R. Gurney. The Geography of the Hittite Empire. London, 1959 (далее — Garstang — Gurney. Geography); A. Kammenhuber. Nominalkomposition in den altanatolischen Sprachen des 2. Jahrtausends. — KZ 77, 3—4, 1961, стр. 162 сл.; O. Carruba. Lydisch und Lyder. - MIOF VIII 3, 1963, стр. 383 (далее — Carruba. LuL); R. Gusmani. Lydisches Wörterbuch. Heidelberg, 1964; G. Neumann. Untersuchungen zum Weiterleben hethitischen und luwischen Sprachgutes in hellenistischer und römischer Zeit. Wiesbaden, 1961; Ph. H. J. Houwink ten Cate. The Luwian population groups of Lycia and Cilicia Aspera during the Hellenistic period. Leiden, 1961 (далее — Houwink ten Cate); В. В. Шеворошкин. Карийский язык. Современное состояние дешифровки и изучения. — Сб. «Проблемы индоевропейского языкознания». М., 1964, стр. 19 сл.; Он же. Малоазийские языковые параллели. — Сб. «Этимология 1964». М., 1965, стр. 142 сл.; Vitali V. Ševoroškin. Zur karischen Schrift und Sprache. — «Kadmos» III, 1, 1964, стр. 72; L. Zgusta. Kleinasiatische Personennamen. Prag, 1964 (далее — Zgusta, KPN); Он же. Anatolische Personennamensippen I—II. Prag, 1964. (далее — Zgusta. Anat. PN).

тивной лексикой, засвидетельствованными в малоазийских письменных памятниках: хеттских клинописных, лувийских иероглифических и в менее многочисленных ликийских, лидийских и карийских.

Отдельные работы, вышедшие за рубежом, и некоторые предварительные исследования, проводимые автором настоящей статьи, убеждают в том, что подобное сопоставление поможет в итоге вычленить в гетерогенном догреческом языковом субстрате слой малоазийского происхождения, непосредственно восходящий к исторически засвидетельствованным языкам хетто-лувийской группы; судя по многим обстоятельствам, размеры этого слоя были достаточно велики [5].

В немалой степени такой постановке вопроса способствует расшифровка крито-микенских табличек линейного письма Б и частично А, с успехом осуществляемая также в послевоенный период [6], благодаря чему в научный оборот были пущены факты самой ранней фиксации одного из архаических диалектов греческого языка, по отношению же к памятникам письма А — каких-то негреческих языков, что в свою очередь стимулировало возникновение некоторых конструктивных идей, основанных на новых фактах, о присутствии на Крите и материковой Греции до прихода туда греков и несколько позже малоазийского этнического элемента. Не имея возможности в рамках небольшой статьи фактического характера вдаваться в подробности, укажем лишь, отнюдь не умаляя значения ряда рациональных моментов, на необходимость тщательной проверки всех гипотез (например, построений Палмера, Хаксли и отдельных выводов Хойбека), опирающихся на данные еще далекой от совершенства интерпретации памятников линейного письма А[7] и на смелые предположения некоторых археологов и историков (Дж. Меллаарт, С. Ллойд,

---

[5] См.: A. Heubeck. Lydiaka. Erlangen, 1959 и особенно: Он же. Praegraeca. Erlangen, 1961; G. Huxley. Crete and the Luwians. Oxford, 1961 (далее — Huxley); L. R. Palmer. Mycenaeans and Minoans. New York, 1962 и его более ранние работы; Л. А. Гиндин. Малоазийско-догреческое происхождение греческого топонима Ἀρίσβη.— Сб. «Топонимика Востока». М., 1967. Ср.: F. Schachermeyr. Lywier auf Kreta? — «Kadmos» I, 1, 1962, стр. 27 сл.

[6] Наиболее достоверные результаты десятилетней работы по расшифровке памятников письма Б отобраны в кн.: J. Chadwick, L. Baumbach. The Mycenaean Greek Vocabulary. — «Glotta» XLI, 3—4, стр. 157—271; ср.: O. Landau. Mykenisch-griechische Personennamen. Göteborg, 1958 (в книге содержится богатый, но весьма спорно истолкованный ономастический материал, отраженный в крито-микенских документах обоих видов). О дешифровке линейного письма А см.: E. Peruzzi. Le iscrizioni minoiche. Firenze, 1960; Э. Перуцци. Структура и язык минойских надписей. — ВЯ, 1960, № 3, стр. 17 сл., так же литература, указанная в прим. 7.

[7] E. Peruzzi. Recent Interpretations of Minoan (Linear A.) — «Word» 15, 2, 1959, стр. 313 сл.; С. Я. Лурье, И. Д. Амусин. К вопросу о языке линейного А. — ВДИ, 1963, № 4, стр. 198 сл.

Ф. Хампль и др.[8]), в итоге повлекшие за собой пересмотр традиционной датировки прихода греков в западную Эгеиду.

В кругу сопоставимой догреческой и малоазийской ономастики, дошедшей в греческой передаче, особое место занимают названия совершенно тождественные или с небольшими фонетическими отклонениями, встречающиеся на территории Эллады и Анатолии. Несмотря на то, что число таких тождеств весьма значительно, они не только со времени выхода указанной книги Фика никем в совокупности не подвергались рассмотрению, но вообще часто не принимались в расчет. Притом в очень полезной и сейчас книге Фика по вполне понятным причинам, строго говоря, отсутствует анализ самих названий, тем более этимологический. Автор ограничивается указанием на территориальную принадлежность внешне совпадающих названий, что само по себе ни в коей мере не ограждает от коллекционирования случайных созвучий.

К такому положению привело частично, видимо, нежелание углубляться в рискованную проблематику, а до определенного момента — просто невозможность в подавляющем числе случаев отграничить истинные догреческо-малоазийские тождества, которые могли возникнуть только в результате древнейших этнических инвазий из Малой Азии на Эгейские острова и далее на юг Балканского п-ва до проникновения в этот район греков, от тождественных названий, получившихся вследствие случайной омонимии, сближения по народной этимологии, нивелировки при греческой адаптации туземных топонимов или, наконец, от топонимов, вторично распространившихся во время колонизации греками Передней Азии, не прекращающейся с последней четверти II тысячелетия и принявшей в период эллинизма необычайно широкие размеры. Последнее обстоятельство наиболее существенно, так как вследствие многовековой и многоэтапной колонизации в Передней Азии и северо-западных областях Африки оказалось пугающе большое число географических названий, идентичных названиям на юге Балкан, из-за чего древнейшее состояние ономастики этих районов предстает в значительной мере стертым и завуалированным, искаженным многими позднейшими напластованиями.

Тем не менее нам кажется, что, руководствуясь рядом требований, уже на современном этапе наших знаний о языках Эгеиды и сопредельных территорий выделение древнейшего догреческо-малоазийского ономастического пласта во многих случаях осу-

---

[8] См.: J. Mellaart. The End of the Early Bronze Age in Anatolia and the Aegean. — AJA 62, 1958, стр. 9 сл.; Он же. Anatolia and the Balkans. — «Antiquity», XXXIV, 136, 1960, стр. 270 сл.; F. Hampl. Die Chronologie der Einwanderung der griechischen Stämme und das Problem der Nationalität der Träger der mykenischen Kultur. — «Museum Helveticum» 17, 2, 1960, стр. 57 сл.

ществимо с превышающей риск долей вероятия. Требования следующие.

А. 1. Не рассматривать имена собственные (здесь и ниже речь идет об именах, встречающихся на территории Эллады и в Передней Азии), прозрачно соотносимые с исконно греческими апеллативами или имеющими чисто греческий словообразовательный облик; 2. Не учитывать большую часть географических названий, которые при отсутствии греческой этимологии [9] не обладают выраженным догреческим или малоазийским морфемным типом и встречаются в ареале, превышающем территорию древней Анатолии, хотя в числе отброшенных могут оказаться названия, восходящие к древнейшему периоду; 3. Не анализировать в интересующем нас плане географических названий, связанных с именами популярных греческих божеств, несмотря на их малоазийское происхождение.

В. 1. Подвергнуть специальному изучению идентичные (resp. тождественные) догреческо-малоазийские имена собственные, кроме греко-римских античных источников, засвидетельствованные в анатолийских письменных памятниках, см., например, местные названия: догреч. крит. Ἄλασσα, писид. Αλασσα — хет. кл. *Allašša*, ср. хет. кл. *Allanda* [10]; догреч. крит. Πύρανθος, кар. Πυρινδος — хет. кл. *Puranda* (Арцава) [11]; 2. Исследовать подобные же имена, соотносимые с анатолийскими, реже с догреческими апеллативами, такие, например, как догреч. Περγασή (дем в Аттике), м.-аз. Παργαση (община в Карии) и др. — хет. кл. *parku-* 'высокий' [12]. Нередко наблюдаются случаи, совмещающие обе ситуации: догреч. Παρνασ(σ)ός (гора на границе Фокиды и Локриды), м.-аз. Παρνασ(σ)ος (город в Каппадокии) — хет. кл. *Parnašša* — хет. и лув. *parna-* 'дом' [13]; догреч. Πήδασος (город в Мессении), м.-аз. Πήδασος (город лелегов в Троаде), Πηδασα/ος (город в Карии) — хет. кл. *Petašša* — возможно, хет. кл. *peda* 'место' [14].

Разумеется, указанные правила не могут покрыть всех ситуаций, возникающих при исследовании столь многоаспектной проблемы. Иногда, к примеру, в отдельных счастливых случаях догреческо-малоазийская основа, засвидетельствованная в анатолийской ономастике или апеллативной лексике, сама оказывается в малоазийских языках негреческим заимствованием из соседних либо субстратных языков, что неопровержимо доказывает про-

[9] Возможны два случая: либо имя собственное не имеет соотносимого греческого апеллатива, либо для соответствующего апеллатива не существует греческой этимологии.

[10] L a r o c h e. Notes de Toponymie, стр. 3.

[11] L a r o c h e. Etudes de toponymie, стр. 69; G a r s t a n g - G u r n e y. Geography, стр. 86.

[12] F r i e d r i c h, стр. 161.

[13] L a r o c h e. Notes de Toponymie, стр. 5.

[14] Там же.

никновение дериватов данной основы на территорию Эллады через посредство анатолийских (хеттолувийских) этнических элементов [15].

Ниже в соответствии с изложенным рассматриваются производные двух догреческо-малоазийских ономастических основ.

**Luk(a/i)-*

Ономастическая основа *Luk(a)-* представлена не только в малоазийских именах собственных, дошедших в греческой передаче, но и засвидетельствована в хет. кл. *Lukkā* — названии обширной страны, расположенной на юго-западе анатолийского п-ва [16], см.: LÚ^{MEŠ} *Lu-uk-ka-a* из письма Тавагалавы царю Ахийявы I, 3 (KUB XIV, 3); ^{URU}*Lu-uk-ka-aš* в договоре Муватталиса с Александусом из Вилусы (J. Friedrich. Staatsverträge des Ḫatti-Reiches in hethitischer Sprache II. Leipzig, 1930, стр. 95).

На территории материковой Греции и Крите им соответствует, возможно, немалое число имен собственных с тождественной основой Λυκ(α)- [17]. Однако их выявление сопряжено подчас с непреодолимыми трудностями, так как малоазийско-догреческие имена собственные, производные от основы *luk(a)-* < и.-е. **leuk-* 'светить; белый etc.', ср. хет. кл. *luk(k)-* 'hell werden, tagen' (Friedrich, стр. 130), лув. *luḫa* 'свет?' (Laroche, DLL, стр. 63), совпали и контаминировались для греков с производными от исконно греческой ономастической основы, восходящей к и.-е. **luk^{w}-* : **wlk^{w}-* 'волк', ср. греч. λύκος, а также с чисто греческими дериватами нулевой ступени того же **leuk-*, которая, как и в анатолийских языках, в греческом могла давать *luk-*, ср. греч. λύγδος 'белый мрамор', λυκαυγής 'dämmerig', λυκόφως 'Dämmerung', λύχνος 'Leuchte' (Hofmann, стр. 178).

Обратимся сначала к малоазийской ономастике с основой *Luk(a/i)-*.

Связь между греческими названиями анатолийских областей Λυκία, эп. Λυκίη (местность в юго-западной части Малой Азии) [18], Λυκαονία (местность в южной части Малой Азии между Писидией и Каппадокией) и хет. кл. *Lukkā* замечена давно, но лишь в последнее время возникли условия для, пожалуй, бесспорного

---

[15] Л. А. Гиндин. Указ. соч.

[16] Подробные сведения о стране *Lukkā* см.: Garstang—Gurney. Geography, стр. 75 сл.

[17] Относительно некоторых догреческих названий уже Фик пришел к тому же предположению, сопоставив их с этнонимом *Lukki*, сохранившимся в клинописных табличках египетского архива из Тель-Амарны (Fick. Vorgr. ON, стр. 132, 92).

[18] То же название, по Гомеру и схолиям к отдельным стихам Илиады, носила область на северо-западе Малой Азии у подножья Иды, с главным городом Зелея; в одной схолии эта область названа Τρωϊκή (см.: Pape-Benseler II, стр. 822).

утверждения, что Λυκία, точнее, ее более ранняя форма *Λυκα, отраженная в эпитете Аполлона Λυκηγενής[19], в этнониме Λυκάονες, resp. Λυκαονία, является греческой передачей хет. кл. *Lukkā-*[20], а не наоборот, как, например, предполагал Кречмер, считавший Λύκιοι первоначально греческим племенем, поклонявшимся Аполлону Λύκειος — букв. 'волчьему', варваризированным после переселения еще до XIV в. в Малую Азию. Согласно Кречмеру, название страны ликийцев *Λυκα нашло отражение в хеттских клинописных источниках в качестве *Lukkā*, а в египетских с XIV в. до н. э. — *L(u)-k(a)*[21].

В одной из своих последних работ Ларош блестяще доказал исконность и идентичность м.-аз. **Luka* и *lu(w)ija*[22] (к формам без интервокального w ср.: *luium(a)naš* 'лувиец' — Laroche,

[19] В античной литературе встречаются все три возможных толкования этого гомеровского ἄπαξ (Илиада, 101, 119): 'сын света', 'рожденный в Ликии' и 'сын волка', см.: W. Pape—G. Benseler. Wörterbuch der griechischen Eigennamen II. Braunschweig, 1911, стр. 822 (далее — Pape—Benseler). Учитывая малоазийское происхождение бога Аполлона и некоторые моменты, изложенные ниже, предпочтительнее интерпретация 'Аполлон, рожденный в Ликии', 'Аполлон ликийский', ср. Ζεὺς Κρηταγενής, также Λύκιος Ἀπόλλων (Φοῖβη); между прочим, последняя точка зрения отражена в схолии к указанному стиху Илиады, ее же придерживался Кречмер, впервые сопоставивший основу *Λυκη- с хет. кл. *Lukkā-* (P. Kretschmer. Die Hypachäer. — «Glotta» 21, 1933, стр. 228 и др.; ср.: A. Heubeck. Praegraeca, стр. 54; Frisk II, стр. 143). Малоубедительная догреческая пеласгская этимология у Ван-Виндекенса (A. J. Van Windekens. Homerica et Pelasgica. — «Minoica», 1958, стр. 446 сл.; Он же. Λυκαβηττός. — BNF 5, 1, стр. 31). Поскольку первая часть, Λυκη-, вместе с другими эпитетами Аполлона — Λύκιος, Λύκειος, названием горы в Аттике Λυκαβηττός и апеллативом λυκάβας, -αντος — обычно 'год' (в отдельных контекстах значение неясно) возводится им в конечном счете к и.-е.* *leuk-*, то ничто не мешает считать Λυκη- формально чисто греческим образованием, хотя это вряд ли возможно (см.: Hofmann, *s. v.*; Frisk, стр. 142 сл.); ср. о Λυκαβηττός от λυκάβας с помощью греческого (?) суффикса -(ν)τ-ιο-: Vl. Georgiev. La toponymie ancienne de la péninsule Balkanique et la thèse méditeranéenne. Sofia, 1961, стр. 43); в то же время всякая негреческая этимология столь продуктивного для греческой ономастики второго компонента -γενης, как и попытка Ван-Виндекенса, выглядит совершенно искусственно. В частности, о пеласгской этимологии Λυκηγενής Фриск вполне справедливо заметил: «pelasgische Deutung abenteuerlichster Art».

[20] Ср.: F. Sommer. Aḫḫijavāfrage und Sprachwissenschaft. — «Abhandlungen der Bayerischen Akademie der Wissenschaften». Neue Folge, Heft 9. München, 1934, стр. 61 сл.; F. Schachermeyr. Hethiter und Achäer. — «Mitteilungen der altorientalischen Gesellschaft» IX, 1—2. Leipzig, 1935, стр. 57.

[21] См.: P. Kretschmer. Der Name der Lykier und andere kleinasiatische Völkernamen. «Kleinasiatische Forschungen» I, 1927, стр. 14 сл. (то же самое — «Glotta» 18, 1930, стр. 232 сл.); Он же. Nochmals die Hypachäer und Alaksandus. — «Glotta» 24, 1936, стр. 238 сл. Гипотеза Кречмера получила резкое и совершенно справедливое возражение со стороны Зоммера (F. Sommer. Указ. соч., особенно стр. 66).

[22] E. Laroche. Etudes lexicales et étymologiques sur le hittite. — BSL 58, 1, стр. 79; ср.: Laroche. DLL, стр. 64 сл., с литературой.

DLL, стр. 64); будучи производными от общеанатолийской основы **luk-*, первое название представляет собой ее хеттолувийскую трактовку, второе — только лувийскую, с помощью расширителя *-i-*. В указанной статье Ларош собрал материал, убедительно показывающий, что в лувийском языке в некоторых случаях гуттуральный спирантизировался и затем исчезал, например общеанат. **mek*, расширенное посредством *-i-*, давало в хеттском *mekki* 'viel', а в лувийском — *mai* то же, ср. еще хет. *tegan* 'земля' ~ лув. tijammi- то же. Этап спирантизации, кроме лув. апеллатива *luḫa* 'свет', отражен в принадлежащем, видимо, сюда же иер. хет. ЛИ *Lu-ḫi-(a)-*[23] (Laroche, Onomastique, стр. 57). Указанный процесс не был общелувийским и имел, видимо, диалектную основу.

Надо сказать, что толкование Лароша, опирающееся на лексический материал, сохранившийся в хеттских памятниках, исключает распространенную этимологию *Lu(w)i* < и.-е.* *luk^{u}-*, базирующуюся на написании UR.BAR.RA-*i-li* (ВОЛК-*i-li*), истолкованном 'по-лувийски'[24]; однако контекст, как справедливо отметил Рейхерт в рецензии на указанную книгу Кронассера, дает основания для интерпретации этого написания лишь в смысле 'по-волчьи' (о крике мальчика)[25]. Между прочим, согласно В. В. Шевороткину, в карийском засвидетельствована форма *λuke*, которая может восходить лишь к **luka/i-*; из **luk^{u}a/i-* в карийском должно получиться* *λukue*[26].

Кроме упоминавшихся малоазийских имен собственных, содержащих основу *Luk(a)-*, в греческой передаче сохранились: Λύκος (1. название рек в Киликии, Лидии и в других областях Малой Азии; 2. река на Кипре; 3. распространенное ЛИ в Малой Азии и Греции, ЛИ в греческой мифологии[27]), Λυκιδη (город в Мизии), ср. Λυκίδας (ЛИ в Греции и Фригии), Λυκανδος (МН[28] в Каппадокии), Λυκαστος (город и река в Понте), Λυγδαμις (ЛИ в Карии)[29].

---

[23] Здесь и ниже ЛИ=личное имя. Относительно спирантизации *k* ср.: Laroche. DLL, стр. 135.

[24] См.: H. Kronasser. Vergleichende Laut- und Formenlehre des Hethitischen. Heidelberg, 1956, стр. 15; В. Георгиев. Исследования по сравнительно-историческому языкознанию. М., 1958, стр. 157 сл.; Huxley, стр. 21.

[25] F. Reichert. [Рец. на указ. книгу Кронассера.] — RHA XIV, 59, 1956, стр. 137.

[26] В. В. Шевороткин. [Рец. на кн.:] G. Huxley. Crete and the Luwians. — Сб. «Этимология. 1964». М., 1965, стр. 383.

[27] Большая часть употреблений Λύκος в качестве греческого личного имени, включая мифологию, несомненно, этимологически соотносится с греческим апеллативом λύκος 'волк'.

[28] Здесь и ниже МН=местное название.

[29] Все анатолийские имена собственные, дошедшие в греческой передаче, даются по указанному словарю Папе—Бензелера и по кн.: J. Sundwall. Die einheimischen Namen der Lykier nebst einem Verzeichnisse kleinasiatischer

За исключением Λύκος и Λυγδαμις, которые могут восходить к первоначальному значению производящей основы 'светлый', все прочие, видимо, происходят от той же основы в этнонимической функции.

Теперь перейдем к анализу догреческого ономастического материала. Ввиду невозможности выделить с достаточной уверенностью все догреческие имена собственные с малоазийско-догреческой основой *Luk(a)-* в массе греческих производных от омонимичных основ, мы заострим свое внимание на названиях, тождественных для Малой Азии и Греции, а также на тех, которые имеют формально выраженные догреческие или малоазийские признаки. Задача несколько облегчается еще тем, что дериваты м.-аз. основы **Luk(a)-* в пределах Эллады, как и следовало ожидать, по большей части имеют *а* в исходе основы.

Прежде всего следует указать на древнее название Аркадии [30] Λυκαονία, удивительным образом совпадающее с упоминавшимся греческим наименованием малоазийской области. При этом необходимо отметить, что если Λυκία (< *Λυκα-) определенно является греческой передачей туземного м.-аз. **Luka* (хет. *Lukkā*) с последующей обработкой по продуктивной греческой модели, ср.: Λακεδαιμονία, Παιονία и пр., то для топонима Λυκα(F)ονία непосредственный анатолийский прототип названия страны не отмечен. Вероятнее всего предположить в нем греческое образование на базе малоазийского (хеттолувийского) этнонима **Luka-wana* букв. 'житель страны *Lukkā*', зафиксированного в греческой передаче или греческом эквиваленте Λυκά-(F)ονες 'народ, обитающий в Ликаонии, resp. в Ликии'; *-wana/i-* типичный лувийский этникон-суффикс, ср. *Halpa-wana* 'житель города *Halpa*', *Asura-wana* 'житель страны *Asur(a)*', 'ассириец', *Adana-wana* 'житель города *Adana*', лув. кл. *Ninuwa-wanna* 'житель города *Ninuwa*' и др.[31] Поэтому можно думать, что античные греки, столкнувшись в Малой Азии с народом, называвшим себя **Lukawana*, усвоили туземный (хеттолувийский) этноним в форме Λυκά(F)ονες и уже от него образовали Λυκα(F)ονία — название страны (области), где обитал этот народ. В свою очередь этноним Λύκιοι, более поздний, видимо, дублет к Λυκά(F)ονες, непосредственно образован от греческого названия страны *Λυκα, ср. ἐγ-, ἐπιχώριοι — χώρα, или даже от Λυκία [32].

Namenstämme. — «Klio», Beiheft 11, Leipzig, 1913; личные имена проверены по кн.: L. Z'gusta. Kleinasiatische Personennamen. Prag, 1964.

[30] О греческом происхождении 'Αρκαδία см.: Frisk, s. v. 'Αρκάς, 'Αρκάδες; ср.: Fick. Vorgr. ON, стр. 92.

[31] См.: Laroche. Etudes HH XXXV, стр. 265; более подробно: P. Meriggi. Declinazione nominale dell'eteo geroglifico. — AGI XXXVIII, I, 1953, стр. 53 сл.

[32] Судя по частоте исхода -(α)Fον- у Гомера в греческих личных именах, главным образом мифологических, и апеллативах (см.: E. Schwyzer.

Изложенное выглядит как будто вполне правдоподобно. Поражает другое: каким образом могло появиться тождественное название на территории центральной Греции для второй по величине области Пелопоннеса? В силу греческого и сравнительно позднего происхождения наименования малоазийской страны мысль о перенесении из Азии готового географического названия отпадает сама собой. Остается предположить аналогичный параллельный словообразовательный процесс при возникновении слова Λυκαονία в качестве догреческого названия Аркадии и соответственно присутствие в этом районе племени (этнических элементов?) по имени **Luka-wana-* (~ Λυκα(F)ονες).

Некоторые наблюдения убеждают нас в правомерности такого предположения.

Именно в Аркадии засвидетельствовано несколько имен собственных, могущих определенно содержать основу, идентичную малоазийской основе **Luk(a)-*. В двух из них, кроме того, по-видимому, распознается малоазийский морфемно-словообразовательный тип.

Имя царя Аркадии, сына Пеласга, Λυκά(F)ων возводится к рассмотренному малоазийскому этникону **Luka-wana* с обработкой номинатива по очень древнему греческому образцу (ср. ἄξων, -ονος 'ось') [33]. Видимо, не случайно один ликийский царь и сын Приама носили то же самое имя, в котором этимологически вскрывается первичное значение 'житель, уроженец страны **Luka*', resp. 'ликиец'.

Второй знаменательный факт связан с интерпретацией названия аркадского города Λυκόα, несомненно, из более первоначального *Λυκόϝα с интервокальным лабиальным, сохранявшимся в большинстве греческих диалектов еще в историческую эпоху, в частности в аркадском, где имеется αϝεθλα в противоположность гом. ἄεθλον и др.[34] Поскольку в интересующем нас топониме лабиальный, вероятно, артикулировался полностью, Полибий, Павсаний и Стефан Византийский, писавшие на языке аттической прозы, передали суффиксальную часть через -οα при нетипичном для их языка зиянии, аналогично передаче подобного сочетания звуков в анатолийских именах собственных. Учитывая кучность топонимов, потенциально содержащих малоазийско-догреческую основу **Luk(a)-*,

---

Griechische Grammatik, I. München, 1939, стр. 521 с богатой литературой), суффиксальный элемент -Fον (или -Fων), возможно, имел чисто греческое происхождение, параллельное лув. (м.-аз.) этникон-суффиксу *-wana-* (см. об этом: A. Heubeck. Praegraeca, стр. 55; там же приведено несколько греческих личных имен на -άFον, отраженных в памятниках линейного письма Б, хорошо толкуемых на греческой почве).

[33] См.: P. Chantraine. La formation des noms en grec ancien. Paris, 1933, стр. 159; ср.: P. Kretschmer. Der Name der Lykier. . ., стр. 2.

[34] См.: E. Schwyzer. Указ. соч., стр. 313 сл.

как раз в Аркадии (прочие названия рассматриваются ниже), представляется целесообразным реконструировать *Λυκό(F)α в целом как *Luk(a)-uwa, идентифицировав -ο(F)α с распространенным в хеттолувийской топонимии и личных именах словообразовательным элементом -uwa[35], который определенно присутствует, например, в анатолийских топонимах: Ankulluwa, но Ankulla; Ḫišarluwa, но Ḫisarla; URUIsḫaruwa, но Isḫara (гора); Zalpuwa, но Zalpa и др.[36] В качестве хорошей лидийско-хеттской ономастической словообразовательной изоглоссы Карруба приводит ряд лидийских и хеттских личных имен на -uwa [лид. -ov(a)-]: лид. mKatovaś (греческая передача Καδοας)[37], mBentov-lis — хет. mGatuwa, mGadduwa, Paskuwa (кар. bsk-ove-)[38], mAdduwa, mAlluwa, mKarruwa[39].

Элемент -uwa-, видимо, входил в круг хеттолувийских суффиксов, имеющих билабиальный звук [w], и был связан генетически с суффиксом -wa-, содержащимся, к примеру, в названии лувийской страны Arzawa, в хеттском апеллативе arawa- 'свободный'; это -wa- Ларош возводит к индоевропейскому суффиксу *-wo-, ср. *dei-wo-, *kera-wo-[40], упоминавшемуся по поводу греческого именного суффикса -Fo-. Как и большинство ономастических суффиксов, элемент -uwa-, наряду с -wa и -wana, показывал отношение, принадлежность и т. п. В силу формальной и семантической близости -uwa и -wa их разграничение в малоазийских именах собственных с u-основами практически неосуществимо, ср., например, Aššuwa (страна на западе Малой Азии; Garstang—Gurney, Geography, стр. 105 сл.) — хет. кл. aššus 'хороший' (H. Kronasser, указ. соч., стр. 115) от именной u-основы aššu- 'Gut etc.' (Friedrich, стр. 37); Ḫaššuwa (название лувийской страны в области Киццувадна) с горой Ḫaššu (Garstang—Gurney, Geography, стр. 52 сл.) и масса других.

При транскрипции и усвоении греками анатолийских имен собственных элемент -uwa мог передаваться через -οα-, -ουα-, реже — -υα-; так именно обстоит дело с передачей продуктивных хеттолувийских ономастических основ с аналогичным

[35] Следует заметить, что в греческой топонимике встречаются несколько названий, оканчивающихся на архаический и не всегда ясный элемент -οα (см.: B. Hansen. Rückläufiges Wörterbuch der griechischen Eigennamen. Berlin, 1957, стр. 37; ср.: Fr. B. Bechtel. Die griechischen Dialekte I. Berlin, 1921, стр. 352 сл.). Каждое из них требует специального рассмотрения, в результате чего в некоторых может вскрыться м.-аз. uwa. Другая часть, видимо, этимологически выступает как nomina collectiva на -α с индоевропейским адъективным суффиксом *-wo- (ср.: P. Chantraine. Указ. соч., стр. 122 сл.; E. Schwyzer. Указ. соч., стр. 472 сл.).

[36] Laroche. Etudes HH XXXV, стр. 267.

[37] Ср.: Laroche. Onomastique, стр. 146.

[38] В. В. Шеворошкин. Карийский вопрос. . ., стр. 24.

[39] Carruba. Lul, стр. 402.

[40] E. Laroche. Hittite arawa- 'libre'. — «Hommages à Dumézil». Paris, 1960, стр. 126.

сочетанием звуков *muwa*, *tuwa*, *kuwa*[41]. В качестве конкретного примера передачи *-uwa* укажем на лик. ᶠΚιλλοη, ᵐΚιλλυας < **Kill(a)-uwa*, м.-аз. основа *Kill(a)-* в хет. кл. ЛИ ᵐ*Killa* (Laroche, Onomastique, № 297), писид. ᶠΚιλλαρα, лик. ᵐΚιληδος и др.[42]; исавр. ᶠΙννοα (Zgusta, KPN, § 471—5) < **Inn(a)-uwa*, ср. миз. ᶠΙννα (Zgusta, KPN, § 471—3, там же и др. ЛИ с этой основой); исавр. ᶠΛαλοα (Zgusta, KPN, § 790—2) < **Lal(a)-uwa*, ср. распространенное малоазийское ЛИ ᶠΛαλα (Zgusta, KPN, § 790—1, там же и др. ЛИ с этой основой).

Таким образом, изложенное с немалой степенью вероятности позволяет прийти к весьма важному для нас выводу: аркадский топоним Λυκόα первоначально обозначал не что иное, как 'город (поселение) племени *Luka', *resp.* 'ликийский (город)', ср. указанное выше *Ḫaššuwa* букв. 'страна горы *Ḫaššu*', 'страна с горой *Ḫaššu*.' В формальном отношении он был включен в малопродуктивный и архаический тип имен собственных на *-οα* (см. выше).

Число аркадских имен собственных, имеющих малоазийско-догреческую этнонимическую основу **Luka-*, не ограничивается двумя рассмотренными.

В Аркадии засвидетельствованы, но с чисто греческими словообразовательными чертами, еще следующие: название горы Λύκαιον, местное название Λυκαία, эпитет Зевса Λύκαιος, праздник в честь этого Зевса τά Λύκαια, учрежденный, согласно традиции, Ликаоном. Вне Аркадии эпитет Λύκαιος применялся также к Аполлону наряду с Λύκειον и Λύκιος, последнее в греческом значило просто 'ликийский', ср. анализированное выше Λυκηγενής; к соотношению форм на *-ειον* : *-ιος* ср. ἵππειος : ἵππιος, δούλειος : δούλιος.

Разумеется, для греков классического периода приведенные имена собственные ассоциировались с волком или светом; это, с одной стороны, отразилось в том, что рядом с Аполлоном иногда изображали волка [Павсаний (1, 19, 3) сообщает о подобной скульптурной группе], с другой стороны — в этимологических объяснениях, точнее, народноэтимологических тенденциях античных авторов.

В соседних Аркадии Аргосе и Коринфе, тесно связанном мифом о Беллерофонте с Ликией, также отмечены родственные имена собственные. В словаре Папе—Бензелера (II, стр. 820) помещено Λύκανδος и Λύκανθη, поставленные авторами словаря в какую-то связь с именем царя Коринфа Λύκαιθος, правившего после Беллерофонта; оно обнаружено еще в качестве мужского ЛИ в надписи с о. Кос. Эти имена интересны и независимо

[41] См.: H o u w i n k t e n C a t e, стр. 166 сл., 176 сл., 151 сл.; Z g u s t a. Anat. PN, стр. 157 сл., 36; у обоих приведен большой фактический материал.

[42] См.: J. S u n d w a l l. Указ. соч., стр. 106.

друг от друга, так как в них, наряду с легко вычленяемой основой *Luka-*, явно выступают догреческие словообразовательные черты. Кроме того, Λύκανδος полностью соответствует м.-аз. Λυκανδος (МН в Каппадокии), с типичной для догреческой и анатолийской топонимики трактовкой суффиксальной части (догреч. *-nth-* = м.-аз. *-nd-*, оба из и.-е. **-nt-*).

За пределами Аркадии, на Крите, засвидетельствованы еще два местных названия — Λύκτος и Λύκαστος; наличию в них малоазийско-догреческой основы **Luk(a)-* дополнительную вероятность придает локализация этих топонимов, поскольку, согласно историко-мифологической традиции, именно с Крита сын Миноса Сарпедон вывел ликийцев на западное побережье Малой Азии (Геродот 1, 173).

Помимо того, что Λύκτος поразительным образом совпадает с хет. кл. *lu-uk-ka-ta-aš*[43] (местечко в стране *Lukkā*[44]), с ним связано, по крайней мере, два других интересных наблюдения. По Гесихию, этот критский город имел также более древнее, видимо, название Καρνησσόπολις. Если основа **Karn-* принадлежит к старому «эгейскому» слою, о чем свидетельствует, возможно, ее ареал[45], то мы здесь встречаемся со сменой названий, отражающей смену этнических слоев, какую правомерно усмотреть в подобном же факте, что критский город Γόρτυν (топоним, несомненно, малоазийского происхождения[46]) ранее носил «эгейское» имя Λάρισα[47]. Позже Λύκτος подверглось дальнейшей грецизации и стало произноситься Λύττος (последняя форма наиболее распространена); аналогичный фонетический процесс в Ἀττικός < Ἀκτικός, διώττας· ἐργοδιώκτης (Гесихий)[48].

Кроме основы, на малоазийское происхождение крит. Λύκαστος может указывать также суффикс *-st-*, малопродуктивный в кругу чисто греческих первичных топонимических основ[49]; фессалийско-македонские этника Ἀζωριστaί, Φαλωριασταί, Ἐθνέστaι, Ἐορδισταί и др. возникли, видимо, под иллирийским влиянием[50].

Напротив, суффиксальный элемент *-st-* хорошо представлен в анатолийской индоевропейской ономастике с основами, засви-

---

[43] F. Sommer. Указ. соч., стр. 62.

[44] Garstang-Gurney. Geography, стр. 124.

[45] Хаксли сопоставляет Καρνησσόπολις etc. с лув. иер. *harnasa-* 'крепость' (Haxley, стр. 29); ср.: F. Schachermeyr. Luwier auf Kreta? стр. 37.

[46] См.: A. Heubeck. Praegraeca, стр. 58 сл.

[47] См.: Pape-Benseler II, стр. 775.

[48] См.: Fick. Vorgr. ON, стр. 13.

[49] Речь идет именно о топонимическом суффиксе, широко распространенном, например, в иллирийском и этрусском (см.: P. Kretschmer. Die vorgriechischen Sprach- und Volksschichten II. «Glotta» XXX, 1943, стр. 112 сл.), а не о греческом суффиксе превосходной степени *-ιστο-* или вторичном элементе *-στ-* (тип Τελέσ-τ-ος), очень часто встречающихся при образовании греческих личных имен.

[50] P. Kretschmer. Указ. соч., стр. 115.

детельствованными в раннехеттских текстах, например в лик. ЛИ Αρμαστα, лик. ЛИ Μαμαστα, кар. ЛИ Αλαστα, а также в кар. МН *Dimastos*, исавр. МП. Κασυστης и др.[51]

Элемент *-st-* в составе сложного суффикса *-asti* был живой словообразовательной единицей в лексической системе хеттского языка. С помощью *-asti* образовывались абстрактные существительные от прилагательных, обозначавших размер: *dalugašti* 'длина' от *dalugi-* 'длинный', *pargašti-* 'высота' от *parku* 'высокий', *palḫašti* 'ширина' от *palhi-* 'широкий'. Недавно Бенвенист предложил отказаться от традиционного взгляда, согласно которому хет. *-ašti* считалось полностью тождественным слав. *-ostь* с последующим возведением обоих к и.-е. **os*-|-**tei*. На большом сравнительном материале (особенно интересны армянские факты) он пришел к выводу, что, признавая вторичность хет. *-ašti*, нужно исходить из элемента *-šti* с предшествующим тематическим гласным *-a-*[52]. Следует указать еще на два лидийских слова с элементом *-asti* из надписи на саркофаге — *teśaśti* и *śrfaśti*, которые Хаас, сопоставив лид. *śrfa* с лик. *hrppi-* 'ober', интерпретировал в качестве форм превосходной степени 'oberes—unteres', 'vorderes—hinteres'[53].

Учитывая топонимическую функцию суффикса *-st-*, лучше всего истолковать Λύκαστος как '(по)селение, город народа *Luka, resp. ликийцев', ср. иллир. Λευκάριστος 'поселение Леукара' (Λεύκαρος — личное имя акарнанца).

Выше уже упоминалось, что Λύκαστος встречается в Малой Азии в качестве названия города и реки (Понт Каппадокийский?), то же имя носил сын Миноса, основатель одноименного города на Крите, и сын Ареса и Филономы в Аркадии. Обращает внимание на себя имя аркадского героя, так как через этот антропоним устанавливается непосредственная связь между двумя локальными ареалами имен собственных с малоазийско-догреческой основой **Luk(a/i)-* на территории материковой Греции и Крите.

Между прочим, на Крите был город Ἀρκαδία, жители которого назывались Ἀρκάδες, аналогично уроженцам области на Пелопоннесе[54].

Любопытен еще один момент. Название Критского города и имя его основателя в ряде античных источников дошло в форме Λεύκαστος[55]. Другими словами, оно было по народной этимологии соотнесено с апеллативом λευκός 'светлый etc.', что

---

[51] J. Sundwall. Указ. соч., стр. 196.

[52] E. Benveniste. Hittite et indo-européen.Etudes comparatives. Paris, 1962, стр. 89 сл.

[53] O. Haas. Zur lydischen Sprache. — «Die Sprache» VIII, 2, 1962, стр. 178; ср.: Gusmani, стр. 206, 212.

[54] См.: Pape-Benseler I, стр. 136 сл.

[55] Там же, II, стр. 821.

может указывать на неясность для греков классического периода внутренней формы некоторых негреческих имен собственных с основой Λυκ(α)- (видимо, из тех, которые по смыслу легко не соотносились с λύκος 'волк'). Здесь толчком, вероятно, послужил своеобразный гиперэллинизм, поскольку нулевая ступень и.-е. **leuk-* в греческом почти не представлена.

Итак, проведенный анализ дериватов малоазийской основы **Luka/i-* в догреческой ономастике, в частности топонимике, позволяет, как нам кажется, прийти к интересному и важному выводу о возможности пребывания анатолийских этнических элементов, в данном случае лувийских, в центральной Греции и на Крите до прихода туда первых греческих племен.

**Hastal(i)-*

Указанная ономастическая основа засвидетельствована в старосирийских текстах из Кюльтене (начало II тысячелетия), в хет. кл. ЛИ *Ḫaštali-*, прозрачно соотносимом с хет. кл. апеллативом **ḫaštali-* 'герой' (Laroche, Onomastique, стр. 116), который реконструируется на базе хет. кл. *ḫaštalijatar* 'Heldenhaftigkeit' и его идеографического написания UR. SAG-*tar*, ср. *ḫaštaleš-* 'heldenhaft (stark) werden' (Friedrich, стр. 63).

Из малоазийских имен собственных, дошедших в греческой транскрипции, с большой степенью вероятия ту же основу можно предположить в килик. МН Κασταλία, тождественном названию источника на Парнасе и соответственно имени нимфы, обитающей в этом источнике. М.-аз. Κασταλία представляет собой правильную греческую передачу несохранившегося туземного анатолийского топонима с данной основой; ларингал малоазийских имен собственных или восходящие к нему звуки позднехеттолувийских языков средствами греческого обычно передавались через κ (γ)/χ, ср. лид. МН Κιναρσα — хет. кл. *Ḫinnaruwa-* (Laroche, Etudes HH XXXV, стр. 115); лид. Γύγης, кар. Ιδα-γυγος — хет. кл. *ḫuḫḫa* 'дед', лик. *kuga* (*χuga*) то же (Heubeck, Lydiaka, стр. 62)[56]; кар. МН Χασβω, лкн. МН Χασβια — лик. *kahba* 'зять', хет. кл. *ḫaš(š)-* 'рождать' (В. В. Шеворошкин, Малоазийские языковые параллели, стр. 143)[57]; относительно исхода -ια см. выше.

Основу **Hastal(i)-* содержат так же лид. МН Καστωλλος и кар. демотикон (?) Καστωλλιος; м.-аз. *a*, *resp. e*, особенно в карийских именах собственных, часто транскрибировались на греческий, наряду с α и ε, посредством ω, реже ο (лат. *o*), ср., на-

---

[56] См.: G. Neumann. Untersuchungen. . ., стр. 70.

[57] Более подробно о греческой передаче м.-аз. *h* см. у Хойбека и Шеворошкина в указ. соч.

пример, исавр. город и килик. река Λαρος — кар. демотикон Λωμευς; лик. МН Κορυ-δαλ(λ)α — кар. ЛИ Αρι-δωλις; м.-аз. (фриг.) ЛИ Ιαννας — лкн. ЛИ Ιωνα — ион. Ιονδα; писид ЛИ. Κβηδασις, кил. ЛИ Κβεδιασις — кар. ЛИ Κβωδης; лик. источник Καλβιος — кар. ЛИ Κολβα(ς), памф. МН Κολβασ(σ)α и т. п.[58]

Будучи формально, видимо, вторично производным адъективом на *-(a)li-* (лув. *-alli-*, лид. *-li-*), хет. кл. **ḫaštali-*, вопреки Кронассеру[59], по всей вероятности, связано с хет. кл. *ḫaštāi-* 'Knochen, Gebein(e); Widerstandkraft' (лув. *ḫašša-* 'кость', греч. ὀστέον, — Friedrich, стр. 63), ср. лув. *maššanali-* 'божественный' от *maššana/i-* 'бог' (Laroche, DLL, стр. 69), при тех же соотношениях значений лид. *ciṽali-* от *ciṽ-*, хет. кл. *šiunali-* от *šiuna-* (Gusmani, стр. 93), лид. *manelis* 'des Maneś' от ЛИ *Maneś* (Gusmani, стр. 163[60]). Если это справедливо, то для **ḫaštali-* следует предположить семантическую эволюцию: 'костистый → крепкий → сильный → герой'.

Далее, не исключено, что с хет. кл. *ḫaštāi-* находится в родстве также хет. кл. É *ḫaštijaš* ~ É *ḫešta-* 'kultisches Gebaüde, «Beinhaus» = Mausoleum» (ср. Friedrich, стр. 68), к морфемному типу ср. хет. кл. *ḫaštijaš* = *ḫaštāi-* (Friedrich, стр. 63).

В свою очередь хет. кл. *ḫaštāi-* ~ É *ḫešta* нашли отражение в кар. МН Χασται, Καστα ιος[61], в названии лидийского святого места Κασταβος, кил. МН Κασταβαλ(λ)α, и, кроме того, в нескольких каппадокийских именах собственных из старосирийских текстов (Кюльтепе): URU*Ḫa-aš-tu-wa* [**Hast(a)-uwa*], ср.: URU*Išḫa-ruwa* при *Išḫara* (гора); (подробно об элементе *-uwa* см. выше); *Ḫi-iš-tù-ma-an* [*Hist(a)-uman], ср. еще LÚ*ḫé-eš-tu-u-um-ni* (дат. п.) — хеттский этникон-суффикс *-(u)man-*, *-(u)mna-* в каппадокийских табличках равен хет. *-(u)mana-*, *-(u)mna-*, лув. иер. *-wana/i-* (лув. кл. *-wanna/i-*)[62], затем *Ḫa-áš-ta-aḫ-šu* [**Hast(a)-ahsu*], *Ḫi-iš-ta-aḫšu* [**Hist(a)-ahsu*] и *Ḫi-iš-ta-aḫ-šu-šar* [**Hist(a)-ahsu-sar*, жен. ЛИ][63]. Очевидно, в этих каппадокийских именах собственных выступает ономастическая основа **Hasta-* : **Hista-* с частым в хеттском языке чередованием *i* : *a* (более общий случай чередования *e/i* : *a*), см., например, хет. кл. *kištuwant-* 'голодный' :

---

[58] Ср.: J. Sundwall. Zu den karischen Inschriften und den darin vorkommenden Namen. — «Klio», 11, 1, 1911, стр. 479.

[59] H. Kronasser. Das hethitische Wort für «Gott». — «Die Sprache» V, 1959, стр. 60.

[60] О хеттолувийских именных формах на *-l-* см.: В. В. Иванов. Хеттский язык. М., 1963, стр. 134.

[61] Ср.: V. V. Ševoroškin. Zur karischen Schrift und Sprache, стр. 81.

[62] Ср.: A. Goetze. Suffixes in «kanischite» Proper Names, стр. 46.

[63] Все канп. ЛИ даны по: Goetze. Anat. Proper Names, стр. 351, 354; там же много других имен с суффиксом *-(u)man* и *-ahsu*.

kašt- 'голод', *Niḫria* : *Naḫria*, *Neša* : *Niša* : *Naša* и т. п.[64] Поскольку элемент *-aḫsu-* равен *-aššu-*[65], однозначно соотносимому с хет. кл. *assu-* 'gut; zweckmäßig, nützlich; angenehm, beliebt' (Friedrich, стр. 37)[66], то капп. ЛИ *Ḫaštaḫšu* : *Ḫištaḫšu* можно интерпретировать как 'хороший **Ha/ista*' или 'угодный богу (герою) **Ha/ista*'. Основа вышеуказанных кар. МН Χασται, Κασταιος и т. д., видимо, является адекватной греческой передачей м.-аз. **Hasta-*. Таким образом, хет. кл. *ḫaštāi-* (~ Ė *ḫešta-*) соотносится с данными именами собственными не прямо, а посредством ономастической, возможно теофорной[67], основы, образовавшейся видимо, на базе этого апеллатива.

Что же касается суффиксального элемента -ωλλ- в интересующих нас лид. Καστωλλος, кар. Κοστωλλιος, также в кар. ЛИ Μαυσ(σ)ωλ(λ)ος, Ακταυσσωλλος, Πονυσσωλλος, Σαρυσωλλος, чередующегося в других кар. ЛИ с -ωλδ-, например, Ὑσσωλλος : Ὑσσωλδος, Καρυσσωλδος, Παρυσσωλδος, то он представляет собой греческую транскрипцию карийского адъективного суффикса *-aλ-*, *resp.* *eλ* (*msnaλ*, *mavvaλ*, *tavseλ*, *bvseλ* и т. д.)[68], равного хет. *-al(l)a-*, *-alli-*[69] и указанным выше лув. *-alli-*, лид. *-li-*[70]. Чередование λλ : λδ в суффиксальной части карийских личных имен, дошедших в греческой передаче, вызвана, видимо, каким-то специфическим произношением кар. λ[71], во всяком случае, в данной ситуации чуждым для греческого восприятия.

Интересно, что в процессе адаптации восточномалоазийского МН **Hastali-* в кил. Κασταλία подобных трудностей не возникало.

Таким образом, отсутствие достоверных этимологических связей у греческого гидронима Κασταλία в пределах древнейших языков Балкан[72], с одной стороны, и наличие многочисленных

---

[64] См.: H. Kronasser. Vergleichende Laut- und Formenlehre des Hethitischen, стр. 39 сл.; более подробно о чередовании *e/i*: *a*: Он же. Etymologie der hethittischen Sprache 1. Wiesbaden, 1962, стр. 20 сл.

[65] Goetze. Anat. Proper Names, стр. 358.

[66] См.: A. Goetze. Suffixes in «kanischite» Proper Names, стр. 49 сл.

[67] Ср.: H. Kronasser. Das hethitische Wort für «Gott», стр. 60, там же приводятся еще капп. ЛИ (?) *Ḫašte*, *Ḫašteja*.

[68] Карийские туземные формы даны по: В. В. Шеворошкин. Карийский язык, стр. 35.

[69] Vl. Georgiev. Der indoeuropäische Charakter der Karischen Sprache. — AO 28, 1960, стр. 609; Laroche. Onomastique, стр. 130; J. Friedrich. Hethitisches Elementarbuch I. Heidelberg. 1960, стр. 39 сл.; 41 сл.

[70] V. V. Ševoroškin. Zur Karischen Schrift und Sprache, стр. 77.

[71] Ср.: A. Heubeck. Lydiaka, стр. 19.

[72] В сравнительно частых случаях полного совпадения греческих передач малоазийских имен собственных с (до)греческими следует всегда иметь в виду трудно поддающийся учету момент сближения адаптируемого малоазийского названия с уже известным (до)греческим. Наряду с случайными омонимами среди них встречается некоторое число генетически родственных, подобных рассмотренным в настоящей статье.

М. М. Маковский

ГЕРМАНСКИЕ АРЕАЛЬНЫЕ ПАРАЛЛЕЛИ В СВЕТЕ ЭТИМОЛОГИИ

Одним из крупных достижений современной лингвистики в поисках новых путей исследования языка является широкое использование фактов местных, территориально обособленных языковых структур, долгое время остававшихся «на периферии» науки о языке [1]. Изучение всех звеньев ареальных языковых вариантов (фонетики, грамматики, лексики), их эволюции и взаимодействия стало не только источником пополнения наших знаний о специфике языковых явлений, но нередко служит надежной проверкой выводов, полученных на основе других лингвистических приемов. Учет ареальной лексики дает, в частности, возможность вносить значительные коррективы в традиционно установленные этимологические связи.

Можно указать, например, на следующую мнимую этимологию, выясняемую с помощью диалектного материала: др.-англ. *weorf* 'скот', которое Ф. Хольтхаузен сопоставлял с др.-ирл. *ferb* 'скот'. Как будет показано ниже, эта лексема представляет собой сложное слово, состоящее из *we*, *hwe* (ср. совр. сев.-англ. диал. *why* 'a heifer', н.-нем. *Kien*) и *orf*, которое находит свое соответствие в алеман. *Raup* (с метатезой).

Этимология диалектной лексики большинства языков, к сожалению, исследована недостаточно. В частности, для германских языков, на материале которых основывается предлагаемая статья, в настоящее время, насколько мне известно, имеется только один специальный словарь: этимологический словарь алеманского диалекта немецкого языка; словарь этот, изданный более ста лет тому назад, давно уже устарел, а приводимые в нем этимологии, при современном уровне науки, в ряде случаев представляются фантастическими [2]. В настоящей работе будут рассмотрены случаи, когда древнеанглийские слова не имеют прямого семантического

[1] Ср.: О. Н. Трубачев. Лингвистическая география и этимологические исследования. — ВЯ, 1959, № 1. Ср. также: J. Malkiel. The uniqueness and complexity of etymological solutions. — «Lingua» 5, 1955; Он же. A tentative typology of etymological studies. — IJAL, 23; Он же. The place of etymology in linguistic research. «Bulletin of Hispanic Studies» 31, 1974.

[2] A. Höfer. Etymologisches Wörterbuch der oberdeutschen Sprache, I—III. Berlin, 1816.

или фономорфологического соответствия в германской языковой области, в связи с чем только установление их этимологических связей позволяет определить их территориальную принадлежность, а также ἅπαξ λεγόμενα, не получившие до сих пор удовлетворительной этимологии[3].

---

[3] В статье приняты следующие сокращения: Aelfr. Gr. — «Aelfrics Grammatik und Glossar», hrsg. von J. Zupitza. Berlin, 1880; Ahd. Gl. — Die althochdeutschen glossen, hrsg. von E. Sievers und E. Steinmeyer. Berlin, I — 1879; II — 1882; III — 1895; IV — 1898; V — 1922; An. Ox. — A. Napier. Old English glosses chiefly unpublished. «Anecdota Oxoniensia», XI. Oxford, 1900; An. — Andreas, в кн.: G. P. Krapp. Andreas and the fates of the apostles. Boston, 1906; Bd. — The Old English version of Bede's ecclesiastical history of the English people, ed. by Th. Morris. London. — EETS 95, 1890; 96, 1891; 110, 1898; 111, 1898; B. — Beowulf, mit ausführlichen glossar, hrsg. von M. Heyne. Paderborn, 1918; B-T — An Anglo-Saxon dictionary of the late J. Bosworth ed. and enlarged by T. Toller. Oxford, I — 1898, II — 1921; Bl. Hom. — The Blickling Homilies of the tenth century. — EETS 58, 1875; 63, 1876; 73, 1880; Cant. Ps. — Eadwine's Canterbury psalter, ed. by F. Harsley. — EETS 92, 1889, Cd. — Caedmons metrical paraphrase of parts of the Holy Scripture in Anglo-Saxon, by B. Thorpe. London, 1832; Corp. Gl. — Corpus glosses, в кн.: «The oldest English texts» ed. by H. Sweet. Oxford, 1957; CGl — Corpus Glossariorum Latinorum, hrsg. von G. Goetz, I—VII. Leipzig, 1888—1923; Cri. — Christ (см. Sat.); Chr. — Two of the Saxon Chronicles parallel with supplementary extracts from the others.A revised text edited with introduction, notes, appendices and glossary by Ch. Plummer on the basis of an edition by J. Earle. Oxford, 1929—1952; Cambr. Ps. — Der Cambridger Psalter, hrsg. von K. Wildhagen, Hamburg, 1910; Dg — «Bischofs Waerferth von Worcester Übersetzung der Dialoge Gregors des Grossen», hrsg. von H. Hecht. Berlin, 1900 (Dg_1 — рукопись C; Dg_2 — рукопись H); Dan. — Daniel, в кн.: F. A. Blackburn. Exodus and Daniel. Boston, 1907; EDD — The English dialect dictionary, ed. by J. Wright, vol. I—VI. Oxford, 1898—1906; Exon. — Codex Exoniensis. A collection of Anglo-Saxon poetry from a MS in the library of the Dean and Chapter of Exeter, by B. Thorpe. London, 1842; Ef. Gl. — Erfurt Glosses; Ep. Gl. — Epinal Glosses, в кн.: «The Oldest English texts», ed. by H. Sweet. Oxford, 1957, El. — «The poetry of the Codex Vercellensis», ed. for the Aelfric Society by J. M. Kemble. Pt. II — Elene and minor poems, London, 1856; Fischer — H. Fischer, W. Pfleiderer. Schwäbisches Wörterbuch, I—VI. Tübingen, 1904—1936; Graff — E. G. Graff. Althochdeutscher Sprachschatz. Berlin, 1834—1842; Gen. — «The Story of Genesis and Exodus», ed. by R. Morris.—EETS VII, 1865; Grein — C. W. M. Grein. Sprachschatz der angelsächsischen Dichter. Heidelberg, 1912; Homl. Th. — The homilies of Aelfric, ed. by B. Thorpe. London, 1844—1846; Hpt. Gl. — K. W. Bouterwek. Die ags. glossen in den Brüsseler Codex von Aldhelms Schrift De virginitate. — ZfdA, Bd. IX, H. 3, 1853; J — the gospel of St. John; Jul. — The liflade of St. Juliana, ed. by O. Cockayne and T. Brock. — EETS 51, 1872; Jud. — Judith, в кн.: A. S. Cook. Judith. An Old English epic fragment, Boston, 1904; Kent. Cl. — J. Zupitza. Kentische Glossen des neunten Jahrhunderts. — ZfdA XXI, 1876; Lamb. Ps. — U. Lindelöf. The Lambeth Psalter. «Acta Societatis Scientiae Fennicae», vol. XXXV, № 1; vol. XLIII, № 3; Lind.—The Lindisfarne and Rushworth gospels. «Publications of the Surtees Society». London, XXVIII, 1854; XXXIX, 1861; XLIII, 1863; XLVIII, 1865; Lk — the gospel of St. Luke; Lchdm. — Leechdoms, wortcunning, and starcraft of early England, ed. by O. Cockayne, I—III. London, 1864—1866; Mk — the Gospel of St. Mark; Mt — the Gospel of St. Matthew; Ll. — Die Gesetze der Angelsachsen, hrsg. von F. Liebermann. Halle, 1903—1916; Martin—Lienhart — E. Martin,

Basu [ср. ирл. *basc* 'red', гаэльск. *basg-luath* 'vermilion'[4], др.-инд. *bhásati* 'leuchten' (Fick)]: Wrt. Voc. II, 35, 46; 39, 4; Hpt. Gl. 436, 49: *Miδ basewium*: purpureo; Wrt. Voc. I, 66, 65: *baso popig*: astula regia; Wrt. Voc. 148, 59: *Beasu*: finicium, i. coccinum luteris; Wrt. Voc. 49, 55: *Basu, haewen*: indicum; Bl. Hom. 207, 17 (а также в сочетаниях *brun-basu, read-basu; scir-basu; wealh-basu; weoloc-basu: wyrm-basu*); совр. сев.-англ. диал. *bass* 'inner bark of a tree', нем. *Besen*. Ср. бавар. *Bas* 'Rute (für Kinder)' — Schmeller, I, стр. 35; швейц. *bësele*^{n} 'ein Kind streichen, ihm die Rute geben' (Staub-Tobler IV, 1666). Ср. семасиологическую параллель: др.-инд. *sā́ra-m, -h* 'Mark eines Baumes, Festigkeit, Kraft' (ср. лат. *rōbur* 'Kernholz'), *sāraṇga-ḥ* 'bunt'; нем. диал. *Serben* '(деревянный) гвоздь, шип'; швед. *sarf* 'Rotauge', лтш. *sârt* 'rot in Gesicht', лит. *sartas* 'пестрый (о лошади)', лат. *sorbum* 'die rote Beere des Vogelbeerbaumes'; лит. *serbenta, serbeñtas* 'Johannis-beere'; русск. *сорога*, ср. также русск. *багор—багровый*.

Ср. и.-е. **uɣdho-* 'терновый куст': ир. **vrdi* (перс. *gul* 'роза'), арм. vard, греч. (F)ῥόδον 'роза' (WP I, стр. 316), но Lind. Lk VI,

---

H. Lienhardt. Wörterbuch der elsässischen Mundarten, I—II. Strassburg, 1899—1907; Müller — J. Müller. Rheinisches Wörterbuch. Bonn—Berlin, 1928; Notker — Notkers des Deutschen Werke, nach den Handschriften neu hrsg. von E. H. Sehrt und T. Starck, I—III. Halle, 1933—1952;Ors.— King Alfreds Orosius, ed. by H. Sweet. — EETS 79, 1883; Past. — An Anglo-Saxon version of Gregory's Pastoral Care, ed. by H. Sweet. — EETS 45, 50, 1871—1872; Ps. Surt. — J. Stevenson. Anglo-Saxon and Early English psalters. — PSS XVI — 1843; XIX — 1847; Ray — J. Ray. A collection of English words not generally used, with their signification and original, in two alphabetical catalogues, the one of such as are proper to the Northern, the other to the Southern counties. London, 1691; Regula Benedicti — Die Angelsächsische Prosabearbeitung der Benediktinerregel, hrsg. von A. Schröer. Kassel, 1885; R (R_1 и R_2) — the Rushworth gospels; Rtl — Ritual Ecclesiae Dunelmensis. «Publications of the Surtees Society» CXL, 1927; Som. — Dictionarium Saxoniso-Latino-Anglicum," by E. Somner. Oxford, 1659; Salm. Kmbl. — Anglo-Saxon dialogues of Salomon and Saturn, ed. by J. M. Kemble. London, 1845—1848; Schmeller — J. A. Schmeller, G. K. Frommann. Bayerisches Wörterbuch, I—II. München, 1872—1877; Staub—Tobler — Schweizerisches Idiotikon begrundet von F. Staub und L. Tobler, I—XII. Frauenfeld, 1881—1963; Sat. — M. D. Clubb. Christ and Satan, an Old English poem. New Haven, 1925; Schöpf — J. B. Schöpf. Tirolisches Idiotikon. Innsbruck, 1866; Schmid — J. Schmid. Schwäbisches Wörterburch. Stuttgart, 1831; Tat. — Tatian. lateinisch und altdeutsch, hrsg. von E. Sievers. 2-te Aufl. Paderborn, 1892; Ve. Ps. — The Vespasian psalter, в кн.: «The oldest English texts», ed. by H. Sweet. Oxford, 1957 (там же Kentish and Mercian charters); Wrt. Voc.—Anglo-Saxon and Old English vocabularies, ed. by T. Wright and R. Wülker. London, 1884; Wulfst. — Wulfstan. Sammlung der ihm zugeschriebenen Homilien, hrsg. von A. Napier. Berlin, 1883; Woeste — Fr. Woeste. Wörterbuch der Westfälischen Mundart. Norden — Leipzig, 1882; W. S. Gospels — Da halgan godspel on englisc, ed. by B. Thorpe. London, 1848; Wand. — Wanderer, в кн.: «Bibliothek der angelsächsischen Poesie» I, 1881—1883.

[4] «Archiv fur celtische Lexicographie» II, 1901, стр. 249, Suppl., стр. 185.

44: rubum: *word*, ср. Lind. XX, 37: rubum — *heaþe*; Corp. Gl 255: rubum — lignum spinosum; Wrt. Voc. I, 138, 37: rubus — *heoþbrymel*; I, 269, 37: rubus — *þyrne*. Ср. также Cambr. Psalter 88, 32, 33: лат. vositabo in uirga iniquitates eorum — др.-англ. *ic neosie on worde unrihtwisnysse*. Слово представлено также в значении 'родственник по крови' (видимо, по ассоциации 'кровь от укола терния'): ср. Regula Benedicti (hrsg. von Schröer), LXIX: Miclan is to warnienne þaet nan broðor ne gedyrstlae þaet he oþern oþþe mid wordum bewerige, oþþe mid aenigum anginne geaalgige, þeah him word gemaene sy (лат. etiamsi quavis consanguinitatis propinquitate iugatur). Ср. лексический вариант *reado* в указанном месте Lind (Lk VI, 44). Ср. совр. норв. *ōr*, *ōl* 'Ribes'. Осен правильно возводит норв. *ōr*, *ōl* к др.-сев. **orðr*. Учитывая др.-англ. *word*, можно предположить праформу **worða* (ср. Aasen, Ordbog, 556; Rietz. Sv. Dial.-lex. 480[a]). Ср. также среднелатинские глоссы: CGL III, 579, 28—30: 28 uisdim: iusquiamo 29. uerrugarum: camesicinus, 30. uuarentia: rubia; Cod. Brux. 46, 24: uuarentia — rubia, гот. *uizdila* (Gundermann — ZfdWf VIII) 'sandix'[5]. Ср. швейц. *bŭsig* 'herausgeputzt' (Id. IV, 1749), русск. диал. *баса* 'красота'.

Birgan 'gustare', др.-исл. *bergja* [ср. греч. φέρβω 'lasse weiden, nähre; weide, nähre mich'; φορβή 'Weide, Nahrung'; др.-инд. *bhárvati* 'жует, питается' (корень **bher* 'пережевывать, растирать (зубами)'|. Ср. также др.-ирл. *bairgen* 'хлеб', лат. *farina* 'мука', гот. *barizeins*, др.-исл. *barr*, др.-англ. *bere* 'ячмень'; алб. *bar* 'трава, сено', русск. диал. *бор* 'вид проса', укр. *бор* 'просо'.

Lind. J. II, 9: þte ī miððy uūt i˜geberigde (вариант gebarg) se aldormon þ uaeter to uine geuorden... (лат. ut autem gustavit archetriclinis aquam vinum factum...).

Lind. Lk XIV, 24: ic cuoeðo ðon l uūt þte ðaðe geceigedo weron gebirgaŏ farma min (лат. gustavit); Lind Mt XXVII, 34: 7 sealdon him win to drincanne miŏ galla gemenceŏ 7 miŏ ðy gebirigde (вариант geseap) nalde drinca (лат. ...et cum gustasset noluit bibere); ср. Rtl. 99, 22; слово широко представлено в поэзии. Ср. швейц. *Berg* 'Weide; Wald'[6] (Staub-Tobler IV, стр. 1551—1552).

Uf-em Walisbërg ist en Berg g'sīn, z'mindst hundert Rinderswī²d, e^{n} sunderbar e^{n} schöni g'lëge^{n} hī²t; Mier welle^{n} ge^{n} d'Bërge^{n} heue^{n}; *bërgen* 'пасти (скот)'; стр. 1563: «Jo, hätt der Dönel doch

---

[5] Таким образом, видимо, можно установить следующую семасиологическую закономерность: слова со значением 'палка, прут, шип' могут быть этимологически связаны со словами, обозначающими 'красный'.

[6] Интересны параллели из других языков. Ср. исп. *monte* 'лес, пастбище', н.-нем. (вестфальск.) *Berg* 'Wald' (Woeste, стр. 27): sine berge sid so widlöftig, dat si wen holthaigers op si wen stîen haugen könnt un dat doch ênen den annern nit hâerd. Как известно, нем. *Berg* 'гора' восходит к и.-е. **bergh* 'высокий'.

zur sëlbe^{n} Zīt, wo-n-er a^{l}s Senn vom Unger-Grenche^{n} bërg mit Chnëchten und mit Mägde^{n} g'hūset het, am Mësstag g'Wōg lo^{n} sī^{n} und nid verfeltscht, so hätt au^{ch} jede^{r} Būr, wo 'bërget het, a^{n} Chās und Anken übercho^{n}, was rëcht und billig ist».

Bisene (лат. caecus)

Lind. Mt IX, 27: I geongende I ða geeonde ðona ðe hael gefulgdon hine I hi tuoege bisene (вариант blinde) clioppende... (лат. caeci)

W. S. Gospels Mt IX, 27: ...ða fyligdon hym twegen blinde, hrymende and awepende

Lind. Mt. IX, 28: miđ ðy uutedlice gecuome to hus geneolecdom to him bisena (вариант *blinde*)

W. S. Gospels Mt IX, 28: Soðlice þa he ham com, þa blindan genealaehton to hym

Lind. Mt. XI, 5: *biseno* geseað halto geonges licðrouras geclaensad aron (лат. caeci vident)

W. S. Gospels Mt XI, 5: *blinde* geseoþ, healte gað, hreofe synd geclaensade

DG_1 77, 28: Soðlice þa þa se godes wer haefde gedon I gefylled his gebedu, he asette I awrat godes rodetacen ofer þaes *bysenan* mannes eagan (Dg_2 — blind); ср. также Dg_1 275, 3 (Dg_2 — blind); ...*bisne* 7 healte, lame I reoflen ealle he heo fram me ateah (Archiv CVII, стр. 318). Ср. совр. сев.-англ. диал. *bisson* 'blind' (EDD I, стр. 275) — Нортумберленд, Дарбишир, Линколншир, Нортхэмптон, Шропшир: The poor owd mon's aumust *bisson*.

Ср. швейц. *Bīse* 'Nordostwind'; *Bīs(e)* 'dichter Nebel, der auf den Bergen oder im Tale dem Boden nach schleicht': E^{n} chalti, e^{n} fīsteri *Bis*; D'*Bis* chunnt, hanget an'n Berge^{n}; D'*Bis* ist so digg g'lëge^{n}, das^{s}-me^{n} nüd e^{n} Stigg, nüd Stubes wīt umme^{n}, nüd d'Hand vor ^{d}en G'sicht g'sih^{n} het (Staub—Tobler IV, стр. 1683). Ср. семасиологич. параллели: греч. καικίας 'Sturmwind': лат. *caecus* 'blind'; лат. *aquilo* 'северный ветер' (*aquilus* 'темный'): лит. *āklas* 'слепой' (WP I, 328). Ср. др.-в-нем. *bisa* (Notker I, 17, 16; 39, 4). См. Grimm, Dt Wb. I, стр. 1398. Ср. также *Es bīschet*: '(beim Melken von Kühen und Ziegen) wenn (z. B. infolge eines organischen Fehlers) die Milch., statt in einem dicken Strahl, staubförmig zerteilt aus den Zitzen kommt'.

Bilwit (ср. др.-ирл. *bil* 'good, mild', нем. *billing*, греч. φίλος):

Lind. Mt XI, 29: ahebbas geoc minne ofer iuih 7 leornas frō me f'ðon biluit am (лат. mitis sum) — в W. S. Gospels также *bilwit*.

Lind. Mt X, 16 (R): henu ic sende eow swa swa scep in midde uulfum bioþ ł wesaþ forþon snottre swa swa nedra I bil-

wite swa swa culfra (лат. simplices) — в W. S. Gospels также *bilwit*.

Lind. Lk XI, 34: ðaecilla lichomes ðines is ego ðin bið milde (варианты bliðe *bilwit*) all lichoma ðin... (лат. simplex)

W. S. Gospels Lk XI, 34: Ðin eage ys þines lichaman leohtfaet: gyf þin eage bið *hluttor*, þonne bið eall þin lichama byð þystre.

Ср. также Lind. Mt XXI, 5: *bilwit* (лат. mansuetus) — в W. S. Gospels: *gedaefte*.

Ср. бавар. (с полярным значением) *Bilwez*, *Bilbez*, *Bilfez*, *Bilmez* 'Ausdruck des Unwillens' (Schmeller I, стр. 230): «Las də deiné Bilbez auskampen»; швав. (Fischer I, стр. 117): *Bilwiss* 'dämonisches Wesen, Hexe'; «Die (Frawen) waren all Billwiz, Die man Unholden nent». Ср. Grimm, Dt. Wb. *Bilwisz* 'lamia, Hexe': du wulfin, preckin, unhold, pilbitz. Ср. также Grimm, Deutsche Mythologie, стр. 441.

Clingan 'se contrahere, marescere':

Wrt. Vos. II, 149, 22: *aclungne*: flaccentia, contracta; Ep. Gl. 931: semi-gelato: *halbclungni* (Corp. Gl. 1844); Aelfr. Gr. 35: *Ic clinge*: maresco; *geclungen*; contractus: Salm. Kmbl. 609; Sal. 304; An 1262; Som. 38, 7; Th. 226; Th. 213, 17.

С этим словом этимологически, видимо, связано др.-англ. *glenge* 'an ornament'; Lind. Mk XIII, 2; Mt XXV, 7; Th. 606: *glengan* 'to adorn, to trim'; An. Ox. 1203; Kent. Gl. 595, 594; An. Ox. 8, 332; Wrt. Voc. II, 25, 8; An. Ox. 7, 370; 8, 371; 1217; 538; Wrt. Voc. II, 23, 29. Ср. семасиологические параллели: др.-инд. *kṛdhú* 'verkürzt, verstümmelt, klein, mangelhaft'; греч. (Гесихий) σκυρθάλιος, σκύρθαξ, κυρσάνιος, κυρσίον 'junger Mensch'; лит. *skurstù*, *skurdaũ*, *skursti* 'verkümmern, in Wachstum zurückbleiben', лат. *curtus*, но арм. *ḳorem* 'ich kratze', алб. *š-kér* 'reiße auseinander'; *haŕ* (h < sq-) 'schneide Bäume oder Weinstocke aus, jäte aus', греч. κείρω (κερῶ, ἐκαρην, κέκαρμαι) 'abschneiden': WP II, 574, 590; с др.-англ. *clingan* ср. нем. *Klinge* 'лезвие'.

Ср. совр. сев.-англ. диал. (Шотландия, Йоркшир, Нортумберленд) *cling* 'to wither, to shrivel, to shrink, to contract' (EDD I, стр. 642); ср. также *clung* (EDD I, стр. 669): 'shrunken, empty from want of food, emaciated'; нем. *Klungen*, ср. швейц. *Chlunge*^{n}, *Glungel*, *Chlüngeli* 'Faden-Garn-knäuel' (Staub—Tobler III, стр. 658). E^{n}rechti Basler Frau gōt nid ōni *Glungen* i^{n} d'Kirche^{n} oder in e^{n} Vor-lesi^{n}g (др.-в.-нем. *chlunga*). Ср. др.-англ. Exon 59^{a}: Da yslan onginnaþ lucan togaedere *geclungne* to cleowenne 'съеживались в клубок'.

Cwið 'matrix, uterus', ср. др.-исл. *kvidr*, *kviþungr* 'беременная', др.-в.-нем. *quite* 'vulva', швед. *kutta*, дат., ютландск. *kude*, *kusse*, голл. *kutte* 'cunnus'; ср. в и.-е. плане др.-прусск. *weders* 'живот', лит. *vėdaras* 'Eingeweide', лтш. *vêders*, *vêdars*.

Wrt. Voc. II, 56, 67: *cwiðan*: matrice; Wrt. Voc. II, 90, 41: *cwiþ*: matrix; то же: Wrt. Voc. I, 45, 23; II, 55, 55; Lchdm I, 152, 17; II, 56, 67; Aelfr. Gl. 76: *cwiþ*: matrex; Lchdm II, 330, 19; I, 294, 11; II, 330, 2; 3, 38. Ср. швейц., бавар. *Kutteln* 'Gedärme'.

Ср. бавар. *Kütt* 'die Brut (von Vögeln, Rebhühnen)'; 'Herde, Menge' (Schmeller I, стр. 1312); швейц. *Chütt* 'Herde, Schar, Rudel, Volk' (Staub—Tobler III, стр. 576—577). (Ср. др.-в.-нем. *chutti*: Tat. Mt VIII, 30: thaz cutti thero suino). Швейцарские примеры: E^{n} grösses Chütt Vēh; Was doch au^{ch} das dō sī, das so vermalisch stänkt eswie-n-es Chütt Sū; интересен пример из старого швейцарского медицинского документа: «Grex, ein herd oder g'hütt vychs. Condensant se in unum locum oves: loufend in g'hütt zuesamen». Ср. швав. (Fischer IV, стр. 878): *Kütt*^{e} 'Schar, Flug, Brut Hühner', эльзасск. (Martin—Lienhart I, стр. 483), тирольск. (Schöpf, стр. 354). Ср. совр. сев.-англ. диал. *kite* 'belly' (EDD, s. v.).

Forf 'thesaurus' (ἅπαξ λεγόμενον):

Lind. Mt XIX, 21: Cueð him ðe hael: gif ðu wilt wisfeast wosa gaa bebyg ða ðu hæfes ⁊ sel ðorfendum ⁊ ðu haefis strion (*forf*) in heofne... (лат. thesaurum).

Ср. др.-в.-нем. *furbjan*, *furbēn*; ср.-в.-нем. *vürben*, *vürwen*; ср. бавар. *fürben* (Schmeller, стр. 751) 'fegen', 'putzen'; швейц. *fürben* (в том же значении): Neui Bese *förbid* wol, die alte wössid d'Winkel wol; Ich säg nöd, as er g'stola hei, aber wo-n-er *g'förbt* hät, isch's suber wor^{d}a^{n} (Staub—Tobler I, стр. 991).

Ср. заимствованные ит. *forbire*, франц. *fourbir*, откуда, судя по окончанию (*ir* > *ish*), оно проникло в английский (*furbish*). Слово это принадлежит к и.-е. корню **prep* 'in die Augen fallen; Erscheinung, Gestalt'; ср. греч. πρέπω 'falle in die Augen, zeichne mich aus', др.-ирл. *richt* 'форма, образ', кимр. *rhith* 'species' (**pŗp-tu-*). Ср. KZ XXVIII, стр. 284; IF VIII, стр. 42; Bartolomae, стр. 537 (авест. *aibī-xrap-* 'angelegen sein').

Gehrino 'edifice; ornament'; *(ge)hrinan* 'ædificare':

Ср. Lind. Mk XIII, 2: ⁊ondsuorade se hael cuoeð him (ðaem) gesih ðas alle miclo *gehrino* (вариант *glencas*) ne bið forleten stan ofer stane seðe ne se tostrogden (ne bið toworpen) — (лат. et respondens Ihs ait illi vide has omnes magnas aedificationes non relinquetur lapis super lapidem qui non destruatur)

Lind. Mt XXIII, 29: wae iuh uuðutum ⁊ gelegeras ða ðe getimbras (вариант *hrinas*) byrgenno witgena ⁊ gehrinas byrgenna soðfaestra (лат. Vae vobis Scribae

W. S. Gospels Mk XIII, 2: Da cwaeð se Haelend: Ne geseo ge ealle þas mycelan *getimbrunga?* ne byð her laefed stan ofer stan, þe ne beo tó worpen

W. S. Gospels Mt XXIII, 29: Wá eow, boceras and Pharisei, liceteras! ge þe *tim-*

et Pharisaei hipochitae que aedificatis sepulcra prophetarum et ornatis monumenta iustorum)

Lind. Mt XXV, 7: ða arioson alle hehstalde ða ilco 7 *gehrindon* lehtfato hiora (лат. tunc surrexerunt omnes virgines illae et ornaverunt lampades suas). R_I Mt XXV, 7 — *fretwan*

Mt XII, 44: ða cueoeð ic cearro (ic willo cerre) in hus min ðona ic cuom 7 cuom infand (begaet) restende (licende) mið besmum geclaensad *gehrinaed* (лат. tunc dicit. Revertar in domum meam unde exiui et veniens invenit vacantem scopis mundatam et ornatam). R_I — *gefretwad*

Lind. Lk XXI, 5: ðara sum ~of cuoeðendu ~of temple þte mið stanu ~godu ~7 geafu ~gehrined were cuoeð. . . (лат. et quib: dam dicentib: de templo, quod lapidib: bonis et donis ornatum esset, dixit)

briað witwgwna byrgena, and glengað ryhtwisra gemundstowa

W. S. Gospels Mt XXV, 7: Da aryson ealle þa faemnan, and *glengdon* heora leohtfatu.

Mt XII, 44: Donne cwyð he, Ic gecyrre on min hus þanon ic uteode; and cumende he gemet hyt aemtig, geclaensod mid, besemum, and *gefraetwod.*

W. S. Gospels Lk XXI, 5: And þa cwaeð he to þam ðe saedon be þam temple, þaet hit waére geglenged mit gódum stánum and godum gifum

Ср. также Cant. Ps. 147, 17: *gehrin* соответствует *frusta* в контексте mittit cristallum suum sicut frusta panis. Здесь *frusta* имеет тот же смысл, что и *aedificationen=girine* (Rtl 12, 27). Ср. *frusta*. . . significat quippe doctrinae diversa dona (Patrol. Lat. 70, 1040); *morcels of brede*, that is, he makis thaim swilke that thai fede othere men with godis worde (Richard Rolle of Hampole, стр. 486). Ср. также Anglia VIII, 326, 2: nu we willa — hig mid trahtunge her geglengan ond rihtlice heora *gerena* cyrtenum preostum gecyþan; Mt I, 2, 13: in aldum *gehrine* (лат. in ueteri instrumento); Rtl 108, 29; 97, 27; Wrt. Voc. II, 82, 69; 82, 69; Rtl 12, 27.

Изучаемое слово, как нам представляется, этимологически и семантически соотносится с совр. алеман. *Rein* 'Topf' [ср. др.-в-нем. (Ahd. Gl. 482, 26) *rina*: olla][7]. Ср. бавар. *Rein* (Schmeller II, 112) 'flaches, gewöhnlich ablanges Becken von Blech, öfter vom Thon, zum Braten oder Backen von Fleisch- oder Mehlspeisen'; *Reinel* 'niedriger Topf' (Müller—Fraureuth, Wb. der obersächs. and erzgebirgischen Mundarten 2, стр. 346). Об ареальном распространении этого слова ср. «Deutsche Wortforschung in europäischen Bezügen III, 1963, стр. 389—390.

[7] Ср.: J. Rohr. Die Gefässe in den ahd. Glossen. Greifswald, 1909; L. Ricker. Zur landschaftlichen Synonymik der deutschen Handwerknamen. Freiburg, 1917.

Ср. семасиологические параллели (связь понятий 'горшок' и 'плести, строить')[8]:

1) лат. *testa* 'горшок', авест. *tašta* 'Schale, Tasse' : лат. *texere* 'плести', др.-инд. *tákṣati* 'он строит', греч. τέκτων 'Zimmermann', ст.-слав. **тесла** 'топор', др.-в.-нем. *dehsa*, *dehsala* 'топор';

2) лат. *catinus* 'Napf, Schüssel', греч. κοτύλη 'Becher', 'natürliche Höhlung', κότυλος 'Pfanne', но лат. *casa* < **catia* 'Hütte', гот. *heþjo* 'Kammer', авест. *kata* 'комната', н.-перс. *kad* 'дом';

3) польск. *zdun* 'Töpfer', лит. *žaīdas* 'Ofen', *židinỹs* 'Herd', чеш. *zed*, *zdi* 'Mauer', словен. *zídati* то же, болг. *зидам* 'строю', *зид* 'стена', др.-русск. *зѣдати* κτίζειν, οἰκοδομεῖν, лит. *žiedžiù* 'строить' (см. Vasmer I, стр. 450).

Geolster (gelostr, gillister):

An. Ox. 2, 228: *Geolstor*: tabo: i sanie; An. Ox. 3585: *Hreofligum wyrmse* (*geolstre*): elephantino tabo, i. sanie; An. Ox. 4855: *Geol(s)tere*: uirus; An. Ox. 1849: Manufullra aettrig l geolstri wyrta saep (лат. dirorum uirulentus); An. Ox. 2, 403: *Geolstri*: purulentus; An. Ox. 5361: Mid geolstrigum wundum: purulentis uulneribus; An. Ox. 4, 30 (7, III): *Iulstrie*: purulentas; Hpt. Gl. 450, 453: geolstrig: verulentus; Wrt. Voc. II, 121, 74: Gelostr: supuratio; Ep. Gl. 833: *gillistræ*: pituita; Corp. Gl. 1970: *gelostr*: supuratio.

Ср. н.-нем. (Тюрингия): *Ulstern* 'schleimige Auswürfe, mit denen unflätige Menschen die Wirtstube verunzieren' (M. Schultze, Id. d. Nordthüring. Md., s. v.; R. Reichhardt. — ZfdMd. I, 3, s. v.) (ср. приведенный выше пример *Iulstrie*).

Ср. соответствующие глаголы: *kolstern*, *qualistern*. Ср. др.-в.-нем. *gillister*. Корневую часть этого слова, видимо, можно сопоставить с исл. *gola*, швед. *göla*, совр. вост.-фриз. *göl*, *gülla* 'a pool', греч. χόλος 'сок', швейц. нем. диал. *Gülle*.

Ср. Ahd. Gl. I, 80, 6: nausia: *uuull-ido*, *uuill-ido*; совр. швейц. люцерн. диал. *Gölln*, *Güllen* (*Gewöln*, *gewüllen*) 'Erbrechen' (Zingerle, Luzernisches Wb. Innsbruck, 1869, s. v.), др.-англ. Ve. Ps. 77, 65: *geille-rocad* (лат. crapulatus, т. е. 'тот, кого вырвало в пьяном состоянии'); Wrt. Voc. 378, 15: *ille racu* (лат. crapula).

Hun (др.-исл. *hunn* 'a young bear'):

В др.-англ. *hun* 'bear-cub' встречается в именах собственных (Sweet, The oldest English Texts, стр. 635). Ср., с одной стороны, др.-инд. *ṣunas* 'вздутый', 'распухший', эльзасск. *Hünsch* 'Geschwulst der Milchader' и, с другой стороны, семасиологическую параллель: др.-инд. *jahu* 'das Junge eines Tieres', но нем. *Kegel* (в выражении *Kind und Kegel* сохраняется первоначальное значение). Ср. швабск. *Heune* 'Riese'.

Ср. также др.-инд. *çŏ-tha-* 'Anschwellung', но *çāva* 'das Junge eines Tieres'; др.-инд. *çi-çu-* 'Kind, Junges', греч. κίκυς, κῖκυς

[8] Ср.: J. Trier. Topf. — ZfdPh LXX, 4, 1947—1949.

'Kraft'. Др.-англ. *hun* 'bear-cub', эльзасск. *Hünsch*, видимо, связаны также с др.-англ. *hun* 'tabes': Cot. 192; Wrt. Voc. II, 82, 55: *hune* vel adle: tabo (этимологич. параллель см. ниже, s. v. *gund*).

Ср. Merritt, Fact and lore about old English words, стр. 50, где *hun* объявляется «ghost-word», употребленным якобы вместо *unhæl*.

Hreða:

Ep. Gl. 997: *sceld-hreða* 'phalanx, testudo' (ἄπαξ λεγόμενον).

Ср. швейц. *Hirte*^{n} 'bestimmte Zeit oder Stunde des Tages, auch etwa des Jahres' (Staub—Tobler II, стр. 1649) (ср. др.-исл. *hrið* 'kurze Zeit'; 'Sturm' [9]):

Wel^{ch}i Hirte^{n} isch(-es)?;
Was heit-er für Hirte^{n}?;
Wenn me^{n} kei^{n}s Zit hätti,
so wüsst me^{n} au^{ch} nie,
welli Hirte^{n} dass es wär;

Do es der Hirten ward, das^{s} er das h. Sacram^{ent} empfache (1510).

Ср. семасиологические параллели:

1) др.-инд. *tanóti* 'dehnt, spannt, dehnt sich, erstreckt sich, dauert'; *tánti-ḥ* 'Schnur, Saite, Reihe', греч. τάνυτι 'streckt sich', лат. *tendo*, *-ere*, *tentum*, *tensum* 'spannen, ausdehnen, ausstrecken', но др.-ирл. *tan* 'Zeit' (*t_{e}nā); ср. также др.-исл. *tét* 'Saite' (*tn̥tā-), кимр. *tant*, лит. *tìnstu*, *tìnti* 'schwellen', *tānas* 'Geschwulst', ст.-слав. *teneto*, *tonoto* 'сеть' (WP I, стр. 723);

2) лит. *tempiù*, *tem̃pti* 'durch Ziehen spannen', но лат. *tempus*, откуда *tempestas* 'Zeitpunkt, Zeitabschnitt, Frist; das durch eine bestimmte Jahreszeit bedingte Wetter' (ср. нем. *Wetter* и греч. Ϝετός), ср. др.-англ. *hrið* 'storm' [10] (др.-сакс. *hrido*, др.-англ. *hrið* 'лихорадка', ирл. *crith*, лтш. *kraitât* 'taumeln', лит. *skriečiù* 'drehe'). В качестве семасиологической параллели здесь можно указать на стоящее в одном ряду с приведенными выше др.-инд. *tanóti* и греч. τάνυται — алб. *ndëń* 'breite aus, strecke, spanne die Saiten eines Instrumenties', алб. *tunt* 'schütte, bewege hin und her, schüttle'.

Ср. греч. καιρός, др.-прусск. *kērdan*.

Gund (ср. гот. *gund* 'γάγγραινα', др.-в.-нем. *gunt*, *gund*) 'нарыв'; 'гной':

Встречается в «Leechdoms»: II, 44, 23, 26; II, I, 4; 2, 3 (Gif se gund biþ þonne onginnende, sio sealf hine todrifþ); *heals-gund*

[9] P. Persson. Studien zur Lehre von der Wurzelerweiterung und Wurzelvariation. Uppsala, 1891, стр. 107, прим. 6.

[10] Lind. Mk. I, 30; Mt VIII, 14 (*hriðgende*: лат. febricitantem); Ps. Surt. 21, 8; 108, 24; Lchdm II, 220, 5. Ср. бавар. *Ritt* 'Fieber' (Schmeller II, стр. 183): der Ritt schütt mich; Notker 2, 11: *ridon* 'tremere', др.-исл. *rida* 'tremor'; швейц. *ridele*^{n} (Staub-Tobler VI, стр. 588 сл.); *hrið* 'storm': Exon 782; Wand 102.

'a swelling in the neck': Lchdm. II, 44, 10, 13, 15; II, 1, 4.

Этимологически общее значение этого слова, видимо, 'скопление чего-либо (гноя, камней и др.), образующее неровность, взбухание поверхности'. Ср. греч. κανθύλη 'Geschwür, Geschwulst' (Гесихий), авест. *gunda*, *gundā* 'kleines rundes Brot', н.-перс. *gundeh* 'eine Kugel, die man aus Teig für ein Brot macht' (Trautmann—ZfdWf VII, стр. 268).

Ср. совр. швейц. *Gand* 'Haufe zusammengeworfener Steine aus Äckern und Wiesen'; 'Schuttfeld, Geröllhalde, Masse von Felsstücken und Steinen in Hochgebirge' (Staub—Tobler II, стр. 336-337): Wie ne Gemscha d'Jäger re^{c}ht zem Narr ha^{n} und springen und lustigi si^{n} und über alli *Gänder* faren.

Норв. диал. *gund* 'струп нарыва' (Christie, Norsk dialektlexicon, s. v.).

Ср. семасиологические параллели: греч. γόγγρος 'Meeraal': γογγρώνη 'ausgeschwollene Halsdrüse', др.-исл. *mugi* 'Haufen, große Menge', др.-англ. *muga*, голл. *muik*, нем. *Mauke*, но бавар. *Mauche* 'Auswuchs, Fußgeschwulst der Pferde', швейц. *Mauch* 'kropfiger Auswuchs am alten Rebholz'. Ср., с другой стороны, др.-инд. *grāma-ḥ* 'Haufen, Schar', лат. *gremium* 'Armvoll, Schoß', но др.-в.-нем. *krimman* 'drücken, kneifen', др.-исл. *kremia* 'drücken', *krǫm* 'zehrende Krankheit'.

Ср. сев.-англ. диал. (Йоркшир, Линколншир) *gound* 'the yellow secretion at the corners of the eyes' (EDD II, стр. 692); *gunny* 'of eyes: sore, running' (EDD II, стр. 746); My neen are very sair. They are seay *gunny* and furr'd up (EDD IV, стр. 263); *Gound*: sordes oculorum condensatae per totum Linc. vulgatissime appellantur (Skinner, Etym. ling. angl., s. v.).

Guð [др.-исл. *gunnr*, *guðr* 'война', др.-в.-нем. *gund* (Graff IV, стр. 219)]:

Встречается в основном в поэзии: B. 1123, 483, 2356, 2948, 2543, 2178, 3920, 1535; El. 23, 43; B. 314, 2584, 803; Gen. 2693; B. 1969, 4660, 2335, 5119, 2563, 5348, 2677; Cd. 160; Jud. 219; El. 204; Gen. 1967 и др.

Ср. др.-англ. *guþ-fana*, др.-в.-нем. *gund-fano* и заимствованные в др.-франц. *gunfanon*, ит. *gonfalone*; ср.-англ. *gon-fanoun* («Ancren Riwle» 300, 17).

Ср. швейц. *Gunte*^{n} 'eiserner, pflockartiger Keil, durch dessen dickes Ende ein eiserner Ring geht, an welchem eine Kette oder Seil befestigt ist, um gefällte Baumstämme wegzuschleifen, in deren Kopfende er getrieben ist' (Staub—Tobler II, стр. 382—383); ср. *ergunten* 1) 'stark schütten'; 2) 'durchprügeln' (II, стр. 384); ср. также *Gunt-Axt* (I, стр. 619): 'schwere Axt mit stählerner Öse zum Spalten gröberen Holzes'.

Ср. др.-инд. *hanti*, др.-ирл. *gonim* 'verwunde, töte', *guin* 'рана', ср.-ирл. *geind* 'Keil', алб. *gán* 'гоню', др.-исл. *guðr*, *gunr*,

но *gandr* 'палка', лит. *giñklas* 'Waffe', *genù*, *ginti* (= арм. *ǰnem*, др.-инд. *hánati*) 'гоню', греч. θείνω 'убиваю, ударяю', арм. ganem 'ударяю', но *jin* 'палка', ст.-слав. *gъnati* (Holthausen, стр. 140).

И.-е. *g^{u}hen 'бить' (WP I, стр. 679—681).

Leswu:

Lind. J X, 9 (= pascuum); Lk XVII, 7; VIII, 32 (*leswiga*: лат. pascere); VIII, 34; XV, 15; J XXI, 17 (*geleswiga*: лат. pascere). Ср. совр. сев.-англ. диал. *leasow* (EDD III, стр. 558) 'pasture, a grass field'.

Слово это, видимо, связано с др.-англ. *lesan* 'to glean' (ср. совр. сев.-англ. диал. *to lease* в том же значении). Ср., с другой стороны, совр. сев.- англ. диал. *lea* 'a scythe' (EDD III, стр. 548): Hey, lad, take that aud *leea*, an gan an' maw a few thrissels; ср. н.-нем. *Lehe*, *Le* 'коса', швед. *lie* и совр. англ. *lea* 'a meadow' (др.-англ. *lēah*). С др.-англ. *leswu*, видимо, можно соотнести и совр. русск. *лезвие* (ср. Ж. Ж. Варбот, Заметки по славянской этимологии. — Сб. «Этимология. 1963». М., 1964). Ср., чеш. *laz* 'расчищенное место, поле', польск. *łaz*, с.-хорв. *laz*, укр. *лаз* 'поляна' (Vasmer II, стр. 6).

Lorh 'a pole, a weaver's beam':

Wrt. Voc. 285, 17: *Lorg*: amitis (Wrt. Voc. II, 8, 38); Ef. Gl. 1172 (1173): colum: *lorg*, couel; colus: *lorg*; Aelfr. Gl. 110: *Lorh vel webbeam*: liciatorium (то же Wrt. Voc 59, 19).

Ср. нем. рейнск. диал. *Lork* 'Schelm, Schuft, Schurke; faules Weib' (Müller, Rheinisches Wb. V, стр. 541).

Ср. семасиологические параллели (WP I, 585): греч. γόμφος 'Pflock, Nagel', лит. *gémbė* 'Nagel zum Aufhängen', арм. *kant* 'Handhabe, Stiel', др.-англ. *cimbing* 'commisura, tabularum conjunctio', швед. диал. *kimbe* 'Faßdaube', др.-в.-нем. *kembil* 'Fesselblock', др.-исл. *kumber* 'Holzklotz', но н.-нем. диал. *knabe* (гессенск.) 'Stift, Bolzen' и 'kleiner Kerl, Knabe' (ср. совр. англ. *knave* 'подлец', ср. также швейц. *Knecht* 'Rebschößling' (Grimm, Dt Wb., стр. 1369), англ. *blade* (ср. *a saucy blade*), греч. βλαστός, μόσχος, κλάδος.

Orf (urf): 'cattle, live stock' (ср. др.-исл. *arfr* 'бык)':

Wrt. Voc. I, 39, 24: *orf-gebitt*: herbitum; Gen. 12, 16: He haefde on orfe micele áehte: fuerunt ei oves et boves; Ep. Gl. 933: *orfiermal*: squalores; в англо-сакс. законах (Liebermann) Ll. I, 160, 2: aet anum hryðere oþþe aet þam orfe þe þaes weorð sy; Ll. I, 276, 24: On minum cucum orfe; Ll. I, 354, 6: Gif baed genumen sy on monnes orfe for oðres monnes þingum; Ll. 224, 22: aet aelcon smalon orfe. Ср. также Wulfst. 159, 10; Gen. 47, 16; Chr. 1041.

В германской языковой области это слово характерно для алеманского ареала (с метатезой *r* и *o*; *ū* > *au*); бавар. *Raup*, *Räupling*, *Riep* 'einjähriges Stück Vieh' (Schmeller II, стр. 129—

130); швaб. *Raupe* 'junges Rind' (Fischer V, стр. 189—190); эльзасск. (Martin—Lienhart II, стр. 277) *Rup*: *D'Rupe*^{n} han unser Krut alles verfrëss^{en}; d Stock ste^{h}n do wie Bëse ^{n}riser; Wënn d^{e}r Teüfel hungrig is^{t}, frisst^{e}r Rupe^{n}; тирольск. (Schöpf, стр. 539); швейц. (Staub—Tobler VI, стр. 1196—1197).

Ср. метатезу в др.-англ. словах: *irnan* : *rinnan* и т. д.

Различные этимологии др.-англ. *orf* см. IF, XVII, стр. 128; «Modern English Notes», 21, 39 (Wood).

Ср. др.-англ. *hwyorf*: Wrt. Voc. 119, 35: iumentum: *hwyorif*; Gl. Lat. I, 550, 10: *hwyorf*: iumentum: hwyorf. Ср. также *weorf* B-T., s. v.); здесь, как нам кажется, мы имеем дело со сложным словом, состоящим из *hwy* + *orf*. Ср. Wrt. Voc. 637, 29: hec iumenta: *que*.

Ср. совр. сев.-англ. диал. (Иоркшир, Нортумберленд) *why*, *quoy*, *quy*, *quee* 'a heifer'; 'a calf' — «Anglia» XX, стр. 114, 126. Ср. ср.-англ. *cwīe*, норв. диал. *kviga* (Aasen), дат. *kvie*, н.-нем. *Kien*.

Sǫng 'stratum':

Mk XIV, 15: ⁊ ðe ilca iuh aedeawas reordhus suiðe I micel sǫng (bed) ⁊ ðer gearuas us (лат. stratum).

Lk XXII, 12: ⁊ he iuh adeuað sumbelhus micel bedd (*sǫng*) ðer gegearuað (лат. stratum).

Ср. бавар. *sängeln* 'собирать', *Sange* 'Haufe' (Schmeller [1], стр. 270). Ср. сев.-англ. диал. *saeng* 'a heap or bed of hay' (Кумберленд); *seng* 'shade, shelter' (Halliwell). Ср. шотл. *single* 'a handful of gleaned corn'.

Ср. др.-инд. *sahá* 'вместе' (adv.).

Teona (и.-е. **dhong*) 'damage, harm, trouble, mischief, injury, abuse':

Lind. Mt XX, 13; Lk XI, 45; XX, 11 (W. S. Gospels в этих местах также *teona*); ср. также Lind. Mk. V, 44 (*teoncwide*); Ve. Ps. 102, 6: donde mildheortnisse dryhten ⁊ dom allum *tionan* ðrowiendum (лат. omnibus injuriam petientibus); Ve. Ps. 145, 7: se haldeð soðfestnisse in weoruld doeð dom *teonan* geðyldgum... (лат. injuriam patientibus); Corp. Gl. 1125: *tionan*: infestationes;

Ср. также *deall*; греч. θαλία 'Überfluss, Fest', θάλλω 'blühe', арм. *dalar* 'зеленый, свежий', др.-ирл. *del*, *deil* 'стебель'. Ср., с другой стороны, ср.-ирл. *dellrad* 'блеск', арм. *delin* 'gelb, bleich' (WP II, 865).

ðreat 'turba':

Lind. Mk III, 32; Mk III, 7; V, 21; Lk VIII, 40; Wrt. Voc. II, 17, 33; II, 137, 29; Lind. Mt XXVII, 27; Hpt. Gl. 413, 1. Ср. *ðreatian* 'to urge, to press'; шваб. *drat*, *gedrat* 'schnell, kühn' (Fischer II, стр. 322); ср. австрал. слэнг *push* 'толпа. Ср. также тирольск. *drat* (Schöpf, 89); эльзасск. (Schmidt, 67); бавар. (Schmeller 1, стр. 571): *drat* 'bald, ohne Verzug'.

Ср. *þeran* irruere (ср. лат. terere) Wrt. Voc. II, III, 12: (*se*) *þerende*. Вряд ли можно согласиться с Bosworth—Toller, предлагающими читать *þe rende* (от *rennan*). Ср. замечание Хесселься: distinctly so written in the MS[11]; ср. *daeg-þerlic* 'diurnus': Homl. Th. II, 224, 29; 194, 24; I, 90, 8; II,86, 24; II, 132, 14; I, 28, 28; *daegþaern* 'diei spatium', 'a day's run': Lchdm. II, 248, 20; 268, 1; ср. Wrt. Voc. 224, 29: diurnum. i. unius diei — daegrima I daeglicu. Ср. также Wrt. Voc. 83, 37: feriente — *ðerccedum*; Wrt. Voc, 83, 35: ðeh ðu *ðercce* (si cintuderis); ср. Lind. (Rushw). Lk XVIII, 9: aperedon aspernabuntur (здесь вместо *p* следует читать *þ*).

Ср. шваб. *därren* 'schnell laufen' (Fischer II, стр. 80).

---

[11] J. H. H e s s e l s. An eighth century Latin-Anglo-Saxon glossary preserved in the library of the Corpus Christi College (MS 144). Cambridge, 1890, стр. 150.

М. В. Раевский

К ЭТИМОЛОГИИ НЕМЕЦКОГО ПРИЛАГАТЕЛЬНОГО Gesund

В практике немецкой исторической лексикографии принято считать прилагательное *gesund* 'здоровый' словом, производным от встречающегося только в западногерманских языках корня **sund-*[1]. Помимо немецкого слова *gesund* (др.-в.-нем. *gisunt*, *gisund*), этот корень представлен в генетически тождественных ему голл. *gezond*, англ. *sound* (др.-англ. *ȝesunt*), имеющих то же значение. Корень **sund-*, находимый в этих словах, в свою очередь рассматривается как нулевая ступень германского корня **swenþ-*, который содержится в готском прилагательном *swinþs* 'сильный', ср. др.-англ. *swīð* 'сильный, ловкий', др.-исл. *svinnr* 'быстрый, умный, понятливый', древнефризском наречии *swīth* 'очень', ср. ср.-в.-нем. *swint* 'сильный'[2]. Этот последний возводится к индоевропейскому архетипу **suento-*, *sunto-*[3].

Однако составители этимологических словарей некоторых других германских языков принимают это предположение с известной долей осторожности и связывают генетически тождественные *gesund* слова с корнем **swenþ-* не столь категорически. Согласно Фальку и Торпу, сопоставление западногерманской основы **sunda-* (норв., дат. *sund* 'здоровый' заимствовано из нижненемецкого, т. е. из западногерманского диалекта) и германского корня **swenþ-* удачнее, чем сопоставление **sunda-* и лат. *sanus* 'здоровый'. У. Скит считает, что англ. *sound* 'здоровый', нем. *gesund* и т. д. могут быть родственны гот. *swinþs* 'сильный'[4]. Однако других этимологий для *sund* и *sound*, а следовательно и для *gesund*, в этих словарях не предложено.

---

[1] Kluge[17], стр. 254; H. Paul. Deutsches Wörterbuch. 5-te Aufl., bearb. von A. Schirmer. Halle, 1956—1957, стр. 241.

[2] Kluge[17], стр. 253—254; Feist, стр. 468.

[3] P. Persson. Beiträge zur indogermanischen Wortforschung. Uppsala, 1912, стр. 182, прим. 2; Walde-Pokorny II, стр. 525 сл.

[4] Falk—Torp, стр. 1205; W. Skeat. An etymological dictionary of the English language. Oxford, 1956, стр. 583.

Нам представляется возможным связать нем. *gesund* и этимологически тождественные ему слова других германских языков по корню с исчезнувшим, видимо, еще в общегерманскую эпоху сильным глаголом **senþan* 'идти, отправляться в путь', который с достаточной убедительностью восстанавливается на основе наличия во всех германских языках общего им всем глагола со значением 'посылать' (др.-в.-нем. *senten*, др.-англ. *sendan*, др.-исл. *senda*, гот. *sandjan* из древнегерманского глагола **sanþjan*)[5].

В самом деле, корень **sund-* может быть нулевой ступенью не только от корня **swenþ-*, но и от корня **senþ-* (и.-е. **sent-* 'идти, отправляться в путь'[6]). Как известно, корень вида **sent-* в нулевой огласовке имел слогообразующий сонорный (носовой) и выступал в форме и.-е. **sṇt-*, герм. **sunþ-*. Именно эту ступень корня обнаруживают нем. *gesund* и предполагаемые формы множественного числа претерита и причастия прошедшего времени от реконструируемого глагола **senþan*.

Таким образом, *gesund* (др.-в.-нем. *gisunt*) можно было бы рассматривать как отглагольное прилагательное. Такая трактовка *gesund* вполне допустима, на наш взгляд, в частности, и потому, что *gesund* с точки зрения своей структуры вполне сравнимо с такими прилагательными, как др.-в.-нем. *gifuori* 'удобный', *ginâmi* 'приемлемый', *gereit* 'готовый, снаряженный' и т. п. Подобные прилагательные, образованные от основ единственного и множественного числа претерита сильных глаголов — в данном случае глаголов *faran* 'передвигаться' (основа ед. и мн. числа претерита *fuor-*), *neman* 'брать' (основа мн. числа претерита *nâm-*), *rîtan* 'ездить верхом' (основа ед. числа претерита *reit-*), — представляли в словарном составе древневерхненемецких диалектов определенный словообразовательный тип. Можно привести в качестве примера некоторые другие прилагательные: *ginuog(i)* 'достаточный' от *ginuog-* — основы множественного числа настоящего времени претерито-презентного глагола *ginah* 'хватает, достаточно', *gemâze* 'соответствующий' от *mâz-* — основы множественного числа претерита глагола *mezzan* 'мерить', *gizâmi* 'приличествующий, подходящий' от *zâm-* — основы множественного числа претерита глагола *zeman* 'подобать' и др. Вокализм той же ступени корня обнаруживаем в прилагательном *giwiss(i)* 'известный, определенный', содержащем основу претерито-презентного глагола *wizzan* 'знать' [7].

---

[5] О восстанавливаемой форме **senþan* см., например: W. Skeat. Указ. соч., стр. 548.

[6] О корне **sent-* см.: Walde-Pokorny II, стр. 496 сл.

[7] С помощью префикса *gi-* могли образовываться прилагательные и от основ слабых глаголов, ср. *gifêh* 'враждебный' от *fêhen* 'ненавидеть'.

Указанные прилагательные свидетельствуют о наличии словообразовательной модели, по которой от различных глагольных основ образовывались прилагательные с основами на *-a*, *-ja*.

Что касается развития семантики *gesund*, то значение 'здоровый' могло развиться как результат переосмысления предположительного этимологического значения 'способный передвигаться, отправиться в путь'; ср. семантическое развитие таких слов, как др.-в.-нем. *gereit* 'готовый, снаряженный', первоначально 'готовый к поездке верхом', *bereit* 'готовый' с тем же этимологическим значением, *fertig* 'готовый', первоначально 'готовый отправиться в путь'.

С. Видлак

ПРОБЛЕМА ЭВФЕМИЗМА НА ФОНЕ ТЕОРИИ ЯЗЫКОВОГО ПОЛЯ

В настоящее время является уже общепризнанным утверждение, что лексика данного языка представляет собой не обычную аморфную массу, простую сумму слов, а наоборот, целесообразную и в полной мере функциональную организацию элементов словаря, которые обладают собственной внутренней структурой (микроструктура) и которые на правах организованного и диалектически взаимозависимого динамического целого входят в формальную и семантическую систему данного языка (макроструктура) [1], используемого определенным обществом в определенных социально-исторических условиях.

Проблема языкового поля принадлежит также к числу тех проблем в целом очень слабо разработанной структурной семантики, которым посвящено известное количество ценных и основательных работ [2], при этом разнородность точек зрения и концеп-

[1] См.: T. Cazacu. La «structuration» dynamique des significations. — «Mélanges linguistiques». Bucarest, 1957, стр. 114—127; T. Slama-Cazacu. Limbaj şi context. Bucureşti, 1959, стр. 174; O. Duchá č e k. Les relations sémantiques des mots. — «Kwartalnik Neofilologiczny» IX, 1. Warszawa, 1962, стр. 33.

[2] Из важнейшей библиографии следует назвать (по алфавиту): H. Ahrens. Sprachwissenschaft. München, 1955, стр. 423—437; T. (Slama-) Cazacu. Указ. соч.; O. Duchá č e k. Указ. соч., Он же. Le champ conceptuel de la beauté en français moderne. Praha, 1960 (особенно см. Введение); Он же. Les champs linguistiques. — «Philologica pragensia» III, 1940; P. Guiraud. La sémantique. Paris, 1959, стр. 68—86; Он же. Les champs morpho-sémantiques.— BSL LII, 1956, I, стр. 265—288; L. Hjelmslev. Dans quelle mesure les significations des mots peuvent-elles être considérées comme formant une structure? — «Reports from the 8-th International Congress of Linguists», vol. II. Oslo, 1957; G. Ipsen. Der neue Sprachbegriff. — «Zeitschrift für Deutschkunde», XLVI, 1932, стр. 14; H. Kronasser. Handbuch der Semasiologie. Heidelberg, 1952; Ю. Курилович. Заметки о значении слова. — ВЯ, 1955, № 3; M. Leroy. Les grands courants de la linguistique moderne. Bruxelles—Paris, 1963, стр. 166 сл.; G. Matoré. La méthode en lexicologie. Domaine français. Paris, 1953, стр. 63 сл.; S. Öhman. Theories of the «Linguistic Field». — «Word» IX, 2; Она же. Wortinhalt und Weltbild. Studien zu Bedeutungslehre und Wortfeldtheorie. Stockholm, 1951; W. Porzig. Das Wunder der Sprache. Bern, 1950, стр. 71—74; A. Schaff. Język a poznanie. Warszawa, 1964, стр. 11 сл.; Он же. Wstęp do semantyki. Warszawa, 1960, стр. 434—435; H. Sperber. Einführung in die Bedeutungslehre. Bonn und Leipzig, 1923, стр. 45 сл.; J. Trier. Das sprachliche Feld. — «Neue Jahrbücher für Wissenschaft und

ций здесь иной раз весьма велика (от младограмматических до структуралистических и психолингвистических, от идеалистических — через социологические — до марксистских).

Ни одно слово не может существовать в языке как изолированное образование [3], без формальной и семантической связи с другими элементами словарного запаса языка [4]. Напротив, с точки зрения своей внешней формы и внутреннего содержания слово всегда связано — через свое языковое поле — с рядом других слов, подобных ему или же состоящих с ним в какой-либо связи. Таким образом слова образуют системы — формальные или семантические, которые обладают определенной структурой. Нет языка, который бы не имел организованной лексической системы, с другой стороны, «чем более развит язык, тем более дифференцированы и расширены его лексико-семантические системы» [5]. Говоря иначе, слово можно определить наиболее полным образом лишь путем выявления его структурных ассоциаций с другими лексическими единицами [6], а также путем установления его значения не вообще, а на основе контекста употребления [7], в связи с конкретной общественно-языковой ситуацией, в которой это слово употребляют, следовательно, на основе его актуализации в процессе речи (соссюровская parole).

Лексическая структура языка не является постоянной и не имеет статического [8], неподвижного характера. Напротив, она изменчива, динамична, эволютивна по своему характеру и беспрестанно находится в состоянии становления [9].Отсюда некоторые предпочитают говорить скорее о структурации, чем о структуре [10]. Потому что является фактом, что структура системы лексики и даже объем языкового поля изменяется в зависимости от ситуации

Bildung» X, 1934, стр. 428—449; О н ж е. Der deutsche Wortschatz im Sinnbezirk des Verstandes. Die Geschichte eines sprachlichen Feldes. Heidelberg, 1931; S. U l l m a n n. Orientations nouvelles en sémantique. — «Journal de psychologie» LV, 1958, 3, стр. 338 сл.; О н ж е. Précis de sémantique française. Berne, 1959, стр. 303 сл.; О н ж е. The principles of semantics. Glasgow, 1957, стр. 152 сл.; W. von W a r t b u r g. Problèmes et méthode de la linguistique. Paris, 1946, стр. 141 сл.; W. Z w i e g i n c e w. Semazjologia. Warszawa, 1962, стр. 366 сл. (перевод с русского).

[3] Ср.: U l l m a n n. Orientations. . ., стр. 354 сл.; G. M a t o r é. Le vocabulaire et la société sous Louis-Philipe. Genève—Lille, 1951; О н ж е. La méthode. . ., стр. 63 сл.; P. G u i r a u d. La sémantique, стр. 68 сл.; O. D u c h á č e k. Les relations. . ., стр. 28.

[4] Ср.: D u c h á č e k. Les relations. . ., стр. 27.

[5] Z w i e g i n c e w. Указ. соч., стр. 380.

[6] Ср.: U l l m a n n. Orientations. . ., стр. 350.

[7] См.: C a z a c u. Limbaj. . . (главы «Tehnica limbajului» и «Contextul»); G u i r a u d. Sémantique, стр. 68.

[8] M a t o r é. Méthode. . ., стр. 65; H j e l m s l e v. Указ. соч., стр. 270.

[9] Z w i e g i n c e w. Указ. соч., стр. 368; D u c h á č e k. Les relations..., стр. 33.

[10] C a z a c u. La «structuration». . ., стр. 113; D u c h á č e k. Le champ. . .

точно так же, как и от точки зрения, с которой данный материал рассматривается [11]. В результате слово может принадлежать одновременно к нескольким системам, будучи связано более или менее постоянно и тесно с данной лексической группой. С другой стороны, отдельные системы заходят одна за другую. Тем самым следовало бы говорить не о лексическом составе системы лексики, а скорее о вхождении слов в систему лексики, понимаемую как изменчивая и эволютивная организация лексики.

Как уже упоминалось выше, организация лексики осуществляется либо на уровне формы, либо на уровне значения. П. Гиро выдвигает для обоих этих планов одно понятие — «champ morpho-sémantique» [12], в то время как О. Духачек разделяет языковое поле на «de mots» и «d'idées», причем первый разряд, занимающийся формой, распадается в свою очередь на «morphologique» и «syntagmatique», а второй, занимающийся значением, распадается на «conceptuel» и «sémantique» [13].

Если речь идет о поле, охватывающем семантическую сторону слова, то чаще всего употребляются термины champ sémantique и champ notionnel [14], обозначающие одно и то же семантическое поле. Более точное обозначение, предлагаемое Духачеком, не представляется особенной необходимостью. В принципе можно ограничиться морфо-семантическим полем Гиро, усиливая в нем при случае, в практических целях, момент отношения формы и отношения значения, т. е. семантическое поле. Оба эти отношения основываются на ассоциации, указанной Соссюром [15] и обсуждавшейся Ш. Балли, К. Бальдингером, С. Ульманом [16] и др.[17]

Понятие лексической структуры и языкового поля очень плодотворно при анализе явления эвфемизма [18]. Употребление эвфе-

---

[11] Ср.: Duchá č ek. Les relations. . ., стр. 28.

[12] Guiraud. Les champs morpho-sémantiques; La sémantique, стр. 82—86.

[13] Duchá č ek. Le champ conceptuel. . ., стр. 19 сл.; Он же. Les relations. . ., стр. 27—34; ср. также: Cazacu. Limbaj. . ., стр. 180; La «structuration». . ., стр. 123.

[14] Matoré. La méthode. . ., стр. 63 сл.

[15] F. de Saussure. Cours de linguistique générale, 2 éd. Paris, 1922, стр. 175.

[16] Ch. Bally. Linguistique générale et linguistique française. Paris, 1932, стр. 133 сл.; K. Baldinger. Die Semasiologie. Berlin, 1957, стр. 18; Ullmann. Précis. . ., стр. 27—30.

[17] Ср. также Cazacu. La «structuration». . ., стр. 126; Ullmann. Orientations. . ., стр. 347—350.

[18] Более полную библиографию и информации на тему эвфемизма можно найти (привожу в алфавитном порядке): Ch. Bruneau. Euphémie et euphémisme. — «Festgabe E. Gamillscheg», 1952; «Cahiers de l'Association de la Société Internationale des Etudes Française», Juillet 1953; A. Carnoy. La science du mot. Louvain, 1927; J. da Silva Correia. Eufemismo e disfemismo na lengua e na literatura portuguesa. — «Arquivo da Universidad de Lisboa» XII, 1927; R. F. Mansur Guérios. Tabus lingüisti-

мизма оказывается в тесной связи с отношением данного слова к прочим словам данной лексической системы, а результаты употребления слова-эвфемизма влекут за собой явные изменения в структуре лексики языка. Отсюда три аспекта анализа языкового запрета и сопутствующего ему эвфемизма с этой точки зрения: сферы, функционирование и результаты.

Сферы

Восприятие лексики языка как строго организованной структурной системы и рассмотрение ее как таковой дает возможность, с одной стороны, точно расклассифицировать материал, а с другой — четко дифференцировать отдельные группы слов, иначе говоря, более мелкие лексические системы, путем выделения общих черт [19], составляющих классификационную доминанту. На фоне всей лексической системы языка выделяются определенные совокупности, которые сближают друг с другом моменты формы или значения или же и те и другие одновременно.

При анализе сфер действия языкового табу и эвфемизма следует учитывать оба эти аспекта слова: форму и значение. Тут нужно отметить, что языковому запрету подвергается не понятие, мысль, содержание слова, потому что их нельзя изъять из жизненного обихода, а тем самым и из языковой коммуникации, но единственно некоторые их формы, внешние языковые манифестации [20]. Отправной же точкой при классификации этих последних может быть только их семантическая ценность, содержание, которое говорящий должен передать собеседнику, осуществляя таким образом основной принцип языковой коммуникации. Иначе говоря, определенные содержания в данных социально-психологических условиях могут быть выражены только с помощью соответствующих в данном случае языковых форм, тогда как другие языковые формы того же самого содержания оказываются — как несоответственные — изъятыми из языкового обихода временно или же навсегда.

---

cos. Rio de Janeiro. 1956; W. H a v e r s. Neuere Literatur zum Sprachtabu. Wien, 1946; O. H e y. Euphemismus und Verwandtes.— «Archiv für lateinische Lexicographie» XI. Leipzig, 1900; I. I o r d a n Lingistica romanică. Bucureşti, 1962; F. K a i n z. Psychologie der Sprache, Bd. I. Stuttgart, 1954; Ch. A. K a n y. American-Spanish Euphemisms. Berkeley and Los Angeles, 1960; Kr. N y r o p. Grammaire historique de la langue française, t. IV. Copenhagen, 1913 (глава «Euphémisme»); U l l m a n n. Précis. . .; S. W i d ł a k. Tabu i eufemizm w językach nowożytnych. — BPTJ XXII, 1964; ср. также прим. 76.

[19] Z w i e g i n c e w. Указ. соч., стр. 372.

[20] Ср.: C a r n o y. Указ. соч., 338; H. O e r t e l. Euphemismen in der vedischen Prosa und euphemistische Varianten in den Mantras. München, 1942; См. также: R. de la G r a s s e r i e. Essai d'une sémantique intégrale. Paris, 1908, стр. 117; K a i n z. Указ. соч., стр. 231; T. M i l e w s k i. Wstęp do językoznawstwa. Łódź — Kraków, 1959, стр. 11; P o r z i g. Указ. соч., стр. 244; S p e r b e r. Указ. соч., стр. 49.

В некоторых семантических сферах начинает действовать запрет на употребление ряда языковых форм, а вместе с ним и тенденция употребления других форм, соответствующих данному моменту, данной ситуации, что совершается путем стилистического отбора [21], на базе относительной языковой свободы, которой располагает говорящий [22]. Тем самым деление манифестаций языкового запрета и эвфемизма по сферам их бытования следует проводить, опираясь на проблему семантического плана, т. е. в связи с семантическим полем слов и семантическими системами, которые они образуют.

Структура семантических систем, точно так же как и принципы их определения, могут быть весьма разнородными [23]. Слова образуют различные группы, иногда — самые неожиданные [24], основанные на разных критериях. Следовательно, здесь не может быть речи о какой-то одной особенности, общей для всех слов, которая была бы их общим знаменателем, а вместе с тем критерием их систематизации. Слова соединяются в группы, ряды и совокупности — естественные или искусственные [25] — на базе семантической общности, которая в каждом отдельном случае может основываться на ином критерии, важнейшем и наиболее характерном для данной группы слов с определенной точки зрения, на основе общественного и языкового опыта [26]. Эта неодинаковость систем чрезвычайно характерна для организации лексики в данном языке, одновременно она является первой и важнейшей манифестацией динамического и диалектического, эволюционного характера словесной структуры данного языка. Соответственно характеру структуры систем и принципов их организации меняется и их роль в языке.

Семантические системы являются результатом процесса обобщения [27], что уже само по себе указывает на тот факт, что данная

---

[21] См.: T. M i l e w s k i. O zakresie i przedmiocie badań stylistycznych.— JP XXIV, 1939; P. G u i r a u d. La stylistique. Paris, 1957; S. U l l m a n n. Psychologie et stylistique. — «Journal de psychologie», XLVI, 1953, стр. 2; Ch. B r u n e a u. La stylistique. — «Romance Philology» V, 1951, стр. 1; кстати, о стилистике см. также разностороннюю и содержательную дискуссию советских языковедов на страницах «Вопросов языкознания» в 1954 г.

[22] Если говорить о языковой свободе, см.: B. T e r r a c i n i. Lingua libera e libertà linguistica. — AGI XXXV—XXXVIII; G. D e v o t o. Nuovi studi di stilistica. Firenze, 1962, стр. 97 сл.; M i l e w s k i. O zakresie. . ., стр. 38; B r u n e a u. Stylistique, стр. 6.

[23] Ср.: Z w i e g i n c e w. Указ. соч., 373; C a z a c u. Limbaj. . ., стр. 181.

[24] Ср.: M a t o r é. La méthode. . ., стр. 65; C a z a c u. La «structuration». . .

[25] D u c h á č e k. Les relations. . ., стр. 29.

[26] C a z a c u. La «structuration». . ., стр. 123; D u c h á č e k. Les relations. . ., стр. 28 сл.

[27] См.: C a z a c u. La «structuration». . ., стр. 119; Z w i e g i n c e w. Указ. соч., стр. 372 сл.

система, охватывая определенную группу слов, одновременно выходит за границы отдельных слов. Именно это позволяет говорить о макроструктуре (или макроструктурации) [28] слов, при которой на основе сближений семантического характера объединяются в одну систему разные слова. Каждое слово обладает своей семантической индивидуальностью, своей особой внутренней структурой (микроструктурой), общие характерные черты определенной группы этих индивидуальностей объединяют их в единицу более высокого ряда, более или менее компактную.

Явление языкового запрета и эвфемизма, естественно, не охватывает всех семантических систем, входящих в состав лексической структуры данного языка, но лишь некоторые из них. Наконец, даже внутри данной системы не все слова обязательно охвачены ими. Некоторые семантические системы остаются незатронутыми (например, масса нейтральных слов из ежедневного жизненного обихода: карандаш, радио, улица, стена и т. д.), хотя потенциально и они могут случайно, в индивидуальном употреблении, оказаться в сфере запрета, хотя бы на основе психопатологического предрасположения говорящего лица [29]. Другие системы охвачены табу совершенно регулярным образом [30] (например, ругательства, физиологические отправления и т. п.), третьи вовлекаются в сферу запрета частично и кратковременно [31], в форме запрета произносить определенные слова в определенной конкретной ситуации (при религиозных церемониях, в обществе женщин, престарелых лиц, больных и т. д.). Табу и эвфемизм могут даже вторгнуться — иногда лишь спорадически — в сферы, в которых мы меньше всего их ожидали, например вследствие чисто формального сходства слова с другим, запрещенным. Так, в каждом языке существуют слова, которые избегают произносить, потому что они содержат «загрязненные» слоги, например, в итальянском прилагательные типа *magnifica* с окончанием *-fica* в некоторых случаях употребляются неохотно, а иногда попросту поражены запретом [32]. Француз-précieux старательно избегал слов с приставкой *con-*, вплоть до изъятия этого элемента, что приводило к созданию смехотворных образований на *-server*, *-fiture*, *-servatoire* и т. п. В современном польском языке все с бóльшим колебанием употребляются формы с окончанием *-chuje* — *wymachuje*, *podśmiechuje* и т. п., что заставляет искать для них замены.

Таким образом, трактовка сфер бытования языкового табу и эвфемизма не может выявить никакой структуры высшего уровня,

---

[28] C a z a c u. La «structuration». . .

[29] См., например: S. F r e u d. Totem und Tabu. London, 1948.

[30] Ср.: F r e u d. Указ. соч., 29; S p e r b e r. Указ. соч., стр. 51; M i l e w s k i. Wstęp. . ., стр. 58.

[31] Ср., например: G. B o n f a n t e. Etudes sur le tabou dans les langues indo-européennes. — «Mélanges de linguistique offerts à Ch. Bally.». Genève, 1939, стр. 198; M i l e w s k i. Wstęp. . ., стр. 58.

[32] A. G i s m o n d i. La radiotelevisione in Italia. Roma, 1958, стр. 132.

но лишь более или менее крупные фрагменты этой последней, пораженные языковым запретом. (Поэтому было бы целесообразнее заменить здесь термин «семантическая система» менее обязывающим термином «семантическая группа».) Не раз также приходится в практических соображениях применять критерии определения систем, несколько отличные от общепринятых и требуемые спецификой проблемы. Например, систематизация слов осуществляется здесь с точки зрения социально-психологических причин запрета и заменительной тенденции в языке, манифестирующихся в некоторых проявлениях жизни отдельных обществ или общественных групп. Именно это весьма характерно для анализа лексической структуры языка [33] и одновременно удобно с методологической точки зрения — это то, что можно менять критерии и в зависимости от этого менять в известном смысле, и по крайней мере частично, также и содержание семантической системы, его специфику.

Таким образом, деление слов, охваченных табу и эвфемизмом, на отдельные семантические группы нельзя провести в одном плане; при делении на системы и семантические поля не удается придерживаться одного критерия, применять один способ [34].

Чаще всего определяется общее значение некоторой группы близких слов [35] — значение более высокого уровня, например части тела, физиологические отправления, половая жизнь, формулы вежливости, сверхъестественные существа, болезни, одежда, растения, животные и т. п. Речь здесь идет о соединении слов на базе их семантической общности, при поддержке логического отношения род—вид, путем осуществления «l'intégration dans une notion de 'genre' commune» [36]. Некоторые группы слов — тождественных или подобных — располагаются вокруг слова-доминанты, образуя строго ограниченные синонимические ряды [37], например *смерть*. В некоторых лексических рядах не всегда легко уловить слово-доминанту [38]. Другие группы слов могут образовывать стереотипную рядовую систему, точно определенную и ограниченную [39] (дни недели, месяцы, числительные), при этом дело иногда может дойти до более сложных соединений этих систем ряда (например, названия родства) [40].

Принципиальное значение при систематизации слов со стороны их содержания имеет жизненный опыт индивидуума и исто-

---

[33] Zwiegincew. Указ. соч., стр. 376.
[34] Там же, стр. 373.
[35] Там же; Cazacu. Limbaj. . ., стр. 176.
[36] Cazacu. La «structuration». . ., стр. 119.
[37] Там же, стр. 117; Zwiegincew. Указ. соч., стр. 374.
[38] Zwiegincew. Указ. соч., стр. 374.
[39] Ср.: Cazacu. Limbaj. . ., стр. 175.
[40] Ср.: Cazacu. La «structuration». . ., стр. 118; Duchá̌ek. Les relations. . ., стр. 29.

рический или актуальный опыт общества [41]. Отсюда, например, такие семантические группы, как война, торговля, внутригосударственная жизнь, международные отношения и т. д. Перечень критериев и способов объединения слов в семантические группы мог бы быть гораздо длиннее.

Как видим, различия в воззрениях на лексику и ее структуру весьма велики. «Toutes ces structurations se fondent sur des associations — prises dans une acception non-mécaniste, souples et dynamiques — de différents types» [42].

Важнейшее и принципиальное значение имеет систематизация слов, охваченных языковым запретом, в семантическом плане. Однако здесь нельзя обойтись и без формального плана, иначе — морфологического или синтагматического. В случае морфологического поля имеют место чисто формальные соединения семантически нейтральных слов со словами, которые охвачены по семантическим причинам языковым запретом, о чем уже упоминалось выше. В случае синтагматического поля речь идет о запрете употребления некоторых слов вследствие частого появления последних в соответствующих формальных сочетаниях, в контексте или системе, которые поражены языковым запретом. Так, слово *публичный* вызывает нередко подозрения своей двусмысленностью и избегается, потому что оно ассоциируется с табуизированными выражениями *публичный дом*, *публичная женщина*.

Вспомним, наконец, что систематизация слов на отдельные группы по значениям способствует возможно прозрачной их классификации, а языковому запрету подвергается не их семантическое содержание, но единственно их форма, разумеется, на основании ее значения [43].

Функционирование

Языковой запрет охватывает более или менее систематическим образом некоторые семантические группы слов, изымая из употребления определенные их формы. Этот факт постулирует наличие стилистического выбора и влечет за собой необходимость субституции другой формы на место формы, пораженной запретом. Это происходит в формальном плане, хотя и в тесной связи с семантическим планом лексики. Например, табуизированная форма лат. *mori* заменяется другой — *obire*, *defungi*, однако одновременно здесь осуществляется подстановка смягченного семантического содержания, в общем поверхностная и в некотором роде символическая субституция, так как в сущности во внутреннем содержании коммуниката никакого изменения не наступает.

---

[41] Ср., например: Duchá č e k. Les relations. . ., стр. 30.
[42] Cazacu. La «structuration». . ., стр. 126.
[43] Ср. выше.

Функционирование эвфемистических субститутов вместо табуизированных слов осуществляется на основе взаимозависимости отдельных элементов и компактной структуры, образуемой ими. Слова не фигурируют как изолированные единицы, а существуют как части все более крупных и сложных лексических систем [44]. Посредством своей внутренней структуры — микроструктуры — отдельные слова объединяются с другими словами во взаимозависимые единицы более высокого уровня. На этом принципе как раз основывается субституция эвфемистической формы вместо табуизированной формы.

В сфере лексики эта эвфемистическая субституция очень часто опирается на синонимику и полисемию слов, которые могут акцентироваться в меньшей или большей степени. Иногда — впрочем, весьма редко — на место табуизированной формы подстанавливается существующий полный ее семантический эквивалент — так называемые synonymes totaux, «. . . dont la similitude est si grande qu'elle permet la substitution presque complète des uns par les autres» [45]. В этом случае перед нами наложение одного слова на его табуизированный синоним. Это имеет место, конечно, прежде всего в случае заимствований из других языков (поскольку иноязычные слова меньше шокируют и кажутся более благородными), не раз выступают, впрочем, здесь также заимствования из специальных языков и «более высоких» сфер языка в отношении к повседневному языку, т. е. административный, юридический, литературный язык. Так, вместо слова *porco* в более утонченном разговоре по-итальянски употребят синоним *suino*, а вместо *merda — sterco*. Гораздо чаще эвфемистическим субститутом служит неполный синоним, который хотя и сближен по значению, одновременно четко отличается от табуизированного слова. При этом используется тот факт, что, за редкими исключениями, чаще всего данное слово имеет, наряду с семантической доминантой, целый ряд дополнительных семантических компонентов (часто — с аффективной окраской) [46]. Вследствие этого данное слово может принадлежать — и принадлежит — более чем к одной семантической системе [47], оставаясь «en rapports sémantiques plus ou moins étroits avec un nombre parfois assez élevé de mots» [48]. Говоря иначе, отдельные значения данного слова (которые актуализируются в конкретном случае речевого контекста) объединяются с отдельными значениями других слов в соответствующие семантические системы. Таким образом, семантические поля слов

[44] Ср.: G u i r a u d. La sémantique, стр. 85; C a z a c u. La «structuration». . ., стр. 124.

[45] C a z a c u. La «structuration». . ., стр. 117; ср. также «Limbaj». . ., стр. 175.

[46] Ср., например: D u c h á č e k. Les relations. . ., стр. 31 сл.; C a z a c u. Limbaj. . ., стр. 174; La «structuration». . ., стр. 113.

[47] Ср.: C a z a c u. Limbaj. . ., стр. 181.

[48] D u c h á č e k. Les relations. . ., стр. 32 сл.

заходят одно за другое и взаимно перекрещиваются. Это имеет важное значение в эвфемистической субституции. На место слова-табу подстанавливается другое слово, которое одним из своих семантических элементов (подчас — второ- и третьеразрядных) объединяется со значением табуизированного слова, входя с ним в определенную семантическую систему. Так, эвфемистическое слово оказывается связанным через одно из своих значений и актуализированным в конкретном общественно-языковом употреблении, причем остальные его значения и дальше остаются нейтральными и несвязанными по отношению к слову-табу. Например, слово *dziewka* имело в старопольском языке положительное значение 'девушка'. Эвфемистическое употребление этого слова в значении 'публичная девка, шлюха' первоначально не влияло на его общее семантическое содержание, подобно тому как современное польск. *panienka*, хотя и употребляется в уничижительном табуистическом значении, сохраняет также еще свое положительное значение и в этом последнем повсеместно употребляется в современном польском языке. При этом стоит отметить, что сплошь и рядом именно в этом состоит эвфемистическая ценность субститута; этот последний образует своего рода противовес по отношению к табуизированному слову. Противовес, по крайней мере, формальный и как бы символический благодаря тому факту, что это слово имеет большее число значений, не имеющих ничего общего со значением слова-табу, тем более что среди этих значений находится также и значение-доминанта, чуждое или почти чуждое семантически слову-табу. Польское слово *pielęgniarz* имеет много значений разных оттенков. Основным его значением-доминантой в современном языке является 'работник санитарной службы с определенной квалификацией и функциями'. А его эвфемистическое значение 'живодер' четко отделяется от остальных значений, в том числе и от этимологического значения этого слова.

Вследствие этого говорящий располагает своего рода формальной защитой, что является очень важным фактором с точки зрения антагонистического характера процесса общения [49] и если принять во внимание общественную цензуру [50], представленную языковым окружением. Говорящий, употребляя эвфемистический субститут, который имеет одновременно ряд нейтральных системных семантических связей, совершенно не относящихся к табуизированному слову, как бы отвлекает внимание собеседника от запретного понятия, подразумевая, по крайней мере фор-

[49] См., например: J. Marouzeau. Aspects du français. Paris, 1947, стр. 10; Он же. Précis de stylistique française. Paris, 1946, стр. 199; Он же. Le rôle de l'interlocuteur dans l'expression de la pensée. — «Journal de psychologie» XX, 1923; G. Devoto. Указ. соч., стр. 98; Terracini. Указ. соч., стр. 123.

[50] Ср.: Sperber. Указ. соч., стр. 49 сл.; A. Schiaffini. Problemi di lessico italiano. Roma, 1952, стр. 61; Kainz. Указ. соч., стр. 226.

мально, другие содержания. При соответственном употреблении эвфемизма, в конкретной общественно-языковой ситуации, партнер, конечно, не встречает затруднений при идентификации актуализированного в речи семантического содержания данного слова, что одновременно представляет второй род манифестации в общественном процессе языкового общения, находящийся в оппозиции к антагонистическому моменту, — момент молчаливого соглашения между говорящим и его партнером [51], при котором между ними устанавливается своего рода мост недомолвок — и взаимопонимания; один из говорящих идет навстречу намекам другого, подхватывая их и дополняя, что, несомненно, является, в случае употребления эвфемизма, проявлением характерного дозволимого коллективного лицемерия [52].

Слова данной лексической системы могут располагаться, помимо синонимической плоскости, опирающейся на полисемическую природу слов, равным образом и на плоскости семантической противопоставленности [53], что приводит к возникновению антонимических семантических совокупностей, причем, как и при синонимах, здесь могут выступать как полные, так и частичные антонимы. Так начинают употребляться эвфемистические субституты, которые являются более или менее четким противопоставлением табуизированному слову, причем, согласно принципу процесса языкового общения, конкретная ситуация, контекст указывают на истинное семантическое значение субститута в данном случае. Таким образом достигаются стилистические эффекты, начиная с частичного антонима (литотес) и кончая полным антонимом (антифраз). Ср., например, употребленные вместо слова *ложь* литотическое *неправда* и антифрастическое *правда* (произнесенное соответственным тоном, с соответственным жестом и в соответственном контексте); или же вместо слова *трудный* — литотическое *довольно трудный* и антифрастическое *легкий*. Особым случаем антифрастического употребления эвфемистического слова, основывающегося на антонимичной группе, является ассоциация, состоящая в привлечении второго, противопоставленного члена дихотомической структуры [54], например *толстый—худой*, *проклятый—благословенный*.

При эвфемистической субституции можно также использовать случай, когда определенное количество слов образует четко ограниченную, стереотипную протяженность, установленную на основе

---

[51] Ср.: Ch. B a l l y. Langage naturel et langage artificiel. — «Journal de psychologie» XVIII, стр. 627 сл.; S p e r b e r. Указ. соч., стр. 50; M. C r e s s o t. Le style et ses techniques. Paris, 1947, стр. 44; T e r r a c i n i. Указ. соч., стр. 121 сл.

[52] Ср.: Ch. B a l l y. Traité de stylistique française, vol. I. Heidelberg—Paris, 1934, стр. 297—298; W i d ł a k. Указ. соч., стр. 93, 96.

[53] Ср.: C a z a c u. La «structuration». . ., стр. 118; Limbaj. . ., стр. 175; D u c h á č e k. Les relations. . ., стр. 27.

[54] Ср.: C a z a c u. La «structuration». . ., стр. 118; Limbaj. . ., стр. 176.

механической сопредельности [55]. Когда один из членов этой непрерывности подвергается табуизации, говорящий ищет иногда субститут в том же самом ряду, подстанавливая соседнее слово. Так, одна жительница Флоренции, из народа, употребила вполне сознательно слово *aprile* вместо названия опасного месяца *marzo*.

Как видим, эвфемистическая субституция, выступающая в семантическом плане, опирается на четко организованную структуру лексики данного языка и только благодаря ней эта субституция возможна и понятна. Взаимозависимость отдельных составных элементов лексической системы, их взаимопроникновение — основное условие целесообразного и эффективного употребления субститута взамен слова-табу. Благодаря этой организации коммуникативная сторона языка — принципиально важная в общественном процессе языкового общения — ничего не теряет.

Эвфемистическое метафорическое употребление слов входит в значительной мере в круг причинно-следственных структурных связей лексики, так что слова могут соединяться в семантические системы, а их поля тоже могут объединяться на основе общих особенностей (tertium comparationis), пропорций или хотя бы социального фона в наиболее общем понимании [56], общей конситуации на базе реального опыта говорящих на данном языке в социально-психологическом плане. Так, французский солдат на фронте вместо *mitraillette* 'автомат' охотно скажет *moulin à café* 'кофейная мельница'; в разговорном итальянском языке содержательница публичного дома часто называется *madre badessa* 'мать настоятельница', а проститутки — *monache* 'монахини', сам же публичный дом носит название *badia* 'монастырь' на основании некоторых внешних аналогий с монастырем. Однако в некоторых случаях метафорическое употребление слова очень слабо мотивируется строением лексической системы; тогда единственно конситуация (общественная и языковая) дает возможность уловить точное значение слова в данном случае. Например, в польском разговорном восклицании *coś ty Felek*! распознается эвфемистическая метафора (метафорическое употребление собственного имени), которую, однако, трудно уловить; здесь можно было бы говорить об экспрессивности самого имени на первом месте, а о метафорическом значении — на втором (с точки зрения описания).

Изложенные выше соображения относительно функционирования лексической системы в области эвфемизма касались семантического плана, что и является наиболее частым фактом. Однако иногда оказывается вовлеченной сюда и формальная сторона. Как уже упоминалось выше, табуизации подвергается не само содержание слова, — поскольку последнее невозможно изъять из жизни, а следовательно и из языка, — но конкретная языковая форма этого содержания, определенное слово.

[55] Ср.: C a s a c u. — Там же.

[56] Ср., например: G u i r a u d. La sémantique, стр. 81.

Как мы знаем, слова могут организовываться и в формальном плане в лексические системы, основанные на чисто формальной, внешней ассоциации [57]. В таком случае мы имеем дело с группами подобных или тождественных в отношении формы слов, т. е. с полными омонимами или омонимами частичными, принадлежащими к разным семантическим системам. А так как омонимы табуизированного слова напоминают более или менее выразительно само запрещенное слово, нередко как в первобытных обществах, так и в цивилизованных обществах (хотя вследствие отличных внеязыковых причин) дело доходит до изъятия из употребления наряду со словом-табу также и его омонима. При этом может случиться, что омонимы подвергнутся семантическому влиянию слова-табу [58].

Иногда языковой запрет употребления слова является в том случае, когда это слово включает в себя в качестве составной части табуизированное слово (или его часть). Этому не препятствует тот факт, что это слово принадлежит к совершенно другой семантической системе и что его составной элемент, напоминающий табуизированное слово, сплошь и рядом не связан с последним этимологически. Сама форма играет решающую роль при ограничении или изъятии из употребления, а возможно, также при изменении формы слова. Это имеет место почти всегда в языках первобытных обществ, но бывает также нередко и в цивилизованных обществах. Так, например, древние римляне сочли неблагоприятной форму названия *Maleuentum* из-за ее первого компонента *male-*, который они ошибочно ассоциировали с прилагательным *malus*, *-a*, *-um* 'дурной, плохой'. С целью избежать произношения этой формы, предвещающей несчастье, вместо нее образовали *Beneuentum* 'Беневент'. Точно так же лат. *malacia* (из греч. μαλαχία), не имеющая ничего общего с лат. *malus*, была заменена более безобидной и многообещающей формой *bonacia*, откуда франц. *bonasse*, ит. *bonaccia*. Иногда при этом дело доходит до эвфемистической элизии слова или слога-табу, чем достигается видимость несвязанности данного слова с определенной формальной системой, причем оно, конечно, неизменно остается в той же самой семантической системе [59].

Особым проявлением действия эвфемистической тенденции в формальном плане может служить случай скрещения, или контаминации. Здесь имеют место два случая. 1. Чисто формальная (внешняя) контаминация. Слово-табу заменяется другим словом (или выражением), напоминающим его (часто — одним элементом, например слогом) единственно и исключительно по линии формы. Так, в польском языке *Portugalia* эвфемистически ассоциируется со словом *portki* 'штаны, портки' (*dać komuś w Portugalię* 'дать пинок в зад'), франц. *cornu* 'рогатый' завуалировано под *Cornouail-*

[57] Ср., например: C a z a c u. Limbaj. . ., стр. 173.
[58] См.: G u i r a u d. La sémantique, стр. 85.
[59] Ср. упоминавшиеся выше примеры из французского с приставкой *con-*.

les 'Корнуолл', географическое название, ит. *cornuto* 'рогатый' — под *Cornelio*, *impiccare* 'повесить' маскируется под названием *Piccardia* (*andare in Piccardia* 'отправиться на виселицу', букв. 'отправиться в Пикардию'), а ит. *levare* (арготическое *rubare* 'красть') — под названием *Levante* (*andare in Levante*). Семантическое поле подставленного слова при этом ничем не связано, одна лишь его форма напоминает — исключительно внешне — запрещенное слово. На основе социальной и языковой ситуации известно от начала и до конца значение, семантическое содержание каждого данного случая. Часто дело здесь доходит до игры слов и модных, особенно в определенные периоды времени и в определенных кругах, каламбуров [60] вроде ит. *fo tardi*, *fo tutt'un monte*, *fornaio* вместо *fottuto* (в ругательствах). 2. Формальный фактор, однако, редко выступает сам по себе. Равным образом при эвфемистической контаминации часто наряду с формой оказывается и значение. В этом случае сохраняется часть слова-табу, к которому — в начале или в конце — добавляется часть другого слова, выбор которого нередко решает (но не всегда) его семантическое содержание. Таким путем мы получаем такие эвфемистические языковые образования, как, например, ит. *diamine=diavolo+domine*, *accipicchia=accidenti+picchiare*, *peciotto=peccia (pancia)+cazzotto*. Это явление чрезвычайно часто находит применение при всякого рода народных этимологиях [61]. В этом случае контаминации эвфемизм заключается в поверхностном и мнимом зачислении новообразования в другую семантическую группу вместо той, к которой фактически принадлежит табуизированное слово. Это зачисление носит почти исключительно символический и в принципе формальный характер, потому что ведь в действительности речь по-прежнему идет о точно определенном семантическом содержании (которое надлежит передать), о котором здесь напоминает не только социально-языковая ситуация, но также и составная часть слова-новообразования, происходящая от слова-табу. Точно так же всякого рода эвфемистические фонетические деформации слова находят свой смысл на основе организации лексической системы. Путем деформации создается формальная видимость непринадлежности данного слова к той же системе, к которой принадлежит табуизированное слово, с одной стороны, а с другой стороны — видимость его принадлежности к иной системе, чем слово-табу. Так обстоит дело, например, в случае с ит. *madosca* вместо *Madonna* в ругательстве *porca Madonna!*; аналогично франц. *sacrebleu* вм. *Sacré Dieu!* или польск. *do diaska!* вм. *do diabla!*

Наконец, может иметь место подстановка взамен табуизированного слова другого слова, не имеющего абсолютно никаких

---

[60] См., например: U l l m a n n. Précis. . ., стр. 233 сл.
[61] См.: C a z a c u. La «structuration». . ., стр. 116.

формальных и семантических языковых связей со словом-табу, а также никаких внеязыковых, общественных связей. Здесь имеется в виду подстановка какого-либо другого слова, взятого из совершенно чужой лексической системы, что по меньшей мере на первой стадии является индивидуальным и единичным употреблением [62]. В этом случае одна лишь конситуация может указать на слово, которое было изъято из обращения. Так бывает, когда кто-нибудь закричит по-польски вместо *Rany boskie!* 'страсти господни!' — *Rany Julek*! или же когда, сохраняя первый слог, задающий тон, подстанавливают слово *lipa* (отчасти действующее комически вследствие своего негативного употребления) в восклицании *cho-lipa!* вместо *cholera!* Это случай спорадический и не связанный, по крайней мере в своей начальной стадии развития, с диалектическим функционированием лексической системы.

Велико число эвфемистических возможностей, которые происходят от того фактического положения, что лексика данного языка организована в соответственную, компактную систему с точно определенной структурой, функционирующей на основе своих внутренних диалектических законов, и здесь было бы неуместно пытаться увеличить число примеров. Здесь скорее преследовалась цель выборочной иллюстрации некоторых эвфемистических явлений, мотивированных точно определенным функционированием языковой системы.

Результаты

Лексическая система языка хотя и может в течение определенного времени сохранять относительную стабильность [63], не является неподвижной и долговечной, но представляет собой живой организм, находящийся беспрестанно в становлении [64] как динамическое целое, непрерывно развивающееся и подверженное изменениям [65]. Потому что лексическая система — это та часть языка, которая «быстрее всего реагирует на изменения в жизни общества и отличается большой динамикой» [66]. Структурации слов должны быть охарактеризованы как «très mobiles, variables, en fonction de l'époque historique et, y compris, du milieu particulier, de l'expérience personnelle, du tempérament, etc.»[67] Эти внеязыковые факты тесно связаны — как причины — с общественной реализацией элементов языковой структуры в речи посредством актуали-

---

[62] Ср., например: C a z a c u. La «structuration». . ., стр. 123.
[63] Z w i e g i n c e w. Указ. соч., стр. 388.
[64] Там же, стр. 368; ср. также: D u c h á č e k. Les relations. . ., стр. 33.
[65] D u c h á č e k. Le champ conceptuel. . ., стр. 22; H j e l m s l e v. Указ. соч., стр. 269 сл.; M a t o r é. La méthode. . ., стр. 65.
[66] Z w i e g i n c e w. Указ. соч., стр. 379.
[67] C a z a c u. La «structuration». . ., стр. 125; ср. также: D u c h á č e k. Les relations. . ., стр. 33.

зации данного языкового элемента (на основе стилистического выбора из числа других элементов), его организации в контекте и функциональной конкретизации [68].

С другой стороны, мы знаем, что слова в данной лексической системе тесно связаны друг с другом, заходят одно за другое, перекрещиваются и взаимно (хотя относительно, а не абсолютно [69]) обусловливают друг друга [70]. Одно слово может объединяться посредством своих разных формальных и семантических особенностей со многими другими словами, принадлежащими к особым системам, причем границы между отдельными системами, как и между отдельными языковыми полями, наконец, границы функциональности данного слова точно не определены и не установлены даже для точно определенной эпохи или социальной среды [71], и они зависят от разнородных психологических и социальных факторов — таких, как окружение, ситуация, позиция говорящего и его природа, его отношение и, наконец, ассоциации, вытекающие из личного жизненного опыта, причем они могут быть относительно стойкими, а нередко и окказиональными и спорадическими [72].

При обсуждении функционирования системы мы также видели, что в процессе конкретного языкового акта одни слова становятся на место других, заменяя их, что осуществляется посредством стилистического выбора возможностей, которыми располагает данная языковая система. Здесь можно было бы еще сказать о своего рода соперничестве и конкуренции, существующей между словами [73], которая осуществляется в плане структурных связей между отдельными словами и отдельными лексическими системами. В итоге одни слова или некоторые их семантические особенности перестают употребляться, а на их место приходят новые [74]. На этом основано развитие лексической системы, протекающее постоянно при поддержке повседневной актуализации ее элементов. Следует при этом еще отметить, что каждое изменение в микроструктуре вызывает колебания в макроструктуре, которые обязательно ликвидируются путем восстановления равновесия в строении и функционировании системы [75].

---

[68] Ср.: D u c h á č e k. Les relations. . ., стр. 32; C a z a c u. La «structuration». . ., стр. 114, 126; Limbaj. . ., стр. 242 сл.

[69] Ł. O. R i e z n i k o w. Pojęcie i słowo. Warszawa, 1960, стр. 122.

[70] M a t o r é. La méthode. . ., стр. 65.

[71] Ср.: D u c h á č e k. Le champ conceptuel. . ., стр. 22.

[72] Ср.: D u c h á č e k. Les relations. . ., стр. 33.

[73] Ср.: D u c h á č e k. Le champ conceptuel. . ., стр. 22 сл.

[74] Ср.: D u c h á č e k. Les relations. . ., стр. 33; О н ж е. Le champ conceptuel. . ., стр. 23; а также (для получения общих сведений) см.: G u i r a u d. La sémantique; A. D a r m e s t e t e r. La vie des mots. Paris, 1950; M. S c h ö n e. Vie et mort des mots. Paris, 1947; S. U l l m a n n. Historical semantics and the structure of the vocabulary. — «Estructuralismo e historia». Canarias, 1957, стр. 292; см. также прим. 76.

[75] C a z a c u. La «structuration». . ., стр. 125.

Одной из главных причин изменений и инноваций, происходящих в структуре языка, особенно в лексике, является языковой запрет и в качестве реакции на него — эвфемизм [76]. Языковой запрет исключает из употребления определенную форму, на место которой приходит другая, дозволимая, являющаяся часто, по крайней мере в начальной стадии, проявлением индивидуального употребления данного средства, но переходящая затем в число языковых манифестаций, общих определенной социальной группе. На основании частоты употребления данного субститута в определенной функции и определенном общественно-языковом контексте это его семантическое содержание всецело входит в границы семантического поля табуизированного слова и принадлежит вместе с ним и другими словами к определенной семантической системе. Эвфемистический субститут сохраняет свое эвфемистическое значение до тех пор, пока наряду с затронутым значением четко удерживаются в особых семантических системах и в отличных функциях прочие его значения, в том числе и значение-доминанта. Нередко, однако, случается, что дополнительное значение, функционирующее как эвфемизм, благодаря частоте употребления, а также вследствие влияния значения табуизированного слова (в этом случае исключительно сильно действуют психологически-социологические причины, ср. традиционное понятие «заражения» табуизированным понятием эвфемистического субститута посредством контакта этого последнего со словом-табу) приобретает все бóльшую силу и начинает играть в микроструктуре слова все

---

[76] Кроме перечисленных выше библиографических сведений, эвфемизмом как причиной семантических изменений занимаются следующие авторы: M. Bréal. Essai de sémantique. Paris, 1921, chap. IX; L. Bloomfield. Language. New York, 1950; E. Benveniste. Euphémismes anciens et modernes. — «Havers Festschrift». Wien, 1946; M. Cohen. Le langage. Paris, 1950; M. Cortelazzo. Valore attuale del tabu linguistico magico. — «Rivista di etnografia» VII, 1953; F. Crnek. Ze studiów nad eufemizmem w językach słowiańskich. — «Sprawozdania Towarzystwa Naukowego we Lwowie», 1928; A. Dauzat. Histoire de la langue française. Paris, 1930, стр. 264—269; Nora Galli de Paratesi. Semantica dell'eufemismo. L'eufemismo e la reppressione verbale con esempi tratti dell'italiano contemporaneo. Torino, 1964; R. de la Grasserie. Particularités linguistiques des noms subjectifs. Paris, 1906; E. Gamillscheg. Französische Bedeutungslehre. Tübingen, 1951, стр. 125—133; J. Marouzeau. Un trait de parler rustique: atténuation. — BSL XXIII, 1922; B. Migliorini. Conversazioni sulla lingua. Firenze, 1956, стр. 65—69; Он же. Dal nome proprio al nome comune. Genève, 1927; A. Meillet. Comment les mots changent de sens; Quelques hypothèses sur des interdictions de vocabulaire dans les langues indo-européennes. — «Linguistique historique et linguistique générale». Paris, 1921; Nyrop-Vogt. Das Leben der Wörter. Leipzig, 1903; A. Rosetti. Le mot. Copenhagen—Bucureşti, 1947; L. Roudet. Sur la classification psychologique des changements sémantiques. — «Journal de psychologie» XVIII; K. Svoboda. Sur la classification des changements sémantiques. — «Français moderne» 1960, № 4; E. Struck. Bedeutungslehre. Leipzig—Berlin, 1940, стр. 131—138; L. Spitzer. Essays in historical semantics. New York, 1948; J. Vendryes. Le langage. Paris, 1950.

бóльшую роль. Позиция и значение доминанты ослабляются по мере того, как приобретает преимущество аффективное значение слова [77]. Иногда дополнительное значение, эвфемизм становится прямо семантической доминантой, вызывая таким образом решающее изменение семантической тенденции слова, а следовательно, и его общего семантического содержания и макроструктуры [78]. В результате этого эвфемистический характер этого слова перестает существовать; само слово целиком или частично (но с доминантой) переходит в общую с табуизированным словом лексическую систему и само становится запрещенным словом. Так произошло со словом διάβολος, эвфемизмом в древнегреческом языке. Аналогично обстоит дело со словами франц. *fille*, *garce*, нем. *Hure*, польск. *dziewka* и т. д. Вследствие этого изменения в структуре лексики наступают дальнейшие изменения: в результате перехода слова — прежнего эвфемизма в другую систему в семантической структуре образуется пробел, который должен быть заполнен, чаще всего — одним из синонимов, с другой стороны, появляется необходимость в новом эвфемистическом субституте, причем очень часто эту роль исполняет слово, занимающее место прежнего субститута в системе. Так, франц. *garce*, старый эвфемизм, превратился в слово-табу, замещаемое близким по значению в системе эвфемизмом *fille*, который теперь уже в свою очередь перестал быть эвфемизмом и сам приобрел полное табуизируемое значение, требуя дальнейшей субституции.

Конечно, не всегда дело доходит до столь коренного изменения. Временами эвфемистическое значение перестает быть функциональным и как таковое выходит из употребления, не вызывая при этом крупных осложнений в отношении к слову-субституту и к системе, к которой оно принадлежит.

Приходится, наконец, отметить, что равным образом в формальном плане результаты эвфемизма решают иногда вопрос изменений в языковой системе. Например, вследствие деформации или модификации данное слово может выпасть из прежней формальной системы и перейти в другую, что происходит, в частности, тогда, когда конситуация не затрудняет этого перехода. Однако эта сторона влияния эвфемизма на развитие языковой структуры не типична и представляет редкость. Так, например, итальянская фамилия *Cazzato* по причине наличия «неприличного» корня, объединяющего ее с вульгарным словом *cazzo*, была деформирована в *Cassato*, благодаря чему — в формальном плане — она перешла в лексическую группу *cassa*, *cassare* и т. д. Аналогично с.-хорв. *вран*, эвфемистическая деформация старого эвфемизма *враг* (вместо 'дьявол'), выпадает в результате из группы, формально объединенной вокруг основы *враг*.

---

[77] Ср.: D u c h á č e k. Les relations. . ., стр. 31.
[78] Ср. там же, стр. 32.

Принципиальное значение имеет здесь влияние эвфемизма на изменения в семантической структурации лексики. Стилистический выбор [79] лексических средств в эвфемистических целях, актуализация этих средств на основе диалектического функционирования семантической системы в синхроническом плане приводят в результате к изменениям этой же семантической системы и к ее постоянному и непрерывному развитию в диахроническом плане.

Если мы выйдем за пределы этой сферы чисто лингвистических исследований, то мы можем — на их основе — делать выводы философско-социального характера. На базе исследований словаря данного языка, на основе наблюдений над его развитием можно перейти к исследованиям общества, пользующегося этим языком [80], можно делать выводы об истории этого самого общества и истории его материальной культуры. При этом жизнь этого общества представляет собой материальный, экономический, технический, политический субстрат лексики [81], причину развития последней и базу, на которой это развитие осуществляется.

Перевод с польского *О. Н. Трубачева*

---

[79] Ср. прим. 21, а также бесценную книгу: H. Hatzfeld et Y. Le Hire. Essai de bibliographie critique de stylistique française et romane (1955—1960). Paris, 1961.

[80] Ср.: Matoré. La méthode. . ., стр. 50.

[81] Ср.: Matoré. La méthode. . .; Он же. Le vocabulaire. . .; Guiraud. La sémantique. . ., стр. 75.

В. И. Абаев

К ЭТИМОЛОГИИ ДРЕВНЕПЕРСИДСКИХ ИМЕН
Kuruš, Ka^{m}bujiya, Čišpiš

Посвящается
2500-летию Иранского государства

Древнеперсидские личные имена дошли до нас в значительном количестве как в самих древнеперсидских надписях, так и в вавилонской, эламской, греческой, арамейской, древнееврейской, египетской передаче. Подавляющее большинство этих имен без затруднения разъясняются средствами иранских языков и, стало быть, должны рассматриваться как оригинальные (незаимствованные). Но есть несколько имен, которые не получили до сих пор удовлетворительной иранской этимологии и относительно которых высказывались предположения о неиранском происхождении.

К числу их относятся три имени представителей династии Ахеменидов: *Kuruš*, *Ka^{m}bujiya*, *Čišpiš*. Мы попытаемся показать, что и для этих имен нет надобности искать объяснения за пределами иранского мира.

Имя *Kuruš* 'Кир' (вавил. *Ku-ra-aš*, элам. *Ku-raš*, греч. Κῦρος, др.-евр. *Koreš*) носили три представителя династии Ахеменидов: 1. дед Кира Великого, внук Ахемена, сын Чишпиша, брат Ариарамны (VII в. до н. э.); 2. основатель персидской мировой державы Кир (559—529); 3. сын Дария II Кир Младший, павший в 401 г. до н. э. в битве со своим братом Артаксерксом II при Кунаксе.

Сперва Ф. Андреас, а за ним ряд других авторов — Х. Бартоломэ, Ф. Вейсбах, Г. Г. Шедер, Р. Н. Фрай — высказались предположительно в пользу неиранского характера имени *Kuruš*, поскольку никакой удовлетворительной иранской этимологии для этого имени не было предложено. Мнение, что прославленный основатель персидского государства носил неперсидское имя, прочно утвердилось в науке. С этим мнением солидаризировался и наш известный историк древнего Востока М. А. Дандамаев в своей, вообще говоря, превосходной книге «Иран при первых Ахеменидах» (М., 1963, стр. 103 сл.).

Одним из аргументов в пользу неиранского происхождения имени *Kuruš* выдвигается тот факт, что эламская и вавилонская

форма этого имени отличаются от персидской и звучит *Kuraš*, а не *Kuruš*. Это обстоятельство навело Андреаса и других на предположение, не является ли именно эламская форма оригинальной и исконной, а персидская — заимствованной и искаженной. Однако такое заключение нельзя признать ни формально логичным, ни исторически обоснованным.

Имя одного из сыновей Кира звучало по-персидски *Bardiya*, а в греческой передаче — Σμέρδις. Расхождение большое. Но разве это расхождение может быть доводом в пользу неиранского характера имени *Bardiya*? Имя дочери Кира греки передавали Ἄτοσσα; в персидском же оно должно было звучать **Hutausa* (авест. *Hutaosa-*), буквально 'прекраснобедрая'. Опять серьезное расхождение: персидскому гласному *u* отвечает греч. α (как в соответствии перс. *Kuruš* || элам. *Kuraš*). Тем не менее нет сомнений, что дочь Кира носила персидское, а не греческое или иное имя. Можно было бы привести еще ряд примеров подобных расхождений между формой древнеперсидских имен и их передачей в других языках. Разумеется, эти расхождения заслуживают внимания и каждый раз требуют объяснения. Но они никак не могут быть доводом против иранского характера соответствующих имен.

Ставя под сомнение иранское происхождение имен Чишпиша, Кира и Камбиза, т. е. тех, кто царствовал в Персии до Дария I, приходят к выводу, что персидские цари только начиная с Дария I (*Dārayavayš*) стали получать иранские имена, тогда как имена *Čišpiš*, *Kuruš* и *Kambujiya* являются наследием какого-то доиранского этнического элемента.

Однако для такого предположения нет серьезных оснований. Члены династии Ахеменидов с самого начала, до Кира I и Камбиза I, носили уже чисто иранские имена. Родоначальник династии носил иранское имя Ахемен (*Haxa-maniš*, что значит 'дружественно настроенный'). Брат Кира I, сын Чишпиша, назывался *Ariyāramna*, что значит 'отрада арийцев'.

Другие члены второй ветви Ахеменидов, к которой принадлежал Дарий I, Аршама и Виштаспа, также носили имена, иранский характер которых не вызывает ни малейших сомнений. *Aršāma* является производным от *aršan-* 'герой'; ср. осет. имя *Arsætæg*. *Vištāspa* относится к многочисленной группе имен, содержащих *aspa-* 'лошадь'.

Выходит, что Ахемениды сначала носили иранские имена, потом по неизвестной причине перешли на эламские (или какие-то другие), потом снова вернулись к иранским. Такое положение вещей лишено всякого правдоподобия.

Нет надобности подчеркивать, что этимология имени *Kuruš* имеет не только лингвистический, но и исторический интерес. Неиранское происхождение этого имени, если бы оно было доказано, поставило бы под сомнение происхождение самого Кира и возродило бы доверие к сообщению Николая Дамаскина, утвер-

ждавшего, со ссылкой на Ктесия, что Кир вообще не был Ахеменидом [1].

В действительности версию Николая Дамаскина, несмотря на авторитет Ктесия, вряд ли можно принимать всерьез. Как уже указывалось, она была скорее всего придумана в кругу преемников Дария, чтобы дискредитировать ветвь Кира и оправдать узурпацию власти Дарием I [2].

Таким образом в истории Ахеменидов, как и в их ономастике, нет ничего, что делало бы вероятным чужеродное, неперсидское

только с превербами: ср. абх. *а-та-ла-ра* ~ адыгейск. *хэ-хьа-н* 'входить внутрь'. По своей лексико-словообразовательной функции основы сближены М. А. Кумаховым (Морфология I, 144). Они исторически эквивалентны и по материалу. Регулярность звукосоответствия абхаз.-абаз. *л* ~ адыг. *хь* установлена Г. Деетерсом и иллюстрируется такими примерами, как абхаз.-абаз. (*а*)-*ла* 'собака' ~ адыгейск., каб. *хьэ* то же, абхаз.-абаз. (*а*)-*лага-ра* 'молоть' ~ адыгейск., каб. *хьэгэ-н//хьэджэ-н* то же, абхаз.-абаз. (*а*)-*лымхIа* 'ухо' ~ адыгейск., каб. *тхьа-кIвыма* то же и др.[14]

19. Абхаз. *а-лахIва* 'ворона', абаз. *лахIва* 'грач' ~ убых. *dax°a* 'голубь' (Dictionnaire, 112) ~ адыгейск. *тхъэрыкъвэ*, каб. *тхъаркъва* то же. Принадлежит, как и № 18, к числу примеров на соотношение абхаз.-абаз. *л* ~ адыг. *хь*. Сохранение анлаутного *t*-mobile праформы — характерная черта адыгских рефлексов, наблюдаемая и в других случаях: ср. абхаз.-абаз. (*а*)-*хъва* 'зола' ~ адыг. *тхъва* 'то же', абхаз.-абаз. (*а*)-*ламхIа* 'ухо' ~ адыг. *тхьакIвымэ* то же и т. п.[15] Для звукосоответствия абхаз.-абаз. *хI* ~ адыг. *къ* ср. № 37. Сходные нахско-дагестанские основы (даргин. *лагьва//лавгьа*, лезгин., табас. *луф* < *лугъв*, авар. *мэккв* 'голубь') сводимы, согласно Е. А. Бокареву, к архетипу *лэккв//мэккв* (Введение, 76).

20. Абхаз. *а-мат*, абаз. *маты* 'змея' ~ убых. *ant'a* то же (Dictionnaire, 85) ~ адыгейск., каб. [*-нтIэ*] то же. Предположительный адыг. эквивалент прослеживается в связанном состоянии в форме *ла-нтIэ* 'гибкий' 'с телом змеи (?)'. Историческое тождество абхаз.-абаз. и убых. основ видел еще Н. С. Трубецкой (NW, 85). Если сопоставление верно, то основа приобретает характер общекавказской лексической изоглоссы. Ср. картв. **maṭl̥-* 'червь' (A. Trombetti. Saggi di glottologia, III. Firrenze, 1920, стр. 17; также ЭСКЯ, 129), а также нахско-дагестанские формы: гунз. *бытIи* 'червь', табас. *бетI*, арчин. *йатIи* 'змея', лакск. *йатIи* 'червь', 'личинка'. Как относятся все эти основы к и.-е. **math-* 'червь', 'паразит' (IEW, 700) и к идущему, как думают некоторые, из германского источника прибалт.-фин. *mato//mado* 'червь' (SKES II, 337)?

21. Абхаз., абаз. (*а*)-*са* 'сабля', 'меч' ~ убых. *sa* 'сабля' (Dictionnaire, 173) ~ адыгейск., каб. *сэ* 'нож'. Основа соотносима с соответствующей глагольной: ср. абхаз. *а-с-ра* 'сечь, рубить'.

---

[14] См.: G. Deeters. Der abchasische Sprachbau. Nachrichten von der Gesellschaft der Wissenschaften zu Göttingen. Philol.-hist. Klasse. Fachgruppe III, № 2. Berlin, 1931, стр. 290; ср.: Он же. Die kaukasischen Sprachen. — «Handbuch der Orientalistik», Bd. 7. Leiden—Köln, 1963, стр. 39.

[15] Иначе увязывает абхаз. *лахIва* с адыг. материалом К. В. Ломтатидзе («К вопросу об окаменелых экспонентах грамматических классов. . .», стр. 121).

22. Абхаз. *тIкъва-* 'таять', 'плавиться' ~ убых. *tqa-č'ʲa-* то же (Dictionnaire, 193) ~ адыгейск., каб. *тIкIвы-н* то же. В абхазских диалектах основа прослеживается в сложении *а-дзы-тIкъва* 'лужа'. Отсутствие четкого соответствия в консонантизме по языкам продиктовано, по-видимому, звукосимволическим характером основы.

23. Абхаз. *а-гъыз-ра*, абаз. *гъз-ра* 'стонать' ~ убых. *γəz-* то же (Dictionnaire, 226), ~ адыгейск. *гърз-ын*, каб. *гъыз-ын* то же. Нет оснований считать убыхскую основу адыгеизмом, как это делает информатор Х. Вугта.

24. Абхаз., абаз. *гъьа* 'семя', 'яйцо' ~ убых. *ğa* 'testiculus' (Dictionnaire, 230) ~ адыгейск., каб. *гъэ* то же. В абхаз.-абаз. производных формах элемент *-гъь* имеет и значение 'самец' (Н. Я. Марр ошибочно вычленил его в виде *-агъь*: см его «Яфетическое происхождение абхазских терминов родства» — ИАН, 1912, № 5, стр. 424): ср. *арба-гъь* 'самец (у птиц)', *а-цва-гъь* 'бычок' и т. п.

25. Абхаз., абаз. *къварт* 'наседка' ~ убых. *q°art//q°ərt* то же (Dictionnaire, 171) ~ адыгейск., каб. *къварт* то же. В основе названия лежит форма подзывания наседки (ср. абаз. *къварт-къварт*!, каб. *къвырт-къвырт*!). Аналогичные звукосимволические основы широко распространены на Кавказе: ср. ингуш. *къуртI*, мегрел. *кIрутI-* и т. д.

26. Абхаз., абаз. *-ша-ра* 'хотеть' 'желать' ~ адыгейск. *фай-эн*, каб. *хвэй-эн* то же. Абхаз.-абаз. форма функционирует, по-видимому, только в сложениях: ср. абхаз. *а-дз-ша-ра* 'жаждать воды', *а-жьы-ша-ра* 'хотеть мяса' и др. Для звукосоответствия абхаз.-абаз. *ш* ~ адыгейск. *ф*(ы)//каб. *хв* ср. два следующих примера. К. В. Ломтатидзе допускает связь абазинской основы с корнем глагола (*а*)*-ш-ра* 'кипеть', 'раскаляться' (Тапантск. диал., 201).

27. Абхаз., абаз. (*а*)*-шш-ра* 'плести' ~ убых. *š°-* то же (Dictionnaire, 180) ~ адыгейск. *фы-н*, каб. *хвы-н* то же. Первая форма, возможно, указывает на «геминированность» этимологического согласного корня.

28. Абхаз., абаз. *шы-* 'просо' ~ адыгейск. *фы*, каб. *хвы* то же. Как известно, просо является одной из древнейших зерновых культур на Кавказе [16]. Старое мнение об усвоении основы абхаз.-адыг. языками из осетинского следует считать исключенным. Г. В. Рогава сопоставляет адыг. формы с абхаз. *хъвыдз* 'пшено (зерно)' (Структура основ, 121),

29. Абхаз., абаз. *ща-хъва* 'костный мозг' ~ убых. *lʲa-ha* 'кровеносный сосуд' (Dictionnaire, 144) ~ адыгейск. *лъы(н)-тф*, каб. *лъын-тхвэ* то же. Толкуется как сложение абхаз.-адыг. основ **lʲa-* 'кровь' и **xʷa-* 'жила', 'сухожилие' (см. ниже, № 40).

[16] И. А. Джавахишвили. Экономическая история Грузии I. Тбилиси, 1934, стр. 416 сл.; Н. Ф. Яковлев. — ГЛКЧЯ, 152—166.

Более древняя ступень убыхской основы *l'a-x^{w}a* приводится еще А. Дирром («Die Sprache der Ubycher». Leipzig, 1928, стр. 116) и Н. С. Трубецким (NW, 86). Адыгские формы характеризуют вторичные вставки *н* и *т*. Семантическая инновация налицо в абхаз.-абаз. форме. Эквивалентность адыг. и убых. основ установлена Ж. Дюмезилем (BSL 38, 1, 131).

30. Абхаз. *щхъа*, абаз. *щкхъа* 'гора' ~ убых. *l'аха* 'гора (лесистая)', 'лес' ~ адыгейск., каб. *лъагъэ* 'высокий'. Регулярность звукосоответствия абхаз.-абаз. *щ* ~ адыг. *лъ* (ср. № 28) установлена Н. С. Трубецким (Cons. latérales, 188—189). Абхаз.-абаз. и убых. основы сопоставлены Ж. Дюмезилем (Études, 125). Менее вероятно предположенное К. Боуда сближение абхаз.-абаз. форм с адыг., *щхьэ* 'голова' (Orbis, III, 229). Основа имеет интересные параллели в нахско-дагестанских языках: чечен. *лекха*, ингуш. *лакха*, лакск. *лахъ-сса*, арчин. *лаха* 'высокий', сводимые, по К. Боуда, к праформе **laq-* (Orbis, IX, 552).

31. Абхаз., абаз. (*а*)-*щв-ра* 'гноиться', 'нарывать' ~ адыгейск. *щъв-ын*, каб. *ф-ын* 'гнить', 'гноиться'. Корневой согласный закономерно дифференцирован в адыг. языках. Основа является вторым компонентом абх.-адыг. сложения с семантикой 'слепой': ср. абхаз. *а-ла-щв*, адыгейск. *нэ-шъвы*, каб. *нэ-ф* букв. 'глаз гнилой'.

32. Абхаз., абаз. (*а*)-*ча-ра* 'трескаться' ~ адыгейск., каб. *чэ-н* то же. Основа, по-видимому, звукоподражательного происхождения, чем и может объясняться отсутствие ожидаемой спирантизации аффрикаты в адыг. формах.

33. Абхаз., абаз. (*а*)-*чча-ра* 'смеяться' ~ адыгейск. *щыщы-н*, каб. *щъышъы-н* 'ржать'. Семантическое развитие 'смеяться', 'хохотать' > 'ржать' хорошо известно и из других кавказских языков (ср. ЭСКЯ, 259). Еще П. Чарая сближал абхаз. основу с общекартвельской **сс-* 'смеяться' (Об отн. абх. языка, 48; также ЭСКЯ, 226).

34. Абхаз. *а-чхъвы-ра* 'мочиться' ~ адыгейск. *щхы-н*, каб. *щхы-н* 'идти (о дожде)'. Для соотношения абхаз.-абаз. *хъ* ~ адыг. *х* см. ниже, № 41, 42, 43. В адыг. соответствиях закономерно спирантизована начальная аффриката. Семантика абхаз. формы вторична. Смысловая связь сопоставляемых основ становится более очевидной, если учесть абхазскую именную форму *а-чхъвы* 'град', 'перхоть'.

35. Абхаз., абаз. *чIачIа-* 'почки' ~ убых. *č''āč''a* то же (Dictionnaire, 107) ~ адыгейск. *жъэжъый*, каб. *жъэжъэй* 'почки', 'легкие', 'селезенка'. Сопоставление абхаз-абаз. и адыг. форм предложено А. К. Шагировым. Параллельно функционирующее убых. *žažəya-* (Dictionnaire, 220) восходит к адыгскому источнику (ср. также NW, 86). Для соответствия в консонантизме см. № 36. Абхаз.-абаз. слово усвоено в картвельские языки: ср. груз. и мегрел. *чIачIа* (мн. *чIачIэби*) 'почки (блюдо, часть организма)'.

36. Абхаз. *чъIы* 'рот' ~ убых. [*č'а-*] 'лицо' ~ адыгейск. *жэ*, каб. *жъэ* 'рот'. Убых. форма засвидетельствована в сложениях (Dictionnaire, 103—104). В абхазских композитах налицо и ступень вокализма *а*: ср. *чъIа-дзы* 'слюна' (букв. 'рта+вода'), *а-чъIа-цIа-ра* 'кормить' (букв. 'в рот+класть') и др.

37. Абхаз. (*цагвы*, абаз. *йцагвы* 'тупой' ~ убых. *cag°а* то же (Dictionnaire, 97) ~ адыгейск. *цаквы*, каб. *дзагвэ*. то же. Произведено от абх.-адыг. основы *с(а)-* 'зуб' присоединением аффикса лишительного значения **-g^{w}(а)*, восходящего, возможно, к самостоятельному прилагательному 'короткий'. Ср. убых. *g°э* 'короткий' (Päkhy-Sprache, 368); такое значение пережиточно сохраняется как будто и в адыгейском — ср. шапс. *дагвэ* 'короткие уши у животных' (Шапс. диал., 98).

38. Абхаз., абаз. *(а)-ц-хIа-ра* 'кусать, -ся' ~ адыгейск. *цэ-къэ-н*, каб. *дзэ-къэ-н* то же. Первый компонент основы восходит к этимологическому **с(а)-* 'зуб'. Для звукосоответствия абхаз.-абаз. *хI* ~ адыг. *къ* ср. № 19.

39. Абхаз., абаз. *-цIа-ра* 'класть' ~ адыгейск., каб. *-цIы-н* то же. Аналогично № 18, является глагольной основой, всегда связанной с превербами или выступающей в сложениях: ср. абхаз. *а-цIа-цIа-ра* 'подкладывать', *а-д-цIа-ра* 'прикладывать'.

40. Абхаз. *а-дз(ы)-са-ра*, абаз. *а-цIа-са-ра* 'плавать' убых. *ʒ̇а-sа-* то же (Dictionnaire, 231) ~ адыгейск. *йэ-сы-н*, каб. *йэ-сы-н* то же. Первый компонент абхаз., абаз. и убых. форм (если последняя не усвоена полностью из абхазского) — 'вода': следовательно, в целом основа значит 'плавать по воде', но отнюдь не 'ткать по воде', как ее трактует П. Чарая (Об отн. абх. языка, 25).

41. Абхаз., абаз. *хъва-* 'жила', 'сухожилие' ~ убых. *χа* то же (Dictionnaire, 210) ~ адыгейск. *фэ*, каб. *хвэ-* то же. Прослеживается в абхаз.-абаз. диалектах только в окаменелом виде в составе композита *ща-хъва-* 'костный мозг' (см. № 29). В убыхском, где, согласно Х. Вугту, она почти всегда выступает также лишь в сложении, налицо делабиализация корневого согласного [17]. Адыг. и убых. формы увязаны Трубецким (NW, 86). Имеются интересные нахско-дагестанские словарные параллели: ср. лакск. *хьхьва*, даргин. *пха*, чечен.-ингуш. *пха* 'жила' (согласно Н. С. Трубецкому, протовосточнокавказские лабиализованные дорсальные дают в нахских языках сочетание *пх* [18]. Ср. также BSL, t. 38, f. 1, 131 и Päkhy-Sprache, 399).

---

[17] В убыхских отражениях исконных абхазско-адыгских основ имеют место как вторичная делабиализация фонем, так и вторичная лабиализация; ср.: Ch. B o u d a. Étymologies oubykhs. — JA, t. CCXLVIII, Paris, 1960, стр. 199—202.

[18] См.: N. T r u b e t z k o y. Zur Vorgeschichte der ostkaukasischen Sprachen. — «Mélanges de linguistique et philologie offerts à Jacques van Ginneken». Paris, 1937, стр. 174. — Н. Я. Марр предполагал аналогичную закономерность отражения исконных последовательностей со вторым лабиальным членом для абхазско-адыгских языков: ср. абхаз. *psə̀* 'душа' <*swə*, аб-

42. Абхаз., абаз (*а*)-*хъва-ра* 'гнуться', 'кривиться' ~ адыгейск. *уы-фэ-н*, каб. *уы-хвэ-н* 'гнуть', 'кривить'. Для регулярности соотношения абхаз.-абаз. *хъ* ~ адыг. *х* ср. № 41, 43.

43. Абхаз., абаз. -*хъ-ра* 'брать', 'снимать' ~ адыгейск., каб. *хы-н* 'брать', 'нести'. В абхаз.-абаз. диалектах основа функционирует лишь в сложениях или в сочетании с превербами (ср. № 39). По Н. Ф. Яковлеву, адыг. *хы-н* 'жать (серпом)' — результат семантической инновации основы в адыг. языках (ср. ГЛКЧЯ, 325).

44. Абхаз.-абаз. (*а*)*эжагъь* 'жолудь' ~ адыгейск. *чъыгай*, шапс. *чыгай* (Шапс. диал., 29), каб. *жыгей* 'дуб'. Если учесть, что адыгские названия деревьев производимы, как правило, посредством суффикса -*ай*//-*ей* от названий соответствующих плодов (например, каб. *зей* 'кизиловое дерево' при *зэ* 'кизил', *мей* 'яблоня' при *мэ* 'яблоня', *дей* 'орешник' при *дэ* 'орех'), то адыгские формы должны восходить к древнему названию желудя **чыга*. Абхазская основа может трактоваться как сложение: ср. абхаз. *а-дж* 'дуб' и *а-гъь* 'семя', 'яйцо' (ср. № 24). Сван. *žih-ra* 'дуб' восходит к адыгскому источнику.

45. Абхаз.-абаз. (*а*)-*псыдза* 'пядь' ~ адыгейск. *бжыз*, каб. *бжьыз* то же. В адыгейской форме допустима метатеза *ж* и *з*.

хаз. *bža* 'середина', 'половина'<*žwa* и т. п. (см. его «К вопросу о положении абхазского языка среди яфетических». — МЯЯ V. СПб., 1912, стр. 6—7). Сходное развитие надо допустить для одной категории основ с анлаутом *n* в хиналугском языке: ср. *псы* 'медведь', *пшлаь* 'лиса', *пхра* 'собака', *пши* 'лошадь', *пхупцI* 'звезда' и др. (ср., однако: Б. Б. Талибов. Место хиналугского языка в системе языков лезгинской группы. — «Уч. зап. Ин-та истории, языка и литературы им. Г. Цадасы», т. VII. Махачкала, 1960, стр. 283—284).

Г. А. Климов

ЗАИМСТВОВАННЫЕ ЧИСЛИТЕЛЬНЫЕ В ОБЩЕКАРТВЕЛЬСКОМ?

Большие материальные расхождения в числительных выше пяти между абхазско-адыгскими, картвельскими и нахско-дагестанскими языками особенно очевидны в настоящее время, когда вследствие значительного прогресса сравнительно-исторических штудий стало возможно дать примерные внутригрупповые реконструкции числительных первого десятка. Не случайно иберийско-кавказская гипотеза, предполагающая генетическое родство всех автохтонных кавказских языков, в материальной части своих доказательств апеллирует почти исключительно к названиям чисел от одного до пяти: ср. абхаз.-адыг. **c(a)-* 'зуб', 'штука (нумератив)' ~ картв. **ca-l-* 'штука', 'один из двух одинаковых предметов' ~ нах.-дагест. **ca-* 'один'; абхаз.-адыг. **(t)q^{w}a-* 'два' ~ картв. **tqu-b-* 'двойня', 'близнец' ~ нах.-дагест. **tq^{w}a-* 'двадцать'; абхаз.-адыг. **x(ə)-* 'три' ~ картв. **sam-* 'три' ~ нах.-дагест. *l'ab-* 'три'; абхаз.-адыг. **(t)x^{w}ə-* 'пять' ~ картв. **xu(s$_1$)t-* 'пять' ~ нах.-дагест. **xx^{w}ə-* (?) 'пять'[1]. Отдельные попытки выявления общекавказских лексических изоглосс в названиях чисел выше пяти (за исключением находящихся на особом положении 'десяти' и 'ста') до сих пор ни к чему не привели, да и в принципе едва ли могут быть сколько-нибудь перспективными ввиду очень большой «временно́й глубины» возможного генетического родства кавказских языков[2].

[1] См.: F. Bork. Beiträge zur kaukasischen Sprachwissenschaft, I. Kaukasische Miscellen. Königsberg, 1907, стр. 21—25; П. Чарая. Об отношении абхазского языка к яфетическим. — МЯЯ IV. СПб., 1912, стр. 38, 40; A. Trombetti. Elementi di glottologia. Bologna, 1923, стр. 369; Н. Я. Марр. О числительных (к постановке генетического вопроса). — В сб. «Языковедные проблемы по числительным» I. Л., 1927, стр. 65; N. Trubetzkoy. Nordkaukasische Wortgleichungen.— WZKM XXXVII, 1—2, 1930, стр. 81; И. А. Джавахишвили. Введение в историю грузинского народа, II. Первоначальный строй и родство грузинского и кавказских языков. Тбилиси, 1937, стр. 415—421; Г. А. Климов. Кавказские языки. М., 1965, стр. 60.

[2] Ср.: F. Bork. Указ. соч., стр. 26, где предлагается общекавказская праформа числительного 'шесть' — **vsikvarRt*, противоречащая основным представлениям науки о древнейшей фонологической структуре кавказских именных основ. Неудовлетворительным следует признать и сопоставление груз. *šwid-* 'семь' и абхаз. *bž-* (восходящего, как показывают другие абхазско-адыгские языки, к *bl-*), выдвинутое Н. Я. Марром (см. «К вопросу о по-

Для общекартвельского состояния реконструируются следующие числительные первого десятка выше пяти: *eks_1w-'шесть', *$\check{s}wid$- 'семь', *$arwa$- 'восемь' и *c_1xra- 'девять' (с уточнениями, вносимыми теорией сонантов Т. В. Гамкрелидзе и Г. И. Мачавариани, две последние праформы приобретают фонологическую интерпретацию — *$\underset{\circ}{r}wa$- и *$c_1x\underset{\circ}{r}a$-[3]). Непрозрачность внутренней формы этих основ не позволяет в них усматривать каких-либо новообразований, в частности относительно поздних сложений [4]. В то же время их очень вероятная культурная нюансировка дает возможность трактовать эти общекартвельские основы как древние заимствования. Последнее предположение встречает, на наш взгляд, поддержку и в более широком контексте всего круга языков древней Передней Азии, иногда объединяемых в так называемый переднеазиатский языковый союз, характеризующийся, в частности, повышенным процентом неисконных числительных [5].

Связь картвельских числительных 'шесть' с соответствующими индоевропейскими формами, сводимыми в настоящее время к архетипу *$(s)\underset{\frown}{u}e\hat{k}s : u\hat{k}s$ (Pokorny, 1044), была замечена еще Фр. Боппом. Общекартвельское *eks_1w- 'шесть', действительно, может восходить к индоевропейскому источнику типа армянского и западнобалтийского, предполагающему праформу без начального s [6]. Для остальных картвельских архетипов напрашивается сопоставление с семитскими формами. В отношении семитского источника общекартвельского *$\check{s}wid$- 'семь' в настоящее время едва ли могут оставаться сомнения — ср. аккад. (ж. р.) *sibittu* то же [7]. Для общекартвельского *$arwa$- 'восемь' напра-

---

ложении абхазского языка среди яфетических». — МЯЯ V. СПб., 1912, стр. 7). Любопытно, что из трех своих соположений абхазско-адыгских и нахско-дагестанских числительных 'шесть', 'семь' и 'девять' Н. С. Трубецкой лишь в случае *wə(r)$\underset{\sim}{d}$lə* 'семь' решился дать общий архетип, являющийся скорее некоторым «средним фонетическим» сопоставленных форм (N. Trubetzkoy. Указ. соч., стр. 81). Известно, например, что древнейшая система числительных в финно-угорских языках включала названия чисел до шести (ср.: Б. А. Серебренников. Историческая морфология пермских языков. М., 1963, стр. 214—215).

[3] См.: Г. А. Климов. Этимологический словарь картвельских языков. М., 1964, стр. 80, 44—45, 216—217 и 232.

[4] Н. Я. Марр видел в груз. *ekws*- 'шесть' сложение *e*(<*ert*- 'один')+ *kus*- (<*xut*- 'пять'): Н. Я. Марр. Указ. соч., стр. 22, 63.

[5] Так, например, определенные с наибольшей достоверностью хурритские числительные *šin(i)* 'два' и *šitta*, *šinta* 'семь' допускают сопоставление с аккад. *šīna* 'два' (имеет ли сюда отношение изолированно стоящее в материальном контексте кавказских языков нахское *ši(n)*- 'два'?) и хетт. *sipta*. В хеттско-анатолийской группе индоевропейских языков неисконным оказывается числительное 'четыре': хетт. *meu*-, лув. *mau̯a*-.

[6] Ср.: F. Bopp. Die kaukasischen Glieder des indoeuropäischen Sprachstamms. Berlin, 1848, стр. 38; см. также: O. Szemerényi. Studies in the Indo-European system of Numerals. Heidelberg, 1960, стр. 78.

[7] Ср.: В. М. Иллич-Свитыч. Древнейшие индоевропейско-семитские языковые контакты. — «Проблемы индоевропейского языкознания». М., 1964, стр. 7, прим. 24. Фр. Бопп (указ. соч., стр. 38—39) увязывал карт-

шивается сопоставление с семитским числительным 'четыре': ср. аккад. *arba'u*, араб. *arba'*. Перенос значения такого рода, возникающий в условиях парного счета предметов, известен и в некоторых других случаях [8]. Обращает на себя внимание, что, как и в предыдущем примере, аккадское *b* передается здесь общекартвельским *w*. Интересно в этой связи и наличие анлаутного ' в чанской дублетной форме *'owro* 'восемь', который, впрочем, как справедливо полагает К. Х. Шмидт, может быть и вторичным [9]. Соположение с семитским материалом общекартвельского $*c_1xra$- 'девять', предложенное в свое время Н. Я. Марром [10], представляется в целом значительно более проблематичным. Соответствующим прообразом основы здесь мог быть семитский трехсогласный корень *ts'* (ср. финикийск. *tš'*, араб. *tis'*). Начальное картвельское c_1 в таком случае было бы результирующей формой суперации необычного на картвельской почве комплекса *ts*, а полученная последовательность *c'* должна была отразиться в виде *cx*. Неясно, однако, каким образом был утрачен вокализм, присущий семитскому корню. Еще бóльшие трудности представляет конечный элемент *ra* общекартвельской формы, без видимых оснований признававшийся Н. Я. Марром за суффикс. Не имеет ли здесь место явление фонетической аналогии (в данном случае — так наз. «ретардации») с предшествующим при счете *arwa*-? Во всяком случае факт действия фонетической аналогии в обоих числительных в чанском и сванском неоспорим: ср. чан. *owro*- 'восемь' и *čxowro*- 'девять' при соответствующих сван. *ara*- и *čxara*- [11].

Не исключена вероятность усвоения из древнесемитского источника и для общекартвельского числительного 'сто'. Если исходить из того обстоятельства, что соответствующая сванская пространная основа *ašir*-, *äšir*- древнее отвечающих ей груз. *as*- и занск. *oš*-, то становится возможным ее сближение с основой семитского числительного 'десять': ср. аккад. *esertu*, араб. *ašr* 'десять', *ašir* 'десятый'. Последнее сопоставление было предло-

вельские формы непосредственно с и.—е. **septṃ*. Н. Я. Марр видел заимствованный характер только для сван. *išgwid*-, *išḳwid*- 'семь', да и то — из занского языка (Н. Я. Марр. Из поездок в Сванию. Христианский Восток II. СПб., 1913, стр. 19—20; Он же. Заимствование числительных в яфетических языках. — ИАН, 1913, № 13, стр. 789—790).

[8] Ср.: Н. Н. Поппе. О числительном 'восемь' в угорских языках. — В сб. «Языковедные проблемы по числительным» I, стр. 128. Ср. также трактовку некоторыми этимологами индоевропейского **oktō* 'восемь' как формы двойственного числа числительного 'четыре'.

[9] Ср.: K. H. Schmidt. Studien zur Rekonstruktion des Lautstandes der Südkaukasischen Grundsprache. Abhandlungen für die Kunde des Morgenlandes XXXIV, 3. Wiesbaden, 1962, стр. 130.

[10] См., например: Н. Я. Марр. Грамматика древнелитературного грузинского языка. — МЯЯ Х. Л., 1925, стр. 74, 77.

[11] Для других примеров ретардации в системах числительных ср.: Н. В. Юшманов. Сибилянтная аномалия в числительных тигринья. — В сб. «Africana» I. М.—Л., 1937, стр. 77—87; Т. В. Гамкрелидзе. Сибилянтные соответствия и некоторые вопросы древнейшей структуры картвельских языков. Тбилиси, 1959, стр. 71—72.

жено еще А. Тромбетти в числе ряда других, призванных иллюстрировать его гипотезу семитско-кавказского языкового родства, а в дальнейшем учитывалось и Н. Я. Марром [12]. Допускаемая при этом модель семантического сдвига возникает, как известно, на базе счета десятками и повторяется в ряде других языков: ср., например, маньчж. *ǰuvan* 'десять' при монг. *ǰaγun* < *ǰavun* 'сто' [13]. Обращает на себя внимание распространение сходной изолексы также на абхазско-адыгские (абхаз. *a-šʷ*, адыгейск., каб. *šă* 'сто') и нахско-дагестанские (агульск. *wärš*, *w'arš*, табас. *warž*, даргин. *darš*, лакск. *tturš* 'сто': последние формы, повидимому, сохранившие в окаменелом виде исторический префикс грамматического класса, могут, однако, восходить и к праязыковому состоянию) языки.

В заключение следует отметить, что факт воздействия древнесемитского языкового мира на кавказский, и в частности на картвельский, интересный с точки зрения культурно-исторических отношений в древней Передней Азии, подтверждается в общем немалым числом примеров. Впервые на них указал в своем исследовании иноязычных лексических заимствований в грузинском языке еще М. Рябинин [14]. В свое время их часть, попавшая в поле зрения Н. Я. Марра, была им истолкована в духе теории картвельско-семитского языкового родства [15]. Однако их последующий пересмотр, равно как и накопление некоторых новых материалов (ср. также картв. **c*$_1$*nex-* 'давить виноград' при аккад. *sanāku* 'давить' [16], картв. **pilenz*$_1$- 'медь' при сем. *piliz* > араб. *filiz* 'металл', груз. *pilo-* 'слон' при аккад. *pīlu* 'слон', груз. *torne-* 'грузинская печь' при аккад. *tinūru* 'печь' и др.) убеждают в преимущественно культурном характере относящегося сюда лексического фонда (в последнее время В. М. Иллич-Свитыч отметил несколько интересных картвельско-семитских лексических параллелизмов, способных свидетельствовать и в пользу концепции ностратического родства). Дальнейшее исследование должно показать, в какой мере выдвигаемая здесь гипотеза может быть адекватной фактам исторической реальности картвельских языков.

---

[12] A. Trombetti. Delle relazioni delle lingue caucasiche con le lingue camito-semitiche e con altri gruppi linguistici. Lettere al prof. H. Schuchardt. Giornale delle Società Asiatica Italiana, XV. Firenze, 1902, стр. 199; Н. Я. Марр. Грамматика древнелитературного груз. яз., стр. 75—76.

[13] Ср.: Н. Н. Поппе. Монгольские числительные. — В сб. «Языковедные проблемы по числительным» I, стр. 117.

[14] M. Riabinin. Notes de lexicographie géorgienne. Examen du matériel emprunté. — MSL X, 1, 1897, стр. 21—22.

[15] См.: Н. Я. Марр. Природа и особенности грузинского языка. — Газ. «Иверия», № 86. Тбилиси, 1888; Он же. Основные таблицы к грамматике древнегрузинского языка с предварительным сообщением о родстве грузинского языка с семитическими. СПб., 1908, стр. 1—10.

[16] Ср.: Гр. Капанцян. О взаимоотношении армянского и лазо-мегрельского языков. Ереван, 1952, стр. 13. — Некоторые из картвельских аккадизмов повторяются и в армянском языке.

В. Н. Топоров

ИЗ ЭТИМОЛОГИИ ЕНИСЕЙСКИХ ЯЗЫКОВ

(К вопросу об одном ряде соответствий пумпокольскому t)

Памяти
Владислава Марковича
Иллича-Свитыча

Енисейские языки, в состав которых входят, кроме кетского (енисейско-остяцкого) и вымирающего югского (сымские кеты, по М. А. Кастрену), уже давно мертвые коттский, ассанский, аринский и, видимо, некоторые другие, принадлежат к числу весьма слабо изученных языков. Неопределенность генетических связей этих языков в сочетании с тем, что, насколько можно установить по историческим свидетельствам, и прежде всего по топонимическим данным [1], раньше племена, говорившие на енисейских языках, обитали значительно южнее (вплоть до Хакассии и северной Тувы) и западнее (включая бассейн Иртыша) их нынешней территории, — породила естественное желание решить ряд генетических и исторических вопросов средствами этимологии. К сожалению, все, что сделано в этой области, связано с установлением внешних лексических параллелей между енисейскими (прежде всего кетскими) словами и словами языков, достаточно удаленных в пространстве или во времени (языки тибето-бирманской группы, палеоазиатские, бурушаски, кавказские языки, баскский и др.) [2]. Как бы ни были многообещающи и иногда даже

[1] См.: А. П. Дульзон. Кетские топонимы Западной Сибири. — «Уч. Зап. Томского ГПИ», т. XVIII, 1959, стр. 91—111; Он же. Былое расселение кетов по данным топонимики. — «Географические названия». М., 1962, стр. 50—84; Он же. Общее название реки у кетоязычных народов. — «Уч. Зап. Дальневосточного ГУ». Серия филологич., вып. 5. Владивосток, 1962, стр. 3—9.

[2] Помимо старых работ Г. Рамстедта, К. Доннера и Э. Леви, см.: H. Hoffmann. Gšen. Eine lexikographisch-religionswissenschaftliche Untersuchung. — ZDMG, Bd CII, 1944; M. Holmer. Further Traces of Paleo-Eurasian. — «International Anthropological and Linguistical Review» 1, 1953; P. Hajdu. Die ältesten Berührungen zwischen den Samojeden und den jenisseischen Völkern. — «Acta Orientalia» II, 1—2, 1953; W. Simon. A Ket-Tibetan-Chinese Word Equation. — «Bulletin of the Institute of History and Philology. Academia Sinica» XXVIII, 1956; K. Bouda. Die Sprache der Jenissejer. — «Anthropos» 52, № 1—2, 1957 (где, в частности, подводится

справедливы подобные сопоставления, они уязвимы с точки зрения внутренней доказательной силы, поскольку они связаны с игнорированием всего относящегося к историческому развитию енисейских языков, в частности к их сравнительно-исторической фонетике.

Ниже предлагается ряд сопоставлений слов внутри енисейской группы языков. Эти сопоставления связаны между собой тем, что все они имеют, между прочим, дело с общеенисейским звуком, изменившимся, видимо, во всех без исключения известных енисейских наречиях и сохранившимся в виде *t* лишь в языке пумпокольцев (енисейского племени, обитавшего в XVII—XVIII вв. в верховьях Кети, в пределах Пумпокольской «остяцкой» волости), о котором мы знаем по небольшим спискам слов, содержащимся в рукописях словарей пяти аринских наречий на латинском языке (портфели Миллера 513, № 12 и копия), в «Сравнительных словарях» П. С. Палласа и в клапротовской «Asia polyglotta» (ср. также топонимические данные) [3].

Нужно надеяться, что подход к енисейским лексическим параллелям, осуществляемый в этих заметках, в настоящее время более целесообразен, поскольку он предполагает реконструкцию не-

итог ряду исследований этого ученого по сопоставлению кетской лексики со словами других языков); Е. А. Крейнович. Юкагирский язык. М.—Л., 1958, стр. 221—228; O. G. Tailleur. Un îlot basco-caucasien en Sibérie: les langues iénisséiennes. — «Orbis» VII, № 2, 1958; E. G. Pulleyblank. The consonantal system of Old Chinese Appendix. — The Hsiungnu language. — «Asia Major», new series, IX, pt 2. London, 1963.

[3] Эти материалы опубликованы в ценной работе: А. П. Дульзон. Словарные материалы XVIII в. по кетским наречиям. — «Уч. Зап. Томского ГПИ» XIX, вып. 2. Томск, 1961; в этой статье используются принятые А. П. Дульзоном сокращения источников XVIII в.: Ад. I — рукопись под заглавием «Название слов разных ясачных народов российским слогом», копия которой — в архиве Аделунга; Кл. — список из 298 слов с переводами на енисейские языки, записанными Г. Ф. Миллером в 1731 г.; Мес. — рукопись на немецком языке с записью енисейских слов, принадлежащая Мессершмидту; Сл. I — рукописный словарик пяти аринских наречий на латинском языке из портфелей Миллера; Сл. II — копия Сл. I из Архива Академии наук; Сл. — Сл. I и Сл. II; Ср. сл. — П. С. Паллас. Сравнительные словари всех языков и наречий. СПб., ч. 1, 1787; ч. 2, 1789; Стр. — P. J. Strahlenberg. Das nord- und östliche Teil von Europa und Asia. Stockholm, 1730; Ф. — таблицы с енисейскими словами из книги: J. E. Fischer. Sibirische Geschichte. SPtb, 1. Teil., 1768 (есть русский перевод 1774 г.), а также: В — указ. статья Боуды; ДК — K. Donner. Ketica. Materialien aus dem Ketischen oder Jenisseiostjakischen, I—II. Helsinki, 1955—1958; DKam. — K. Donner. Kamassisches Wörterbuch. Helsinki, 1944; DSam. — K. Donner. Samojedische Wörterverzeichnisse. Helsinki, 1932; Дульз. — указ. статья А. П. Дульзона о материалах XVIII в.; Дульз. Расс. — А. П. Дульзон. Былое расселение кетов. . .; Кастр.— M. A. Castrèn. Versuch einer Jenisseiostjakischen und kottischen Sprachlehre nebst Wörterverzeichnissen aus den genannten Sprachen. SPtb., 1958; Коллинд. — B. Collinder. Fenno-Ugric Vocabulary. An etymological Dictionary of the Uralic languages. Stockholm, 1955; Лехтис. — T. Lehtisalo. Juraksamojedisches Wörterbuch. Helsinki, 1956. N. Poppe. Vergleichende Grammatik der altaischen Sprachen, Bd. I. Wiesbaden, 1960.

которых важных фрагментов сравнительно-исторической фонетики енисейских языков, без чего невозможна ни ближняя, ни дальняя этимология.

1. Енисейское название березы: кет. *ūs*, *ʷōsʿ*., мн. ч. *ūsə̂ŋ* (ДК 97), имб. *úuse* (М., Сл.), *uus'a* (Кл.), кур. *ʔúos'e* (Дульз. 158), ост. *úus'a* (М.), ар. *kus* (М., Сл., Кл.), асс. *úča* (М., Сл., Кл.), *yča* (Кл.), кот. *učа*, *učі* (Кастр.), *úča* (М., Сл., Кл.), пумп. *úta* (Сл.). Следовательно, пумп. *t* соответствует кет. *s*, *s'* (различия между ними фонологически несущественны), ар. *s*, асс. *č*, кот. *č*. Отсутствие начального согласного во всех языках, кроме аринского (где *k*-), не должно удивлять, ср. ар. *kul*, *kūl* 'вода' при асс., кот., пумп., кет. *ul*, *ūl*; ар. *kur* 'влажно', 'сыро', при асс., кот. *úra*; ар. *kína*, *kinæ* 'два' при асс. *inée*, *yna*, кот. *in'a*, кет. *yn*, *ȳn*, *in*, *īn*, *ənaŋ*, *enaŋ* и т. д. (ср., впрочем, пумп. *híneaŋ* 'два', — Сл. Кл.). Исчезнув, начальный согласный оставил по себе след в виде гортанного смычного (ср. кур. ʔúos'e) и/или долготы последующего гласного (иногда с тенденций к дифтонгизации); не исключено, что начальный согласный в названии бересты (кот. *hī*, эд. *kuj*, кет. *qy*, *qə'j*, *kə'j*)[4] отражает старое начало слова. Общеенисейский источник названия березы может быть восстановлен в виде **Hut*-, где *H* правдоподобно объясняется как ларингальный (ср. сходные рефлексы ларингальных в индоевропейских и некоторых других языках). Указанные Боудой параллели из пермских языков (*kud'ź*, *kuź-pu* B 75), как и самодийские (нен. *χō* Лехтис 189, нган. и селькуп. *kua*, камас. *kuiш*, *koiш* DKam, 33, мотор. *ku*, койб. *kuju* DSam 31) и финно-угорские сопоставления (фин. *koivu*, мар. *kue*, *kugi*, *kogi* и т. д., см. Коллинд. 25), не могут быть исключены, хотя и остаются сомнительными, если говорить о жесткой этимологии.

2. Енисейское название реки: кет. *sēs*, *ses*, *s'es*, *s'ēs*, мн. ч. *sās* (ДК 81, 86), *s'as'*, сым. *ses*, имб. *ses* (М., Сл., Срсл., Кл.), *sis'* (Ад.), ост. *sēs* (М.), кур. *s'es'*, эд. *šöš* (Мес.), камас. *satiŋ* (Стр.), ар. *sat* (М., Сл., Срсл., Кл.), асс. *šet* (М., Сл., Срсл., Кл.), *šeto* (Кл.), *šetagaj* (Кл.), кот. *šet* (М., Сл., Срсл., Кл., Ф.), пумп. *tataŋ* (Сл., Срсл., Кл., а также гидронимы типа *Айтат*, *Алтат*, *Амтат*, *Бар(а)тат*, *Бетат*, *Катат*, *Ко:тат*, *Оготат*, *Пальтет*, *Питит*, *Тюхтет* и на *-дат/-дет*). Следовательно, пумп. *t*- соответствует кет. *s-*/*s'*-, камас. *s*-, ар. *s*-, асс. *š*-, кот. *š*-; о вариантах названия реки у енисейцев и путях преобразования их в других языках см. Дульз. Расс. 62 и сл. Среди них достойны особого внимания гидронимы с элементом *-čet* на территории былого расселения коттов к востоку от Кана (*Бакчат*, *Бакчет*, *Колончет*, *Кунчет*, *Паначет*, *Панакачет*, *Патачет*, *Пенчет*,

[4] В таком случае название бересты представляет собой мн. ч. от слова, обозначающего березу: ср. подобное же образование мн. ч. в *sʲɛ'sʲ* 'лиственница' — *-sʲej* (мн. ч.).

Пинчет, Полинчет, Потанчет, Почет, Саранчет, Таличет, Танчет, Таранчет, Таучет, Тепчет, Тейчет, Тульчет, Тюленчет, Унчет, Фаначет, Хинчет, Черчет (Дульз. Расс. 73); в этом районе названия на *-čet* и *-šet* находятся в чередовании; кроме того, несколько гидронимов на *-čet* отмечено по Томи (выше Кемерово); суперстратные варианты с начальными *d-*, *z-*, *ž-*, *c-* здесь не учитываются. Второму *-t-* в пумпокольском и в других енисейских языках соответствуют: кет. *s/s'*, сым. *-s-*, ар. *-t-*, асс. *-t-*, кот. *-t-*, камас. *-t-*. Общеенисейская форма, видимо, была близка к **tet-*, мн. ч. *tat-(aŋ)*, ср. *-ŋ-* в пумп., камас. и, может быть, в асс. (*šetagai* < **šetaŋ-*?), являющийся показателем множественности. Внешние сопоставления пока недоказуемы, тем более что иногда они не учитывают фактов, восстанавливаемых сравнением енисейских языков (ср. Рамстедт. — JSFOu XXIV, 1907; Доннер. — JSFOu XXXVII, 1920: тибет. *ču*, си-ся *šuo*, кит. *šùi* 'вода'; Боуда: манси *sos*. B. 75 и др.).

3. Енисейское название глаза: кет. *dīs, djēs, dje's, d'i's*, сым. *dīs, djēs* (ДК. 34, 36), имб. *dées* (М., Сл., Срсл., Кл.), *dēs* (Кл.), ост. *dēs* (М.), ар. *tieŋ* (М., Сл., Срсл., Кл.), *tīeŋ* (Стр.), асс. *teš* (М., Сл., Срсл., Кл.), *tiš* (Кл.), кот. *tiś* (Кастр. 25), мн. ч. *tieŋ, téčagan* (М., Сл., Кл.)[5], пумп. *dat* (Сл., Срсл., Кл.). Пумп. *-t* находит соответствие в кет. *-s*, асс. *-š*, кот. *-š/č-* (рефлекс конечного согласного в аринском остается неясным из-за того, что известна лишь форма мн. ч. *tĭe-ŋ*, где перед *-ŋ* исчез согласный: *-s*?). Общеенисейская форма едва ли восстановима с точностью: не исключено **-d/tēt-*, где *d/t* — начальный согласный, отражающийся в енисейских языках то как звонкий, то как глухой. Вокализм пумп. *dat* делает оправданным интерпретацию этой формы как мн. ч. (ср. *tat/aŋ* при *-e-* в других языках), ср. ар. и кот. *tieŋ*. Сопоставления с тибето-бирманскими, австронезийскими, кавказскими и баскскими примерами (E. Lewy. Zum Jenissei-Ostjakischen. — «Ungarisch Jahrbücher» XIII, 1933, 293; Боуда — B. 83) не имеют доказательной силы.

4. Енисейское название лиственницы: кет. *sjä's, sʲɛ'ś*, мн. ч. *sʲej* (ДК 82), имб. *sēs* (М., Сл.), *ses* (Кл.), ост. *ses* (М.), елог. *se?s*, кур. *s'ēs'* (ср. *Сестэсес* 'лиственничная река'), ар. *t'šit* (М., Сл.), *čit* (Кл.), асс. *šet* (М., Сл., Кл.), *čet* (Кл.), кот. *šet*, пумп. *-tag* (Сл.)? Последний согласный в пумпокольском слове похож на ошибку[6]. Относительно начального согласного устанав-

---

[5] Форму мн. ч. *téčagan* предлагается рассматривать как результат чередования гласного корня в соединении с двойной флексией мн. ч. *-*teč-aŋ-an*, ср. кот. *tini* 'сосна', мн. ч. *tĭn-aŋ-an*. Ср. еще кот. tăčup 'ресница' (т. е. 'глаза волос'), *tĕsfun, tešpun* 'слепой', *t'ĕčŭr* 'слеза' (т. е. 'глаза вода').

[6] Ср. значительное количество ошибок в этом источнике. Однако можно думать и о том, что *-g* в *tag* имело фонетическое значение *j*, ср. в рукописи Мессершмидта — *ohnagogum* [=onaYojum]. Если это так, то в пумп.

ливается ряд, где пумп. *t-* соответствуют кет. *s-*/*s'*, ар. *č-*(=*t͡s'-*), асс. *š-*/*č-*, кот. *š-*. В связи с конечным согласным любопытно отметить соответствие ар., асс. и кот. *-t* и кет. *-s*/*-s'-*, особенно, если вспомнить точно такое же положение вещей в названиях реки (см. выше). Таким образом, можно думать об общеенисейской форме **teHt-* или **tet-*. Ввиду этого тунгусские параллели с начальным *s* (Боуда — В. 79) гораздо более сомнительны, чем предполагаемое здесь сопоставление с манс. *tȳt* 'кедр' и особенно хант. *teχət* 'кедр'[7] (любопытно проникновение этого слова в уйгур. *tyt*, ср.-тюрк. *tȳt*, койб. *töt*, карагас. *töt*, *döt*, якут. *tīt* 'лиственница' и т. д.).

5. Енисейское название для одного: кет. *kūs*, *qùs* (ДК 62, 70), кур. *qūs'em*, елог. *qūsæm*, имб. *xúsam* (М., Сл., Кл.), *xuzam* (Срсл.), *xúsem* (Кл.), *kus'am* (Ад.), ост. *xúsem* (М.), эд. *xúsem* (Мес., Кл.), бахт. *xúsem* (Мес.), енис. *xúsem* (Ф.), *xuzem* (Ф.), сым. *χūse*, *kūs*, *qúsej* (М., Сл., Ф., Кл.), *kūzej* (Ф., Срсл.), *kuisa* (Стр.), асс. *huča* (Кл.), кот. *hūča* (Кастр.), *húča* (М., Сл., Срсл., Кл.), койб. *huča* (Ф.), пумп. *xúta* (Сл., Срсл., Кл.). Это же слово в качестве элемента отмечено в числительных 'одиннадцать', 'двадцать один' и т. д., а также в 'девять', образуемом по принципу 'десять без одного'. Оказывается, что пумп. *t* находится в соответствии с кет. *s*/*s'*, сым. *s*, ар. *s*, асс. *č*, кот. *č*, койб. *č*. Можно думать об общеенисейском корне **qūt-* (долгота гласного свидетельствуется непосредственно и косвенно, ср. дифтонгизацию в ар. *kuisa*). Несколько неожиданны асс. *haútu*/*háutu* 'один' (М., Сл., Срсл., Кл.), хотя районы расселения ассанов и пумпокольцев, видимо, отчасти, по крайней мере, были смежными. Заслуживают внимания, вероятно, неслучайные варианты с *z* в енис., имб., ар. и с *dž* в камас. (*xuodžæ*, — Стр.), койб. (*xuodžæ*, — Мес., *xuodžá*, *xuodže*, — П.), не идет ли и здесь речь о *d*/*t* и, следовательно, **qūd*/*t*?

6. Енисейское название луны: ар. *éšuj* (М., Сл., Срсл., Кл.), *išuj* (Стр.), асс. *šuj* (М., Сл., Срсл., Кл.), камас. *cuj* (Стр.), койб. *čuj* (Мес., П.), *cuj* (Мес.), пумп. *tuj* (Сл., Срсл., Кл.); в северноенисейских языках представлены названия с другим корнем: кет. *qīp*, *qip*, *kīp*, *γip* (ДК 66), кур. *qyp*, елог. *hyp*, *qyp*, имб., *xīp* (М., Сл.), *xip* (Срсл., Кл.), *xajp* (Кл.), ост. *xip*, *xajp*, *hep*, сым. *xib*, ар. (М.), эд. *xejp* (Мес.), ср. также пумп. *xep* (Срсл., Кл.), которые здесь не рассматриваются. Пумп. *t-* имеет соответствия в виде ар. *š*, асс. *š-*, камас. *c-*, койб. *č-* и *c-*. Если отвлечься от вопроса о возможном гласном начале слова (ср. ар. *éšuj*,

---

**taj* можно видеть мн. ч., сопоставимое с кет. *s^{i}ej*; к вокализму *-a-* в мн. ч. в пумпокольском ср. *tataŋ*, *dat* и т. д., а также кот. мн. ч. от слова 'лиственница' — *šat* (Кастр. 24).

[7] О нем см.: М. Р я с я н е н. Материалы по исторической фонетике тюркских языков. М., 1955, стр. 25.

išuj), то общеенисейская форма может быть восстановлена в форме **tuj*, совпадающей с пумп. *tuj*. Тем не менее этимология слова остается далекой от ясности. Возможно, что некоторые пути для ее решения станут более очевидными, если учесть, что северноенисейские названия луны суть табуистические обозначения (ср. *qīp*, *kīp* 'дядя', 'дедушка' и соответствующие предания мифологического характера, связанные с луной — история Хоседэм, ушедшей от Эся к Месяцу; луна представляется в виде мужчины; с этим связаны и грамматические характеристики слова).

7. Енисейское название камня: кет. *ty'əs*, *tyəs*, *ti'os*, мн. ч. *ti'əŋ*, *təəŋ* (ДК 90), имб. *týes* (М., Сл., Срсл.), *čygs*, *tyes* (Кл.), *tys'* (Ад.), енис. *čygs* (Ф.), ост. *čygs* (М.), кур., елог. *ty?s'*, эд. *tūús* (Мес.), ар. *qes* (М., Сл., Ф., Срсл., Кл.), асс. *šiš* (М., Сл., Срсл., Ф., Кл.), кот. *šiš* (М., Сл. Срсл., Кл.), койб. *šiš* (Ф.), пумп. *kit* (Сл., Срсл., Кл.), *čys* (Срсл., Кл.). Наиболее простое решение вопроса заключалось бы, видимо, в отнесении всех северноенисейских форм типа *ty'əs*, *ty?s'*, *tys'* к числу заимствований из тюркских языков, как это обычно и делается (В 78). Тем не менее уже здесь возникает ряд трудностей как с тюркской стороны (др.-тюрк. *taš*, огуз. **tāš*/*dāš*, тув. *daš*, якут. *tās*, чуваш. *čul*, *t'šol* и другие факты, позволяющие реконструировать общетюрк. **tāl'*-, ср. также монгольские данные: дагур. *tšolō*, орд. *tšilū*, калм. *tšolūn*, монг. *čilaγun* < **tilawūn*), так и с енисейской стороны (след звука типа ларингального в виде гортанного смычного или *-g-* в *čygs*, проблема вокализма, наличие старого способа образования мн. ч.; *ty'əs* — *ti'əŋ* вместо чего-нибудь вроде **ty'əs-aŋ*, ср. также кот. *šiš* — *šeŋ* и т. д.). Поскольку для северноенисейских форм нельзя установить сколько-нибудь точного тюркского источника и нельзя устранить многочисленные сложности, приходится пока допустить или возможность весьма древнего заимствования из алтайских языков, или независимое происхождение этого слова в енисейских языках. Для северноенисейских форм более или менее правдоподобна реконструкция в виде **tuH(ə)s*-, хотя наличие *č-* в *čygs* и *-i-* в *ti'əs* вселяет некоторые сомнения относительно начального согласного. Если же попытаться объединить эти формы с южноенисейскими (а такая попытка, видимо, имеет некоторые основания), то для какого-то периода допустимо предположение об *ŭ* после начального согласного или о *k-* в начале слова, из которого могли развиться все засвидетельствованные в этом слове начальные согласные: *k'i-* > *t'i-* > *t-* или *k'-*/*t'-* > *t͡š'-* > *č-* или *š-*, ср., наконец, случаи чередования *k*/*t* в енисейских языках (независимо от происхождения этих слов): асс. *tógaj*, *tágaj*, *takaj*, кот. *tagáj* 'голова' — имб. *kejgó*, *kojgo*, *čig*, ост. *kógat*; имб. *túle*, кур. *tól'a*, *túl'a*, эд. *tule* 'медь' — пумп. *kóla*; ар., асс., кот. *ton* 'нож' — пумп. *kejn* и др. (примеры

мены *k/t* есть и в самодийских языках, ср. название березы в кн.: J. Klaproth, Sprachatlas, Paris, 1823). Так или иначе, в пределах южноенисейских языков пумп. *-t-* находится в соответствии с ар. *-s*, асс. *-š*, кот. *-š*, койб. *-š* (ср. также пумп. *čys*), а если расширить круг сравниваемых языков, то и кет. *-s*. Еще раз хочется подчеркнуть, что независимо от первоначальных отношений целесообразно рассматривать все эти формы как слова, связанные рядом закономерных переходов (ср. *ty?s'*, *čugs*, с одной стороны, и их продолжение в *čys*, *šiš*, *qes*, с другой стороны).

8. Енисейское название белки: кет. *sa'k*, кур., елог. *sa?k*, имб. *sāk* (М., Сл. I), *sæk* (Сл. II), *sak* (Кл.), ост. *sak* (М.), эд. *šak* (Мес.), ар. *žoua* или *šoua* (М., Кл., Сл), *sava* (Стр.), асс. *šagá* (М., Сл., Кл.), *šaha* (Кл.), кот. *šága* (М., Сл., Кл.), пумп. *tak* (Сл.). Таким образом, пумп. *t-* соответствует кет. *s-*, ар. *š-* (*ž-*?), асс. *š-*, кот. *š-*. Видимо, можно восстановить для общеенисейского форму **taHk-*? Едва ли доказуемо сравнение с тув., шор. *saqyl* (В 77).

9. Енисейское название для 'cunnus': кет. *lōs*, *los*, *lōz*, кур. *l'ūs'*, имб. *lōs* (М., Сл.), *dlos*, *luš* (Кл.), ост. *dlos*, *luš* (М.), пумп. *lat* (Сл.). Пумп. *-t* связано с *-s* или *-š* в кетском. Предполагается связь с тибет. *lhums*, буруш. *γuš* (см.: K. Bouda. Die Sprache der Burusсho, I. Indochinesische Beziehungen. Eusko-Jakintza 4, 1950 и В. 93); характерно проникновение этого слова в селькупский (*los*, *luos*, *lūs*, *loh*, *luch* и проч.). Южноенисейские языки знали другое слово с тем же значением: ар. *ken*, асс. *karš*, *kar*, кот. kar.

10. Енисейское название для 'penis': кет. *bys*, кур. *by?s'*, имб. *buis* (М., Сл., Кл.), ост. *dabuis* (М.), сым. *bə'š*, ар. *poš* (М., Сл., Кл.), асс. *puš* (М., Сл., Кл.), кот. *puš* (М., Сл., Кл.), пумп. *kútte* (Сл.)? Если *k-* в пумпокольском не является препятствием для сравнения, то пумп. *-t(t)-* соответствуют кет. *-s*, ар. *-š*, асс. *-š*, кот. *-š*. Не лишена интереса попытка найти возможные соответствия енисейскому слову, реконструируемому с известным правдоподобием как **pōt* или **poHt-*, за пределами енисейских языков, например в уральском названии хвоста и penis'а, восстанавливаемом с начальным *p-*, конечным *-t* и корневым гласным непереднего ряда (ср. нен. *panco*, венг. *fasz*, нан. *pać'kę*, ср.-монг. *häčüs* и т. д., см. A. Sauvageot. Recherches sur le vocabulaire des langues ouralo-altaïques. Paris, 1930, стр. 23) или в словах, подобных мар. *patš*, *pot'š* 'хвост', 'конец' и т. д. (из урал. **pɣṇtš* — в тунгусском и монгольском этому *-ṇtš-* соответствует *-š-*, *-s-* — с несколько иным значением, см.: K. Donner. Über die anlautenden labialen Spiranten. — MSFOu 49, 1920, стр. 156; A. Sauvageot. Указ. соч., стр. 23).

11. Енисейское слово 'назад': кет. *sugə*, *sūgə*, *suγu*, имб. *sukbógeden* (Кл.), ост. *suk-bógeden* (М.), асс. *šúxa* (М., Сл., Кл.),

šuga (Кл.), пумп. *tuk* (Сл.), Пумп. *-t-* соответствует кет. *s-*, асс. *š-*, кот. *š-* (иные слова в ар. *-ogóš* < **sugu*?, имб. *óŋta*, кот. *eléjčan*). Общеенисейская форма близка к **tuk-*. Правдоподобна связь с кет. *šūga*, *sugei* 'домой', кот. *šūka* (ср. кет. *šuŋk-š-aq*, *sōūq-s-aq* 'я иду домой' и др. В 115), которые сопоставляют с селькуп. *sugu-lǯe*, а также с кет. *suk-el'* 'затылок' (ср. *but konujen budə qəhtəd'iŋə i sukel'di ŋ el' kajnəm* 'он сел на его шею и за затылок взял'), ср. селькуп. *šuk*, *šuŋ* и т. д. (В. 73).

12. Енисейское название кобылы: ар. *qúše* (М., Сл., Кл.), асс. *penguš* (М., Сл.), *pen-kuš* (Кл.), кот. *penkuš* (М., Сл., Кл.), пумп. *kut* (Сл.). Пумп. *-t* находится в соответствии с ар. *-š-*, асс. *-š*, кот. *-š*. Общеенисейская форма **kut-* (?).

13. Енисейское название мерина: ар. *qus* (М., Сл., Кл.), пумп. *kut* (Сл.). Слово того же корня, что и предыдущее. Пумп. *-t* связано здесь с ар. *-s*. В ассанском и котском для обозначения мерина используется слово тюркского происхождения.

14. Енисейское слово для 'желтый': кет. *sūləm(se)* 'красноватый' (ДК 85), имб. *súlemam* (М., Сл.), пумп. *túlsi* (Сл.). Пумп. *t-* соответствует кет. *s-*. Отсюда — общеенисейский корень **tul-*.

15. Енисейское слово для 'красный': кет. *sūləm(se)*, имб. *súlemam* (М., Сл.), *súleman* (Срсл., Кл.), *s'ul'uma* (Ад.), *surbes* (Кл.), кур. *sūlem*, ост. *surbes* (М.), ар. *t'ūra* (М., Сл., Кл.), *t'gura/-t'ūra*? (Срсл.), асс. *šurama* (М., Сл., Срсл., Кл.), кот. *šúrama* (М., Сл., Срсл., Кл.), пумп. *túlsi* (Сл., Кл.), *tulzi* (Срсл.). Слово того же корня, что и предыдущее, расширяющее число соответствий пумп. *t-* за счет ар. *t-* (важный случай!), асс. *š-*, кот. *š-*; мена *r/l* не вызывает удивления.

16. Енисейское название зайца: кет. *b'e's*, *b'es* (ДК 27), кур. *b'ēs'*, имб. *bes*, *bæs* (М., Сл.), *bes* (Кл.), ост. *bes* (М.), эд. *bhees* (Мес.), кот. *pēš* (Кастр.), пумп. *but* (Сл.). Если пумп. *but* относится сюда, то пумп. *-t* соответствует кет. *s-/s'-*; в других енисейских языках в этом значении отмечены иные слова: ар. *tāmše*, кот. *témče*, *témše*, асс. *maŋara*, *mankara*. Поскольку, по крайней мере для части енисейских диалектов, видимо, восстанавливается форма **beHt-* (для пумп. **boHt-* > **bōt* > *but-*), не исключена связь с манс. *pēkša* 'белка' (В. 74); впрочем, возможны и иные объяснения мансийского слова, включая предположение о заимствовании его из соседних языков.

17. Енисейское название рыбы: кет. *īs*, *jis*, *jīs* (ДК 52, 55), кур. *īs'*, имб. *īse* (М., Сл., Срсл., Кл.), *jis'a* (Кл.), *isí* (Ад.), ост. *jís'a* (М.), пумп. *híte* (Сл.), *gíte* (Срсл., Кл.). Пумп. *-t-* соответствует кет. *s/s'*. Исходная для кетского и пумпокольского форма могла выглядеть как **Hit-*. Того же корня енисейское название мяса: кет. *k'it* (ДК 72), имб. *kīt* (Сл.), *kit* (Срсл., Ад., Кл.), *kič* (Кл.), ост. *kič* (М.), енис. *kič* (Ф.), ар. *is* (М., Сл., Срсл., Кл.), асс. *ič* (М., Сл., Ф., Срсл., Кл.), *ičі* (Кл.), кот. *īčі* (Кастр.), *ič* (М., Сл., Срсл., Кл.), койб. *is* (Ф.), пумп. *cič* (Сл.,

Срсл., Кл.). На основании этих слов устанавливается несколько иная цепь соответствий: кет. *-t* (кет. *-č-*)—ар. *-s*—койб. *-s*—асс. *-č*—кот. *-č*—пумп. *-č*, приводящая, однако, к той же исходной форме **Hit*. Указанные енисейские слова одними сопоставляются с си-ся *ċi*, тибет. *ša* (Доннер. — JSFOu XXXVII, 1920), другими с тел., койб. *kür* 'жирный' (В. 77), ср. кот. *kīr* 'жир'. Вообще же сравнение слов, обозначающих рыбу и мясо, ставит перед исследователем ряд вопросов (ср. пумп. *cič*?; кет. *īs* : *k'īt*?; отношение асс. *tyg*, *tyk* 'рыба'[8] к формам типа пумп. *híte* и др.)[9].

18. Енисейское название полдня: имб. *súgge-danaŋ* (М., Сл.), *suji* (Кл.), ост. *súji* (М.), пумп. *túha* (Сл.) и полночи: кур. *s'úos'i*, *s'ūs'ii*, имб. *súe-sī* (М., Сл.), *súusi* (Кл.), ост. *súusi* (М.), асс. *šúšig* (М.), *šú-šig* (Сл., Кл.), кот. *šúšig*, пумп. *tú-tōl* (Сл.). Собственно говоря, в обоих случаях речь идет о слове, обозначающем половину. В нем пумп. *t-* появляется в соответствии с кет. *s-*/*s'-*, асс. *š-*, кот. *š-*. Можно думать об общеенис. **tu-*.

19. Енисейское название ночи: кет. *sī*, кур. *s'i*, имб. *sī* (М., Сл. I), *si* (Сл. II, Срсл.), *sií* (Кл.), *sij* (Ад 2), ост. *síi* (М.), эд. *džȳ* (Мес.), *džu* (Кл.), ар. *sai* (М., Сл., Срсл., Кл.), асс. *šig* (М., Сл., Срсл., Кл.), кот. *šīg*, *šīq* (Кастр.), *šig* (М., Сл., Срсл., Кл.), пумп. *teč* (Сл., Срсл., Кл.). Пумпокольский знает и другое название — *tōl*. Не исключено полностью этимологическое родство пумп. *teč* (**te*/*ig*/*k'*-?) с другими енисейскими словами. Если это так, то пумп. *t-* находится в соответствии с кет. *s-*, ар. *s-*, асс. *š-*, кот. *š-*, эд. *d͡ž-*. Обычно это слово сопоставляют с кит. *s(i)og*, *z(i)ag*, *dz(i)ak* (B. Karlgren. Analitic dictionary of Chinese and Sino-Japanese, 1923) или прасев.-кавк. **əšə(n)* (N. Trubetzkoy. Nordkaukasische Wortgleichungen. — WZKM XXXVII, 76; B 91).

Этих сопоставлений (тем более что некоторые из них относятся к самым распространенным лексемам) достаточно для предварительного вывода о том, что пумп. *t* независимо от его места в слове (хотя чаще всего все-таки в начале его) соответствует кет. *s*/*s'*, ар. *s*, *š* или *č*, асс. *š* или *č*, кот. *š* или *č* и позволяет восстановить — для целой группы случаев — общеенис. **t* (> *t'š* > *š* или *č* и т. д.). Эта закономерность соответствий настолько внушительна, что делает вероятным восстановление некоторых утраченных пумпокольских слов. Так, на основании кет. *bis*, ар. *pis*, асс. *pičiga*, кот. *píčaga* можно предполагать пумп. **pit-* 'поздно' и др.

Есть основания думать, что все указанные рефлексы восходят именно к общеенис. **t* и объясняются (по крайней мере,

---

[8] В аринском рыба называется *tlti* (М., Сл., Срсл., Кл.).

[9] Ср., в частности, вопрос о возможности связи между ассанскими названиями рыбы и енисейским словом для змеи, ср. кет. *tiγ*, *tieγ*, *tjeg*, селькуп. *t'uk*, *tuk*, *čuk*, *cuk* 'червь'.

в большинстве случаев) их положением перед старыми гласными переднего ряда[10] (иногда с последующим изменением, ср. общеенис. **Hute* 'береза' > имб. *uuse*, кот. *ūči* > кот., асс. *ǐča*), ср. названия для реки, лиственницы, кобылы, рыбы, ночи, одного и т. д., или перед *u*, в котором, следуя, между прочим, многочисленным алтайским аналогиям, допустимо видеть старое *ü*, утратившее позднее переднюю артикуляцию (ср. маньчж. *u* на месте алт. *ü*), ср. названия луны, половины, красного и желтого цветов, слово для наречия 'назад' и др. (например, **tüj* 'луна' > койб. *čuj*, асс. *šuj*, пумп. *tuj* и т. д.). Такое развитие первоначального *t* обосновано с типологической точки зрения и подкрепляется рядом примеров из территориально близких языков (ср. судьбу *t* в алтайских языках в положении перед *i* или *ï*)[11]. Обратное направление развития (*s*/*š*,*č*/ > *t*) хотя и не исключено (ср. превращение алтайского конечного *-s* в якутское *-t*), все-таки едва ли вероятно.

При этом, однако, следует помнить, что для другой группы слов закономерным является наличие *t* (в частности, и перед гласными переднего ряда) во всех этимологически связанных лексемах разных енисейских языков (вопрос о возможных заимствованиях пока оставляется в стороне), ср. 'снег': пумп. *tyg*, ар. *tē*, асс. *tyg*, *tyk*, *tik*, кот. *tik*, кет. *tig*; 'черно': пумп. *túma*, ар. *t'ūma*, асс. *tuma*, кот. *t'ūma*, кет. *tu'm*; 'пальцы': пумп. *tok*, кот. *togán*, кет. *tək*; 'окунь': пумп. *tóu*, асс. *túga*, *tua*, кет. *tə'a*; 'мышь': пумп. *úte*, асс. *d'uta*, кет. *ūta*; 'лодка': пумп. *tyg*, кет. *tī*; 'дорога': пумп. *kō͡at*, ар. *kut*, *kat*, кет. *ko't*; 'грудь': пумп. *tíke*, кет. *təgə*; 'белый': пумп. *tamxo*, ар. *tāma*, *t'āma*, асс. *tégama*, *tiekama*, кет. *tāgems*, *tagym* и др.

И, наконец, в третьей группе слов практически по всем енисейским языкам отмечается мена *t* и *d* независимо от положения в слове. Некоторые соображения об этой группе случаев, как и попытка объяснения троякого рода соответствий пумп. *t* в енисейских языках, будут содержаться в другой работе[12].

1964

---

[10] Можно думать, что рефлексы этого **t* в конце слова объясняются палатализационным эффектом впоследствии утраченных конечных гласных переднего ряда, ср. названия для глаза, cunnus, penis, зайца.

[11] См.: N. Poppe. Указ. соч., стр. 14—15 и 25—26 и приведенную там же литературу.

[12] В. Н. Топоров. Материалы к сравнительно-исторической фонетике енисейских языков I. — «Кетский сборник» I (в печати); ср.: А. П. Дульзон. Кетские наречия первой половины XVIII в. — «Труды Томск. обл. краевед. музея», т. 6, вып. 2. Томск, 1963.

В. М. Иллич-Свитыч

МАТЕРИАЛЫ К СРАВНИТЕЛЬНОМУ СЛОВАРЮ НОСТРАТИЧЕСКИХ ЯЗЫКОВ

(индоевропейский, алтайский, уральский, дравидский, картвельский, семитохамитский)

Ностратической мы называем большую языковую семью, включающую по крайней мере шесть языковых групп Старого света — индоевропейскую, алтайскую, уральскую, дравидскую, картвельскую и семитохамитскую. Сравнение этих языковых групп (точнее, сравнение соответствующих шести реконструированных праязыков) с очевидностью свидетельствует об их родстве. На такое родство указывает прежде всего значительный объем общей для всех или части сравниваемых праязыков лексики, позволяющий сформулировать достаточно строгие фонетические соответствия и реконструировать исходную фонологическую систему — систему «ностратического языка-основы». Собранный нами лексический материал составит сравнительный словарь, который вместе со сравнительной фонетикой войдет в подготавливаемую монографию, посвященную сравнению ностратических языков. Поскольку публикация этой работы — дело довольно отдаленного будущего, мы считаем целесообразным предложить вниманию читателя своего рода краткий конспект такого словаря. Этот индекс содержит лишь реконструированные праформы постулируемого ностратического языка-основы и их отражение в шести сравниваемых языках — в виде реконструкций, документируемых ссылками на соответствующие этимологические издания.

Семантическая реконструкция ностратических праформ, вынесенная в начало словарных статей предлагаемого индекса, весьма условна: она символизирует в максимально краткой форме вероятное исходное значение всех сравниваемых форм. Приводимая для большинства лексем фонетическая реконструкция ностратических праформ основывается на установленных регулярных фонетических соответствиях между сравниваемыми праязыками. Детальное изложение и обоснование этих соответствий — задача сравнительной фонетики. Ниже мы предлагаем их краткую сводку, необходимую читателю для ориентировки в собственно этимологическом материале и для верификации предложенных

реконструкций. Подробности рефлексации отдельных протофонем (в частности, их рефлексация в сочетаниях) в этой сводке, естественно, опущены [1].

Смычные [2]

*$\underline{p}$ > и.-е. *p*, *sp-*; алт. *pᶜ-*, *-p-*; урал. *p-*, *-pp-*; драв. *p-*, *-pp-/-v-*; картв. *p*, *p*; с.-х. *p*.

*$\underline{p}$ > и.-е. *p*, *b*; алт. *pᶜ-/b-*, *-p-/-b-*; урал. *p-*, *-p-*; драв. *p-*, *-pp-/-v-*; картв. *p/b*; с.-х. p_1/b.

*$\underline{b}$ > и.-е. *bh*; алт. *b*; урал. *p-*, *-w-*; драв. *p-*, *-v-*; картв. *b*; с.-х. *b*.

*$\underline{t}$ > и.-е. *t*; алт. *tᶜ-*, *-t-*; урал. *t-*, *-tt-*; драв. *t-*, *-t(t)-/-ṭ(ṭ)-*; картв. *ṭ*; с.-х. *ṭ*.

*$\underline{t}$ > и.-е. *d*; алт. *t-*, *-d-*; урал. *t-*, *-t-*; драв. *t-*, *-t(t)-/-ṭ(ṭ)-*; картв. *t*; с.-х. *t*.

*$\underline{d}$ > и.-е. *dh*; алт. *d*; урал. *t-*, *-ð-*; драв. *t-*, *-t(t)-*(?)/*-ṭ(ṭ)-*; картв. *d*; с.-х. *d*.

*$\underline{k}$ > и.-е. *k*, $\hat{k}$, k^u; алт. *kᶜ-*, *-k-*; урал. *k-*, *-kk-*; драв. *k-*, *-kk-/-k-*; картв. *k*, *kw*; с.-х. *k*, k^u.

*$\underline{k}$ > и.-е. *g*, $\hat{g}$, g^u; алт. *k-*, *-g-*; урал. *k-*, *-k-*; драв. *k-*, *-kk-/-k-*; картв. *k*, *kw*; с.-х. *k*, k^u.

*$\underline{g}$ > и.-е. *gh*, $\hat{g}h$, g^uh; алт. *g*; урал. *k-*, *-:γ-*; драв. *k-*, *-:ø-*; картв. *g*, *gw*; с.-х. *g*, g^u.

*$\underline{q}$ > и.-е. *k*, $\hat{k}$, k^u; алт. *kᶜ-*, *-k-*; урал. *k-*, *-?-*; драв. *k-*, *-?-*; картв. *q*, *qw*; с.-х. *k*, k^u.

*$\underline{q}$ > и.-е. *H* (? H^u, $\hat{H}$); алт. *ø-*, *-:ø-*; урал. *ø-*, *-:γ-*; драв. *ø-*, *-:ø-*; картв. *q*, *qw*; с.-х. *h*.

*$\underline{9}$ > и.-е. *H*, H^u (? $\hat{H}$); алт. *ø-*, *-:ø-*; урал. *?-*, *-:γ-*; драв. *ø-*, *-:ø-*; картв. *γ*, *γw*; с.-х. *g*.

Ларингальные

*$\underline{h}$ > и.-е. *H*, $\hat{H}$ (? H^u); алт. *ø-*, *-:ø-*; картв. *x*; с.-х. *h*; [? урал., драв.].

*$\underline{h}$ > и.-е. *H* (? $\hat{H}$, H^u); алт. *ø-*, *-:ø-*; урал. *ø-*, *-?-*; драв. *ø-*, *-?-*; с.-х. *h*; [? картв.].

*$\underline{\gamma}$ > и.-е. *H* (? $\hat{H}$, H^u); алт. *ø-*, *-:ø-*; урал. *?-*, *-:ø-*; драв. *ø-*, *-:ø-*; картв. *γ*, ? *ø*; с.-х. *ʿ*.

---

[1] В сводке фонетических соответствий приняты следующие символы: Ø — нуль звука, : Ø — нуль звука с удлинением предшествующего гласного, С- — согласная фонема в начальной позиции, -С- — согласная фонема в неначальной позиции.

[2] Подробно рефлексация смычных рассмотрена нами в работе «Соответствия смычных в ностратических языках» («Этимология. 1966»).

Спиранты

*s > и.-е. s; алт. s; урал. s; драв. c; картв. s_1; с.-х. $\acute{s}$.
*$\acute{s}$ > и.-е. s; алт. s; урал. $\acute{s}$; драв. c; картв. s; с.-х. $\check{s}$.
*z > и.-е. s; алт. $\check{z}$; урал. s; картв. z; с.-х. z; [? драв.].
*$\check{s}$ > и.-е. s; алт. s-, -$\check{s}$-[3]; урал. $\check{s}$; драв. c; картв. $\check{s}$; с.-х. $\check{s}$.
*$\acute{s}$ (?) > и.-е. s; алт. s; урал. $\acute{s}$; с.-х. $\acute{s}$; [? драв., картв.].

Аффрикаты

*$\dot{c}$ > и.-е. *(s)k̂-* (? *(s)k-*), *-s-*; алт. $\check{c}$; урал. $\acute{s}$(?); картв. $\dot{c}$; с.-х. $\dot{s}$; [? драв.].
*c > и.-е. *(s)k-* (? *(s)k̂-*), -?-; алт. $\check{c}$; урал. $\acute{s}$; драв. c; картв. c; с.-х. s.
*$\check{z}$ > алт. $\check{z}$; урал. $\acute{s}$; картв. $\underline{z}$; с.-х. z; [? и.-е., драв.].
*$\dot{c}$ > и.-е. ?-, *-s-*; алт. $\check{c}$; урал. $\acute{c}$; драв. c; картв. c_1; с.-х. $\acute{s}$.
*$\acute{c}$ > и.-е. *sk-*, *sk̂-*, *-s-*; алт. $\check{c}$; урал. $\acute{c}$; драв. c; картв. c_1; с.-х. $\acute{s}$.
*$\acute{z}$ (?) > алт. $\check{z}$; картв. $\underline{z}_1$; с.-х. $\underline{d}$; [? и.-е., урал., драв.].
*$\dot{c}$ > и.-е. *(s)t-*, *-s-*; алт. $\check{c}$; картв. $\dot{c}$; с.-х. $\underline{t}$; [? урал., драв.].
*$\check{c}$ > и.-е. *(s)t-*, *-s-*; алт. $\check{c}$; урал. $\check{c}$; драв. c; картв. $\check{c}$; с.-х. $\underline{t}$.
*$\check{z}$ > и.-е. *(s)t-*, -?-; урал. $\check{c}$; картв. $\check{z}$; с.-х. $\underline{d}$; [? алт., драв.].

Сонанты

*m > и.-е. m; алт. m-, b-, *-m-*; урал. m; драв. m; картв. m; с.-х. m, b (?).
*n > и.-е. n; алт. n; урал. n; драв. n-, -$\underline{n}$-, -n-, -$\underline{n}$-; картв. n; с.-х. n.
*$\acute{n}$ > и.-е. n, j; алт. $\acute{n}$; урал. $\acute{n}$; драв. $\tilde{n}$-, n-, -$\underline{n}$-; картв. n; с.-х. n.
*$\tilde{n}$ (?) > и.-е. *kn-*, -?-; алт. n, $\acute{n}$; урал. $\tilde{n}$; [? драв., картв., с.-х.].
*r > и.-е. r; алт. ?-, *-r-*, *-r′-*; урал. r; драв. ?-, -$\underline{r}$-, *-r-*, -$\underline{r}$-; картв. r; с.-х. r.
*l > и.-е. l; алт. l-[4], *-l-*, *-l′-*; урал. l; драв. n-, *-l-*, -$\underline{l}$-; картв. l, r; с.-х. l.
*l' > и.-е. l; алт. ?-, *-l′-*; урал. l'; драв. ?-, -$\underline{l}$-; картв. r; с.-х. l.
*$\dot{l}$ > и.-е. l; алт. t-, *-l-*; урал. $\dot{l}$; драв. t-, *-l-*/-$\underline{l}$-; картв. *dl-*(?), *-l-*; с.-х. l.
*λ > и.-е. l; алт. d-, *-l-*; урал. δ'; драв. ?-, *-t(t)-*/*-t(t)-*; картв. l; с.-х. l.
*w > и.-е. w; алт. b, $\varnothing$; урал. w; драв. v; картв. w, $\varnothing$; с.-х. w, ? b.
*j > и.-е. j; алт. j; урал. j; драв. j-, $\varnothing$-, -:$\varnothing$-; картв. j, $\varnothing$; с.-х. j, $\varnothing$.

---

[3] Алт. *-$\check{s}$-* > чуваш. -$\acute{s}$-, остальн. тюрк. -$\check{s}$-, монг. -s-.
[4] Алт. *l-* > тунг. l-, монг. (монгорский, дагурский) l-, n-, (остальные языки) n-, тюрк. j-.

Структура корня и вокализм

Реконструируемые для ностратического полнозначные лек-

расширять(ся) (?): урал. **päče-* 'раздвигаться, расширяться, развязываться' (Coll. 106) ~ с.-х. **pś-* 'распространять(ся)' (Cohen 168, Calice 63) ~ картв. **pec*$_1$- (мегрел. *pač-* 'раскрывать'). *расширять, раздвигать, развязывать* *рас-пусто-тво*

расщеплять[1] *c a l ʌ: и.-е. **skel-* 'расщеплять, острие' (Pok. 923—926) ~ алт. *čaly* 'острие' (KW 420; тунг.: эвенк. *čalī* 'наконечник стрелы') ~ урал. **śale-* 'отщеплять' (Setälä FUF 2, 259—260) ~ драв. **cal-* 'расщеплять' (DED 156) ~ картв. **cel-* 'косить' (Кл. 223) ~ с.-х. **sl-* 'расщеплять, острие' (Greenberg LA 51, Ges. 546). *?soru* *брить*

расщеплять[2] *p i l′ʌ: и.-е. **(s)p(h)el-* 'расщеплять, лопаться' (Pok. 985—987) ~ урал. **pil′ʌ-* 'раскалывать, разбивать на куски' (Coll. 49) ~ драв. **pil-* 'расщеплять, лопаться' (DED 279) ~ с.-х. **pl-* 'расщеплять, лопаться' (Cohen 169, Calice 62, Ges. 642); ср. Möller 196, Смычн. 10.9. *?pire* *молоть*

расщеплять[3] *ć i t ʌ: и.-е. **skeid-* 'расщеплять' (ср. Pok. 920—921) ~ драв. **citʌ-* 'повреждать, ломать' (DED 163, Krish. 354—355) ~ ? картв. **c*$_1$*it-* (занск.: чан. *čit-* 'рубить') ~ с.-х. **śtr* 'расщеплять, разрушать' (сем.: Ges. 795); ср. Смычн. 2.16. *sato*

расщеплять[4] *t e /l′/ ʌ: и.-е. **del-* 'расщеплять, обтесывать' (Pok. 194—196) ~ алт. **tel′-* 'раскалывать' (ВЯ 1963, 6, 47, Poppe UJ 6, 100) ~ ? картв. **tal-* / *tl-* 'тесать, строгать' (Кл. 90—91) ~ ? с.-х. **tl-* (кушит.: беджа *téla'* 'сверлить') ср. Долг. 15, Смычн. 2.12. *?tiru* *расщеплять*

рвать[1] *t e r (H) ʌ: и.-е. **der(H)-* 'рвать, лопаться' (Pok. 206—209) ~ драв. **ter-* 'рвать(ся), лопаться' (DED 226) ~ ? картв. **txar-* 'рыть' (Чик. 286); ср. Смычн. 2.11.

рвать[2] (дескрипт.): картв. **prç-* / *brç-* 'рвать(ся)' (Кл. 190, Чик. 255) ~ с.-х. **prs* / *prd* 'рвать, ломать' (сем.: Ges. 661); ср. Смычн. 11.6. *?pasati* *резать*

рвать[3] (дескрипт.) (?): картв. **qleč-* 'разрываться' (Кл. 266) ~ с.-х. **ḫlṣ* 'вырывать' (сем.: Ges. 236).

ребенок *p o j ʌ: алт. **pö-* / *pi-* (тунг. **pö-ktä* / *pi-ktä* 'ребенок': Цинц. 329) ~ урал. **pojka* 'сын' (Coll. 108); ср. Sauv. 27, Sinor T'P 37, 222, Räs. 8. *pi-* *мальчик, ребенок*

резать[1] *ķ /ä/ ć ʌ: и.-е. **ḱes-* 'резать' (Pok. 586) ~ ? алт. **k'/ä/sä-* 'резать' (SKE 103, Ram. 144, KW 228) ~ урал. **k/ä/ćʌ* 'нож' (Coll. 88) ~ картв. **ķc*$_1$- (сван. *ķč-* 'отрезать') ~ с.-х. **ķš-* / *ķs-* 'резать' (сем.: Ges. 720, 722, Leslau Soq. 371; чад.: хауса *katse* 'обрубать'); ср. Budenz 22—23, Sinor T'P 37, 242, Гутт. 23, Долг. 16—17.

резать[2] *ç a r ʌ: и.-е. **sker-* 'резать' (Pok. 938) ~ алт. **čary-* 'резать, рвать' (SKE 24) ~ драв. **car-* 'резать, рвать' (DED 155) ~ с.-х. **ṣ(j)r* 'резать, расщеплять' (сем.: Leslau Soq. 351, 357).

резать[3] *ķ o /ṭ/ ʌ: драв. **kott-* 'резать, рубить, копать' (DED 141) ~ ? картв. **ķwe(s*$_1$*)t-* 'сечь, резать' (Кл. 111) ~ с.-х. **ķ*$^{(w)}$*ṭ'* 'резать' (сем.: Leslau Soq. 373); ср. Смычн. 1.35.

резать[4] *k e r t ʌ: алт. *|k|erti- 'надрезать, делать зарубку' (Ram. 47, SKE 108—109, Poppe 19) ~ с.-х. *krt 'резать, отрезать' (Ges. 364).

резать[5] *č i ḳ ʌ (дескрипт.): алт. *čikʌ- 'резать, рубить' (монг.: KW 438; тунг.: Вас. 518) ~ картв. *čeč- (редупликация?) 'мелко резать' (Кл. 255).

рог *r ʌ k ʌ: и.-е. *ro/g/o- (балто-слав.: Vas. 2, 526, Fraenkel 684) ~ картв. *rka (Кл. 157—158). ?taka- высокий

род *|ḳ/u/l/ ʌ: и.-е. *k^{u}el- 'род, большая семья, толпа' (Pok. 640) ~ драв. *kūl 'толпа, большая семья' (DED 130) ~ с.-х. *ḳ(w)l 'клан, толпа' (Cohen 124). kurasu тима

родственник *t a /H/ j ʌ (?): и.-е. *deHi-ǵer 'деверь, брат мужа' (Pok. 179) ~ алт. *tājy 'родственник со стороны матери' (тюрк.: Радл. 3.765).

родственница *n a t ʌ: ? алт. *ńatʌ (тунг.: эвенк. *ńati* 'родственница — в языке женщин') ~ урал. *natʌ 'родственница' (Coll. 38) ~ драв. *nāt(t)ʌ 'жена брата, сестра мужа' (юж.-драв.: ср. DED 242) ~ ? с.-х. *'nṭ 'женщина' (сем.: Ges. 70); ср. Schrader ZII 3, 111, Räs. 9. ? natuku приходиться

рождать[1] *p e r ʌ: и.-е. *per- 'рождать' (Pok. 818) ~ алт. *pörʌ 'потомство' (тунг.: Цинц. 329, Вас. 499) ~ урал. *perʌ- 'семья, родственники' (Coll. 48) ~ с.-х. *pr- 'потомство, ребенок, плод' (Cohen 169, Greenberg LA 57, Cohen 169, Calice 30); ср. Möller 202—203, Trombetti El. 390, Bouda UAJ 25, 161, Смычн. 10.7.

рождать[2] *|ḳ/ a /n/ ʌ: и.-е. *ken- 'рождаться, молодое существо' (Pok. 563—564) ~ драв. *kan-, *kanr- 'рождать(ся), молодое существо' (DED 100, Krish. 324) ~ с.-х. *kn- 'рождать, создавать' (сем.: Gordon 320; кушит.: джанджеро *kōn* 'рождать'). ko pedi

рождать[3] *b ʌ r ʌ: и.-е. *bher- 'рождать, ребенок' (ср. Pok. 128—132) ~ ? картв. *ber- (занск.: чан. *bere* 'ребенок'; ср., однако, Чик. 19—20) ~ с.-х. *br- 'рождать' (Ges. 113; берб.: R. Basset JA^{8} 1, 322); ср. Möller 34, Tromb. 360, Смычн. 12.3. pira чрево рагати быть беременной

рождать[4] *š /e/ w ʌ: и.-е. *seu(H)- 'рождать' (Pok. 913) ~ ? урал. *|še|wʌ- (мар. горн. *šəwä*, лугов. *šə̑wä* 'потомство') ~ картв. *šw- 'рождать' (Кл. 214—215); ср. Долг. 7.

рождать[5] w a l d ʌ: алт. *baldy- 'рождать(ся)' (тунг.: Цинц. 296, Benz. 46) ~ с.-х. *wld 'рождать(ся)' (Calice 97, Cohen 196, Greenberg LA 54, Ges. 300); ср. Долг. 5. udi род

рождать[6] *ṭ u r ʌ: и.-е. *tuer- 'создавать, держать, иметь' (балто-слав.: Vas. 3, 87) ~ алт. *t'örä- 'рождать, создавать' (KW 407, Poppe Mong. 49). turuti нарождать

рубить[1] *|ć/ a ṛ ʌ (дескрипт.): и.-е. *skep- 'рубить, бить' (Pok. 931—932) ~ алт. *čarʌ- 'рубить, бить' (KW 437) ~ урал. *ćappa- 'рубить, бить' (Wichmann FUF 11 Anzeiger 188—189) ~ драв. *cavʌ- 'обрубать' (DED 156) ~ ? с.-х. *sp- 'бить' (сем.: Ges. 550, 548); ср. Sauv. 37, Младенов СпБАН 55, 194.

рубить[2] (оружием) *w e d ʌ: и.-е. *u̯edh- 'колоть, рубить (оружием)' (Pok. 1115) ~ драв. *veṭṭ- 'рубить (оружием)' (юж.-драв.: DED 378); ср. Смычн. 3.23.

рубить[3] *ķ a /p/ ʌ: и.-е. *kep- 'рубить, копать' (ср. Pok. 931—932) ~ картв. *ķap- 'рубить' (груз. ķap-, сван. ķāp-); ср. Смычн. 4.15.

рубить[4] (дескрипт.): и.-е. *peHu̯- 'резать, бить' (Pok. 827) ~ ? алт. *pū- 'пилить' (тунг.: Цинц. 328, Вас. 488) ~ картв. *pu- 'рубить, сечь' (Кл. 154); ср. Долг. 13, Смычн. 10.27.

рука[1] *k /ä/ č ʌ: ? урал. *käte (Coll. 87) ~ драв. *kac- (DED 137) ~ с.-х. *k/ṭ/ (кушит.: Cerulli St. 3, 78, 170, Cerulli RStO 12, 31); ср. Schrader ZII 3, 88, Burrow BSOS 11, 341.

рука[2] *q e l ʌ: алт. *el(ʌ) 'рука; вести на поводу' (SKE 57, Вас. 553) ~ картв. *qel-/qal- 'рука' (ср. Кл. 264); ср. Смычн. 11.6.

ручной (прирученный) (?): алт. *u/ń/a 'послушный' (тюрк. *una-: Радл. 1, 1640) ~ урал. *ońe 'ручной, прирученный' (Coll. 68).

рыба *ķ o l ʌ: и.-е. *kʷal- (ср. Pok. 958) ~ алт. *kʻol- (тунг. *xol-sa, collect.: Benz 1017, Цинц. 318) ~ урал. *kala (Coll. 21) ~ ? картв. *ķalmax- (сван. ķalmax) ~ с.-х. *ķ(ʷ)l- (кушит.: сомали kullun, сидамо ķiltim'e; чад.: музгу helíf); ср. Tromb. 99, Räs. 17, Bouda Lingua 2, 295, Долг. 18.

рыба[2] *d i g ʌ: и.-е. *ĝhdū (с метатезой; ср. Pok. 416—417) ~ алт. */d/yga- (монг.: KW 463) ~ с.-х. *dg (сем.: Ges. 156); ср. Смычн. 6.22.

рыть[1] */ķ/ a j w ʌ: и.-е. *kaiu̯- 'яма' (Pok. 521) ~ ? алт. */kʻ/aja- 'бросать' (монг. qaja-) ~ урал. *kajwa- 'рыть, бросать' (SKES 144); ср. Petersson LUÅ 1920, 42—43, Räs. 12.

рыть[2] *r o w ʌ: и.-е. *reuH- 'рыть, рвать, разбивать' (Pok. 868) ~ урал. *rowa- 'тесать, рубить, выдалбливать' (Coll. 111).

рыхлый */k/ u m ʌ: алт. */k/um 'песок' (KW 196) ~ урал. *kumʌ 'рыхлый снег' (Coll. 15).

самец[1] *w i /H/ r ʌ: и.-е. *u̯īros (ср. Pok. 1177—1178) ~ ? алт. *ory (Räs. 8, SKE 177—178) ~ урал. */wy/ra- (ср. Coll. 121) ~ ? картв. *xwir- (сван. xwir-) ~ с.-х. *w(H)r (Meinhof 236, Cerulli RStO 10, 675; чад.: вандала úrą); ср. Räs. 8, Coll. 148.

самец[2] *g ä n d ʌ: алт. *g/ä/ndü (Poppe 84, KW 133) ~ драв. *kaṇṭʌ (DED 85); ср. Смычн. 6.9.

самец[3] *e r ʌ: алт. */e/rä 'самец, мужчина' (Poppe 76, Räsänen Mat. 62) ~ драв. *er- 'самец' (DED 68).

сваливаться: урал. *ku/ś/e- 'сваливаться' (Coll. 79) ~ драв. *kusʌ- 'падать, сваливаться' (DED 113).

сверкать[1]: и.-е. *bherĤ-k̂-/bhreĤ-k̂- 'пылать, мерцать' (Pok. 141—142) ~ картв. *berc̣q-/brc̣q- 'сверкать' (Кл. 50) ~ с.-х. *brķ 'молния' (Greenberg LA 59, Leslau Soq. 97); ср. Смычн. 12.8.

сверкать[2] *j e l ʌ: урал. *jelä 'блеск, свет, день' (Coll. 17) ~ картв. *(j)el- 'сверкать — о молнии' (ср. Кл. 78—79, Schmidt 106).

сверлить *b u r ʌ: и.-е. *bher- 'сверлить' (Pok. 134—135) ~ алт. *burʌ- 'сверлить, вертеть' (тюрк.: Räsänen Mat. 87; тунг.: эвенк. buru 'водоворот') ~ урал. *pura 'сверло, сверлить' (Coll. 52) ~ драв. *pūr-/puṛʌ- 'сверлить, дыра', *pōr 'дыра' (DED 286, 303) ~ с.-х. *b(w)r 'сверлить, дыра' (Cohen 172—173, Cerulli St. 2, 194); ср. Budenz 543, Möller 33, Gombocz Nyk 28, 131 (урал. < тюрк.), Wiklund MO 1, 59—60, Sauv. 48—49, Sinor T'P 37, 235, Смычн. 12.2. *poru копать, рыть*

светлый[1] *ć o h r ʌ: ? алт. *siāra 'желтый, белый, бледный' (KW 349, Бииш. 50, Zirni 134; тунг.: маньчж. šari 'тусклый') ~ урал. *ćōra 'светлый, белый, серый' (Coll. 76; самод.: Lehtisalo MSFOu 56, 96) ~ с.-х. *śhr 'луна' (сем.: Ges. 780); ср. Donner 1, 190—191, Trombetti El. 569. *siru белый ?sora небо*

светлый[2] *w /a/ l' (ķ) ʌ: ? и.-е. *ulek- 'светлый' (Pok. 1178) ~ урал. *wal'ka / wäl'ka 'белый, светлый' ~ драв. *vel 'белый, светлый' (DED 379); ср. Tromb. 401, Долг. 6.

светлый[3] *b /ä/ l ʌ: и.-е. *bhel- 'белый, светлый' (Pok. 118—120) ~ ? алт. *b/ä/li- (тунг.: эвенк. bälī 'бледный, светлый') ~ с.-х. *bl- 'светлый, блестеть' (Calice 29, Ges. 99); ср. Tromb. 401, Долг. 11. *?piru день paru прояснилось piramaka св*

свинья (дикая) *ϑ ʌ r ʌ (дескрипт.): картв. *γor- 'свинья' (Кл. 205) ~ с.-х. */g/r- 'дикая свинья' (кушит.: Reinisch SAW 113, 858—859); ср. Tromb. 186.

свойственник *k u d ʌ: алт. *küdä- (тюрк. *küδäγü 'зять': туркмен. gijev, тувин. küdä), ? */k/uda (монг. quda 'родители супругов, сваты') ~ урал. *küδʌ 'деверь, шурин' (SKES 257); ср. Donner 1, 92, Sauv. 102, Räs. 8—9, Смычн. 3.16.

свойственница[1] *k ä l ʌ: и.-е. *ĝ̥lōu̯ 'золовка' (Pok. 367—368) ~ алт. *kälin 'невестка, сноха; свояки' (Räs. 9) ~ урал. *käl/ew/ 'золовка, свояченица; свояк' (Coll. 23) ~ драв. *kalʌ- 'золовка, сестра матери' (сев.-драв.: DED 94) ~ ? картв. *kal- (груз. kal- 'женщина') ~ с.-х. *kln 'невестка, невеста' (сем.: Ges. 347, Leslau Soq 219); ср. Donner 1, 69, Tromb. 114, Németh NyK 47, 76—77, Sauv. 92, Collinder IUS 63, Räs. 9, Гутт. 24, Долг. 18, Смычн. 5.1.

свойственница[2] (младшая) *m i ń ʌ: ? алт. *menʌ / benʌ 'невестка, младшая сестра жены' (SKE 147, Bac. 75) ~ урал. *miń̈ä 'невестка, младшая сестра жены, жена младшего брата' (Coll. 35) ~ ? драв. *miṇṭʌ 'распутница' (DED 325) ~ с.-х. *m(j)n 'жена, женщина' (Greenberg LA 64).

связывать[1] *ķ ä r ʌ: и.-е. *ker- 'сплетать' (Pok. 517) ~ алт. *k'/ä/rʌ- 'привязывать, связывать' (KW 227, SKE 104; тунг.: Bac. 511) ~ урал. *kärʌ- (морд. мокшанск. kärmä 'связка', манс. ker- 'вплетать') ~ картв. *ķar- / ķr- 'связывать' (Schmidt 117, Кл. 106) ~ ? с.-х. *kr- 'заворачивать' (Calice 35); ср. Гутт. 24, Долг. 17, Смычн. 4.3. *kiru накатывать (шины) катать обвивать*

связывать[2] *ɡ u d ʌ: и.-е. *Heudh-/Hu̯edh-* 'связывать, связка, ремень' (Pok. 75—76) ~ алт. *üdʌ- 'связывать (ремнем)' (монг.: KW 455) ~ картв. *γwed-* 'ремень' (Кл. 203); ср. Смычн. 3. 13, 9.2.

связывать[3] b a n d ʌ: и.-е. *bhendh-* (Pok. 127) ~ с.-х. *bnd* (дрегип. *bnd*; чад.: логоне *'bə́n*); ср. Смычн. 12.21.

связывать[4] *ś i d ʌ: алт. *sidä* 'связывать, сметывать' (Räs. 10, SKE 239) ~ урал. *śyδa- 'привязывать' (Setälä FUF 12 Anzeiger 38, Kettunen 362); ср. Räs. 10, Смычн. 3.17.

связывать[5] *ś i /H/ ʌ: и.-е. *seĤi̯-/sĤei-* 'вязать', *sĤi̯eu-* 'шить' (Pok. 891—892, 912—916) ~ урал. *ś/i/γʌ- 'сплетать' (Coll. 60, Collinder CG 103, Kannisto 135).

связывать[6]: алт. *bā- (SKE 179, Ram. 57) ~ картв. *b- (Кл. 47—48).

связывать[7] (?): и.-е. *nedh-* (EM 772—773) ~ урал. *ńyδa- (Paasonen FUF 7, 23, SKES 386); ср. Paasonen FUF 7, 23, Sköld FUF 18, 223, Смычн. 3.22.

селезенка (?): алт. *tälʌ- (ВЯ 1963, 6, 47, Gombocz KSz 13, 21) ~ урал. *δ'ä/δ'/wä (саам. сев. *daďve*, южн. *háb'ďie*; ср. Bergsland MSFOu 125, 39).

сердиться *ḳ/ i n ʌ: алт. *ḳ'/yna-* гневаться, осуждать' (KW 231) ~ драв. *kiṉʌ- 'сердиться' (юж.-драв.: DED 111) ~ с.-х. *ḳn'* 'ревновать' (сем.: Ges. 716—717, Leslau Soq. 377).

сердце[1] *g/ʌ w/ l ʌ: алт. *gōlʌ* 'середина' (SKE 121, KW 149—150) ~ картв. *gul-* 'сердце' (Кл. 66) ~ с.-х. *gwl-* 'сердце' (чад.: музгу *agúl*, гуду *guraksə*); ср. Долгопольский ВЯ 1964, 2, 60, Долг. 18.

сердце[2] *ḳ ʌ r d ʌ: и.-е. *ḱerd-/ḱred-* (вероятно < *ḱerdh-) 'сердце' (Pok. 579—580) ~ картв. *mḳerd-* 'грудь' (Кл. 135); ср. Кл. 135, Долг. 17, Смычн. 4.14.

сердце[3] (?): алт. *s/e/l(ä)mä* (тунг.: эвенк. *sälämä*; корейск. *sim*) ~ урал.*šüδ'äm (Coll. 59); ср. Räs. 22, Coll. 146.

сжимать *p a j /n/ ʌ: алт. *paĭʌ-* 'смыкать, крепко соединять' (Räs. 45) ~ *урал. *paj/n/a-* 'сжимать, прижимать' (Coll. 105); ср. Räs. 45.

сила *w o j /H/ ʌ: и.-е. *u̯eiH-* 'сила, преследовать' (Pok. 1123—1124) ~ алт. *u(j)* 'сила' (тюрк.: Räsänen Mat. 193) ~ урал. *wōje* 'мочь, быть в силах' (приб.-фин.: E. Itkonen FUF 30, 42, Kettunen 481); ср. Räs 40.

сильный[1] *w ä k ʌ: и.-е. *u̯eĝ-* 'сильный, бодрый' (Pok. 1117—1118) ~ урал. *wäke* 'сила, большой' (Coll. 123—124); ср. Гутт. 24.

сильный[2] *ṭ i n ʌ: алт. *t'inä-* (ср. SKE 267, KW 441) ~ драв. *tiṉ* (DED 208—209); ср. Bouda UAJ 25, 163, Смычн. 1.20.

сильный[3] *δ́ ʌ l ʌ (?): картв. *z₁al-/z₁el-* (Марр ГЧЯ 235) ~ с.-х. *dl'* (сем.: араб. *ḏl'*).

сиять *j a r ʌ: алт. *jara-* 'сиять, блестеть' (Ram. 68) ~ драв. *ēr-* 'сиять, гореть', *eṛʌ* 'сиять, блестеть' (DED 62, 65).

сказать *t e /h/ ʌ: и.-е. */d/eH- 'сказать' (хетт. *te-*; слав. **dě-*) ~ алт. **tē-* 'сказать' (тюрк.: ВЯ, 1963, 6, 39) ~ картв. **txo-* 'просить' (Кл. 99); ср. Tromb. 216, Смычн. 2.10.

скользкий *s i l ʌ: и.-е. **(s)lei-*, **sleig-*, **sleidh-* 'скользкий, гладкий' (Pok. 663—664, 960—961) ~ алт. **sil(ʌ)-* 'обтирать, делать гладким' (тюрк. Räsänen Mat. 63) ~ урал. **silʌ* 'гладкий' (Collinder MSFOu 74, 178, Kettunen 365); ср. Räs. 47. siragu

скот *p /e ḳ/ ʌ (?): и.-е. **peḱu* (ср. иначе Pok. 797) ~ алт. **pökär* (Ram. 51, Poppe 109); ср. Ramstedt JSFOu 53[1], 25, Ram. 18, Смычн. 10.24. ? рика акула

скреплять */ḳ/ u r ʌ: и.-е. **kᵘer-* 'строить, устраивать, делать' (Pok. 641—642) ~ алт. */k'/urʌ-* 'строить, приводить в порядок' (Ram. 143, KW 198) ~ урал. **kure-* 'скреплять' (Coll. 29); ср. Räs. 10. Гутт. 23.

скрести */ḳ/ i r ʌ: и.-е. **k̂er(H)-* 'ранить, повреждать' (Pok. 576) ~ алт. */k'/yr(ʌ)-* 'скрести' (тюрк.: туркмен. *gyr-*, тувин. *xyr-*) ~ драв. **kirʌ-* 'скрести' (DED 108) ~ ? с.-х. **ḳrḥ* (араб. *ḳrḥ* 'ранить'); ср. Möller 141, Гутт. 24. kiru резать

слабость (физическая) *d ʌ w ʌ: и.-е. **dheu-*, **dhu̯ei-* 'умирать, терять сознание' (Pok. 260) ~ с.-х. **dw-* 'болеть, умирать' (сем.: Ges. 158; кушит.: Reinisch SAW 113, 842); ср. Möller 48—49, Смычн. 3.7. tawamu шутка

слабый[1]: и.-е. **los-* 'слабый, разрушенный' (Pok. 680) ~ драв. **nac-* 'слабый, изношенный' (DED 236).

слабый[2] */ɡ/ ʌ l p ʌ (?): и.-е. **Help-* (Pok. 33) ~ картв. **γalp-* (груз. гурийск. *γalp-*). ? apa- бледный, слабый kopa- болеть

слепой: алт. **sokʌ-* (KW 329) ~ урал. */s/ok(k)a-* (приб.-фин.: Donner 168—169, Kettunen 376); ср. Räs. 25. Смычн. 13.

слизь[1] *ś u l ʌ: и.-е. **(s)leuk̂-*, *(s)leuĝ-*, **sleub-* 'скользкий' (Pok. 964) ~ алт. **sülä-* / *silä-* 'слюна, слизь' (KW 370, Zirni 132, Цинц. 320, Вас. 353) ~ урал. **śulke* 'слюна; плевать' (Coll. 117) ~ ? драв. **coḷḷ-* 'слизь, слюна' (DED 184) ~ картв. **slek-* / *sl̥k-* 'лизать, гладкий' (Кл. 164) ~ ? с.-х. */š/l-* (кушит.: беджа *sil* 'слюна'). siru сок

слизь[2] *ń o /H/ l ʌ: и.-е. **i̯eHl-* 'сырой, незрелый, необработанный' (Pok. 504—505) ~ алт. **ńāl'(a)-* 'слезы, сопли; влажный, сырой, необработанный' (Poppe 39, SKE 159) ~ урал. **ńolke* 'слизь, слюна, сопли' (Coll. 102), ? **ńōle-* 'лизать' (Coll. 42) ~ драв. **ñōḷʌ* 'слюна, слизь' (DED 190); ср. Schrader BSOS 8, 760, Burrow 11, 339, Räs. 24.

слизь[3] *ń i l ʌ (ср. слизь[2]): алт. **ńyla* 'скользкая слизь' (Räs. 49—50) ~ урал. **ńyla* 'слизистый слой под корой' (Coll. 102); ср. Räs. 49—50.

слизь[4] *z a /l/ ʌ: ? и.-е. **sal-* 'слюна, грязь' (ср. Pok. 879) ~ алт. *ǯa/l/y-* (тунг. **ǯaly-* 'течь — о слюне', **ǯaly-ksa* 'слюна': Цинц. 304, Вас. 148) ~ драв. **caḷʌ* 'слизь, гнить' (DED 157); ср. Долг. 7. siru сок

слышать[1] *q /i w/l ʌ: и.-е. **kleu-* 'слышать' (Pok. 605—607) ~ алт. **/k'/ul-* 'ухо' (Poppe 18, KW 196) ~ урал. **kūle* 'слышать' (Coll. 93) ~ драв. **kēl-* 'слышать' (DED 137) ~ картв. **qur-* 'ухо' (Кл. 213) ~ с.-х. **kᵘl* 'слышать' (кушит. **makᵘʌl* 'ухо': Cerulli St. 2, 213; чад.: ангас горн. *kalüng* 'слышать'); ср. Caldwell 618, 593, Кеппен 48, Munkácsi NyK 28, 361 (= V. Thomsen), Németh NyK 47, 72, Schrader ZII 3, 89, Долг. 19, Смычн. 7. 2. *kaworu и*

слышать[2] *ś ʌ m ʌ: картв. **sem-/sm-* (Кл. 164—165) ~ с.-х. **šm-* (Calice 82, Cohen 93, Greenberg LA 55—56, Pilszczikowa RO 22[2], 77, Ges. 845, Leslau Soq. 33); ср. Долг. 7.

смешивать *b u l ʌ: алт. **büli* (монг.: KW 66) ~ с.-х. **bl(l)* (сем.: Ges. 101, Möller 28); ср. Долг. 11. *?ириги прилеп*

смотреть *b a /ķ/ ʌ: алт. **baka-* 'смотреть, искать' (SKE 184) ~ с.-х. **bķ-* 'видеть, знать' (кушит.: Cerulli St. 3, 70; 4, 413); ср. Смычн. 12.17.

снег[1] *š i n g ʌ: и.-е. **sneigᵘh-* 'снег' (Pok. 974) ~ алт. **siŋʌ/seŋ/söŋ* 'иней, снег, наст' (KW 333, Räs. 32) ~ ? урал. **šüŋe* 'лед' (приб.-фин.: E. Itkonen FUF 30, 48—49) ср. Räs. 32. *sigiri*

снег[2] *l u ń g ʌ: урал. **luńe* (E. Itkonen FUF 31, 167, SKES 308) ~ алт. *luńa* (SKE 173); ср. Räs. 31.

собака *ŗ e n ʌ: урал. **penʌ* 'собака' (SKES 517—518) ~ драв. **peṇ* 'самка' (DED 290—291) ~ картв. **pin-* 'собака' (Кипшидзе 336); ср. Bouda Lingua 2, 296. *?? inu собака*

собирать (> считать) *ɬ o k ʌ: и.-е. **leĝ-* 'собирать, считать' (Pok. 658) ~ алт. **toga* 'число' (монг.: Poppe Mong. 104) ~ ? урал. **luke-* 'считать' (Coll. 131) ~ драв. **tok-* 'собирать' (DED 228—229); ср. Munkácsi NyK 28, 384 (= P. Károly), Schrader ZII 3, 108, Collinder IUS 12, Долг. 3, Смычн. 5.18. *takaru ma*

совать *ɬ u /ķ/ ʌ: урал. **lükkʌ-* 'совать, толкать, бросать' (Coll. 96) ~ драв. **tukk-* 'совать' (сев.-драв.: DED 214) ~ ? с.-х. **lw/ķ/* 'бросать' (чад.: ангас *luk*, *lük*). *?tuku прикреплять, dun*

сок (древесный): и.-е. **s(u)ekᵘo-* 'древесный сок, смола' (Pok. 1044) ~ алт. **sakʌ-/sagʌ-* 'сок, смола, сочиться' (Ram. 91, SKE 220, KW 308) ~ с.-х. **š(w)k* 'пить' (Cohen 133). *sake ри*

солнце[1] *d i l ʌ: алт. **dyl(a)* 'солнце, год' (Ram. 143, KW 109, Bac. 128) ~ картв. **dila* 'утро' (груз. *dila*).

солнце[2] (?): и.-е. **seHu-* (Pok. 881—882) ~ алт. **sibʌ-* (тунг.: Цинц. 320, Bac. 350).

сосуд[1] (глиняный) *ŗ a t ʌ: и.-е. **ped-* 'сосуд, горшок' (Pok. 790) ~ урал. **pata* 'горшок' (Coll. 47) ~ драв. **patalʌ* 'горшок' (DED 263); ср. Смычн. 2.18. *pati миска, горш*

сосуд[2] (> череп) *ɬ/ķ/ a ŗ ʌ: и.-е. **kap-* 'сосуд' (ср. Pok. 527—528), **kāp-* 'череп, голова' (Pok. 529—530) ~ алт. **k'āp* 'сосуд, короб' (SKE 95, Bac. 15) ~ с.-х. **kp* 'сосуд' (Cohen 124), **kp* 'череп, голова' (Rößler ZAss 50, 139); ср. Cohen BSL 27, 91—93.

сохнуть[1] *š i r w ʌ: алт. **sir-* (монг. *sir-ge-* 'пересыхать'; тунг.: эвен. *hirkäcä* 'сухость') ~ урал. **š/y/rwa* 'сохнуть'

(Coll. 57) ~ картв. *š(w)er-/š(w)r- 'сохнуть' (Кл. 216, Schmidt 144—145) ~ ? с.-х. *šr- 'сухой, сушить' (Calice 28); ср. Долг. 7.

сохнуть[2] *š u /š/ ʌ: и.-е. *saus-/sus- 'сухой' (Pok. 880) ~ урал. */š/ušʌ- 'сохнуть' (угор.: MESz 155, Szin. 147, Budenz 757—758; ? самод.: ненец. susta- 'худеть') ~ картв. *šuš- (груз. šuš- 'сушить, сохнуть'; ср. Bouda Lingua 2, 300: груз. < и.-е.).

сохнуть[3] */s/ u n d ʌ: и.-е. *(s)ṷendh- 'высыхать, исчезать' (Pok. 1047) ~ драв. *cuṇt- 'сохнуть, испаряться' (DED 171).

спать[1]: алт. *udy- (тюрк.: Räs. 42) ~ урал. *oδa- (Coll. 72); ср. Gombocz NyK 39, 259, Tromb. 457, Németh NyK 47, 72, Räs. 42, Coll. 147, Смычн. 3.18.

спать[2] *l u l ʌ (дескрипт.): картв. *lul- 'дремать, спать' (Кл. 123) ~ с.-х. *lwl 'дремать' (кушит.: сомали lul-), ? *ljl 'ночь' (Cohen 183, Ges. 385).

спать[3]: и.-е. *sṷep-/sup- (Pok. 1048—1049) ~ с.-х. *šp(w) (сем.: юж.-араб.: сокотри šé'ef, шхаури ša'f; чад.: музгу safaṷa).

спокойный *ṭ u /w/ ʌ: алт. *t'üb (KW 417—418) ~ урал. *tüwʌ- (Coll. 120); ср. Смычн. 1.14.

сражать(ся) *w e l ʌ: и.-е. *ṷel- 'кровопролитие, ранить, убивать' (Pok. 1144) ~ алт. *öl(ʌ)- 'умирать' (Ram. 146, KW 295, Биим. 41) ~ урал. *w/e/lʌ- 'убивать' (Coll. 105) ~ драв. *vel- 'побеждать, убивать' (юж.-драв.: DED 379); ср. Schrader ZII 3, 94.

срезать (растения): *t ʌ r ʌ: картв. *tip-/tib- 'косить, сено' (Кл. 94) ~ с.-х. *tb- 'срезать, солома' (сем.: Ges. 870, Leslau Soq. 437); ср. Tromb. 277, Смычн. 2.15.

стадо *ç u r ʌ: ? алт. *sürʌ- 'гнать (стадо)' (Ram 71, KW 341) ~ урал. *šurʌ 'стадо (диких) оленей' (Coll. 75) ~ ? с.-х. *šwr (араб. ṣiṷār, ṣuṷār 'стадо диких быков, коров').

старый *k i r ʌ: и.-е. *ǧer- 'старый, ломкий' (Pok. 390) ~ драв. *kirʌ- 'старый' (юж.-драв.: DED 108); ср. Caldwell 592.

стать: алт. *ō- (тунг.: Цинц. 317, Вас. 313) ~ драв. *ā- (DED 25).

стеречь *ć ʌ w ʌ: и.-е. *(s)keu- 'стеречь, присматривать' (Pok. 587) ~ картв. *$c_1$aw-/c_1w- 'беречь, стеречь' (Кл. 229).

сторона *w a r ʌ: алт. *bar 'противоположная сторона (реки)' (тунг.: Benz. 1046—1047) ~ урал. *warʌ 'сторона, край' (самод.: Castrén Verz. 260—261) ~ драв. *var- 'сторона, бок, край' (DED 358) ~ ? с.-х. *br- 'бок, сторона, страна' (Trombetti El. 554, Ges. 113, Leslau Soq. 98); ср. Trombetti El. 554.

стоять (оставаться на месте) *m ä n ʌ: и.-е. *men- 'стоять на месте, оставаться' (Pok. 729) ~ алт. *m/ä/nä- 'стоять, жить на одном месте' (тунг.: Вас. 271) ~ драв. *maṇṇ- 'стоять, существовать' (DED 318) ~ с.-х. *'mn 'прочный, постоянный' (Cohen 83, Calice 63, Ges. 48); ср. Caldwell 601, Möller 165, Tromb. 5—6, Homburger Kêmi 14, 30.

строить[1] *ķ a d ʌ: и.-е. *ket-* (вероятно < **kedh-*) 'примитивное жилище' (Pok. 586—587; индо-иран. **kata-* > урал. **kota* и, возможно, алт. **kota*) ~ драв. **kaṭṭ-* 'скреплять, строить' (DED 83) ~ картв. **ked-/ķad-* 'строить' (Кл. 107, Чик. 294) ~ с.-х. **kd-* 'строить; формовать горшки' (Cohen 124, Calice 212); ср. Долг. 16, Смычн. 3.15, 4.5.

строить[2] *r a /ķ/ ʌ: и.-е. **rek-* 'устраивать, определять, полагать' (Pok. 863) ~ урал. **rakkʌ-* 'строить, сооружать' (Coll. 110) ~ с.-х. **r/ķ/-* 'строить, изготовлять' (чад.: музгу *rga*, гидер *rka*); ср. Paasonen FUF 7, 27.

ступня[1] *p a t ʌ: и.-е. **ped-* 'ступня, нога' (Pok. 790—792) ~ алт. **padak* 'ступня, нога' (SKE 180—181, Ram 52, Poppe 52) ~ драв. **paṭʌ* 'ступня, ступень' (DED 259—260); ср. Tromb. 329, Sinor T'P 37, 228, Долгопольский ПСГ 30, Долг. 10, Смычн. 2.23.

ступня[2] *p /a/ l' (q) ʌ: алт. **pal'ga / bal'-* 'ступня, копыто, нога' (SKE 184, 186, Ram. 52) ~ ? урал. **pel'ka* 'нога, копыто' (Coll. 108) ~ картв. **perq-/berq-* 'нога, след' (Кл. 50); ср. Смычн. 11.2.

сустав (локтевой, коленный) (?): и.-е. **ĝenu / ĝneu-* 'колено' (Pok. 380—381) ~ урал. **küjńa-* 'локоть' (Coll. 94).

сыпать *ś a /č/ ʌ: алт. **sačʌ-* 'рассыпать' (Poppe 63) ~ урал. **śača-* 'брызгать, рассыпать' (Toivonen FUF 19, 87); ср. Räs 30.

тайный[1] *ķ u λ ʌ: алт. **/k'/ulʌ-* 'красть' (KW 196) ~ драв. **kuṭṭ-* 'тайный' (DED 116) ~ ? картв. **kwel-* (занск.: мегрел. *ķwal-* 'прятать'); ср. Tromb. 81, Смычн. 4.13.

тайный[2] *z a l ʌ: алт. **žaly-* 'хитрый, коварный' (KW 465) ~ урал. **sala* 'тайный' (Coll. 55).

тащить **/i/ r ʌ: алт. **yrʌ-* 'тащить, волочить, борозда' (SKE 71, Цинц. 307, Вас. 178) ~ драв. **īr-/īṛ-* 'тащить' (DED 42, 38); ср. Bouda UAJ 25, 166.

твердый (?): урал. **kämä* 'твердый' (Coll. 87) ~ алт. **/kä/mi* 'кость' (KW 224); ср. Räs. 37.

темный[1] *ṭ u m ʌ: и.-е. **tem(H)-* (Pok. 1063—1064) ~ урал. **tumʌ* (приб.-фин.: Kettunen 439) ~ с.-х. **twm* (кушит.: Conti Rossini RStO 6, 407, Cerulli St. 2, 224); ср. Tromb. 224, Смычн. 1.29.

темный[2] *ŋ a m ʌ: картв: **yame* 'ночь' (Кл. 200, 201, Чик. 198) ~ с.-х. **gm-* 'темный' (Ges. 579, Leslau Soq. 313); ср. Trombetti El. 605, Смычн. 9.4.

теперь *n u: и.-е. **nŭ* (Pok. 770) ~ урал. **nüke* (SKES 406—407).

тереть *ṭ a r ʌ: и.-е. **ter-* 'тереть' (Pok. 1071—1072) ~ алт. **t'arʌ-* 'скрести, чесать' (монг.: KW 381; тюрк.: Радл. 3, 837) ~ драв. **taṛ-* 'обламывать(ся), уменьшать трением' (DED 203) ~ ? с.-х. **ṭr(r)* (араб. *ṭrr* 'точить'); ср. Смычн. 1.5.

терпкий *ç ʌ m ʌ: и.-е. **skem-* 'оскомина' (балто-слав.: Vas. 2, 283) ~ с.-х. **ṣm-* 'терпкий, горький' (кушит.: Cerulli St. 2, 196).

течь[1] *šarʌ: и.-е. *ser- ‘течь’ (Pok. 909—910) ~ ? алт. *sār′ ‘болото’ (тюрк.: Бииш. 43) ~ урал. *š/a/rʌ- ‘поток, озеро’ (ср. Coll. 3) ~ драв. *cār- ‘сок, похлебка’ (DED 161).

течь[2] *ćurʌ (дескрипт.; ср. капать[1]): урал. *ć/u/rʌ- ‘течь’ (Collinder IUS 74) ~ драв. *curʌ- ‘течь’ (DED 185) ~ картв. *$c_1$ur- ‘плыть’ (Кл. 230).

течь[3] *ńi(h)rʌ: ? урал. */ń/yra (фин. *nira* ‘ручей’) ~ драв. *ñīr ‘вода, жидкость’ (DED 247) ~ с.-х. *nhr ‘течь, река’ (сем.: Ges. 489, Gordon 295).

течь[4] *birʌ: алт. *byra ‘река’ (тунг.: Цинц. 297) ~ драв. *pīr- ‘течь, сочиться’ (DED 281).

толкать *tʌlkʌ: и.-е. *telk- ‘толкать, толочь’ (Pok. 1062) ~ драв. *talḷ- ‘толкать, совать’ (DED 203) ~ с.-х. *tlk ‘бросать’ (сем.: Leslau Soq. 205).

толочь *bičʌ: и.-е. *peis- (вероятно < *bheis-) ‘толочь, крошить’ (Pok. 796) ~ драв. *pīc-/picʌ- ‘толочь, разминать’ (DED 275) ~ картв. *bič- ‘крошить’ (Кл. 52) ~ ? с.-х. *bd‘ ‘крошить, ломать’ (сем.: Ges. 109); ср. Смычн. 12.7; 13.

тонкий *šupʌ: алт. *suba- ‘вытянутый, продолговатый’ (KW 338) ~ урал. *šupa ‘тонкий, худой’ (Coll. 82).

тополь *pulʌ: и.-е. *pel- ‘тополь’ (Boisacq 820, EM 924, Vas. 3, 121) ~ алт. *pula ‘тополь, осина’ (Ram. 55, Цинц. 329, Bac. 492): ср. Trombetti El. 390. Смычн. 10.22.

тормошить *ńukʌ: и.-е. *ieuĝ- ‘волноваться; сражаться’ (Pok. 512) ~ урал. *ńükʌ- ‘теребить, дергать’ (Coll. 103) ~ драв. *nukʌ- ‘трясти’ (DED 248); ср. Смычн. 5.20.

торчать *garʌ: и.-е. *gherH-/ghreH- ‘торчать, шип, ветка’ (Pok. 440) ~ алт. *gara ‘сук, ветка’ (тунг.: Цинц. 299, Bac. 82) ~ урал. *kara ‘шип, ветка’ (приб.-фин.: SKES 162) ~ драв. *karʌ ‘острый, неровный’ (DED 89); ср. Donner 2, 35, Gombocz NyK 32, 189, Räs. 26, Гутт. 25, Смычн. 6.2.

трава (?): картв. *$c_1$am-/$c_1$em- ‘трава’ (Кл. 249) ~ с.-х. *šm- ‘растение’ (Cohen 135, Calice 197).

трогать *täkʌ: и.-е. *dĕg- (Pok. 183) ~ алт. *täg(ʌ)- (тюрк.: ВЯ 1963, 6, 39) ~ драв. *takʌ- (DED 192); ср. Tromb. 263, Смычн. 5.19.

труд *mu(n)kʌ: и.-е. *menk- ‘тяжелый труд, мука, недостаток’ (ср. Vas. 2, 171, Pok. 731) ~ алт. *muŋ ‘труд, мука’ (Poppe 71, Németh NyK 47, 79), *muk- ‘мучиться, трудный’ (тюрк.: Буд. 2, 265) ~ драв. *mukk- ‘напрягаться — о роженице’ (DED 328) ~ ? картв. *ma(n)kʌ- ‘тяжелый, беременный’ (Кл. 125, Чик. 304).

трясти(сь) *talʌ: и.-е. *del- ‘шататься, качаться’ (Pok. 193—194) ~ алт. *tala- ‘махать, порхать’ (ВЯ 1963, 6, 47, Poppe UJ 6, 100, Ramstedt JSFOu 38[3], 57) ~ с.-х. *tl- ‘качать, трясти’ (сем.: Ges. 880); ср. Смычн. 2.3.

туман: алт. **/k/üdä-* (KW 244) ~ урал. **küntʌ* (Coll. 29); ср. Räs. 30.

тяжелый: и.-е. **suenk-* (Pok. 1048) ~ урал. **śʲu/ŋkʌ-* (самод.: Castrén Verz. 278).

тянуть[1] **ţanʌ: и.-е. **ten-*, **tend-* (Pok. 1065—1066) ~ алт. **tʻanu-* (KW 378, Bac. 386) ~ драв. **tanţ-* (центр.-драв.: DED 197); ср. Смычн. 1.10. *тина верёвка тинаул сеть, ловушка*

тянуть[2] **ţangʌ (ср. тянуть[1]): и.-е. **tengh-* (Pok. 1067) ~ алт. **tʻaŋʌ-* (ср. SKE 256). *тиуд вытянуть; следовать за*

убивать **qo(H)lʌ: ? и.-е. **gʷe(H)l-* 'мучить, умирать' (Pok. 470—471, Fraenkel 145) ~ урал. **kōle-* 'умирать' (Coll. 28) ~ драв. **kol-* 'убивать' (DED 143) ~ картв. **qwil-* 'убивать' (занск.: Чик. 353; ср. Schmidt 119); ср. Caldwell 618, Tromb. 68, Schrader ZII 3, 89, Смыч. 7.4. *корову убивать* *semaru, s*

увечить **ç ʌmʌ: и.-е. **sḱem-* 'увечье' (Pok. 929) ~ картв. **çam-/çem-* 'мучить' (Чик. 392—393) ~ с.-х. **şmj* 'погибать' (сем.: Leslau Soq. 353). *sami-si- умный samu-si мудрый, муд*

углубление (подмышечная впадина) **k/o/ń/g/ʌ: алт. **koŋʌ* 'углубление, подмышечная впадина' (тюрк.: Räs. 21; монг. *qoŋqar*, эвенк. *koŋki* 'углубление') ~ урал. **kaŋel* 'подмышечная впадина' (Setälä JSFOu 30[5], 54) ~ драв. **kaŋkʌ-* (с нефонетическими преобразованиями) 'подмышечная впадина' (DED 87); ср. Räs. 21. *кадо корзина каде тень*

уголья **śuλʌ: и.-е. **suel-* 'тлеть, гореть' (Pok. 1045) ~ урал. *śuδ'e* 'уголь' (Coll. 59) ~ драв. **cuţʌ-* 'гореть' (DED 170).

удовольствие **ţʌrpʌ: и.-е. **terp-* 'насыщаться, получать удовольствие' (Pok. 1077—1078) ~ картв. **ţrp-* (груз. *ţrp-* 'наслаждаться, любить') ~ с.-х. **ţrp/trp* 'насыщать(ся)' (сем.: Ges. 279); ср. Möller 59, 252—253, Vogt NTS 9, 336—337, Долг. 15, Смычн. 1.13.

ужас **tikʌ: и.-е. **tieg*-* 'отступать в страхе' (Pok. 1086) ~ драв. **tikʌl* 'ужас, оцепенение' (DED 207—208); ср. Смычн. 1.28.

узкий **ţijʌ: алт. **tʻyja* (тунг.: эвенк. *tija*, эвен. *tijakun*) ~ урал. **t/y/ja* (Coll. 62); ср. Sauv. 71, Räs. 36, Coll. 146, Смычн. 1.15.

урожай **zukʌ: алт. **ǯügʌ* 'урожай зерновых, пропитание' (SKE 33, Ram. 65) ~ урал. **sükeśʌ* 'осень' (Coll. 116) ~ драв. **cu/k/ʌ-* 'урожай, сезон сбора плодов (весна)' (DED 169). *?suku и*

уставать (?): урал. **wä/s/ʌ-* (приб.-фин.: Kettunen FUF 29, 113—116) ~ драв. **vēcʌ-* (DED 382); ср. Schrader ZII 3, 95. *?was*

утро: и.-е. **Hēm-* 'день' (Pok. 35) ~ урал, **oma/āmʌ* 'утро' (Coll. 2) ~ ? с.-х. **'mr* 'рассвет, видеть' (Cohen 78); ср. Долг. 9.

ухо: и.-е. **Heus-* 'ухо' (Рок. 785) ~ с.-х. **(h)w/š/* 'ухо, слышать' (кушит.: Cerulli St. 3, 87—88).

хватать[1] **kamʌ: и-е. **gem-* 'хватать, сжимать' (Pok. 368—369) ~ алт. **kamʌ-* 'срывать, сжимать' (KW 164, Bac. 190) ~ урал. **kama-/koma-* 'горсть, рука' (Coll. 22) ~ с.-х. **km-* 'хва-

komu вытягивать (в себя), быть заполнен

тать' (Greenberg LA 61, Rößler ZAss 50, 133); ср. Гутт. 25 Смычн. 5.10.

хватать[2] /ḳ/ а ṛ л (дескрипт.): и.-е. **keHp-* 'хватать, брать' (Pok. 527—528) ~ алт. **/k'/ap(л)-* 'хватать' (монг. qab-la-; тюрк.: Радл. 2, 403—405) ~ урал. **kappл-* 'хватать' (ср. Szin. 35) ~ драв. **kapp-* 'хватать пищу', **kavл-* 'хватать' (DED 87, 94) ~ с.-х. **ḳp-/ḳb-* 'брать, хватать' (Cohen 125, Cerulli 2, 189); ср. Donner 1, 81—82, Munkácsi NyK 28, 387 (=I. Canon), Tromb. 125, Sauv. 35, Schrader ZII 3, 88, Collinder IUS 60, Räs. 46, Гутт. 25, Долг. 15—16.

хватать[3] *ɥ а р л (дескрипт.): и.-е. **Hep-* 'хватать, брать' (Pok. 50—51) ~ алт. **abu-/apu-* 'хватать, брать' (KW 19, Poppe Mong. 25, Räsänen Mat. 126) ~ картв. **qлp-* (сван. *qəp-/qp-* 'кусать') ~ с.-х. **ḫp'* 'хватать' (Calice 76); ср. Смычн. 11.10.

хватать[4] *l а b л: и.-е. **labh-* 'хватать' (Pok. 652) ~ алт. **laba-* 'тащить в зубах' (тунг.: Вас. 232) ~ с.-х. **lbk* 'хватать' (сем.: Leslau Soq. 228); ср. Смычн. 12.23.

хватать[5] (дескрипт.): и.-е. **em-* 'брать' (Pok. 310—311) ~ ? урал. **amta-* (< **am(e)-ta-*, Causat.?) 'давать' (Coll. 72) ~ с.-х. **'m-* 'хватать, брать' (Cohen 72); ср. Долг. 9.

хватать[6] *ǯ л γ л (?): картв. **m-ǯ$_1$iγ-* 'кулак' (занск. *m-ǰix-*, **m-ǰiγ-*, > груз. диал. *mǯiγ-*; ср. Чик. 62) ~ с.-х. **ḏ'ṯ* 'хватать, горсть, кулак' (сем.: Leslau Soq. 363).

хвост *ḳ u d л: алт. **k'udл* (KW 195, Цинц. 303, Benz. 990) ~ картв. **ḳud-* (Кл. 117); ср. Долг. 16, Смычн. 4.9.

холм *m ä k л: алт. **m/äg/л* (тунг. **mägdi-* 'крутой берег'; Цинц. 313, Вас. 267) ~ урал. **mäke* 'холм' (приб.-фин.: SKES 358); ср. Räs. 33.

холодный[1] *kul л: алт. **köl'-* 'замерзать' (Räs. 37) ~ урал. **külmä* 'холодный' (SKES 254) ~ драв. **kuḷл-* 'холодный' (DED 124) ~ картв. **kwel-* (сван. *kwēl-* 'остудить, простудиться'); ср. Caldwell 617, Sauv. 99, Schrader ZII 3, 89, Räs. 37, Смычн. 5.14.

холодный[2] *ɋ i /ń/ л: ? алт. **k'iŋü-* 'холод' (тунг.: Цинц. 307, Вас. 170) ~ ? урал. **k/y/ńл* 'мороз' (самод.: Castrén Verz. 224) ~ драв. **ki/ṉ/л-* 'холодный' (центр.-драв.: DED 111) ~ картв. **ɋin-* 'морозить' (Кл. 212); ср. Смычн. 7.5.

хороший *š u w л: и.-е. **sŭ-* 'хороший' (Pok. 1037—1038) ~ урал. *šüwä* 'хороший' (ср. Coll. 82) ~ картв. **šu-* 'подобать, украшать' (Кл. 217—218) ~ с.-х. **šw-* 'подобный, подходящий' (Cohen 134, Ges. 812—813; кушит.: беджа *šō*, сахо *sō* 'хорошо').

хрупкий *l' а m л: и.-е. **lem-* 'хрупкий, ломкий, слабый' (Pok. 674) ~ урал. **l'ama* 'разминать, слабый' SKES 273, Uotila SChr. 113) ~ с.-х. **lm-* 'мягкий, гибкий' (бербер. *lmd*; чад.: ангас *lōm*).

челюсть *o ŋ g л: ? алт. **öŋä-//ä/ŋä-* (тунг.: эвенк. *ŭŋŭn* 'нёбо'; ср. Вас. 447—448; тюрк.: туркмен. *eŋek* 'подбородок') ~ урал.

*oŋe- 'челюсть' (Coll. 3) ~ *драв. *aṅkʌ- 'нёбо' (DED 4); ср. Räs. 21, Coll. 143.

червь[1] *kułʌ: алт. *kuly- 'червь, змея' (тунг.: Benz 976, Цинц. 310) ~ урал. *kułʌ 'глиста, солитер' (Coll. 25) ~ ? картв. *gwel- 'змея' (Кл. 61—62); ср. Смычн. 5.9.

червь[2] *mʌṭʌ: и.-е. *m/o/t- (герм.: Feist 349) ~ картв. *maṭl- (Кл. 129); ср. Tromb. 17, Смычн. 1.37.

через[1] *ç̣ʌrʌ: и.-е. *sker(t)- 'через, сквозь' (Pok. 949—950) ~ картв. *çar- 'через' (Schmidt 154).

через[2]: и.-е. *Hel- 'через, сверх' (Pok. 24—25) ~ алт. *āl'- 'через, сверх, переваливать гору' (Ram. 108, Poppe 96).

черемуха *λo/mH/ʌ: алт. *dymu (KW 111) ~ урал. *δ'ōme (Coll. 64); ср. KW 111, Räs. 27, Coll. 147.

череп *gʌlʌ: и.-е. *ghōlu- 'голова' (Vas. 1, 286, Fraenkel 132) ~ с.-х. *gl(gl) 'череп, голова' (Greenberg LA 57—58, Cohen 121, Calice 43, Ges. 139); ср. Cohen BSL 28, 52.

черный */ḳ/arʌ: и.-е. *ker-, *kers- (Pok. 573, 583) ~ алт. */k'/ara (Ram. 107, KW 168) ~ драв. *kar-/kaṟ- (DED 90, 99) ~ с.-х. */ḳ/r- (кушит.: Greenberg Africa 27, 370); ср. Caldwell 616, Menges StOFe 28[8], 17—19, Долг. 17.

чесать */ḳ/ašʌ: и.-е. *kes- (Pok. 585) ~ алт. *k'ašy- (тюрк.: Poppe UJ 6, 116); ср. Гутт. 25.

член[1] (penis) *ṗa/ś/ʌ: и.-е. *pes- (Pok. 824) ~ урал. *p/a/śe (Coll. 74); ср. Sinor T'P 37, 233, Смычн. 10.25.

член[2] (penis) *q̣ʌl'ʌ: урал. *kol'ʌ (SKES 234) ~ картв. *q̣le (Кл. 212).

шакал *ṭu/lγ/ʌ: алт. *t'ülgä 'лиса, волк' (монг.: солонск. tülgä 'волк'; тюрк. *t'ülki: Räsänen Mat. 63, ВЯ 1963, 6, 42) ~ драв. *tōḷ- 'шакал, волк' (DED 233) ~ картв. *ṭura 'шакал' (Кипшидзе 330) ~ ? с.-х. *ṯ'l 'шакал, лиса, волк' (Cohen 157, Reinisch SAW 128[7], 226): ср. Смычн. 1.11.

шелуха: алт. */k/ama- 'парша' (монг.: KW 165) ~ урал. *kama- 'корка, шелуха, чешуя' (Coll. 22, Joki FUF 32, 47).

шероховатый */c/arʌ: и.-е. *skor- 'наст, кора' (Pok. 933) ~ алт. *čarʌ- 'наст, корка' (KW 422) ~ драв. *carʌ- 'шероховатый' (DED 154) ~ ? картв. *cera (занск.: чан. cara 'бесплодная земля').

шип */c/uj(H)ʌ: и.-е. *sk(h)u̯oi-/sk(h)ui- 'шип, игла хвои' (Pok. 958) ~ алт. *čüjä (тунг.: эвенк. čije 'игла хвои'; тюрк.: татар. čöj 'шип, гвоздь') ~ ? картв. *cxwʌ- (занск.: мегрел. o-cxwacxwinia 'ость колоса').

широкий[1] *ṗaṭʌ: и.-е. *pet(H)- 'широкий, расстилаться' (Pok. 824—825) ~ алт. *pata- 'поле' (SKE 192, Ram. 53) ~ ? драв. *pāt(t)ʌ 'участок земли' (DED 273) ~ с.-х. *pṭ-/pt- 'широкий, открывать' (сем.: Ges. 278, 667); ср. Möller 205, Долг. 10, Смычн. 1.32.

широкий[2] *ṗilʌ: и.-е. *pelH- 'широкий и плоский, расстилаться' (Pok. 805—806) ~ алт. *pilä- 'равнина, открытая местность' (SKE 213); ср. Смычн. 10.20.

широкий[3] **/č/ a l /H/ ʌ: и.-е. **stelH- / stleH-* 'широкий, расстилаться' (Pok. 1018) ~ алт. *čāla* 'широкий, расстилаться' (KW 420).

широкий[4] **r ʌ w ḫ ʌ: и.-е. **reuH-* 'широкий, просторный' (Рок. 874) ~ с.-х. **rwḫ* 'широкий, просторный' (Ges. 748); ср. Долг. 4.

щипать **ž̌ i ṛ ʌ (дескрипт.): и.-е. **skeip-* 'щипать' (балто-слав.: Vas. 3, 452) ~ алт. **žipʌ-* 'щипать, (SKE 34—35) ~ урал. **ćippʌ-* 'щипать, ощупывать' (SKES 93, MESz 1082, Szin. 28).

юноша **m a r ʌ: и.-е. **meri̯o-* 'юноша' (Pok. 739) ~ урал. **mar(j)ʌ* 'самец' (Setälä JSFOu 30[5], 51) ~ драв. **maṛʌ / maṛʌ* 'детеныш, молодое животное' (DED 317, 315) ~ картв. **māre* (сван. *māre* 'мужчина') ~ с.-х. **m(h)r* 'юноша, детеныш, мужчина' (ср. Möller 167, Calice 155—156, Cohen 191); ср. Möller 167.

ягненок **ķ o r ʌ: алт. **/k'/or'y // k'/ur'y* 'ягненок' (Ram. 113, KW 198) ~ драв. **koṛi* 'овца' (DED 145) ~ картв. **ķraw- / ķrw-* 'ягненок' (Кл. 115) ~ ? с.-х. **kr(r)* 'ягненок, овца' (Cohen 114).

ягода **m a r (j) ʌ: и.-е. **moro-* 'ежевика, тутовая ягода' (Pok. 749) ~ урал. **marja* 'ягода' (Coll. 97) ~ картв. **marc̣qw-* 'земляника'; ср. Munkácsi AKE 173, Долг. 1.

язык **ń a n /g/ ʌ (?): и.-е. **dn̥ĝhū / *jn̥ĝhū* (Pok. 223) ~ урал. **ńaŋkćem* (Coll. 40) ~ ? картв. **(n)ina* (Кл. 147).

яичко (testiculus) **q o l' ʌ: урал. **kŏle* (Setälä JSFOu 30[5], 55) ~ картв. **qwer-* (Кл. 210) ~ с.-х. **ķ[w]l* (Cohen 127); ср. Tromb. 100, Смычн. 7.3.

яйцо **m u ñ (d) ʌ: ? и.-е. **mon/d/o-* (слав. **mǫdo* 'testiculus': Vas. 2, 169) ~ урал. **muña* 'яйцо, testiculus' (Coll. 36) ~ драв. **mu(n)ṭai* 'яйцо' (DED 332); ср. Tromb. 468—469.

ясень: и.-е. **H[w]e(k)s-* 'ясень' (ср. Pok. 782) ~ урал. **okśa* 'ясень, тополь' (Coll. 138); ср. Collinder IUS 67, Coll. 138.

КРИТИКО-БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ ОТДЕЛ

«Deutsche Wortforschung in europäischen Bezügen. Untersuchungen zum Deutschen Wortatlas», hrsg. von L. E. Schmitt. Giessen, Bd I, 1958 (635 стр.); Bd II, 1963 (615 стр.); Bd III, 1964 (647 стр. + 41 карта + 31 рис.)

Немецкая диалектология за последние полвека достигла весьма значительных успехов, выгодно отличающих ее от диалектологии других индоевропейских языков: вышли 23 выпуска фундаментального «Немецкого диалектологического атласа», дающего подробную и исчерпывающую картографию фонетических и морфологических особенностей современных немецких диалектов [1], продолжают издаваться региональные немецкие языковые атласы (люксембургский, тирольский, северно-восточнонемецкий и др.) [2], подготавливаемые специально созданным при Марбургском университете «Исследовательским институтом немецкого языка» («Forschungsinstitut für deutsche Sprache. Deutscher Sprachatlas») во главе с известными диалектологами проф. Л. Э. Шмиттом и проф. В. Митцка (последний написал необходимый для пользования атласом «Handbuch zum Deutschen Sprachatlas») [3]. Именно этим языковедам и сотрудникам возглавляемого ими института принадлежит заслуга создания большого немецкого атласа слов (до сих пор вышло 13 выпусков) [4].

Рецензируемые сборники, задуманные в качестве объяснительного материала к словам, картографируемым в «Deutscher Wortatlas», в известной мере представляют параллель комментариев Ф. Вреде к «Немецкому диалектному атласу» (в «Anzeiger für deutsches Altertum»), а также специальной серии «Deutsche Dialektgeographie» (вышло 68 томов).

Каждая работа, печатающаяся в сборниках, — это, по сути дела, отдельное монографическое исследование, основанное на углубленном сравнительно-историческом анализе соответствующих слов с привлечением широкого диалектного материала изучаемого и родственных языков и с подробной библиографией вопроса [5]. Многие публикуемые в рецензируемых сборни-

[1] См.: «Deutscher Sprachatlas», auf Grund des Sprachatlas des Deutschen Reichs von G. Wenker, begonnen von F. Wrede, fortgesetzt von W. Mitzka und B. Martin, Lf 1—23. Marburg, 1927—1956.

[2] Ср., например: «Siebenbürgisch-Deutscher Sprachatlas», hrsg. von K. K. Klein und L. E. Schmitt, Bd I, 1. Marburg, 1961; «Nordostdeutscher Sprachatlas», hrsg. von L. E. Schmitt, Bd I, Marburg, 1964; «Luxemburgischer Sprachatlas», hrsg. L. E. Schmitt. Marburg, 1963; «Tirolischer Sprachatlas», hrsg. K. K. Klein und L. E. Schmitt, I. Marburg, 1964 и др.

[3] W. Mitzka. Handbuch zum Deutschen Sprachatlas. Marburg, 1952.

[4] W. Mitzka, L. E. Schmitt. Deutscher Wortatlas, 1—14. Marburg, 1963.

[5] Отметим, что в IV томе рецензируемого сборника будет опубликована составленная Э. Зигелем исчерпывающая библиография по картографирова-

ках работы одновременно печатаются отдельно в виде томов серии «Beiträge zur deutschen Philologie» (вышло 32 тома), которая в свою очередь является продолжением основанной еще О. Бехагелем серии «Giessener Beiträge zur deutschen Philologie» (вышло 100 томов).

Первый том сборника открывается работой Ф. Дебуса «Die deutschen Bezeichnungen für die Heiratsverwandtschaft».

На основе рассмотрения соответствующих карт, приложенных к работе, автор отмечает однообразие лексических типов на больших участках немецкой языковой территории при малом количестве синонимических вариантов изучаемых терминов брачного родства. Он считает наиболее ранним типом лексем, обозначающих брачное родство, однокорневые слова, например *Schwieger*, *Schwäher*, *Schnur*, *Eidam*, а также *Braut* в значении 'Schwiegertochter'. Процесс распада системы однокорневых терминов родства и их замены сложными словами (*Tochtermann*, *Sohnsfrau* и т. д.), по мнению автора, начался на юго-западе немецкой языковой территории и связан с определенной семантической дифференциацией изучаемых слов.

В своей работе «Deutsche Getreidebezeichnungen in europäischen Bezügen» Т. Хёинг, проводя широкий сравнительно-исторический анализ слов, обозначающих злачные культуры (он использует при этом интересные аграрно-географические данные) в немецкой языковой области, обращает внимание на такие процессы, как борьба синонимов, сужение значения слов и др., и объясняет на основе этих процессов распределение той или иной лексемы на определенной части территории. Г. Хёинг указывает, что распространение на различных территориях одного и того же слова, обозначающего злачную культуру, вовсе не означает исторической общности их заселения теми или иными племенами, а объясняется одинаковой степенью развертывания значения (gleichen Entwickelungsgrad der Bezeichnungsentfaltung), ср., например, *Korn* 'Roggen', или случайным использованием одного и того же слова в качестве nomina collectiva, несмотря на различную степень развития всей гаммы присущих ему значений в разных ареалах (ср. *Frucht* 'Getreide').

Исследование К. Райна «Die Bedeutung von Tierzucht und Affekt für die Haustierbenennung, untersucht an der Synonymik für *capra domestica*». На основе диахронического рассмотрения богатого ареально-лингвистического материала доказывается, что современное синонимическое соотношение лексем *Ziege—Geiß* не является древним, причем *Ziege* — это франкское заимствование, вошедшее в немецкий язык в XII в. В ходе лингво-географического анализа, давшего возможность выявить ряд ранее не зарегистрированных ареальных синонимов со значением 'capra domestica', К. Райн делает интересные наблюдения над происхождением этих последних [ср., например, процесс контаминации в *Hicke* < *Hippe*+*Mecke* или чисто аффективный характер некоторых древнейших слов (звукоподражание, звуковая символика и т. д.), возникших по схеме Affekt : Lockruf : Tierbezeichnung]. Автор рассматривает немецкие ареальные соответствия и.-е. **kapro-* (например, тюрингск. *Happe*, *Habbe*), и.-е. **kat-* (например, *Hitte*, *Hidde* в вестфальском, *Hattel*, *Hädel* в алеманском ареале), а также западно-средненемецкие соответствия герм. **bukk-* (например, *Bick*, *Bigg*, *Bitsch*).

В своей работе «Deformation isolierter Bezeichnungen: Wiederkauen in deutscher Wortgeographie» В. Нойбауэр констатирует, что наиболее распространенными словами со значением 'жевать' в немецкой языковой области являются соответствия др.-в.-нем. *itaruchen* (ср.-нидерл. *ederecken*, ср.-н.-нем. *edrecken*). Оказавшись в процессе исторического развития немецкого языка в «этимологической» изоляции, др.-в.-нем. *itaruchen* подверглось опрощению и переразложению на основе «народной этимологии», а также значительным звуковым деформациям (достаточно указать на то, что формы этого

нию немецкой лексики с 1890 г. по 1962 г. включительно (См.: Forschungsinstitut für deutsche Sprache. Deutscher Sprachatlas, Wissenschaftlicher Jahresbericht: 1 Januar 1962—31 December 1963).

слова, встречаемые в современных немецких диалектах, в звуковом отношении никак не соответствуют др.-в.-нем. *itaruchen*), хотя в результате всех этих процессов его изоляция в языке не уменьшилась [6]. Автор рассматривает процессы дальнейшего языкового развития «изолированных слов» [редукция слов: *iderichen* > *idern*; *naderkauen* > *nadern* и т. д.; или, наоборот, наращение или расширение слов: *den Nerek kauen* < *de(n) E(de) rek kauen*; словосмешение, особенно если при этом имеется возможность истолкования слова на основе «народной этимологии»: *narkoggen* < *nierken*+*arkoggen*, *neerkaun* < *nerken*+*eerkaun* и др.]. В работе К. Райна подробно разбираются различные ареальные синонимы *wiederkauen* (алеман. *maien*, *maïen*, тирольск. *grameila*, н.-алеман. *undarna* и др.), обозначающие различные этапы пережевывания пищи жвачными животными, в том числе и неизолированные слова, употребление которых в рассматриваемом значении относится к позднему периоду.

Том I рецензируемого сборника заканчивается работой Г. Рёссинга «Wortzusammensetzung und Wortbedeutung: Untersuchungen im Anschluß an die germanischen Bezeichnungen für Skarabäiden», посвященной проблеме «слов и вещей»: на основе изучения различных немецких, датских и шведских диалектных обозначений навозного жука (они приводятся в виде сноски на стр. 621—635 и снабжены краткими этимологическими комментариями) автор пытается выяснить роль отдельных компонентов сложных слов в передаче основного значения, а также проводит сопоставительный анализ смыслового содержания несложных слов (Simplizia) и тех же слов в пределах Wortzusammensetzungen в плане соотношения означаемого с означающим. Автор приходит к выводу, что словосложение и значение слова не находятся в прямой зависимости друг от друга: такая зависимость вскрывается только при учете реального соотношения с предметом мысли.

Том II рецензируемого сборника начинается исследованием Б. Мартина «Die Namengebung einiger aus Amerika eingeführter Kulturpflanzen in den deutschen Mundarten» (стр. 1—158). На основе рассмотрения истории распространения и возделывания культур картофеля, томата и маиса в Германии автор диахронически прослеживает смену наименований этих культур в различных ареалах, и в частности борьбу иностранных и исконных немецких слов, обозначающих эти культуры на немецкой языковой территории.

В работе М. Таллен «Wortgeographie der Jahreszeitennamen in den germanischen Sprachen» констатируется, что первоначально у германцев год разделялся только на лето и зиму; деление года на четыре части — явление более позднее. Давая обзор слов, употреблявшихся в древнегерманских языках для обозначения четырех времен года, М. Таллен подробно прослеживает дальнейшую судьбу этих слов в различных частях германской языковой области. В частности, отмечается возникновение большого количества синонимов для слов, обозначающих весну и осень, и исследуется их происхождение. К исследованию М. Таллен очень близка работа А. Д. Аведисиана «Zur Wortgeographie und Geschichte von Samstag/Sonnabend», в которой исследуется история социально-территориального употребления указанных слов, их этимология и ареальные синонимы.

Интересна работа П. фон Поленца «Slavische Lehnwörter im Thüringisch-Obersächsischen» (стр. 266—296). На основе изучения лингвистических карт автор установил, что заимствование славянских слов в верхнесаксонском произошло в XII—XIII вв., т. е. в период наиболее интенсивного немецкого заселения области, прилегающей к рекам Саале, Эльбе (по мнению П. фон Поленца, в этой области в средние века существовало смешанное немецко-славянское население). В работе дается подробный сравнительно-историче-

[6] Автор следующим образом определяет понятие «этимологической изоляции»: «Isolierung liegt dann vor, wenn ein Etymon nur in einem einzigen Wort erhalten ist. Die aus gleicher Wurzel abgeleiteten Verwandten sind ausgestorben, so daß eine sprachgeschichtliche Verwaisung eingetreten ist» (стр. 299).

ский (фонетический, этимологический) и ареальный анализ (приводятся соответствующие карты) следующих слов и их синонимов: *graupeln* 'hageln' *Hermchen* 'Kamille', *Bemme* 'bestrichene Brotscheibe', *Zwewese*, *Schiweke*, *Quewede* 'Holunder', *Desė* 'Backtrog', *Zauke* 'Maiglöckchen'.

В статье Т. Шумахера «Sprachliche Deformation und Formation. Zur Wortgeographie der *Ameise*» на основе изучения диалектных синонимов со значением «муравей» делается попытка установить, каким образом в процессе развития языка слова теряют свою первоначальную мотивацию, претерпевают деформацию звукового состава и приобретают новые этимологические связи.

В работе И. Райффенштайна «*Quecke*. Lautgeographische Studien zum Deutschen Wortatlas» на материале слов, входящих в языковую карту «Quecke», дается исторический анализ развития и ареального распространения двух важных фонетических явлений: геминации интервокального *-k-* и перехода *qu-* > *zw-* в немецком языке.

В небольшой статье Л. Бертольд «Schwierigkeiten der Wortdeutung im Mundartwörterbuch» указываются ошибки, возможные при непосредственном полевом собирании диалектной лексики, и намечаются пути их устранения. Своеобразным дополнением работы Л. Бертольд является следующая за ней статья Э. Бауэра «Bemerkungen zur dialektgeographisch bedingten Bedeutungsdifferenzierung», в которой наряду с дифференциацией значений, реализуемой отдельными синонимичными словами и звуковыми вариантами одного и того же слова, указывается третья возможность — изменение значений с помощью словообразования. Автор отмечает, с одной стороны, случаи, когда уменьшительные суффиксы *-chen* и *-lein*, будучи полностью синонимичными, преимущественно употребляются в языке старшего (*-chen*) или младшего (*-lein*) поколения, но, с другой стороны, эти же суффиксы в некоторых словах могут дифференцировать значения независимо от возраста говорящего (это в свою очередь поддерживается различиями в области словообразования в различных диалектах).

В работе К.-Х. Ваймана «Paracelsus und der deutsche Wortschatz» дается исторический анализ слов, впервые введенных в немецкий язык Парацельсом, их происхождение и распространение в процессе истории немецкого языка. Даются подробные списки соответствующих слов.

В работе Р. Бруха «Germanische und romanische *e-* und *o-* Diphthongierungen» делается попытка сравнительного изучения некоторых важных фонетических явлений германских и романских языков. Автор приходит к выводу, что верхненемецкая (герминонская) дифтонгизация $\hat{e}^2 > ie$, $\hat{o} > uo$ не имеет ничего общего с галло-романской дифтонгизацией $\hat{e} > ie$, $\hat{o} > uo$, которая в первом случае произошла на столетие раньше, чем во втором. С другой стороны, западносредненемецкая дифтонгизация $e^2 > ei$, $\hat{o} > ou$, по мнению автора, могла произойти под галло-романским влиянием. Дифтонгизацию германских $\hat{e}^2$ и $\hat{o}$ в голландском не следует объединять с верхненемецкой дифтонгизацией тех же звуков. Западносредненемецкая дифтонгизация герм. *ë*, связанная с акутовой акцентуацией или с количественным расширением этого звука в открытых слогах, по мнению автора, должна была произойти до перехода *p*, *t*, *k* в спиранты — конечные элементы слога. Этот процесс проходит в тесной связи с аналогичными галло-романскими акцентными отношениями VIII в.

В работе Г. Шютцайхеля «Das westfränkische Problem» на основе богатого архивного и языкового материала прослеживается исторически засвидетельствованное совместное проживание франков и романского населения в Галлии в VIII—X вв. и связанное с этим двуязычие и взаимное влияние языков. Автор использует и критически оценивает огромную литературу вопроса.

В конце II тома дается составленная П. фон Поленцем обширная библиография работ к немецкому атласу слов.

Том III рецензируемого сборника открывается исследованием Г.-Фр. Фолтина «Die Kopfbedeckungen und ihre Bezeichnungen im Deutschen» (ра-

бота возникла на основе рассмотрения карты «Mütze»). Автор исследует исторические причины появления и изменения различных названий головных уборов в немецкой языковой области, обращая особое внимание на заимствования. К статье приложен обширный словарь немецких названий головных уборов (стр. 155—288) с указанием их исторического и ареального распространения.

В работе Р. Хильдебрандта «Ton und Topf» исследуется ареальная синонимика немецких слов со значением '(глиняный) горшок' (*Hafen*, *Topf*, *Düppen*, *Aul*, *Gropen*, *Weitling*, *Rein*). Указывается на зависимость рассматриваемых слов от формы, величины и цели употребления обозначаемых ими сосудов, а также названий места их производства. При разборе каждого слова дается его этимология (обычно не отличающаяся от традиционной), указываются ареальное распространение и различные ареальные фонетические варианты.

Том III завершается обширной монографией Э. Шпайдера «Romanische Entlehnungen in den Mundarten Tirols». Автор подробно останавливается на вокализме, консонантизме, морфологии и словообразовании романских заимствований в лексике тирольских немецких диалектов, первые из которых он рассматривает как своеобразный субстрат для вторых. В конце работы приложена таблица, в которой в алфавитном порядке даются романские заимствования в тирольских диалектах с указанием: 1) этимона соответствующих слов; 2) языка, из которого они заимствованы в немецкий; 3) исторически засвидетельствованных форм (в древненемецком, средненемецком, верхненемецком и др.); 4) тирольских форм и 5) значения.

В IV томе сборника, как сообщается в III томе, будут опубликованы следующие работы:

A. Schilling-Thöne. Wort- und sachkundliche Untersuchung zur Synonymik des Backtrogs; E. Kringe. Sprach- und kulturgeschichtliche Untersuchungen im deutschen Wortbereich von «Brot» dargestellt an der Synonymik für (bestrichene) Brotscheibe; E. Schrader. Die räumlichen und historischen Schichten in der Synonymik für «Mohrrübe»; B. Reitz. Die Kultur von «brassica oleracea» im Spiegel deutscher Sprache, а также указанная выше библиография Э. Зигеля.

Как видно из нашего обзора, рецензируемые сборники по своему содержанию выходят далеко за пределы просто комментариев к «Немецкому атласу слов» и будут с интересом прочитаны не только специалистами по немецкой диалектологии, но и лицами, интересующимися этимологией, общими лингвистическими проблемами, а также диалектологией языков, не родственных германским.

М. М. Маковский

H. Kronasser. Etymologie der hethitischen Sprache, Lief. 1. Zur Schreibung und Lautung des Hethitischen; Lief. 2—3. Wortbildung des Hethitischen. Wiesbaden, 1962—1964, XIV + 344 стр.

«Этимология хеттского языка» известного языковеда Х. Кронассера представляет собой очерк хеттского языка (книга включает разделы: «Графика и фонетика», «Словообразование», «Этимологический словарь»). Книга выходит отдельными выпусками (пока вышло три выпуска из пяти).

Насколько можно судить по опубликованной части, книга в принципе строится по типу популярного очерка того же автора «Vergleichende Laut- und Formenlehre des Hethitischen» (Heidelberg, 1956, 292 стр.; далее — VLFH), однако, будучи гораздо более значительной по объему, содержит множество новых деталей. Важное отличие состоит еще и в том, что в рецензируемой работе автор дает материалу более объективную оценку, избегая тех рискован-

ных обобщений, которыми характеризовался очерк 1956 г. Так, на стр. 14 новой книги автор выражает принципиальное согласие с «правилом Стертеванта», в соответствии с которым в хеттском языке различались унаследованные глухие и звонкие смычные, что находило свое выражение и в графике (удвоенное написание смычных в интервокальном положении указывало на глухой согласный звук, простое написание — на звонкий). Ранее Кронассер полагал, что в хеттском имело «склеивание» смычных в один ряд, а именно, переход и.-е. *$t(h)$, *$d(h)$ > t и т. п. (ср. VLFH, стр. 60—68 и 75), что, разумеется, неверно (на этих выводах Кронассера построил свою явно ошибочную концепцию А. Хойбек)[1]. Изменился и подход Кронассера к подаче фактологического материала: если в VLFH (стр. 60 сл.), наряду с несомненными этимологиями, приводились и крайне спорные (ср., например, параллели, содержащие смычные, — там же), то в новой работе приводятся этимологии, которые вряд ли кто-либо станет подвергать сомнению (стр. 12—14). В тех случаях, когда данный феномен допускает не одну трактовку, а более, Кронассер кратко перечисляет все возможные интерпретации, не навязывая читателю своего собственного мнения (ср., например, трактовку *l*-форм на стр. 247). Детализованный анализ позволяет автору в ряде случаев предложить более тонкую интерпретацию тех или иных форм по сравнению с тем, что предлагалось до сих пор (ср., например, стр. 25 сл. и 322 сл., относительно форм типа *hatti-li*, отличных от форм типа **hatti+ili*).

Сказанное, однако, отнюдь не означает того, что Кронассер перестал выступать против тех или иных общепринятых толкований. Так, он по-прежнему является противником «ларингальной гипотезы» (см. стр. 94 след.), без помощи которой не может быть объяснено наличие *ḫ(ḫ)* в таких хеттских словах, как *ḫaraš* 'орел', *paḫḫur* 'огонь', *ḫant-* 'перед' и др. Тем не менее и в данном разделе работы содержится интересный материал, связанный, в частности, с фонетической трактовкой «ларингалов» в других анатолийских языках, в частности в хетто-лувийских языках поздней поры (ликийском и др.).

Первый выпуск «Этимологии хеттского языка», носящий название «О хеттской графике и фонетике», состоит из разделов: «Клинопись» (стр. 3—12), «Смычные» (стр. 12—19), «Гласные» (стр. 19—30), «Общие замечания по хеттской орфографии» (стр. 30—33), «Дальнейшее о гласных» (стр. 33—47), «Дальнейшее о согласных» (стр. 47—104). Выпуск содержит также список литературы (стр. I—XIV).

Второй и третий выпуски (соответственно стр. 105—224 и 225—344) объединены под названием «Хеттское словообразование» (эта же тема будет продолжена в четвертом выпуске). Выпуски содержат следующие разделы: «Род» (стр. 106—117), «Звукоподражательные слова» (стр. 117—122), «Заимствование значений и кальки» (стр. 123—128), «Заимствования» (стр. 128—155), «Словосложение» (стр. 155—160), «Именное словообразование» (стр. 160—224), «Варьирование *a*- и *i*-основ» (стр. 245—250); далее следуют разделы, посвященные *u*-, *e*-, *t*-, *nt*-, *n*-, *r*-, *r/n*-, *l*- и *s*-основам (стр. 250—329), и несколько мелких разделов темы «основообразование» (стр. 329—344).

Еще в большей степени, чем в VLFH, в новом очерке Кронассера привлекаются материалы поздних хетто-лувийских языков, а также языков, соседствовавших с хетто-лувийскими (см. особенно разделы, посвященные заимствованиям). Широко используются также материалы топономастики. Откладывая детальное обсуждение книги на то время, когда будут опубликованы все пять выпусков, мы, однако, в состоянии уже сейчас утверждать,

---

[1] Ср.: A. Heubeck. Praegraeca. Erlangen, 1961, стр. 58—62 и 82; ср. в этой связи: В. В. Шеворошкин. Новые исследования по хеттологии. — ВЯ, 1964, № 4, стр. 130 сл.; Он же. Малоазийские языковые параллели. «Этимология. 1964». М., 1965, стр. 142 сл. (особ. стр. 157—158).

что, несмотря на определенные недостатки, новая работа Кронассера может рассматриваться как своего рода хеттологическая энциклопедия, в которой обобщены результаты почти всех значительных исследований не только в области хеттского языка, но и в области других хетто-лувийских языков древней Анатолии.

В. В. Шеворошкин

F. Sławski. Słownik etymologiczny języka polskiego, t. II, zesz. 4 (9): *kokornak — kooperacja*. Kraków 1964, стр. 337—448.

Очередной выпуск словаря Славского содержит продолжение буквы *К*. В этой части словника особенно много поздних культурных европейских заимствований, слов интернациональной лексики, ср. (следующие почти подряд) *komisja*, *kompetencja*, *kompleksja*, *komplet*. . . Статьи, посвященные этим и подобным словам, подготовлены автором с той тщательностью, которая вообще характерна для этого словаря, особенно для его последних выпусков. При чтении словарных статей, трактующих новые заимствования, возникают различные замечания или вопросы, небезынтересные и даже в какой-то степени перманентные для методологии этимологического словаря отдельного славянского языка. Так, например, в статье *koks* (стр. 340—341) Славский перечисляет все соответствия вплоть до сербохорватского, македонского и болгарского. В статье *komenderować* точно так же обозреваются все славянские соответствия польскому слову, включая русск. *командирова́ть*, причем отличное значение последнего оставляется без внимания. Равным образом приводятся соответствия польск. *komentarz* из всех славянских языков, в их числе — блр. *камента́рый*. Однако последнее слово представляет собой, в сущности, белорусизацию заимствованного русского слова *комме́нтарий*. Кроме того, в этом и во многих других аналогичных случаях понятие славянских соответствий теряет свой обычный смысл, и если, тем не менее, сохранять практику подачи таких формальных соответствий по всем славянским языкам, мы будем оперировать фикциями. Реальное положение вещей сводится к тому, что «близкие» формы таких европеизмов в болгарском часто оказываются заимствованными из русского, в македонском литературном языке — из сербохорватского, в белорусском — из русского или из польского, и присутствие этих слов в польском этимологическом словаре совершенно излишне. Таким образом, известная неэкономность, полнота подачи данных такого рода оборачивается существенным недостатком методологии. При этимологизации поздних заимствований целесообразно приводить непосредственный вероятный внеславянский источник и те из остальных славянских форм, которые реально могут быть связаны с судьбой данного славянского слова, например, для польских латинизмов и германизмов это могут быть чешские слова. Еще одно небольшое замечание в связи с такими статьями: автор, подавая белорусские формы, неоправданно усложняет латинскую транслитерацию, вводя в нее букву *э* — *kamitśt* и др.

В конце статьи *komentarz*, когда речь идет о нем. (стар.) *Comment*, польск. *koment* 'комментарий' (XVI в.), Славский приводит др.-русск. *коментъ* 'совет знатнейших' (из Срезневского), которое, однако, не имеет сюда отношения, а заимствовано из лат. *conventus* через среднегреческий, византийский κομ(β)έντον, как ясно указано уже у Срезневского (I, 1265).

Рецензируемый выпуск включает и ряд статей об исконной лексике. В связи с этими последними отметим, что хорошо засвидетельствованное ст.-польск. *konarz* 'княжий конюший' (XIII—XV вв.), помещаемое Славским под словом *koniuch* (стр. 421), правильнее было бы дать особой статьей, учитывая древность соответствий в полабском, болгарском, сербохорватском.

Этот выпуск словаря Славского, как и предыдущие, дает полезный материал по географии славянских слов, в частности — слов праславянского

языка, на что автор обращает особое внимание в своих характеристиках. Ср. его указания на то, что форма **kolějь*, **koléja* 'след колеса' распространена только в севернославянском и в словенском (стр. 350—351); **kolodějь* 'колесник' представлено только в севернославянских языках (стр. 370); **konovalъ* — только в польском и восточнославянских (стр. 426).

Польск. *kołatać* 'стучать, колотить', признаваемое родственным праслав. **koltiti*, Славский практически оставляет без объяснения (см. стр. 365), если иметь в виду словообразовательно-морфологические особенности этого польского слова. Внешне польск. *kołatać* выглядит как полногласный рефлекс праслав. **kolt-*, но восточнославянская инфильтрация здесь невероятна, ср. чеш. (стар.) *kolotati*, диал. *kolatat'* 'трясти, качать'. Ясно, что здесь нужно искать мотивы образования на местной почве. Но исторические польские формы *kołatać* и *kłócić* 'болтать, мешать' не образуют живой словопроизводной связи, их отношения приобретают мотивированный характер только на праславянском уровне: **kolatati* — **koltiti*, причем первое из них осмысливается как новообразование на базе второго для обозначения вида действия, ср. и тему *-a-* в польск. *kołatać*. Аналогичным образом может быть объяснено, например, с.-хорв. *корàчати* 'шагать' — на базе праслав. **korčati* / **korčiti*, **korkъ* (исторические с.-хорв. *крàчати* 'шагать', *крâк* 'нога').

О. Н. Трубачев

Вл. Георгиев, Ив. Гълъбов, Й. Заимов, Ст. Илчев. Български етимологичен речник, свезка III (*владика — гиврътна*). София, 1964, стр. 161—240

Новый выпуск болгарского этимологического словаря четырех авторов сохраняет в основном особенности, уже отмеченные для двух предыдущих выпусков (см. «Этимология. 1964»). Из них в первую очередь заслуживают упоминания такие важные и ценные черты публикуемого словаря, как богатство диалектной лексики, представленной в нем, изобилие производных и словообразовательных форм, выявление редкой или совершенно исчезнувшей болгарской лексики, в частности — через призму топонимии как одного из важных источников таких сведений. Сохраняются далее также и те особенности словаря, которые или могут вызвать споры или в ряде случаев бесспорно могут быть отнесены к числу менее удачных. Такова, прежде всего, гнездовая форма рассмотрения образований с общим корнем, которая, как известно, скрадывает лексическую самостоятельность и собственную историю производного слова. Кроме того, при этом дело не обходится без неэкономных повторений, например болг. диал. *сбвлак*, *съвлак*, название растения Convolvulus arvensis, повторяется при перечислении производных форм дважды, в статье *влак* и в статье *влача*.

В этом выпуске из интересных топонимических данных может быть отмечено *Вѣтро поле* (стр. 216), ср. местное название *Етрополе*.

Цитирование специальной этимологической литературы носит в словаре, как и раньше, очень выборочный характер, иногда даже случайный, о чем стоит пожалеть. Иногда это вызывает неточности, как, например, в статье *вол*, где мысль о родстве этого названия животного с глаголом *вáлям* 'валять' характеризуется как этимология, полученная устно от Р. Якобсона. На самом деле эта этимология была выдвинута и обоснована Дж. Грубором в «Южнославянском филологе» более 35 лет тому назад, о чем я уже имел случай писать в другом месте [1].

[1] См.: О. Н. Трубачев. Происхождение названий домашних животных в славянских языках. М., 1960, стр. 44.

Отдельные критические замечания могут, далее, коснуться праславянских реконструкций и их соотнесения с возможными дославянскими прототипами. С точки зрения формальной, здесь наблюдается некоторая непоследовательность, когда отдельные формы реконструируются в духе концепции праславянского вокализма В. Георгиева (праслав. **valčiti*, стр. 164), а другие реконструируются более традиционно. Дославянское прошлое слова **vojevoda*, в частности его происхождение из и.-е. **wojo-wodh-ā* (стр. 173), представляется нам очень сомнительным. Кроме этих моментов относительной хронологии, вызвавших наши сомнения, мы укажем также несколько этимологий в данном выпуске, с которыми мы не можем согласиться. Болг. *гáвра* 'насмешка', *гáвря се* 'насмехаться, издеваться' предположительно считается родственным слову *говнó*, с которым оно якобы образует основу на *-r/n-* (стр. 221). Но совершенно ясно, что *-н-* в последнем слове относится к суффиксу, а не к основе (*gov-ьno*) и ни о какой *-r/n-* основе здесь не может быть речи. Очень сомнительно произведение диал. болг. *гавалá* 'разиня, дурак' из др.-макед. γαβάλαν 'голова' (стр. 220). Диал. *вóргам* 'вдевать нитку в иголку', признаваемое в словаре неясным (стр. 176), бесспорно тождественно этимологически диалектному же *бъ́ргам* 'бросать', которое идентично ст.-слав. **връгж**, **врѣшти** 'бросать, метать' (см. стр. 210).

Из мелких замечаний: польск. *wór*, *worek*, строго говоря, не должно стоять в одном ряду с такими образованиями, как болг. *врещ*, с.-хорв. *врèћа*, словен. *vrêča*, русск. *верéтье*, др.-чеш. *vřece*, слвц. *vrecko* 'мешок' (стр. 186). Вместо гот. *aupar* 'другой' (стр. 197) должно стоять гот. *anþar*. Есть отдельные опечатки и в ряде русских и других слов.

О. Н. Трубачев

J. B. Rudnyćkyj. An etymological dictionary of the Ukrainian language, part 1. Winnipeg, 1962; part 2 — 1963; part 3 — 1964 (*А—вагá*), 288 стр.

Рецензируемый здесь труд Я. Рудницкого — первый этимологический словарь украинского языка, чем объясняется законное внимание, вызванное его появлением. Как мы узнаем из вводных замечаний, запланирован выпуск приблизительно двадцати частей, из которых три уже увидели свет. Первый опыт издания этимологического словаря целого языка всегда сопряжен с рядом естественных трудностей. В данном случае они тем более значительны, что речь идет о языке, пока еще лишенном полного исторического словаря. Кроме того, автор нового украинского этимологического словаря опирается в основном на данные, собранные вдали от Украины в собственном смысле слова, словарь пишется и выпускается в Канаде, где давно существует сильное украинское национальное меньшинство. Все это не могло не наложить специфического отпечатка на данный словарь. Разумеется, перед нами этимологический словарь украинского языка, а не какого-либо особого канадско-украинского или американско-украинского языка. Тем не менее, здесь присутствуют отдельные характерные местные включения вроде названия *Альбéрта* (провинция в Канаде), такие американско-украинские лексические элементы, как *бáйсак*, *бóйсик*, *бóнгало* и др. В силу этой, а также других особенностей делается ясно, что этот словарь не может остаться на длительное время единственным украинским этимологическим словарем. Создание этимологического словаря украинского языка у нас (в Киеве или каком-либо другом научном центре страны) продолжает оставаться актуальной задачей. Это следует также из того обстоятельства, что новый словарь Рудницкого все-таки не может полностью удовлетворить потребность в хорошем справочнике по библиографии украинской этимологии. Имеющиеся ссылки на литературу в целом довольно однообразны и небогаты. Перед автором —

канадским украинистом — стояли разнообразные практические трудности, и о них, конечно, нельзя забывать, оценивая этот словарь.

В целом словарь Рудницкого подготовлен и издан довольно тщательно, имеет богатый словник. Весьма многочисленный материал по лексике украинского языка и его диалектов собран также внутри статей. Здесь нашла место и многочисленная ономастика (местные названия, личные собственные имена, фамилии, этнонимы), в чем отразились вкусы автора как ономаста. Автор внимательно использует советские источники — работы наших украинских диалектологов, историков языка, этимологов, издание «Українська радянська енціклопедія» и др. Источники по истории украинской лексики для Рудницкого — это исторический словарь Тимченко, лексикон Берынды и другие известные немногочисленные пособия.

Автор последовательно дает для старой украинской лексики исконно славянского происхождения реконструированные праславянские формы, что представляет интерес вообще для славистов и этимологов.

Основные наши замечания, естественно, касаются этимологической части статей словаря. Если подавляющая часть помещаемых автором этимологических характеристик правильна, на наш взгляд, то отдельные из них нуждаются в коррективах. По-видимому, в отношении ряда статей о новой лексике справедливым будет упрек, что автор не считается с очевидностью появления этих слов в украинском из русского, через русское посредство. Ср. *акýла* (стр. 15), соотносимое автором прямо с формами скандинавских языков. Автор, как уже сказано выше, приводит много производных и ономастических образований внутри статей, что само по себе заслуживает положительную оценку, кроме тех случаев, когда разные по происхождению слова оказались случайно соотнесенными друг с другом. Например, в статье *балáкати* 'болтать' (стр. 61) находим чужеродные местные названия *Балаклéя*, *Балаклíя* тюркского происхождения, не имеющие ничего общего с заглавным словом. Равным образом ошибочно в статью *бíб/бóбу* 'боб' попало слово *бобúль* 'бобыль' (стр. 128).

Сомнительная необходимость включения в этимологический словарь украинского языка этнонима *áнти* 'анты', но еще сомнительнее объяснение этого слова как иранской кальки славянского названия **ukrainjane* 'жители окраины', раннее существование которого в данной форме также маловероятно. Укр. *бíля* 'подле' мы объясняем, в отличие от Рудницкого, не как очень проблематичную мену *п/б*, ср. диал. *пíля́* = *бíля* (стр. 134), а как сложение приставки с предлогом **obъ-dьlě*, ср. другие аналогичные сложения **vъz-dьlě* (русск. *вóзле*), **vъ-dьlě* (чеш. *vedlě*), **po-dьlě* (русск. *пóдле*, укр. *пíля́*) — все с близким значением.

Укр. диал. *бóрсати* 'связывать, нанизывать', *бóрсатися* 'метаться', которое автор, к нашему удивлению, характеризует как слово темного происхождения (стр. 178), предлагая затем несколько противоречивых и неудачных толкований, в действительности отличается лишь по вторичной вокализации от этимологически тождественного украинского же *бросúти*, русск. *брóсить*, праслав. **brъsiti*.

В известных нам выпусках замечен ряд опечаток, которые мы считаем нужным отметить: Jokl SKUnters. (стр. 117) — надо Jokl LKUnters; Tobanus, badfly (стр. 118) — надо Tabanus, gadfly; лат. *barda* (стр. 175) — надо лат. *barba*. Далее, по ошибке у авест. *baγa* — указано значение 'бог' (стр. 159), в то время как это значение в Авесте как раз неизвестно, в отличие от древнеперсидского.

О. Н. Трубачев

«Základní všeslovanská slovní zásoba». Ústav jazyků a literatur ČSAV. Etymologické pracoviště v Brně. [Brno] 1964, 560 стр.

В «Предисловии», написанном Ф. Копечным, сообщается, что весь этот «основной общеславянский словарный состав» был отобран в срочном порядке по просьбе комиссии Общеславянского лингвистического атласа, причем главным образом в морфологических целях (стр. 1). В книге содержится около 2000 слов-статей. В «Предисловии» же (стр. 1, сноска 1) высказана здравая мысль, что этимологические словари не могут служить источником расписывания, так как их данные представляют результат несколько субъективного отбора нередко частных значений и форм, — старых или оправдывающих именно данную этимологию.

«Основной» (základní) в понимании авторов не значит непроизводный, поскольку они дают очень сложные в словообразовательном отношении слова. В связи с этим представляет интерес важная мысль о том, что в ряде случаев о б щ е с л а в я н с к и м характером обладают сложные, производные образования, а не лежащие в их основе непроизводные образования, в ряде мест утраченные. И далее, там же: «Иногда как раз в таких случаях выбор непроизводной формы в качестве „основной“ был бы ошибочным и в генетическом отношении» (стр. 3). Составители понимают, что «общеславянское» не покрывает понятия праславянского, хотя в данном словнике в большинстве случаев оба понятия совпадают (стр. 4).

Не лишены интереса статистические наблюдения (количество слов, отсутствующих в одном языке, в двух, в нескольких) и классификационно-типологические основания этих наблюдений. Так, максимум отсутствия «общеславянских» элементов приходится на серболужицкие языки (см. стр. 4 и сл.). Однако эти обобщения и выводы несколько обесцениваются полным неучетом п р а с л а в я н с к и х элементов, известных только о д н о м у или двум языкам. Данное ограничение хотя и мотивировано темой книги, тем не менее лишает полноты древнюю, праславянскую картину. (Мы не говорим уже о бесспорном наличии лакун из-за неполного пока учета словарных данных по языкам в этом предварительном индексе.) Смысл данного нашего замечания сводится к тому, что как для классификационно-статистических, так и для словообразовательных обобщений (ср. наличие в этой книге обратного индекса заглавных слов статей в праславянской форме) собранный здесь материал еще далеко не достаточен. Детальность сообщаемых в «Предисловии» наблюдений и обобщений как бы контрастирует с определенной либеральностью отбора данных, несплошным его характером.

Рецензируемая книга представляет для славистов-этимологов интерес в двух отношениях: как труд, подготовленный коллективом составителей будущего славянского этимологического словаря (Брно), а также как некий вариант праславянского индекса. Насколько можно понять, это еще не пробный выпуск упомянутого брненского словаря, который мы все ждем с нетерпением. К тому же здесь мы имеем более или менее единообразный хронологически праславянский срез, тогда как брненский словарь как будто задуман шире. В другом из упомянутых двух отношений данный свод интересен как отражение представлений составителей брненского словаря о праславянской лексике, ее форме, как отражение опыта праславянской реконструкции. Последняя, в общем, вызывает мало принципиальных замечаний. Применяемая в книге праславянская фонетическая транскрипция основана на морфологическом принципе. Праслав. *x* передается как *ch*. К числу ошибок или опечаток может быть отнесено написание *nemoktь*, тогда как непроизводная форма дана выше правильно: *mogtь*. Более серьезный характер носят неточности, касающиеся как записи, так и самого понимания реконструкции: *skubsti*, *smьjati sę*, *volkno*; следует, по нашему мнению, писать праслав. *skubti*, *smějati sę*, *volkъno*. Вместо праслав. *ěsьnъ* 'ясный' мы предложили бы

более приемлемое *ěs(k)nъ*, ср. совершенно аналогичное (ниже по алфавиту) *těs(k)nъ*; при отборе вариантов мы предпочли бы *gnusьnъ*, а не *gnǫsьnъ*, отнеся второе к более поздним, вторичным проявлениям назализации; вместо *kurъva* логичнее говорить о праслав. *kury* (род. *kurъve*); *dǫti*, *dъmetь* и *duti*, *dujetь* имело бы смысл рассматривать на праславянском уровне как самостоятельные словарные позиции, достаточно старые формы с отличиями в употреблении и значении.

Эти несколько замечаний и уточнений, не претендующих на полноту, по-своему могут свидетельствовать о деловом интересе, вызываемом данной полезной публикацией, которая внесет свой конкретный вклад в наши общие представления о структуре праславянского словаря.

О. Н. Трубачев

L. Sadnik, R. Aitzetmüller. Vergleichendes Wörterbuch der slavischen Sprachen, Lief. 2. Wiesbaden, 1964, стр. 59—138

В предыдущем томе «Этимологии» мы откликнулись краткой рецензией на выход в свет нового словаря Садник и Айцетмюллера. Перед нами второй выпуск этого словаря, содержащий часть буквы *b*. Принципы, на которых строится этот оригинальный труд, были охарактеризованы нами в рецензии на первый выпуск словаря. Здесь не имеет смысла повторять то, что уже было сказано раньше. Можно лишь отметить дополнительно, что алфавитная последовательность во втором выпуске, как и в предыдущем, касается в сущности только корней, тогда как производные от этих корней и сложения корней с предлогами-приставками занимают подчиненное место внутри таких алфавитных статей, иногда образуя особые подразделения. Таким образом, найти нужное слово по-прежнему трудно, если речь идет о производных формах. Многое, что должно было бы стоять рядом в сравнительном словаре славянских языков, здесь разобщено. Так, ст.-слав. бабити 'быть повивальной бабкой, принимать роды' и болг. *бáбя* 'принимать роды, пеленать' рассматриваются вне связи друг с другом, хотя они и продолжают одну общую форму. Принятый в словаре порядок, затрудняющий задачу читателя, едва ли помогает и авторам в учете всего материала. Многие соответствия при этом ускользают от их внимания. Так, на стр. 130 приводится словен. *zabêla*, *zâbel* 'жир, сало, чем заправляют пищу', а существующее тождественное болгарское образование среди перечисляемых в этой статье болгарских слов с тем же корнем отсутствует.

Чтобы дать правильное представление об этом новом словаре, необходимо отметить, что он фиксирует огромный материал, в чем особенно убеждает сплошное чтение также и настоящего второго выпуска. Ср. богатство примеров сложений со вторым компонентом *-bytъkъ* (стр. 97—99). Правда, стремление авторов дать как можно больше материала в наших глазах сильно обесценивается вполне осознанным отсутствием организующего начала во многих случаях. Выражение «das Material ohne Aufgliederung» (стр. 82) вполне отражает этот принцип авторов и характер всего известного нам труда в целом. В порядке реакции на прочитанное можно лишь сказать, что в работах такого рода композиция материала — это, по крайней мере, половина методологии. Наша критика, естественно, направлена против слабой расчленености материала в словаре Садник и Айцетмюллера, в частности — против отсутствия расчлененности образований там, где она диктуется их структурой и этимологией. Мы имеем в виду случаи ошибочного отнесения слов к определенному корню. Не может считаться доказанной связь польск. *butrym* 'толстяк, бутуз' и глаголов *bucić się*, *butnieć* 'гордиться, чваниться' (стр. 71). Укр. *баламýтити* и *каламýтити* авторы считают связанными в том смысле, что второе из них — рифмованное образование от первого

(стр. 125): нам представляется сближение этих двух слов вторичным, первоначально же к духовному миру человека относилось только *балами́тити* 'смущать, вносить смуту (словами, речью)', а *каламу́тити* в своем первом компоненте содержит основу *кал-* и его первичное значение 'мутить воду'.

Некоторые частные замечания вызывает этимологизация, которая носит в словаре по-прежнему подчиненный характер. Русск. *бахму́р* нельзя объяснять из первоначального сочетания с *ра-*, которое потом было якобы ассимилировано подобно тому, как это имело место в болг. *ба́берки* < *на́берки* (см. стр. 61). Возведение чеш. *obetknouti* 'набить, напихать', польск. *obetkać* то же к **bъt-* в отличие от *obetkati*, *obetkać* 'umweben, umwirken' <**tъkati* (стр. 74) представляется по меньшей мере искусственным.

Помимо традиционной праславянской транскрипции (**botěnъ*, *bogatъ*), авторы прибегают также к менее распространенной в литературе записи, например праслав. **bagnă*, **bagŭnă* вместо **bag(ъ)no*; **ăkŭnă* вместо **okъno* (стр. 112), что рождает разнобой, не говоря о более серьезных возражениях. Так, символ *й* (вместо *ъ*) в тех случаях, когда мы говорим о собственно праславянском периоде, следует признать устаревшим и неверным знаком. Встречающиеся в словаре высказывания об аблауте *а* : *и* в славянском могут показаться сомнительными в столь кратком изложении. Речь идет большей частью об ономатопеях *bat-/but-*, *bax-/bux-*. Фактических ошибок и опечаток в данном выпуске мало, ср. Bankonyer Wald (дважды — на стр. 113 и 114), нужно: Bakonyer Wald 'Баконьский лес' (в Венгрии). В остальном несогласие с концепцией словаря не мешает нам признать тщательность его подготовки и культуру обработки материала.

О. Н. Трубачев

«Słownik starożytności słowiańskich», pod red. W. Kowalenki, G. Labudy, T. Lehra-Spławińskiego, t. I, część 2 (*C*—*E*). Wrocław—Warszawa—Kraków, 1962, стр. 217—481; t. II, część 1 (*F*—*H*), 1964, 235 стр.

Продолжается публикация «Энциклопедического очерка культуры славян с древнейших времен до конца XII в.» (как гласит подзаголовок этого словаря), первую часть которого мы кратко охарактеризовали с точки зрения лингвиста и этимолога в томе «Этимологии» за 1963 г. Помещенное в предыдущей рецензии общее описание принципов и рамок этого труда, осуществляемого целиком силами польских ученых, освобождает нас от необходимости прибегать здесь к общей оценке. К тому же это исключается и комплексным характером данного «Словаря славянских древностей», охватывающего разнообразнейшие области истории и доистории, культуры и искусства славян.

Настоящую краткую рецензию, которая, как и предыдущая, посвящена исключительно отражению вопросов языкознания и этимологии во вновь вышедших частях «Словаря», начнем с констатации отрадного факта, что различные лингвистические дисциплины занимают в этом коллективном труде почетное место. Это явствует из целого ряда данных. «Словарь славянских древностей» очень полно отражает известные славянские личные собственные, этнические, местные, водные, мифологические названия и может поэтому играть роль исторического справочника по славянской антропонимии, этнонимии, топонимии и гидронимии. Далее, «Словарь» включает ряд довольно обстоятельных статей по языковым связям и контактам славянских народов с кельтами, финно-уграми, греками, по заимствованным элементам в славянских языках; эти статьи принадлежат перу виднейших польских языковедов (Курилович, Лер-Сплавинский, Славский), отражают важнейшую про-

блематику в данных областях современного лингвистического славяноведения и снабжены хорошей библиографией. Наконец, помимо славянской исторической ономастики и внешней истории славянских языков, в «Словаре» весьма широко представлена славянская этимология, главным образом — в качестве элемента статей на уже названные выше темы. Роль этих элементов этимологии или аргументов этимологического характера в статьях рецензируемых здесь второй части I тома и первой части II тома «Словаря» довольно велика и ответственна. Сознание важности этимологических доводов характерно также и для авторов-нелингвистов. Так, например, известный познанский историк-медиевист Г. Лябуда, говоря об этническом названии *Gudowie*, специально указывает на зависимость решения вопроса об этническом содержании термина от его этимологии (т. II, стр. 178). Но хорошее качество этимологических справок в данном «Словаре», естественно, объясняется тем, что их авторами являются опытные специалисты-языковеды. Обычная в связи с наличием этимологических комментариев структура статей «Словаря»: 1) сведения по истории и этимологии слова или собственного имени (автор — лингвист); 2) историческая часть статьи (автор — историк). Эта удобная и четкая структура синтетической статьи соблюдается на всем протяжении известной нам части «Словаря», поэтому, кстати, редкие случаи отсутствия лингвистического комментария сразу бросаются в глаза. Например, при статье «*Gacka*, *Gacko polje*» (т. II, стр. 77—78) была бы желательна более подробная этимологическая справка об этом важном южнославянском названии реки и местности в северной Хорватии. Почти каждой статье об историческом личном собственном имени, топониме и т. п. предшествует этимология как первая часть соответствующей статьи. На это обстоятельство хотелось бы обратить специальное внимание, поскольку после выхода в свет всего «Словаря» мы получим в руки своего рода историко-этимологический словарь избранной славянской ономастики, важность которого трудно переоценить.

Синтетический лингвистико-исторический характер таких словарных статей, при котором суждения об этимологии слова иногда высказываются независимо разными авторами и в первой и во второй части статьи или же — в разных статьях на близкую тему, порождает иногда противоречия. См. статью «*Czech*» (Урбанчик) и «*Czesi*» (Лер-Сплавинский), которые, повторяя одна другую в деталях, расходятся по некоторым вопросам происхождения названия чешского народа (т. I, стр. 285, 303); в статье «*Głomacz*» (автор — Налепа) говорится о праформе **golm-* (т. II, стр. 111); рядом, в статье «*Głomacze*» фактически то же название производится из праслав. **glum-* 'шутка' (Лер-Сплавинский). С другой стороны, необходимость синтетического исследования и в целом — необходимость словаря такого типа прекрасно демонстрируют статьи вроде «Днепровских порогов» с лингвистической частью Куриловича (т. I, стр. 349).

Отдельные этимологии вызывают возражения. Название реки Дон характеризуется как слово дакского или сарматского происхождения (т. I, стр. 372, Лер-Сплавинский), между тем как это, бесспорно, сарматское (древнеосетинское) слово с закономерным звукоизменением *don* < ир. *dānu-*. О дакском происхождении здесь не может быть речи, в отличие от случаев *Днепр*, *Днестр*, где происхождение из дакского (или менее точно — фракийского, как стоит в «Словаре») возможно. Центральноевропейские названия Дуная лат. *Danubis* (из кельтского), герм. **Dōnawj-* нельзя произвести из и.-е. **dheu-*, вопреки Лер-Сплавинскому (т. I, стр. 404). Несколько крупных неточностей можно отметить в статье Ч. Кудзиновского о финско-славянских языковых связях (т. II, стр. 58—60), где на одну доску ставятся в качестве следов индоевропейских влияний фин. *sata*, венг. *száz* 'сто' и фин. *vesi*, венг. *víz* 'вода', тогда как если название сотни действительно заимствовано финно-уграми из иранского, то название воды в финно-угорских языках едва ли может быть однозначно истолковано как индоевропейское заимствование. В той же статье замечена грубая опечатка: allemańskie (!) *veteen*; речь идет об иллативе фин. *veteen* 'в воду'. Частные замечания могут быть адресованы и авторам других статей. Мы приведем здесь еще одно из них, тем более что

оно относится к области комплексной, историко-лингвистической проблематики и может быть использовано в наблюдениях над внешней динамикой этногенеза. Г. Лябуда в статье «Chorwacja Biała, czyli Wielka» (т. I, стр. 255) высказывает мнение, что эпитет *Великий*, *Великая* в названии стран чаще всего обозначает старую, прежнюю область обитания народа. Справедливо как раз обратное: *Великий*, *Великая* обычно употребляется для обозначения вторично заселенных областей для отличия от названия метрополии, которая (в отдельных случаях) уже после этого приобретает под давлением возникшего парного противопоставления этитет *Малый*, *Малая*. Так объясняются названия *Великая Греция* — колонии на юге Италии и в Сицилии, *Великая Русь*, *Великороссия* — земли к северу и северо-востоку от собственной Руси (позднее получившей название *Малая Россия*, *Малороссия*), *Великопольша* — территории в основном к западу от среднего течения Вислы.

О. Н. Трубачев

G. V. Schulz. Studien zum Wortschatz der russischen Zimmerleute und Bautischler. Berlin—Wiesbaden, 1964 (=«Slavistische Veröffentlichungen», Bd 30), XVIII + 229 стр.

Книга представляет собой диссертацию, автор которой — ученик Фасмера. Г. В. Шульц подготовил свое исследование на основе большого материала, о чем говорит предпосылаемая диссертации обширная библиография. Вместе с тем автор отдает себе отчет — и, очевидно, не без основания — в предварительном характере данной своей публикации (стр. 2). Это объясняется скорее недостаточной разработанностью данной области в науке. С Шульцем можно вполне согласиться, когда он говорит, что исследование языка ремесленников, как и в целом — исследование русской профессиональной и сословной терминологии — до настоящего времени не пользовалось должным вниманием ни в семасиологии, ни в этимологии (стр. 1).

Автор имеет правильное представление о своем сложном предмете, поэтому и общие его оценки (касающиеся вопросов не только языка, но и культуры), и собранные им материалы бесспорно вызывают серьезный интерес. Говоря о древнем характере плотничного дела у русских, а также о том, что у славян первоначально строительство и архитектура почти тождественны плотничному ремеслу, Шульц делает логичный вывод о важности плотничьей лексики для народного языка именно у русских.

Помимо основной, лингвистической части, книга Г. В. Шульца о терминологии русских плотников содержит также очерк истории русского плотничества, о котором мы не можем говорить подробно в данной лингвистической аннотации. Автору, во всяком случае, известны некоторые важнейшие реально-семантические связи в старой славянской производственной лексике. Так, он специально указывает на происхождение русского термина *плотник* от лексики плетения, что находит объяснение в древней технике (стр. 22).

Анализ плотничьей терминологии в русском языке естественно распадается на анализ старых, славянских ее элементов, которые характеризуются автором довольно бегло, и анализ заимствований относительно недавнего времени, среди которых преобладают разнообразные факты влияния немецкого языка, несущие в ряде случаев следы польского посредства.

Бо́льшую часть работы (стр. 39—217) занимает раздел «Лексика (с объяснениями и попытками этимологизации) в алфавитном порядке» — своего рода этимологический словарь русской плотничьей терминологии. Этот раздел должен был заинтересовать нас больше всего. Автор говорит, что в отдельных случаях он предлагал новые этимологии слов (стр. 4). Но в огромном большинстве случаев он оставался верен точке зрения своего учителя. Зна-

комство с алфавитным словарем убеждает в том, что этимологизация сделана в соответствии со словарем Фасмера или нередко вообще исчерпывается ссылкой на него. Этот разумный принцип вызывает досаду лишь в тех примерах, когда повторяются также и ошибки Фасмера. Так, вслед за Фасмером в книге рассматривается *вéкша* 'блок' и *вéкша* 'белка' в качестве исконного слова (стр. 48), тогда как это — несомненное заимствование из финно-угорских языков.

Формально-лингвистический анализ в тех моментах, в которых он принадлежит самому Шульцу, обнаруживает подчас слабость. Так, едва ли вообще можно говорить об ассимиляции по звонкости *sv-* > *zv-*, которую автор предполагает в диал. (калуж.) *звиртúло*. Его объяснение данного слова из **свертило* (стр. 80) невозможно. Это южновеликорусское название небольшого сверла надо, вероятно, этимологизировать по-другому.

Не продолжая далее детальный разбор этимологий Шульца, мы хотели высказать общее замечание, касающееся всего словаря русской плотничьей терминологии и в какой-то мере всей книги Шульца. Автор достаточно учитывает фразеологию контекстов и семантику, но, как кажется, менее внимателен к словообразованию терминов. Вполне возможно, здесь сыграло свою роль изолирующее свойство словарной формы основной части исследования. Можно сказать, что в словообразовательном отношении исследуемые термины весьма разнообразны, хотя здесь преобладают активные, поздние модели. Во всяком случае общее между словами и их образованием было бы более очевидно и для исследователя и для читателей, если бы автор избрал другую форму изложения и анализа материала, группируя его по совокупностям и связям (как структурного, языкового плана, так и реального плана). Место алфавитного словаря терминов с их этимологиями мог с успехом занять в этом случае алфавитный индекс объясняемых слов. Нам кажется, что такое расположение материала диктуется соображениями методологии и спецификой самого материала.

Можно указать на отдельные пропуски слов. Так, в работе отсутствуют термины *кресло*, *кросно* в плотничьих значениях, нет слова *фанера*; есть термины *забор*, *дверь*, *окно*, *форточка*, но по непонятным причинам отсутствует близкое семантически и интересное по образованию слово *калитка*. В остальном справедливость требует отметить, что работа выполнена Шульцем добросовестно, и самый факт публикации подобного исследования заслуживает положительной оценки.

О. Н. Трубачев

«Sborník prací Filosofické fakulty Brněnské university», ročn. XIII, řada jazykovědná (A), č. 12. Brno, 1964, 270 стр.

Рецензируемый здесь кратко новый том трудов философского факультета университета в Брно представляется нам интересным в ряде отношений. Прежде всего этот сборник фактически посвящен члену-корреспонденту Чехословацкой Академии наук профессору Вацлаву Махеку, которому в 1964 г. исполнилось 70 лет. Этой значительной дате в истории индоевропейской и славянской этимологии и сравнительной грамматики посвящена небольшая юбилейная статья, написанная брненским лингвистом А. Эрхартом. Особенный интерес вызывает составленный тем же автором список печатных работ В. Махека (стр. 8—15 настоящего сборника), насчитывающий 337 названий и охватывающий публикации с начала научной деятельности В. Махека — 1922 г. — вплоть до 1964 г. Внушительные размеры этимологической работы выдающегося ученого наглядно явствуют из этого перечня. Кстати, замечательна та свежесть и интенсивность, которая характеризует постановку и разработку Махеком этимологических проблем вплоть до последних статей, опубликованных им уже после 1960 г. Здесь, бесспорно, интересны и ценны

исследования по литовской этимологии, напечатанные в немецком журнале по славянской филологии и в ленинградском сборнике в честь Ларина, затем различные статьи по исторической фонетике славянских языков и др.

Кроме этих биобиблиографических материалов, относящихся непосредственно к Махеку, мы выделим в настоящем сборнике ряд этимологических исследований различных авторов, в основном — брненских лингвистов. Е. Гавлова в статье «Славянское **vьrstva* и **vьrstь*, *vьrsta* (случай омонимии в славянском)» считает возможным отделить **vьrstva* как исконно сельскохозяйственный термин (<**vert-* 'поворачивать') от названия возраста, роста **vьrstь*, **vьrsta*, которое она признает родственным др.-инд. **vṛddhi-* 'рост' < и.-е. **verdh-* 'расти'. Работа Гавловой во многом напоминает характерные для Махека поиски следов двух или нескольких омонимов, слившихся в одном славянском слове. Г. Плевачова исследует слав. *živica* 'древесная смола' и стремится реабилитировать мысль о родстве этого названия со слов. **žiti* 'жить, заживать' ввиду целебности некоторых смол. Особенно интересна как методологически, так и фактически статья А. Матла «Мнимое древнерусское *вермие*», где терпеливо и убедительно распутывается клубок этимологических заблуждений, связанных с этим словом, сближавшимся, как известно, с индоевропейскими названиями *червя* и нашедшим доступ в ряд этимологических словарей. Контекст употребления этого редкого слова (*вермие дубное*), текстологические параллели из различных славянских литератур, где также говорится о пище св. Иоанна (например, *верщие дуба*, Азбуковники), приводят автора к логичному выводу, что речь здесь может идти только о случайной порче, неправильном чтении первоначального *вершие дубное*, т. е. 'верхушки, побеги дуба', примеров которого в церковнославянской литературе достаточно. Благодаря умелому использованию комплексного этимологического метода, контролируемого данными филологии и текстологии, А. Матл убедительно показывает фиктивность древнерусского *вермие*, а затем и украинского *вермяний*, за чем следует важное заключение: и.-е. **u̯ṛmi* 'червь' не оставило достоверных следов в славянском.

Несколько статей в томе посвящены ботанической терминологии, топонимии и общим лингвистическим проблемам. Статья уже упоминавшегося выше в иной связи А. Эрхарта трактует на широком индоевропейском фоне проблему глагольного носового инфикса в славянском. Сложные построения автора содержат ряд интересных моментов. Любопытны, в частности, наблюдения над прямо противоположной ролью глагольного инфигирования в балтийском и славянском.

О. Н. Трубачев

СОКРАЩЕНИЯ

Абаев	В. И. Абаев. Историко-этимологический словарь осетинского языка, т. I (А—К'). М.—Л., 1958.
Абаев. ОЯФ	В. И. Абаев. Осетинский язык и фольклор, I. М.—Л., 1949.
Горяев.	Н. Горяев. Этимологический словарь русского языка. Изд. 2. Тифлис, 1896.
Гринченко	Б. Д. Гринченко. Словарь украинского языка, I—IV. Киев, 1907—1909.
Даль	В. Даль. Толковый словарь живого великорусского языка, т. I—IV. Изд. 3. М., 1903.
Куликовский	Г. Куликовский. Словарь областного олонецкого наречия. СПб., 1898.
Мельниченко	Г. Г. Мельниченко. Краткий ярославский областной словарь. Ярославль, 1961.
Миртов	А. В. Миртов. Донской словарь. Материалы к изучению лексики донских казаков. Ростов-на-Дону, 1929.
Младенов	С. Младенов. Етимологически и правописен речник на българския книжовен език. София, 1941.
Опыт	Опыт областного великорусского словаря. СПб., 1852.
Подвысоцкий	А. И. Подвысоцкий. Словарь областного архангельского наречия в его бытовом и этнографическом применении. СПб., 1885.
Преображенский	А. Преображенский. Этимологический словарь русского языка, т. I—II. М., 1910—1914, окончание — «Труды ИРЯ», т. I. М., 1949.
Срезневский	И. И. Срезневский. Материалы для словаря древнерусского языка, т. I—III. СПб., 1893—1903.
Aasen	J. A. Aasen. Norsk Ordbog med dansk Forklaringr Kristiania, 1900.
Bartolomae	Chr. Bartolomae. Altiranisches Wörterbuch. Strassburg, 1904.
Berneker	E. Berneker. Slavisches etymologisches Wörterbuch. A-morъ. Heidelberg, 1907.
Boisacq	E. Boisacq. Dictionnaire étymologique de la langue grecque. Heidelberg, 1907.
Brückner	A. Brückner. Słownik etymologiczny języka polskiego. Kraków, 1927 (wyd. 2 — 1957).
Ernout—Meillet	A. Ernout, A. Meillet. Dictionnaire étymologique de la langue latine, t. I—II. 3 ed. Paris, 1951.
Feist	S. Feist. Vergleichendes Wörterbuch der gotischen Sprache. 3 Aufl. Leiden, 1939.
Fick	A. Fick. Vergleichendes Wörterbuch der indogermanischen Sprachen. 4 Aufl., Bd I—III. Göttingen, 1890, 1894, 1909.

Fraenkel	E. Fraenkel. Litauisches etymologisches Wörterbuch. Heidelberg—Göttingen, 1955.
Friedrich	J. Friedrich. Hethitisches Wörterbuch. Heidelberg, 1952—1954.
Frisk	Hj. Frisk. Griechisches etymologisches Wörterbuch. Heidelberg, 1954.
Grimm	J. Grimm und W. Grimm. Deutsches Wörterbuch. Leipzig, 1854.
Hofmann	I. B. Hofmann. Etymologisches Wörterbuch der griechischen Sprache. München, 1950.
Holthausen	F. Holthausen. Etymologisches Wörterbuch der englischen Sprache. 3 Aufl. Göttingen, 1949.
Iveković—Broz	I. Iveković, I. Broz. Rječnik hrvatskoga jezika. Zagreb, 1901.
Kluge—Götze	F. Kluge. Etymologisches Wörterbuch der deutschen Sprache. 15 neubearb. Aufl. von A. Götze. Berlin, 1951.
Linde	S. Linde. Słownik języka polskiego, t. I—VI. Lwów, 1854—1860.
Machek	V. Machek. Ftymologický slovník jazyka českého a slovenského. Praha, 1957.
Mayrhofer	M. Mayrhofer. Kurzgefasstes etymologisches Wörterbuch des Altindischen. Heidelberg, 1953.
Miklosich	F. Miklosich. Etymologisches Wörterbuch der slavischen Sprachen. Wien, 1886.
Pokorny	J. Pokorny. Indogermanisches etymologisches Wörterbuch. Bern, 1949—1959.
Rietz	J. E. Rietz. Svensk dialekt lexicon. Malmö, 1867.
Sławski	F. Sławski. Słownik etymologiczny języka polskiego, z. 1—9. Kraków, 1952—1964.
Trávn.	Fr. Trávníček a P. Vaša. Slovník jazyka českého. Praha, 1946.
Vasmer	M. Vasmer. Russisches etymologisches Wörterbuch, Bd I—III. Heidelberg, 1953—1958.
Walde	A. Walde. Lateinisches etymologisches Wörterbuch. 2 Aufl. Heidelberg, 1910.
Walde—Hofmann	A. Walde. Lateinisches etymologisches Wörterbuch. 3 neubearb. Aufl. von I. B. Hofmann. Heidelberg, 1938.
Walde—Pokorny	A. Walde. Vergleichendes Wörterbuch der indogermanischen Sprachen. 3 Bde., hrsg. J. Pokorny. Berlin—Leipzig, 1928—1932.

БЕ	Български език
ВСЯ	Вопросы славянского языкознания
ВЯ	Вопросы языкознания
ЖМНП	Журнал Министерства народного просвещения
Ж. Ст.	Живая старина
ИАН	Известия Академии наук
ИОРЯС	Известия Отделения русского языка и словесности Академии наук
КСИС	Краткие сообщения Института славяноведения АН СССР
МЯЯ	Материалы по яфетическому языкознанию
РФВ	Русский филологический вестник
Сб. ОРЯС	Сборник Отделения русского языка и словесности Академии наук
AGI	Archivio glottologico italiano

AfslPh	Archiv für slavische Philologie
AJA	American Journal of Archeology
AJPh	American Journal of Philology
ALH	Acta Linguistica Academiae Scientiarum Hungaricae
AO	Archiv Orientální
AOH	Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae
Archiv	Archiv für das Studium der neueren Sprachen und Literaturen
BNF	Beiträge zur Namenforschung
BPTJ	Biuletyn Polskiego Towaszystwa Językoznawczego
BSL	Bulletin de la Société de linguistique de Paris
BSOAS	Bulletin of the School of Oriental and African Studies
EETS	Publications of the early English Text Society
IJAL	International Journal of American Linguistics
JA	Journal Asiatique
JCS	Journal of Cuineform Studies
JEGPh	Journal of Englisch and Germanic Philology
JP	Język polski
KZ	Zeitschrift für vergleichende Sprachforschung auf dem Gebiete der indogermanischen Sprachen
LB	Linguistique Balkanique
LF	Listy Filologické
MIO	Mitteilungen des Institutes für Orientforschung
MSL	Mémoires de la Société de Linguistique de Paris
PF	Prace Filologiczne
PSJČ	Příruční slovník jazyka českého, t. I—IV. Praha, 1935—1948.
PSS	Publications of the Surtles Society
RÉS	Revue des Études Slaves
RHA	Revue Hittite et Asianique
RJA	Rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika, d. I—XVIII. Zagreb, 1880—1963.
RO	Rocznik Orientalistyczny
Romania	Romania. Recueil trimestriel consacré à l'étude des langues et des littératures romanes
TPhS	Transactions of the Philological Society
UAJb	Ural-Altaische Jahrbücher
WZKM	Wiener Zeitschrift für die Kunde des Morgenlandes
ZfceltPh	Zeitschrift für celtische Philologie
ZDMG	Zeitschrift der deutschen Morgenländischen Gesellschaft
ZfdMd	Zeitschrift für deutsche Mundartenforschung
ZfdA	Zeitschrift für deutsches Altertum
ZfdWf	Zeitschrift für deutsche Wortforschung
ZfPh	Zeitschrift für Phonetik und allgemeine Sprachwissenschaft
ZfromPh	Zeitschrift für romanische Philologie
ZfslPh	Zeitschrift für slavische Philologie
ZII	Zeitschrift für Indologie und Iranistik

абаз.	абазинский	австр.	австрийский
абхаз.	абхазский	австрал.	австралийский
абхаз.-абаз.	абхазско-абазинский	агульск.	агульский
абхаз.-адыг.	абхазо-адыгский	адыг.	адыгский
авар.	аварский	адыгейск.	адыгейский
авест.	авестийский	аккад.	аккадский

алб.	албанский
алеман.	алеманский
алт.	алтайский
анат.	анатолийский
ангас.	ангасский
англ.	английский
англос.	англосаксонский
андийск.	андийский
ар.	аринский
араб.	арабский
арм.	армянский
арчин.	арчинский
асс.	ассанский
афг.	афганский
бавар.	баварский
балт.	балтийский
бартанг.	бартангский
баск.	баскский
бахт.	бахтинский
бацб.	бацбийский
белудж.	белуджский
бербер.	берберский
блр.	белорусский
болг.	болгарский
брет.	бретонский
бурш.	бурушаски
вавил.	вавилонский
вахан.	ваханский
венг.	венгерский
венец.	венецианский
вершик.	вершикское
вестфальск.	вестфальский
в.-луж.	верхнелужицкий
вост.-балт.	восточнобалтийский
вост.-ир.	восточноиранский
вост.-фриз.	восточнофризский
вост.-чеш.	восточночешский
галльск.	галльский
гаск.	гасконский
гаэльск.	гаэльский
герм.	германский
гессенск.	гессенский
голл.	голландский
гот.	готский
греч.	греческий
груз.	грузинский
гунз.	гунзибский
гурийск.	гурийский
дагур.	дагурский
даргин.	даргинский
дат.	датский
дигор.	дигорский
догреч.	догреческий
до-и.-е.	доиндоевропейский
драв.	дравидский
др.-англ.	древнеанглийский
др.-баск.	древнебаскский
др.-болг.	древнеболгарский
др.-в.-нем.	древневерхненемецкий
др.-евр.	древнееврейский
др.-егип.	древнеегипетский
др.-инд.	древнеиндийский
др.-ир.	древнеиранский
др.-ирл.	древнеирландский
др.-исл.	древнеисландский
др.-лит.	древнелитовский
др.-перс.	древнеперсидский
др.-польск.	древнепольский
др.-прусск.	древнепрусский
др.-русск.	древнерусский
др.-сакс.	древнесаксонский
др.-сев.	древнесеверный
др.-серб.	древнесербский
др.-с.-хорв.	древнесербохорватский
др.-тюрк.	древнетюркский
др.-франц.	древнефранцузский
др.-чеш.	древнечешский
егип.	египетский
елог.	елогуйский
енис.	енисейский
жем.	жемайтский
занск.	занский
зап.-слав.	западнославянский
и.-е.	индоевропейский
йидга-мундж.	йидга-мунджанский
иллир.	иллирийский
имб.	имбатский
ингуш.	ингушский
инд.	индийский
индо-иран.	индоиранский
ир.	иранский
ирл.	ирландский
исавр.	исаврский
исл.	исландский
исп.	испанский
ит.	итальянский
ишкашим.	ишкашимский
каб.	кабардинский
калм.	калмыкский
камас.	камасинский
кар.	карийский
капп.	каппадокийский
карагас.	карагасинский
каракалп.	каракалпакский
картв.	картвельский
катал.	каталанский
кашуб.	кашубский
кельто-итал.	кельто-италийский
кетск.	кетский
килик.	киликийский
кимр.	кимрский
киргиз.	киргизский
кит.	китайский
койб.	койбальский
коми-сысольск.	коми-сысольский

корейск.	корейский
кот.	котский
крит.	критский
кубач.	кубачинский
кур.	курейский
курд.	курдский
кушит.	кушитский
лакск.	лакский
лат.	латинский
лезгин.	лезгинский
лид.	лидийский
лик.	ликийский
лит.	литовский
лкн.	ликаонский
лтш.	латышский
лув.	лувийский
люцерн.	люцернский
м.-аз.	малоазийский
манс.	мансийский
маньчж.	маньчжурский
мар.	марийский
мегрел.	мегрельский
миз.	мизийский
мишарск.	мишарский
младоавест.	младоавестийский
мокшанск.	мокшанский
монг.	монгольский
морд.	мордовский
мотор.	моторский
мунджж.	мунджанский
нанайск.	нанайский
нах.-даг.	нахско-дагестанский
н.-в.нем.	нововерхненемецкий
нган.	нганасанский
н.-греч.	новогреческий
нем.	немецкий
нен.	ненецкий
нерчинск.	нерчинский
н.-алеманск.	нижнеалеманский
н.-нем.	нижненемецкий
н.-луж.	нижнелужицкий
норв.	норвежский
н.-перс.	новоперсидский
н.-тур.	новотурецкий
нэпск.	нэпский
огуз.	огузский
орд.	ордосский
орок.	орокский
орошор.	орошорский
осет.	осетинский
ост.	остяцкий
перс.	персидский
пехл.	пехлевийский
писид.	писидийский
полаб.	полабский
польск.	польский
прасев.-кавк.	прасевернокавказский
праслав.	праславянский
приб.-фин.	прибалтийско-финский
прованс.	провансальский
пумп.	пумпокольский
рейнск.	рейнский
рум.	румынский
русск.	русский
рушан.	рушанский
саам.	саамский
сак.	сакский
самод.	самодийский
сарыкольск.	сарыкольский
сван.	сванский
сев.-англ.	северноанглийский
сев.-драв.	севернодравидский
сев.-кор.	севернокорейский
селькуп.	селькупский
сем.	семитский
скиф.	скифский
слав.	славянский
слвц.	словацкий
словен.	словенский
словин.	словинский
согд.	согдийский
ср.-греч.	среднегреческий
ср.-ирл.	среднеирландский
ср.-монг.	среднемонгольский
ср.-нидерл.	средненидерландский
ср.-н.-нем.	средненижненемецкий
ср.-перс.	среднеперсидский
ср.-тур.	среднетурецкий
ср.-тюрк.	среднетюркский
ст.-беарнск.	старобеарнский
ст.-польск.	старопольский
ст.-слав.	старославянский
ст.-франц.	старофранцузский
ст.-чеш.	старочешский
с.-х.	семитохамитский
с.-хорв.	сербско-хорватский
сым.	сымский
табас.	табасаранский
татар.	татарский
тибет.	тибетский
тирольск.	тирольский
тобольск.	тобольский
тохар.	тохарский
туарег.	туарегский
тувин.	тувинский
тунг.	тунгусский
тур.	турецкий
туркмен.	туркменский
тюрк.	тюркский
тюринг.	тюрингский
убых.	убыхский
угор.	угорский
удмурт.	удмуртский
удэйск.	удэйский
уйгур.	уйгурский
укр.	украинский
ульч.	ульчский

урал.	уральский
фин.	финский
финикийск.	финикийский
франц.	французский
фриг.	фригийский
хант.	хантыйский
хетт.	хеттский
хетт.-лув.	хетто-лувийский
хорезм.	хорезмийский
хотансак.	хотансакский
центр.-драв.	центральнодравидский
ц.-слав.	церковнославянский
чад.	чадский
чакав.	чакавский
чан.	чанский
чечен.	чеченский
чечен.-ингуш.	чечено-ингушский
чеш.	чешский
чуваш.	чувашский
швабск.	швабский
швед.	шведский
швейц.	швейцарский
шорск.	шорский
шотл.	шотландский
шугн.	шугнанский
эвенк.	эвенкийский
эд.	эдтшешский
элам.	эламский
эльзасск.	эльзасский
юж.-араб.	южноарабский
юж.-драв.	южнодравидский
ютланд.	ютландский
ягн.	ягнобский
язг.	язгулямский
якут.	якутский

СОДЕРЖАНИЕ

СТАТЬИ

О. Н. Трубачев. Из славяно-иранских лексических отношений 3
Ж. Ж. Варбот. О некоторых характеристиках суффиксального именного отглагольного словообразования в праславянском языке (на материале древнерусского языка) 82
Ж. Ж. Варбот. Морфонологический анализ древнерусских корневых имен существительных, соотносительных с глаголами . . . 123
Л. В. Куркина. О типах отношений основ на *-i-* и *-nǫ-* в славянских языках 140
В. А. Меркулова. Несколько диалектных названий растений 153
В. В. Виноградов. Историко-этимологические заметки. III 161
В. В. Веселитский. История раннего литературного употребления слова *факт* 177
Л. В. Куркина. *Варакать* 184
А. С. Львов. Из лексикологических наблюдений 189
С. Стаховский (Краков). Турцизмы в словаре Я. Микали . . . 196
Л. А. Гиндин. Догреческо-малоазийские лексико-ономастические отношения 211
В. В. Шеворошкин. Этимологические заметки 229
И. Хубшмид (Берн). Методы исследования дороманского и средиземноморского субстрата 235
М. М. Маковский. Германские ареальные параллели в свете этимологии 248
М. В. Раевский. К этимологии немецкого прилагательного *gesund* 264
С. Видлак (Краков). Проблема эвфемизма на фоне теории языкового поля 267
В. И. Абаев. К этимологии древнеперсидских имен *Kuruš*, *Ka^{m}bujiya*, *Čišpiš* 286
Г. А. Климов. Абхазско-адыгские этимологии. I (исконный фонд) 296
Г. А. Климов. Заимствованные числительные в общекартвельском 307

В. Н. Топоров. Из этимологии енисейских языков (К вопросу об одном ряде соответствий пумпокольскому *t*) 311

В. М. Иллич-Свитыч. Материалы к сравнительному словарюностратических языков (индоевропейский, алтайский, уральский, дравидский, картвельский, семитохамитский) 321

КРИТИКО-БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ ОТДЕЛ

«Deutsche Wortforschung in europäischen Bezügen. Untersuchungen zum Deutschen Wortatlas», hrsg. von L. E. Schmitt, Bd I—III (*М. М. Маковский*) 374

H. Kronasser. Etymologie der hethitischen Sprache. Lief 1. Zur Schreibung und Lautung des Hethitischen; Lief. 2—3. Wortbildung des Hethitischen (*В. В. Шевороškин*) 378

F. Sławski. Słownik etymologiczny języka polskiego, t. II, zesz. 4(9): *kokornak—kooperacja* (*О. Н. Трубачев*) 380

Вл. Георгиев, Ив. Гълъбов, Й. Заимов, Ст. Илчев. Български етимологичен речник, свезка III (*владика — гиврътна*) (*О. Н. Трубачев*) 381

J. B. Rudnyćkyj. An etymological dictionary of the Ukrainian language, part 1—3 (*О. Н. Трубачев*) 382

«Základní všeslovanská slovní zásoba». Ústav jazyků a literatur ČSAV, Etymologické pracoviště v Brně (*О. Н. Трубачев*) . . . 384

L. Sadnik, B. Aitzetmüller. Vergleichendes Wörterbuch der slavischen Sprachen, Lief. 2 (*О. Н. Трубачев*) 385

«Słownik starożytności słowiańskich», pod red. W. Kowalenki. G. Labudy, T. Lehra-Spławińskiego, t. I, cz. 2 (*С—Е*); t. II, cz. 1 (*F—H*) (*О. Н. Трубачев*) 386

G. V. Schulz. Studien zum Wortschatz der russischen Zimmerleute und Bautischler (*О. Н. Трубачев*) 388

«Sborník prací Filosofické fakulty Brněnské university», ročn. XIII, řada jazykovědná (A), č. 12 (*О. Н. Трубачев*) 389

Сокращения 391

CONTENTS

Articles: O. N. Trubačev. From the Slavonic-Iranian lexical relations; J. J. Varbot. On some characteristics of suffixal nominal deverbative word-formation in Proto-Slavonic (based on the materials of Old Russian); J. J. Varbot. Morphological analysis of Old Russian root-nouns correlative with verbs; L. V. Kurkina. Types of relations of stems in *-i* and *-nǫ-* in the Slavonic languages; V. A. Merkulova. Some dialectal plant-names; V. V. Vinogradov. Historical-etymological notes III; V. V. Veselitskij. The history of early literary use of the word *факт*;

L. V. K u r k i n a. *Вракать*; A. S. L v o v. From lexicographical observations. 1.On the etymology Of Old Slavonic кѹмиръ, -рь. 2. Once more on the etymology of *очень*; S. S t a c h o w s k i (Cracow). Turcisms in the vocabulary of J. Mikalja; L. A. G i n d i n. Lexico-onomastic relations between Proto-Greek and Asia minor languages; V. V. Š e v o r o š k i n. Etymological notes; J. H u b s c h m i d (Bern). Research-methods of Pre-Romance and Mediterranean substratum; M. M. M a k o v s k i j. Germanic areal parallels in the light of etymology; M. V. R a e v s k i j. On the etymology of the German adjective *gesund*; S. W i d ł a k (Cracow). The problem of euphemism in the light of the linguistic-field theory; V. I. A b a e v. On the etymology of Old Persian names *Kuruš*, *Kambujiya*, *Čišpis*; G. A. K l i m o v. Caucasian etymologies. I. Abkhaz-adygh vocabulary parallels; G. A. K l i m o v. Loan-numerals in Common Cartvelian; V. N. T o p o r o v. From the etymology of Yenisean languages (on the problem of a certain row of correspondences to Pum-pokol *t*); V. M. I l l i č - S v i t i č. Materials for a comparative vocabulary of Nostratic languages (Indo-European, Altaic, Uralian, Dravidian, Kartvelian, Semito-Chamite); C r i t i c s a n d b i b l i o g r a p h y.

ЭТИМОЛОГИЯ. 1965

(Материалы и исследования
по индоевропейским и другим языкам)

Утверждено к печати
Институтом русского языка
Академии наук СССР

Редактор издательства *М. С. Кожухова*
Технический редактор *В. И. Зудина*

Сдано в набор 7/VII 1966 г. Подписано к печати 28/VII 1967 г.
Формат 60 × 90¹/₁₆. Бумага № 2. Усл. печ. л. 25.
Уч.-изд. л. 26,3. Тираж 3000. Тип. зак. 1075. Т-09995.
Цена 1 р. 68 к.

Издательство «Наука»
Москва, К-62, Подсосенский пер., 21

1-я типография издательства «Наука»
Ленинград, В-34, 9 линия, дом 12.